

ОСНОВЫ ИСТИННОЙ НАУКИ.

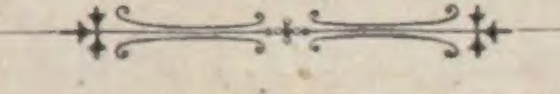
Книга II-я.

СОСТАВЪ

ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО СУЩЕСТВА;

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ.

И. А. Карышева.

С.-Петербургъ.
Паровая Скоропечатня и Литографія „Надежда", Литейный пр., д. № 49.
1895.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

1) **Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію Св. Православной церкви.** Цѣна 1 р. 25 к.

2) **Православно-христіанскій взглядъ** на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочиненіи „Въ чемъ моя вѣра“. Цѣна 60 к.

3) **Основы истинной науки.** Книга I-я. **Богъ неопровержимъ наукой.** Цѣна 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Паровой Скоропечатни „Надежда“, Литейный пр., № 49.

въ Москвѣ, въ конторѣ типографіи Кушнерева и К°. Пименовская улица, собственный домъ.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Г.г. иногородніе подписчики, увѣдомивъ склады простымъ письмомъ о желаніи имѣть книги, получаютъ ихъ наложнымъ платежемъ черезъ почтовыя конторы и за пересылку ничего не платятъ.

ОСНОВЫ ИСТИННОЙ НАУКИ.

Книга II-я.

СОСТАВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО СУЩЕСТВА; ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

И. А. Карышева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая Скоропечатня и Литографія „Надежда“. Литейный, 49.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15-го iюня 1895 г.

Глава I.

Отвлеченный элементъ человѣка.

Чтобы имѣть возможность жить и проявлять свою дѣятельность на землѣ, человѣкъ необходимо долженъ имѣть матеріальное тѣло, состоящее изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ сама земля, всѣ минералы и всѣ твари, на ней находящіяся.

Появившись на землѣ безъ памяти прошлаго, мы такъ привыкаемъ къ своему тѣлу, оно дѣлается такой насущной необходимостью нашего существа, что мы лишаемся возможности представлять себѣ „самого себя“ безъ этого тѣла. Съ нимъ непосредственно, совершенно машинально, связываемъ мы все свое земное существованіе, всѣ ощущенія и всѣ рѣшительно представленія о своемъ „я“. Мало того, это тѣло въ нашихъ представленіяхъ о себѣ становится нами самими и нашимъ настоящимъ „я“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякій изъ насъ очень хорошо знаетъ, что это тѣло, когда наше „я“ его оставитъ при смерти, превращается не болѣе какъ въ трупъ, т. е. въ кусокъ обыкновенной, бездушной, органической матеріи, который, подчиняясь общимъ физическимъ законамъ, какъ всякое органическое вещество, разлагаясь на составныя части, превращается въ землю, тогда какъ наше „я“ послѣ смерти тѣла остается неприкосновеннымъ, неразрушимымъ и свободнымъ.

Есть люди, утверждающіе, что признаютъ свое небытіе за гробомъ. Они полагаютъ, что будто бы наше „я“ уничтожается съ разрушеніемъ тѣла, и все, что въ насъ чувствовало, сознавало и мыслило, уничтожается безслѣдно. Они говорятъ, что имъ легче представить себя уничтоженнымъ за гробомъ, чѣмъ

представить свою личность и свое „я“ продолжающимъ дальнѣйшее свое существованіе до безконечности; — но не заблужденіе ли это?

По крайней мѣрѣ, всѣ философы, которые самымъ тщательнымъ образомъ анализировали и изучали человѣческое представленіе идеи о небытіи за гробомъ, приходили къ убѣжденію, что подобное представленіе совершенно не мыслимо и что въ самомъ корнѣ его кроется великая нелогичность и полнѣйшее непониманіе идеи о самомъ себѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ человѣкъ представить себѣ небытіе своего „я“, т. е. своего личнаго пониманія и ощущенія себя самого? Ибо, когда онъ думаетъ, что представляетъ себя не существующимъ, то что же въ сущности онъ себѣ представляетъ, какъ не самого себя? И представляетъ онъ себя, конечно, такимъ точно, какимъ онъ въ дѣйствительности есть, и иначе онъ себѣ „себя самого“ представить не можетъ, т. е. онъ непремѣнно долженъ „себя“ представить существующимъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ себѣ представить „себя“ несуществующимъ — ибо въ такомъ случаѣ ему пришлось бы представить что нибудь другое, но никакъ не „себя“ и не свое существующее „я“. Что же именно другое долженъ онъ себѣ представить? Онъ и самъ этого не знаетъ. Это вопросъ неразрѣшимый ни умомъ, ни чувствами; сама природа наша противится такому представленію; разумъ возстаетъ и опрокидываетъ всю мнимую идею небытія, дѣлая весь дальнѣйшій ходъ логическаго мышленія въ этомъ направленіи невозможнымъ.

Не гораздо ли проще не извращать естественнаго хода мышленія и не представлять себѣ того, что логически нельзя допустить и черезъ это не насиловать своего воображенія вопреки здраваго смысла? Если человѣкъ не въ состояніи ни черезъ посредство своихъ чувствъ, ни черезъ свой разумъ и логику допустить свое небытіе за гробомъ, то, ясно, онъ волей и неволей принужденъ себѣ представить „себя“ существующимъ. Другого логическаго исхода нѣтъ. Что можетъ быть естественнѣе и логичнѣе умозаключить, что если мы чему нибудь не можемъ допустить конца, то должны признать это „нѣчто“ безконечно существующимъ?

Надо удивляться, но факты на лицо, что этотъ строгій и непогрѣшимый выводъ здраваго разума находитъ всегда себѣ подтвержденіе въ нашемъ сознаніи лишь отчасти; у кого больше, у кого меньше, но у всѣхъ смутно и неопредѣленно.

Нельзя не замѣтить этой весьма типичной черты изъ жизни человѣка на землѣ, которая проявляется, за весьма рѣдкими

исключеніями, почти у всѣхъ людей. Они никогда не даютъ себѣ правильнаго отчета въ ощущаемыхъ и сознаваемыхъ ими впечатлѣніяхъ и положительно люди не въ состояніи анализировать себя безпристрастно.

Это непониманіе себя замѣчается не въ одномъ вопросѣ о бытіи или небытіи за гробомъ, но и во всѣхъ вопросахъ, въ которыхъ сталкивается отвлеченный элементъ человѣка съ матеріальнымъ.

Замѣтьте, напримѣръ, что въ большинствѣ случаевъ всѣ люди, какъ тѣ, которые вѣруютъ въ загробное существованіе и безсмертіе души, такъ и признающіе небытіе за гробомъ — всегда весьма смутно выясняютъ себѣ вопросъ о томъ, къ чему должны они относить сознаніе своего „я“ — къ душѣ или къ тѣлу?

Люди, признающіе небытіе, не допускающіе никакого отвлеченнаго элемента ни въ мірѣ, ни въ строеніи человѣческаго существа, слѣдуя логическимъ путемъ мышленія отъ невѣрно принятыхъ ими исходныхъ точекъ, должны неминуемо относить сознаніе своего „я“ всецѣло къ своему тѣлу; но у нихъ остается невыясненнымъ: откуда берется само сознаніе? Они считаютъ, что чувства передаются нервами, — разумъ, и мысль есть отправленіе мозга, однимъ словомъ — всякое проявленіе человѣческихъ способностей имѣетъ въ тѣлѣ человѣка свой спеціальный органъ, но сознаніе — имѣетъ ли оно свой спеціальный органъ въ человѣческомъ организмѣ, черезъ который оно могло бы свободно проявляться? При полномъ желаніи матеріалистовъ отыскать такой органъ въ тѣлѣ человѣка, это имъ никогда не удавалось, а потому у нихъ вопросъ о томъ, что такое сознаніе, гдѣ его резиденція, какъ проявляется оно, остается постоянно открытымъ.

Люди, признающіе въ себѣ душу, должны бы были относить всецѣло къ ней все сознаніе своего „я“. Они признаютъ, что когда ихъ „я“ покинетъ тѣло, то тѣло превращается въ трупъ, а ихъ „я“, не измѣненное этой метаморфозой, въ полномъ своемъ составѣ дѣлается свободнымъ. Анализируя это свое допущеніе, они должны безспорно признать все независимое положеніе жизни души отъ жизни тѣла и, наоборотъ, жизни тѣла отъ жизни души, ибо оба эти элемента имѣютъ совершенно разную природу: душа есть отвлеченность, это духъ, не имѣющій ничего матеріальнаго; тѣло же наше есть вещество, не имѣющее ничего духовнаго, и потому и отправленіе одного изъ этихъ элементовъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть смѣшиваемо съ отправленіями другого. Матерія можетъ

производить только матерію, но ничего духовнаго; сознаніе же нашего „я" не имѣетъ ничего матеріальнаго, а потому оно не можетъ быть жизненнымъ продуктомъ вещества и, ясно, должно быть сопричислено къ отправленіямъ нашей души. На этомъ логическомъ и вѣрномъ выводѣ слѣдовало бы остановиться и принять его за безошибочный исходный пунктъ логическаго мышленія. Но слишкомъ опредѣленное ощущеніе тѣла во всѣхъ проявленіяхъ нашей органической жизни и та первенствующая роль, которая выпадаетъ на его долю во всѣхъ нашихъ ощущеніяхъ, какъ бы протестуютъ противъ выводовъ разума и заставляютъ насъ совершенно непроизвольно полагать, что отчасти, или по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ, не можетъ наше „я" не относиться къ нашему тѣлу.

Для людей же, которые предполагаютъ, что ихъ „я" иногда относится къ душѣ, а иногда къ тѣлу, вопросъ объ отношеніяхъ тѣла къ душѣ и о распредѣленіяхъ жизненныхъ функцій между ними чрезвычайно усложненъ, и это обстоятельство не можетъ не породить множества неясностей въ представленіяхъ ихъ собственнаго внутренняго міра. Они невольно спрашиваютъ себя: какія ощущенія и жизненныя проявленія должно относить къ тѣлу и какія къ душѣ? Гдѣ кончаются функціи тѣла и гдѣ начинаются функціи души, т. е. какая грань раздѣлаетъ ихъ? Что играетъ главную роль въ жизни человѣка на землѣ—душа или тѣло? И какъ слѣдствіе этихъ вопросовъ, касающихся прямо природы ихъ существа или организаціи, являются другіе, затрогивающіе форму и образъ ихъ жизни на землѣ, и они опять въ недоумѣніи спрашиваютъ себя: что же надо больше культивировать въ себѣ—тѣло или душу? Подчинять ли душу требованіямъ тѣла, или, наоборотъ, тѣло требованіямъ души? Слѣдовать ли нѣкоторымъ аскетическимъ вѣроученіямъ, требующимъ, путемъ изнуренія своего тѣла, вызывать его подчиненіе душѣ, или, слѣдуя древнимъ философамъ, воспитывать и беречь тѣло, такъ какъ будто бы въ здоровомъ тѣлѣ должна быть здоровая душа?

Вообще говоря, ни одна наука не дается человѣку съ такимъ трудомъ, какъ наука о самомъ себѣ и ничто не кажется ему такъ загадочнымъ, какъ онъ самъ.

Не слѣдуетъ однако удивляться, что человѣкъ, живя на землѣ въ своемъ грубомъ и вещественномъ тѣлѣ, не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ природѣ своихъ ощущеній и проявленій жизненной дѣятельности. Они, дѣйствительно, чрезвычайно сложны и разнохарактерны, а способности человѣка слишкомъ ограничены и вполнѣ недостаточны, чтобы помочь ему изучить

самого себя; кромѣ того человѣкъ самъ не сознаетъ съ одинаковой отчетливостью всѣхъ впечатлѣній, ощущеній, отправленій и потребностей своего существа. Сознаніе ощущеній болѣе сильныхъ и интензивныхъ всегда затемнятъ, а иногда совсѣмъ стушевываетъ сознаніе ощущеній болѣе слабыхъ. Въ большинствѣ случаевъ сознаніе своей органической жизни тѣла и дѣятельность разума, направленная къ удовлетворенію житейскихъ потребностей и заботъ, проявляютъ наибольшую силу и давленіе на его существо, что всегда ослабляетъ, а иногда и совсѣмъ уничтожаетъ все сознаніе его внутренней духовной жизни. Чѣмъ сильнѣе проявляются и напрягаются человѣкомъ жизненныя или органическія силы, чѣмъ болѣе онъ озабоченъ житейскими нуждами или матеріальнымъ своимъ обезпеченіемъ, чѣмъ сильнѣе напрягаетъ онъ свой разумъ для разрѣшенія вопросовъ своего земного благосостоянія и своего личнаго довольства, тѣмъ болѣе затемняется въ немъ сознаніе отвлеченнаго духовнаго міра, какъ того, который находится въ немъ самомъ, такъ и того, который проникаетъ всю вселенную и служитъ основой всего существующаго въ природѣ.

Это совершенно такъ же, какъ свѣтъ солнца днемъ скрываетъ отъ нашего взора свѣтъ луны и звѣздъ; но стоитъ солнцу вечеромъ начать уменьшать силу своего свѣта, и мало-по-малу станутъ появляться на небѣ звѣзды одна за другой, пока не загорится все небо. Свѣтъ звѣздъ, на темномъ небосклонѣ, не похожъ на солнечный свѣтъ, онъ имѣетъ совершенно другой видъ и свойства, однако обратите вниманіе, какъ ярко онѣ для насъ горятъ въ темную ночь; какъ отчетливо мы видимъ каждую порознь и каждую съ самостоятельнымъ цвѣтомъ, а вѣдь днемъ онѣ совершенно не были намъ видны.

Человѣку, желающему увидать свой внутренній и духовный міръ сіяющимъ и блестящимъ и посредствомъ этого убѣдиться, что, кромѣ видимыхъ жизненныхъ потребностей и органическихъ отправленій, въ немъ есть нѣчто другое, невидимое, высшее, болѣе чистое и святое—нельзя посовѣтывать производить изслѣдованія себя въ то время, когда органическая и жизненная дѣятельность находится въ полномъ разгарѣ и напряженіи, или когда дѣятельность разума поглотила все его существо житейскими или научными заботами.

Не время начинать въ себѣ поиски своего духовнаго элемента за какимъ нибудь лукулловскимъ обѣдомъ при многочисленномъ обществѣ, разгоряченномъ виномъ и праздными рѣчами, или во время ученыхъ диспутовъ, или въ разгарѣ бала, или медоваго мѣсяца. На все долженъ человѣкъ отводить осо-

бое время, и тѣмъ болѣе это мудрое правило должно относиться къ проявленію въ человѣкѣ духовной стороны его существа, требующей извѣстной подготовки и исполненія нѣкоторыхъ условій, касающихся обѣихъ природъ, заключающихся въ человѣкѣ, какъ отвлеченной, такъ и матеріальной.

Для анализа духовнаго своего элемента лучшее время наступаетъ тогда, когда дѣятельность нашихъ умственныхъ и органическихъ силъ нѣсколько понижена; когда солнце нашей ежедневной жизни умѣряетъ силу своихъ лучей, а это случается часто:

1) Всякій день вечеромъ, когда жизненныя силы истощены, разумъ усталъ отъ дневной работы, и человѣкъ чувствуетъ потребность, отдохнуть сосредоточиться, свести итоги дня и набраться новыхъ духовныхъ и физическихъ силъ для дальнѣйшей работы.

2) Во время болѣзней наиболѣе ясныя ощущенія внутренней жизни получаетъ всякій, какъ слѣдствіе сильныхъ и продолжительныхъ страданій.

3) Подъ старость, когда весь организмъ расшатанъ и отказывается служить, но душа бодра, крѣпка и мысли свѣжи.

4) При сильныхъ житейскихъ неудачахъ и постигшихъ человѣка несчастіяхъ, когда, послѣ чрезмѣрной напряженности умственныхъ силъ, является безнадежное состояніе апатіи, при которомъ разумъ ослабѣваетъ и начинаетъ сознавать свое безсиліе.

5) Лучше всего предъявляетъ наша внутренняя природа свои права у одра умирающаго близкаго намъ человѣка, или при сознаніи своей собственной близкой смерти. Въ эти минуты, когда передъ нашими глазами совершается страшное таинство смерти, мы всецѣло поглощаемся могущественнымъ вліяніемъ, производимымъ имъ, какъ на самого умирающаго, такъ и на всѣхъ присутствующихъ, окружающихъ его лицъ. Это впечатлѣніе стушевываетъ и затемняетъ всѣ остальныя, какъ житейскія, такъ и органическія, и нашъ духовный элементъ блеститъ передъ нами, какъ яркая звѣздочка на темномъ небосклонѣ, такъ свѣтло и опредѣленно, что исчезаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что не послѣдуетъ наше „я" за тѣмъ бреннымъ останкомъ, который сдѣлается скоро достояніемъ земли.

Но пріобрѣтаемая опытомъ жизни увѣренность въ духовную жизнь принимается разными лицами совершенно разно, а именно:

1) Есть люди, которые прямо избѣгаютъ анализа своего внутренняго духовнаго міра и вообще всѣхъ разговоровъ и

напоминаній о смерти. На нихъ нападаетъ какой то безотчетный паническій страхъ и какой то трепетъ, какъ передъ чѣмъ нибудь необъятнымъ, сверхъестественнымъ, противнымъ природѣ ихъ существа. Одни сравниваютъ это чувство съ чувствомъ безотрадной и безъисходной пустоты; другіе съ ощущеніемъ, когда человѣкъ теряетъ почву подъ ногами; третьи говорятъ, что это чувство похоже на головокруженіе или обморокъ, при которомъ человѣкъ не теряетъ полнаго сознанія, но всѣ ощущенія переходятъ въ тяжелый и удручающій кошмаръ, при которомъ человѣкъ представляетъ себя летящимъ внизъ въ безпредѣльную бездну. Всѣ эти ощущенія, конечно, нестерпимы уже сами по себѣ, но, кромѣ того, они доводятъ человѣка до такого состоянія или настроенія, при которомъ онъ не можетъ заниматься житейскими дѣлами. Поэтому люди эти всѣми силами отгоняютъ отъ себя всякое воспоминаніе о смерти, стараются развлекаться или еще съ большею ревностью погрузиться въ водоворотъ обыденной жизненной дѣятельности. Но благоразумно ли они поступаютъ? Если одно воспоминаніе о смерти уже леденитъ человѣка до мозга костей, то какова же будетъ дѣйствительность; вѣдь смерти они избѣгнуть не могутъ, что же будетъ тогда? Какую будущность они сами себѣ готовятъ? Всякій маломальски практически развитой умъ, сопоставляя условія своихъ личныхъ выгодъ и невыгодъ настоящихъ въ связи съ будущими, пойметъ, что сойти за гробъ человѣку, къ тому неподговленному, не можетъ составить его разсчета, ибо жертвовать безконечной жизнью для временной безразсудно. Убійственнѣе всего, когда эта особенность характера встрѣчается между вѣрующими людьми и исповѣдующими свою религію. Эти люди должны считать себя въ высшей степени несчастными.

2) Безспорно, что значительное большинство вѣритъ въ Бога и въ загробную жизнь. Исповѣдуя свою религію, люди научаются ощущать въ себѣ свой духовный элементъ. Многіе изъ нихъ доходятъ до возможности вызывать совершенно опредѣленныя сознанія или ощущенія своей души и тогда они начинаютъ чувствовать не только потребность, но и высшее, ни съ чѣмъ земнымъ несравнимое, удовольствіе въ молитвенной сосредоточенности, т. е. они пріобрѣтаютъ способность временно понижать требованія своей организаціи и уходить своими ощущеніями вглубь своей собственной души; черезъ это они приближаются, а нѣкоторые даже сливаются съ Душей Міра, Богомъ. Въ эти минуты они переживаютъ разныя сверхчувственныя ощущенія, входятъ до нѣкоторой степени въ состоя-

ніе экстаза и, вообще говоря, переживаютъ то, что для людей, не обладающихъ столь сильной способностью молиться, остается совершенно непостижимо, непонятно и даже невѣроятно.

Въ эти минуты душевной сосредоточенности матеріальное тѣло, конечно, всецѣло подчиняется требованіямъ духовнаго элемента человѣческаго тѣла, такъ какъ сознаніе души сильнѣе, чѣмъ сознаніе органической жизни тѣла, которое въ большинствѣ случаевъ у лицъ, достигшихъ столь высокаго духовнаго развитія, не избаловано и привыкло подчиняться требованіямъ ихъ воли.

Вообще, надо замѣтить, что тотъ, кто способенъ хотя въ малой степени ощущать въ себѣ высшій элементъ своего существа, тотъ, кто способенъ вѣрить свидѣтельству своихъ внутреннихъ чувствъ больше, чѣмъ выводамъ разума, тотъ пріобрѣтаетъ извѣстное равновѣсіе внутреннихъ душевныхъ чувствъ съ чувствами своего матеріальнаго тѣла, при которомъ первыя имѣютъ всегда господствующее значеніе, отчего заботы о душѣ отодвигаютъ далеко на второй планъ всѣ заботы о тѣлѣ. Слѣдствіемъ такого отношенія къ жизни является то, что человѣкъ дѣлается болѣе устойчивъ для переживанія всѣхъ жизненныхъ трудностей, превратностей и разныхъ невзгодъ, черезъ что упрощаетъ и облегчаетъ самъ себѣ свое существованіе на землѣ. Поэтъ сказалъ о такихъ людяхъ: „Блаженъ кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ жить“, и дѣйствительно, кто проникся идеей, что истинная жизнь его есть загробная, безконечная, блаженная, что земная есть только подготовительная, временная школа для этой безконечной жизни, что переживаетъ онъ эту трудную и временную подготовку—для безконечнаго блаженства,— того и печали земныя не могутъ печалить, а радовать могутъ только тѣ радости, которыя имѣютъ безконечное значеніе.

3) Третью категорію людей создалъ нашъ вѣкъ господства классическаго ума и приктическаго разсчета. Въ предъидущемъ вѣкѣ вся эта категорія людей просто объявила бы себя атеистами, но въ нынѣшнемъ вѣкѣ средній уровень нравственнаго развитія общества, и каждаго изъ нихъ, заставляетъ ихъ чувствовать и отчетливо сознавать, что есть „*нѣчто*“ духовное, какъ въ мірѣ, такъ и въ нихъ самихъ, но чего они никакъ уловить не могутъ. Это „*нѣчто*“ ускользаетъ отъ ихъ пониманія сущности фактовъ и явленій природы. Они никакъ не могутъ допустить, что препятствіе къ ясному сознанію этого „*нѣчто*“ заключается въ ихъ собственномъ міровоззрѣніи и въ ихъ собственномъ существѣ, а не въ природѣ этого самаго „*нѣчто*“, которое понимается другими весьма легко. Все дѣло

въ томъ, что дѣятельность ихъ органической жизни, ума, или практическаго разсчета находится всегда въ усиленно напряженномъ состояніи, какъ крѣпко натянутыя струны, и ослабить эту дѣятельность они не считаютъ для себя возможнымъ, не производя непріятной для нихъ перемѣны въ привычномъ образѣ жизни и мысли. Они, такъ сказать, охвачены жизненнымъ вихремъ и несутся въ одномъ направленіи безъ оглядки и рѣшительно не стараясь предугадывать настоящей сущности своей жизни, они вполнѣ довольны своимъ образомъ жизни и временными, избранными ими близкими цѣлями ихъ жизни. Одни не находятъ достаточной причины идти противъ требованій ихъ избалованной и извращенной организаціи, а потому потакаютъ всѣмъ прихотямъ своего тѣла и исключительно заняты удовлетвореніемъ своихъ страстей, капризовъ и т. д.; другіе находятъ, что любовь, милосердіе, уступчивость, доброта могутъ только разстроить ихъ благосостояніе и накопленное богатство, а потому усиленно и съ полной ревностью направляютъ дѣятельность своего разсудка исключительно на имѣнія, банковскія дѣла, игру на биржѣ, на свою службу, интриги, карьеру и т. д. Третьи, получивъ съ молоду классическое образованіе, развивали исключительно свою память и умъ въ ущербъ своихъ духовныхъ пониманій природы и пріобрѣли позитивную мысль, отъ которой не могутъ отдѣлаться до самой старости; они рѣшительно не находятъ нужнымъ измѣнять своего привычнаго взгляда на природу и ея явленія. Они остаются удовлетворенными привычнымъ для нихъ позитивнымъ способомъ изученія матеріальнаго міра и, не зная другого, желаютъ тотъ же способъ примѣнить для изученія отвлеченныхъ и духовныхъ областей вселенной, что, конечно, имъ не удается, ибо природа духа не имѣетъ ничего общаго съ природой вещества и матеріи. Они рѣшительно недоумѣваютъ, какъ согласить свои привычные взгляды на міръ съ тѣмъ сознаніемъ отвлеченнаго и духовнаго, которое, хотя весьма слабо, но все-таки чувствуютъ въ себѣ изрѣдка.

Изученіе существа человѣка вообще чрезвычайно трудно. Изъ всѣхъ организмовъ, существующихъ на землѣ, самый совершенный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый сложный есть организмъ человѣка. Онъ единственный, который заключаетъ въ себѣ отвлеченное начало, проявляющееся съ такой силой и опредѣленностью въ каждомъ отправленіи его матеріальной организаціи; не смотря на это, однако, на изученіе здороваго организма человѣка потрачено учеными менѣе труда, чѣмъ на изученіе остальныхъ менѣе сложныхъ организмовъ, и многое.

что мы знаемъ о человѣкѣ, выведено по аналогіи, переходя отъ тѣла животныхъ, на которыхъ изучались эти факты или явленія. Многіе явленія и факты изъ жизни человѣческой организаціи, которыхъ у животныхъ нѣтъ или тѣ, которые находятся у нихъ въ зачаточномъ состояніи, а потому наукой неуловимы,—совсѣмъ на человѣкѣ не изучались.

Стоитъ только человѣку задуматься надъ своимъ существомъ и захотѣть *разумно выяснить себѣ «себя самого»* хотя бы примѣрно, хотя бы въ общихъ чертахъ, чтобы сразу попасть въ дремучій лѣсъ не развѣданной еще наукой области догадокъ, ни на чемъ ровно не основанныхъ представленій, не доведенныхъ до конца теорій, рѣшительно не отвѣчающихъ ни на одинъ интересующій человѣка вопросъ, касающійся его сущности. Вообще, можно сказать, что наука о человѣкѣ находится еще въ самой примитивной фазѣ, и приходится только удивляться, отчего до сихъ поръ среди наукъ нѣтъ спеціальнаго мѣста этой самой главной наукѣ—наукѣ о самомъ человѣкѣ. Никто не можетъ отрицать, что эта наука была бы самая полезная и самая существенная изъ всѣхъ остальныхъ наукъ, ибо она прямо создала бы разумныя и логичныя отношенія человѣка къ своему внутреннему, духовному существу, а слѣдовательно больше всего способствовала бы нравственному пониманію природы и ея явленій. Этой наукѣ открылось бы обширнѣйшее поле дѣйствій въ совершенно дѣвственной области знаній, еще не затронутой нашимъ позитивизмомъ, эта новая наука весьма скоро показала бы человѣку его душу, разъяснила бы ему весь составъ его существа и всѣ условія его жизни на землѣ. Кромѣ физическихъ и органическихъ проявленій животнаго организма, она подробно изучила бы всѣ сверхчувственныя проявленія души, какъ въ организмѣ, живущемъ полной силой своей органической дѣятельности, такъ и въ умирающемъ и уже умершемъ.

При этой наукѣ человѣку, мало духовно-развитому, не пришлось бы заниматься самому сизифововой работой отыскиванія въ себѣ изрѣдка и весьма слабо проявляющихся микроскопическихъ проблесковъ души, ибо эта наука собрала бы и разслѣдовала множество фактовъ, сверхчувственныхъ состояній и ощущеній у людей въ тѣхъ случаяхъ, когда они проявлялись съ извѣстной силой.

Подобныхъ фактовъ несмѣтное количество и всѣ они пропадаютъ въ настоящее время, не принося пользы всему человѣчеству, а только отдѣльнымъ личностямъ, которымъ они извѣстны, такъ какъ двери науки для нихъ заперты, не взи-

рая на то существенное значеніе и на тѣ неизгладимые слѣды, которые они оставляютъ въ жизни каждаго, видѣвшаго или переиспытавшаго ихъ человѣка. Насколько многочисленны проявленія сверхчувственныхъ состояній между людьми, явленія призраковъ изъ загробной жизни и всѣхъ подобнаго рода фактовъ, можно судить изъ слѣдующаго: Лондонское психическое общество сдѣлало вызовъ черезъ журналы и газеты, приглашая желающихъ сообщить ему болѣе или менѣе доказательные факты явленій живымъ людямъ призраковъ людей умершихъ въ моментъ ихъ смерти. Несмотря на то, что менѣе одной десятой всѣхъ существующихъ газетъ и журналовъ помѣстили этотъ вызовъ и что сообщался только одинъ видъ изо всѣхъ явленій подобнаго рода, однако Лондонское психическое общество было положительно завалено подобнаго рода сообщеніями. Оно получило ихъ болѣе ста тысячъ штукъ изъ всѣхъ положительно странъ свѣта. По порученію Психическаго общества наиболѣе доказательныя изъ этихъ сообщеній, подтвержденныя нѣсколькими свидѣтельскими показаніями, были изданы профессорами Э. Гернеемъ и Ф. Мейерсомъ въ книгѣ, въ которой 1417 страницъ очень убористаго шрифта, подъ заглавіемъ „Фантасмы живыхъ“. Этотъ трудъ далеко не единственный въ своемъ родѣ; напротивъ, въ настоящее время литература изобилуетъ подобными произведеніями. Книги спиритическаго, теософскаго и вообще мистическаго содержанія появляются сотнями и, наконецъ, до двухъ сотъ журналовъ и газетъ обогащаютъ ежедневно подобнаго рода литературу огромнымъ количествомъ новыхъ фактовъ чудеснаго и загадочнаго характера.

Если бы мы предположили даже, что извѣстное количество изъ нихъ могло бы быть причислено къ области выдумокъ, или игрѣ праздной фантазіи, или, наконецъ, къ области аффекта и болѣзненно-разстроеннаго воображенія, то все же мы ни въ какомъ случаѣ не имѣли бы права сказать того же о всѣхъ подобнаго рода сообщеніяхъ, ибо хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ должна же быть доля правды; а если есть хотя малѣйшая доля правды во всѣхъ подобнаго рода сообщеніяхъ, то прямая обязанность науки состоитъ въ томъ, чтобы разслѣдовать и изучить ихъ, ибо во всѣхъ этихъ явленіяхъ таится главная суть нашей внутренней, душевной жизни, проявляющаяся съ извѣстной отчетливостью, въ которой мы и должны искать всю разгадку нашего бытія.

Что не вся литература сверхчувственныхъ явленій и фактовъ составляетъ бредъ, химеру или выдумку, свидѣтельствуетъ

лучше всего то обстоятельство, что многіе позитивисты и матеріалисты, т. е. люди, принадлежащіе къ лагерю самой крайней оппозиціи, высказывались во многихъ случаяхъ въ пользу достовѣрности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Для примѣра укажемъ на Вильямса Карпентейра, А. Доссьэ, Эдуарда Гартмана и на Вильгельма Вундта. Всѣ они признали неоспоримое существованіе непонятныхъ и загадочныхъ фактовъ въ природѣ и въ человѣкѣ; но рамки ихъ позитивныхъ міровоззрѣній и знаній не допускали ихъ доводить изученія этихъ явленій до причины и сущности. Не додумываясь же до конца, останавливая свою мысль на полъ пути изслѣдованій, и объясненія ихъ получались недостаточно глубоки и неудовлетворительны. Такъ: одни изъ нихъ причисляютъ эти явленія къ рубрикѣ галлюцинацій, т. е. къ области болѣзненно-разстроеннаго воображенія; другіе объясняютъ ихъ дѣйствіемъ нервныхъ жидкостей, третьи называютъ ихъ слѣдствіями психическихъ силъ, заключающихся въ человѣкѣ. До нѣкоторой степени они, конечно, всѣ правы, ибо при видѣ всѣхъ этихъ явленіи у каждаго человѣка до нѣкоторой степени и воображніе ненормально, и нервы напряжены, и психическія силы работаютъ болѣе усилено, чѣмъ въ обыкновенное время. Но нельзя не замѣтить опять всѣ тѣ же недостатки, все то-же недомысліе, которые мы всегда встрѣчаемъ во всѣхъ позитивныхъ и матеріалистическихъ объясненіяхъ фактовъ и явленій.

Всѣ эти объясненія слишкомъ поверхностны и недостаточны для умовъ, желающихъ изучать природу болѣе опредѣленно и отчетливо. Ни позитивисты, ни матеріалисты рѣшительно не объясняютъ по существу, что такое именно эта ихъ галлюцинація? Отчего она является? Какая природа этой болѣзни? И чѣмъ доказывается, что это—болѣзнь? Можетъ быть это и есть самое нормальное состояніе человѣка, когда онъ дѣлается способенъ видѣть вещь въ „самой себѣ“? Вѣдь подобное доказательство было бы крайне необходимо. Можетъ быть это—лишняя и новая способность въ человѣкѣ видѣть загробный міръ; можетъ быть это проявленіе новаго, шестого чувства, которымъ владѣютъ не всѣ люди. Намъ эти объясненія кажутся логичнѣе, чѣмъ объясненія галлюцинацій болѣзнью. Разсудить, кто правъ должна была бы наука, изучивъ этотъ вопросъ.

То-же самое, говоря о нервныхъ жидкостяхъ и о психизмѣ, развѣ позитивизмъ объясняетъ природу этихъ вещей? Развѣ мы можемъ составить себѣ понятіе, по ихъ объясненіямъ, какъ они дѣйствуютъ? Какъ, напримѣръ, нервныя жидкости

выходятъ изъ человѣка, собираются гдѣ-нибудь въ уголку комнаты и образуютъ тамъ другого человѣка? Положимъ, что такое загадочное, невѣроятное явленіе и происходитъ въ дѣйствительности, то вѣдь надо же объяснить, какъ это все происходитъ, вслѣдствіе какихъ причинъ и, наконецъ, доказать, что это дѣйствительно все такъ, а не иначе.

Всякій, видѣвшій или переиспытавшій какое либо сверхчувственное настроеніе или состояніе, или видѣвшій видѣнія изъ загробной жизни, будетъ вполнѣ не согласенъ съ позитивными объясненіями этихъ состояній и никогда не признаетъ себя больнымъ. Всѣ эти лица въ большинствѣ случаевъ были совершенно здоровы и въ здравомъ умѣ, какъ до видѣнія, во время его, такъ и послѣ. Видѣнія эти нисколько не отразились ни на ихъ организмѣ, ни на ихъ здоровьѣ, но зато нѣтъ ни одного изъ нихъ, которое не принесло бы человѣку великой нравственной и духовной пользы и не оставило бы глубокихъ слѣдовъ въ его послѣдующей духовной жизни. Такимъ образомъ, если причислить эти, такъ называемыя, галлюцинаціи къ числу болѣзней, то никакъ нельзя причислить ихъ къ числу болѣзней организма, скорѣе къ числу болѣзней нравственныхъ и весьма полезныхъ. Развѣ мы знаемъ среди всѣхъ болѣзней организма хотя одну, которая, не причиняя вреда организму, приносила бы всегда громадную и самую существенную, нравственную пользу человѣку и дѣйствовала бы въ высшей степени благотворно на внутреннюю жизнь человѣка, всегда улучшая его душу. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что причина этой болѣзни всегда разумная и нравственная, но не случайная и не органическая, ибо никакая логика не можетъ допустить, чтобы разумному дѣйствію могла бы быть неразумная причина.

Вся ошибка позитивистовъ и матеріалистовъ заключается въ томъ, что всѣ объясненія ихъ природы и сущности этихъ состояній слишкомъ коротки, авторитетны, но мало научны, а безъ этого все ихъ изученіе даннаго предмета не можетъ удовлетворить любознательности развитого человѣка. Можетъ ли себѣ, въ самомъ дѣлѣ, позволить серьезная наука, для объясненія цѣлой области явленій и фактовъ самаго загадочнаго и чудеснаго содержанія, кинуть, какъ бы изъ милости, нѣсколько ничего незначащихъ словъ и латынскихъ номенклатуръ, не потрудившись даже дать этимъ словамъ какія нибудь научныя разъясненія?

Послушаемъ, какъ относились къ сверхчувственнымъ ощущеніямъ или настроеніямъ нѣкоторые великіе умы, напримѣръ:

1) **Ѳ. М. Достоевскій.** Въ „Вѣстникѣ Европы", извѣстная г-жа Ковалевская, въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ, разсказываетъ, между прочимъ, о томъ, какъ у Ѳ. М. Достоевскаго появилась падучая болѣзнь.

Болѣзнь эта началась у него,—разсказываетъ она,—когда онъ былъ уже не на каторгѣ, а на поселеніи. Онъ ужасно томился тогда одиночествомъ и цѣлыми мѣсяцами не видалъ живой души, съ которой могъ бы перекинуться разумнымъ словомъ. Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, пріѣхалъ къ нему одинъ его старый товарищъ. Это было, именно, въ ночь передъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ. Но на радостяхъ свиданія они и забыли, какая это ночь и просидѣли ее всю напролетъ дома, разговаривая, не замѣчая ни времени, ни усталости и пьянѣя отъ собственныхъ словъ.

Говорили они о томъ, что обоимъ всего было дороже — о литературѣ, объ искусствѣ и философіи, коснулись, наконецъ, религіи.

Товарищъ былъ атеистъ, Достоевскій — вѣрующій, оба горячо убѣжденные, каждый въ своемъ.

Есть Богъ, есть,— закричалъ, наконецъ, Достоевскій, внѣ себѣ отъ возбужденія. Въ эту самую минуту ударили колокола сосѣдней церкви къ Свѣтло-Христовой заутрени. Воздухъ весь загудѣлъ и заколыхался. „И я почувствовалъ,— разсказывалъ Ѳедоръ Михайловичъ,—что небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постигъ Бога и проникнулся Имъ. Да, есть Богъ!—закричалъ я—и больше ничего не помню".

— Вы всѣ, здоровые люди,—продолжалъ онъ,—и не подозрѣваете, что такое счастье, то счастье, которое испытываемъ мы, эпилептики, за секунду передъ припадкомъ. Магометъ увѣряетъ въ своемъ Коранѣ, что видѣлъ рай и былъ въ немъ. Всѣ умные дураки убѣждены, что онъ просто лгунъ и обманщикъ. Анъ нѣтъ! Онъ не лжетъ! Онъ дѣйствительно былъ въ раю въ припадкѣ падучей, которою страдалъ, какъ и я. Не знаю, длится ли это блаженство секунды, или часы, или мѣсяцы, но вѣрьте слову, всѣ радости, которыя можетъ дать жизнь, не взялъ бы я за него!"

2) **Знаменитый натуралистъ Линней** признавалъ двойниковъ человѣка, и однажды самъ разсказывалъ случай, гдѣ онъ самъ являлся въ видѣ двойника своего. „Мои комнаты,—говорилъ онъ,—были расположены по одну сторону общей залы, а комнаты жены по другую. Однажды она, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами, слышала, какъ я прошелъ черезъ залу, отперъ мой кабинетъ, вошелъ въ него, и выйдя оттуда заперъ дверь; она думала, что я оставилъ тамъ свою шляпу и палку и тотчасъ же войду къ ней; однако, никто не являлся. Тогда моя жена сказала: „Вы увидите что сейчасъ придетъ мужъ!" Что черезъ нѣкоторое время и случилось. Ей не разъ случалось передъ моимъ возвращеніемъ домой слышать то же самое, даже передъ моимъ возвращеніемъ изъ Столгольма" (Nemesipdivina).

3) **Гёте** говоритъ: „Между любящими эта магнетическая сила нерѣдко дѣйствуетъ на большое разстояніе: въ юности мнѣ случалось во время уединенныхъ прогулокъ испытать сильнѣйшее желаніе увидать любимую особу, и я такъ долго и напряженно думалъ о ней, что, наконецъ, она приходила ко мнѣ на встрѣчу, говоря: „Мнѣ стало невыносимо тоскливо сидѣть дома! Я ничѣмъ не могла развлечься и пришла сюда". Одинъ изъ такихъ случаевъ описанъ имъ очень подробно и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. (Экерманъ — разговоры съ Гёте, III, 137—139).

4) **Философъ Эммануилъ Кантъ.** Приведемъ его слова по цитатѣ Цёльнера, переведенной по-англійски Массейемъ, предупреждая читателя, что когда онъ употребляетъ слово „невещественный", онъ не подразумѣваетъ въ немъ отсутствіе всякой сущности, такъ какъ извѣстно, что онъ признавалъ неудовлетворительнымъ картезіанское гипотетическое понятіе о духѣ.

„Не скрываю, что я очень склоненъ признать существованіе невещественныхъ существъ въ этомъ мірѣ и причислить и мою душу къ категоріи такихъ существъ.

„Мы можемъ представить себѣ существованіе невещественныхъ существъ безъ страха быть опровергнутыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ надежды доказать его по разуму. Существованіе такихъ духовныхъ существъ въ пространствѣ не мѣшаетъ обитанію этого пространства существами матеріальными, ибо присутствіе въ немъ первыхъ, какъ активныхъ силъ, не занимаетъ въ немъ мѣста, въ смыслѣ вещественномъ, т.-е. не представляетъ сопротивленія присущаго твердымъ тѣламъ.

„Не трудно было бы доказать это, вникнувъ въ вопросъ поглубже, а не то скажемъ еще лучше: это будетъ доказано въ будущемъ, — гдѣ и когда, я не знаю, — что и въ земной жизни человѣческая душа состоитъ въ неразрывномъ общеніи съ невещественными существами духовнаго міра, производитъ на нихъ свое воздѣйствіе, а взамѣнъ получаетъ отъ нихъ впечатлѣнія, хотя и безсознательно для себя, пока все въ ней обстоитъ нормально.

„Для человѣчества было бы истиннымъ благодѣяніемъ, еслибъ подобный систематическій строй духовнаго міра, какъ мы его понимаемъ, предполагался бы не на основаніи только слишкомъ гипотетическаго понятія о духовной природѣ вообще, а основывался бы или, по крайней мѣрѣ, считался бы вѣроятнымъ посредствомъ какого-либо реальнаго и всѣми признаваемаго наблюденія".

Эти слова замѣчательны и вполнѣ заслуживаютъ глубокое вниманіе читателей. Кантъ между философами стоитъ на одномъ уровнѣ съ Платономъ, Аристотелемъ и Лейбницемъ. Онъ говоритъ намъ положительно, — и это болѣе ста лѣтъ тому назадъ — что фактъ общенія человѣческой души и въ этой жизни съ существами духовнаго міра будетъ доказанъ современемъ. Не настало-ли уже это время теперь? Спиритическіе факты, по крайней мѣрѣ, вполнѣ оправдываютъ его предсказаніе.

Кантъ идетъ еще далѣе. Неудовлетворенный „слишкомъ гипотетическимъ понятіемъ о духовной природѣ человѣка" (картезіанское понятіе было въ его время господствующимъ) — онъ заявляетъ, что было бы истиннымъ благодѣяніемъ для человѣчества, еслибъ фактъ взаимодѣйствія и общенія обоихъ міровъ, имъ предчувствуемый, могъ бы быть признанъ существующимъ, или, по крайней мѣрѣ, вѣроятнымъ, на основаніи реальнаго и всѣми допускаемаго наблюденія. (Творенія Канта, т. VII, стр. 32) и (Ребусъ 1886 г., стр. 490).

5) **Философъ-пессимистъ Артуръ Шопенгауеръ** въ своемъ сочиненіи „О духовидѣніи", говоритъ слѣдующее: „Явленія духовъ, которыя въ прошломъ черезъ-чуръ умномъ столѣтіи, казалось, были совершенно изгнаны, или, по крайней мѣрѣ, осуждены всѣми, теперь снова получили права гражданства. Не трудно объяснить себѣ такую перемѣну. Ибо доводы противъ возможности такихъ явленій были отчасти метафическіе, которые, какъ таковые, не имѣли подъ собой прочнаго основанія, отчасти эмпирическіе, которыми доказывалось лишь то, что во всѣхъ случаяхъ, когда не было ни случайнаго, ни явнаго обмана, не было и ничего такого, что могло бы повліять путемъ отраженія свѣтовихъ лучей на сѣтчатую оболочку глаза или путемъ колебанія воздуха на барабанную перепонку уха. Но эти доводы говорили лишь противъ присутствія тѣлесныхъ предметовъ, чего никто, впрочемъ, и не утверждалъ, потому что самое понятіе духа предполагаетъ совершенно иной способъ явленія, отличный отъ способа явленія тѣла.

„Отрицаніе a priori всякой возможности этого рода явленій и осмѣиваніе тѣхъ, кто признаетъ ихъ, ни на чемъ иномъ не основано, какъ только на убѣжденіи, будто смерть есть абсолютное уничтоженіе. Но коль скоро такое убѣжденіе несостоятельно и даже невозможно, то нельзя понять, почему существо, гдѣ-нибудь еще пребывающее, нигдѣ не должно обнаруживаться и оказывать вліяніе на другое существо, которое находится въ иномъ состояніи". (Реб. 1889 г., стр. 161—237).

6) **Н. И. Лобачевскій** имѣлъ при жизни своей также два таинственныхъ факта, которые его сынъ передаетъ слѣдующими словами: „Въ жизни моего отца были два весьма странныхъ случая. Незадолго до назначенія попечителемъ В. П. Молоствова, отецъ мой въ своей крошечной спальнѣ былъ разбуженъ какъ бы отворившейся дверью. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что передъ нимъ стояла какая-то женщина въ бѣломъ покрывалѣ, съ бѣлою косою и цѣпью на рукахъ. Предположивъ, что къ рѣсницамъ присталъ пухъ отъ подушки, онъ протеръ глаза, но видѣніе не исчезло. Женщина, показавъ рукою въ сторону нашего дома, вышла въ окно съ двойною рамою. Утромъ помощникъ инспектора Зоммеръ, придя съ рапортомъ (Лобачевскій былъ въ то время ректоромъ), что-то замялся, проговоривъ, однако, слово „еще"; отецъ попросилъ Зоммера не стѣсняться и доложить въ чемъ дѣло. Оказалось, что ночной часовой доложилъ экзекутору, что изъ окна его превосходительства вышла какая-то бѣлая женщина, прошла черезъ дворъ, крышу каретника и исчезла. Экзекуторъ обругалъ часового, заподозривъ, что онъ былъ пьянъ, и посадилъ его подъ арестъ. Позвавъ экзекутора и приказавъ немедленно освободить часового, отецъ подтвердилъ его разсказъ".

„Второй случай тоже не лишенъ интереса. Когда мы укладывались и переѣзжали въ свой домъ, вся прислуга слышала какой-то стонъ, выходившій какъ бы изъ подъ пола, а затѣмъ мы всѣ слышали (мнѣ было тогда лѣтъ 15), какъ перебирались клавиши на запертыхъ фортепьянахъ, издавая унылый звукъ". (Воспоминанія о Лобачевскомъ. „Историческій Вѣстникъ", январь 1895 года, стр. 159 и 160).

7) **Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.** Въ „Русскомъ Дѣлѣ" № 17, за 1887 годъ, помѣщена, заимствованная изъ „Современныхъ Извѣстій" 1884 года, горячая полемика по поводу спиритизма, въ которой принималъ участіе и покойный ихъ издатель Гиляровъ-Платоновъ. Приведемъ только конецъ частнаго письма всей Москвѣ слишкомъ хорошо извѣстнаго Никиты

Петровича къ одному изъ полемистовъ, помѣщеннаго въ томъ же номерѣ „Русскаго Дѣла“.

„Сущность спиритизма заключается въ положеніи, что между тѣмъ міромъ и здѣшнимъ возможно и бываетъ сообщеніе. Это есть основаніе, а далѣе идетъ разноголосица и толкованія. Алланъ Кардекъ, Оуенъ, Вагнеръ, каждый придумываетъ свою теорію. Я, положимъ, имѣю свою догадку, хотя въ ней не увѣренъ, а тѣмъ менѣе согласенъ съ Кардекомъ. Вопросъ въ томъ, есть-ли, бываютъ ли сообщенія? Несомнѣнные факты спиритизма, которыхъ безчисленное множество, означаютъ ли реальное выступленіе умершихъ, или собственное наше, потенцированное видѣніе? Я себѣ ставлю такъ вопросъ и, признаюсь, не берусь рѣшать его. Покойный В. И. Даль получилъ „откровеніе“ (назыв. такъ) отъ умершаго Вышеславцева (въ первый разъ слышанная имъ фамилія), съ просьбой написать извѣстнаго рода утѣшеніе здравствующему сыну такого-то, въ такомъ-то селѣ (ни то, ни другое не было Далю извѣстно); Даль написалъ письмо къ лицу, въ существованіи котораго не былъ увѣренъ, и въ село не знамо, дѣйствительное, или мнимое. Написалъ и получилъ отвѣтъ. Вотъ вамъ фактъ *изъ ряда безчисленныхъ*, мнѣ лично извѣстныхъ. Фактъ фактомъ, а объясненіе стройте какое угодно“.

8) **А. Р. Уоллесъ,** ученыя заслуги котораго ставятъ его несомнѣнно на ряду съ Дарвиномъ, въ своей статьѣ, озаглавленной: „Защита современнаго спиритизма“ (стр. 63—65), говоритъ:

„Большинство оффиціальныхъ ученыхъ отказывается изслѣдовать эти явленія, когда ихъ приглашаютъ къ тому. Общество, членомъ котораго состоитъ ученый этотъ, отказывается даже занести его изслѣдованія въ протоколъ, а пресса начинаетъ кричать, что нуженъ лучшій свидѣтель, чѣмъ г. Круксъ, и что подобные факты требуютъ новыхъ подтвержденій, прежде чѣмъ имъ можно будетъ повѣрить. Но зачѣмъ больше подтвержденій? Послѣ того, какъ цѣлый рядъ этихъ явленій былъ изслѣдованъ въ продолженіе десяти лѣтъ и въ реальности ихъ убѣдились тысячи скептиковъ, здравомыслящихъ и остроумныхъ американцевъ всѣхъ классовъ общества, — они были подтверждены первымъ химикомъ Америки — профессоромъ Робертомъ Геромъ. Два года спустя они были подтверждены тщательными и настойчивыми изслѣдованіями одного изъ первыхъ американскихъ юристовъ—судьи Эдмондса; потомъ другимъ извѣстнымъ химикомъ, профессоромъ Д. Мепсомъ. Во Франціи дѣйствительность физическихъ явленій была

подтверждена графомъ А. де-Гаспареномъ въ 1854 году, а нѣсколько позже, астрономомъ Камилломъ Фламмаріономъ, нѣсколькими математиками и химиками, занимающими не послѣднее мѣсто въ ученомъ мірѣ. Профессоръ Женевскаго университета Тюри подтвердилъ ихъ также въ 1855 году. У насъ, въ Англіи, такіе люди, какъ профессоръ математики де Морганъ, докторъ медицины Локгартъ Робертсонъ, писатель А. Троллопъ, докторъ правъ Коксъ, физикъ, завѣдующій электрическими аппаратами трансатлантическаго телеграфа С. Ф. Варлей и цѣлый комитетъ Діалектическаго общества подтвердили, каждый съ своей стороны, реальность этихъ явленій; наконецъ, извѣстный химикъ Уильямъ Круксъ, членъ Королевскаго общества, производитъ свои опыты и изслѣдованія въ продолженіе четырехъ лѣтъ съ двумя сильнѣйшими и замѣчательнѣйшими медіумами нашего времени и, въ свою очередь, убѣждается въ дѣйствительности спиритическихъ явленій, о чемъ печатно свидѣтельствуетъ. Но и это еще не все. Цѣлый рядъ самыхъ компетентныхъ изслѣдователей получаетъ подтвержденіе спиритуалистическихъ фактовъ съ помощью фотографіи, которая не можетъ быть обманута, не можетъ имѣть никакого предвзятаго мнѣнія, которую субъективныя впечатлѣнія не могли ввести въ ошибку, которая отмѣчаетъ только то, что дѣйствительно случается. И что противопоставляютъ наши противники этому ряду безпристрастныхъ и неподкупныхъ свидѣтельствъ? Они высказываютъ нелѣпыя и неумѣстныя подозрѣнія и не приводятъ ни одного дѣйствительнаго факта, который могъ бы служить подтвержденіемъ ихъ мнѣнія.

„Прежде, чѣмъ отвергать эту теорію, нужно доказать, что подобныхъ фактовъ не было; а простое отрицаніе или невѣріе не уничтожаетъ фактовъ, которые подтверждаются тремя свидѣтелями, наблюдавшими ихъ въ продолженіе пяти лѣтъ,— людьми здравомыслящими, просвѣщенными, которые все это время вели себя и дѣла свои такъ, что заслужили уваженіе и довѣріе всѣхъ своихъ согражданъ.

„Вслѣдствіе всего этого я утверждаю, что явленія спиритуализма въ своей совокупности не требуютъ никакихъ дальнѣйшихъ подтвержденій. Они такъ же хорошо доказаны, какъ всякіе другіе факты въ наукѣ, и никакое отрицаніе не въ состояніи опровергнуть ихъ. Если бы противники спиритизма могли представить описаніе своихъ изслѣдованій столь же продолжительныхъ и полныхъ, какъ изслѣдованія его защитниковъ; еслибъ они могли открыть и объяснить подробно или

какъ происходятъ эти явленія, или какимъ образомъ всѣ, указанные нами, въ высшей степени разсудительные и способные люди были приведены съ помощью обмана къ твердому убѣжденію, что они были свидѣтелями дѣйствительныхъ явленій, и если бы при этомъ они могли доказать справедливость своей теоріи,—тогда только, но не раньше, спиритамъ необходимо было бы представить новыя подтвержденія фактовъ, достаточно реальныхъ и неоспоримыхъ, чтобъ убѣдить каждаго честнаго и терпѣливаго изслѣдователя.

„Принимая во вниманіе всѣ эти свидѣтельства и доводы, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что спиритуалистическіе факты, а вмѣстѣ съ ними и спиритуалистическая теорія — какъ единственная, вполнѣ удовлетворительно объясняющая ихъ—имѣютъ въ настоящее время совершенно прочное основаніе“.

9) **Викторъ Гюго**: „Reviews of Reviews“ за ноябрь 1893 г. помѣстилъ статью Октава Узана, озаглавленную: „*Разговоры и мнѣнія Виктора Гюго*“. Содержаніе этой статьи почерпнуто изъ дневника сына Виктора Гюго, Франца, который онъ велъ во время изгнанія своего отца. Изъ этой статьи мы видимъ, что во дни изгнанія Виктора Гюго призракъ, называемый „Бѣлой женщиной“, часто посѣщалъ морской берегъ и вообще всю мѣстность, прилегающую къ Маринъ-террасѣ; почти каждую ночь странствовалъ онъ по самой террасѣ, вслѣдствіе чего на стѣнѣ, отдѣлявшей ее отъ моря, помѣстили большой черный крестъ. Авторъ дневника говоритъ:

„Легковѣрные люди слѣпо вѣрятъ во все таинственное, скептики, напротивъ, вполнѣ отрицаютъ его, великіе же умы относятся серьезно къ необъяснимому, къ невѣдомому; они не говорятъ ни да, какъ легковѣрные, ни нѣтъ, какъ скептики; они ждутъ и присматриваются“.

Много страннаго пришлось видѣть и слышать Виктору Гюго. Въ его комнатахъ раздавались непонятные звуки, слышались стуки въ стѣнѣ. Иногда, безъ малѣйшаго вѣтра, бумаги сами собою передвигались по столу. Карлъ и Францъ Гюго слышали тѣ же звуки изъ сосѣдней комнаты. Разъ, ночью, г-жа Гюго проснулась въ темнотѣ, хотя она отлично помнила, что, ложась спать, она не погасила свѣчки,—спрашивается, кто-же потушилъ ее? 22 февраля Викторъ Гюго случайно вошелъ поздно вечеромъ въ залу, два окна которой выходили на улицу. Каминъ былъ погашенъ, лампъ и свѣчей на столѣ не было, прислуга вся спала; затѣмъ онъ прошелъ въ свою комнату, легъ и заснулъ. Въ ту-же ночь въ два часа вернулись домой

Карлъ и Францъ Гюго, и съ удивленіемъ увидѣли, что зала освѣщена и не только топившимся каминомъ, а на столько ярко, что казалось, какъ будто зажжены еще и канделябры. Крайне пораженные, они хотѣли отворить дверь, ведущую въ залу, но она оказалась запертою.

При этомъ случаѣ въ „Journal de l'Exil“ (дневникъ изгнанія) впервые упоминается о столоверченіи. Карлъ Гюго, удивленный столь необычайнымъ явленіемъ, попробовалъ вопрошать столъ. Духъ, проявившійся на первомъ сеансѣ, назвался „Бѣлой женщиной“ и объявилъ, что о дальнѣйшемъ онъ сообщитъ не иначе, какъ только на улицѣ въ три часа утра. Викторъ Гюго, кому это было сказано, не отличаясь храбростью, нашелъ, что время и мѣсто свиданія крайне неудачно выбраны, и остался дома; остальные члены семьи послѣдовали его примѣру. Ночью, когда Викторъ Гюго еще сидѣлъ, по своему обыкновенію, за своимъ письменнымъ столомъ, вдругъ раздался сильный звонокъ; мгновенно онъ вспомнилъ о „Бѣлой женщинѣ“ и, посмотрѣвъ на часы, убѣдился, что было ровно три часа утра. „Привидѣнія очень пунктуальны“! воскликнулъ онъ и съ этихъ поръ сталъ ощущать нѣкоторое волненіе, ему сдѣлалось какъ-то не посебѣ. Приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ его разговора съ близкими.

Викторъ Гюго. Прежде я могъ спокойно спать, теперь же при наступленіи темноты я чувствую нѣкоторый страхъ; просыпаюсь ночью не иначе, какъ съ очень непріятной дрожью во всемъ тѣлѣ. Въ спальнѣ не рѣдко слышу стучащихъ духовъ, а иногда и такіе громкіе звуки (онъ сильно стукнулъ по столу). Два мѣсяца тому назадъ, когда „Бѣлая женщина“ еще не бросала намъ своего портрета, я не испытывалъ ничего подобнаго, теперь же, признаюсь, познакомился съ чувствомъ ужаса.

Г-жа Викторъ Гюго. Ты всегда былъ такимъ. Когда умеръ Саксенъ-Кобургъ и къ тебѣ вошла его огорченная мать съ отчаянными рыданіями, ты такъ испугался ея, что въ продолженіе двухъ недѣль не могъ оставаться одинъ при наступленіи ночи; точно также преслѣдовало тебя твое видѣніе, когда ты писалъ „Послѣдній день осужденнаго“: ты долго не могъ избавиться отъ образа старой женщины, явившейся, по твоему представленію, во снѣ осужденному

Огюстъ Вакери. Все это превышаетъ мое пониманіе, я думалъ, что мы вступили въ эпоху зрѣлости ума, а оказывается, что мы еще немного отошли отъ средневѣковыхъ фантазій?

Викторъ Гюго. Конечно, міръ находится еще въ младенчествѣ; человѣчество не можетъ довольствоваться одной философіей, не можетъ обходиться безъ откровеній. Истины, добытыя человѣкомъ, должны быть подтверждены Богомъ. Прошло пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ явленіями столоверченія и написалъ о нихъ книгу, которую наша дочь такъ настоятельно проситъ меня издать, съ изложеніемъ подтверждающихъ ее явленій. Почти всѣ великіе люди имѣли откровенія. У Сократа былъ свой геній-хранитель. Зороастръ, — говоритъ онъ самъ, — имѣлъ особенную способность наглядно различать добро отъ зла. Шекспиръ видѣлъ призраковъ. Черезъ сто лѣтъ можетъ быть скажутъ что, моя книга о столоверченіи внушена мнѣ призракомъ, являвшимся на Маринъ-террасѣ.

10) **Философъ Шеллингъ** говоритъ, что умственное прозрѣніе дано не всѣмъ людямъ, но лишь немногимъ избраннымъ; это спеціальная способность философствованія. Шеллингъ презрительно отзывается о „болтунахъ“, не понимающихъ высшихъ истинъ философіи. „По истинѣ непонятно“, восклицаетъ онъ, „какое дѣло можетъ быть у философіи съ неспособностью. Гораздо лучше изолировать философію отъ всѣхъ, могущихъ приходить къ ней обычнымъ путемъ; ее слѣдуетъ отдѣлить отъ обыкновеннаго знанія. Философія начинается тамъ, гдѣ оканчивается обыкновенное знаніе. Высшія истины науки не могутъ быть доказаны, ихъ можно только прозрѣть; кто не способенъ къ этому, для того доказательства безполезны и къ нему можно чувствовать только сожалѣніе“. (Neue Zeitschrift für speculative Physik, II, 34).

11) **А. М. Бутлеровъ,** профессоръ Казанскаго университета („Спиритическій методъ въ области психофизіологіи“, Спб. 1885 г.), говоритъ: „Я веду рѣчь о внѣтѣлесномъ, продолжающемся существованіи человѣка, — о человѣкѣ, какъ звенѣ духовнаго міра, вѣра въ существованіе котораго была почти потеряна интеллигентнымъ большинствомъ, а теперь начинаетъ возвращаться къ намъ снова, твердо опираясь на реальное знаніе (стр. 34). Съ моей точки зрѣнія, людямъ вѣрующимъ и людямъ науки и знанія, горячо принимающимъ къ сердцу нравственное развитіе и совершенствованіе людей не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ, нѣтъ причины и повода враждовать между собою. Но, къ сожалѣнію, запросы, требованія, системы и теоріи перемѣшались и перепутались до того, что невозможно различить лагерей, и въ общей свалкѣ борющіеся зачастую бьютъ своихъ, принимая ихъ за враговъ.

Дѣйствительно, мы часто видимъ, какъ оберегатели общественныхъ, умственныхъ и нравственныхъ интересовъ оказываются нераспознавшими своего возникающаго пособника (т. е. спиритизма) и, преслѣдуя его, сами наносятъ, къ сожалѣнію, удары тому дѣлу, которое мнятъ защищать. Вредъ подобной слѣпой борьбы, идущей на руку противникамъ, очевиденъ; но борьба эта и тщетна, потому что является въ сущности преслѣдованіемъ фактовъ. (Буткевичъ, стр. 104, 105).

12) **Д. И. Менделѣевъ** говоритъ: „Тотъ мостъ между явленіями физическими и психическими, который видятъ спириты въ медіумическихъ явленіяхъ, составляетъ дѣйствительно мостъ желанный, и такой мостъ наука рано или поздно построитъ. На постройку пойдетъ матеріалъ физіологіи и психологіи, терапіи и психіатріи, захватитъ, быть можетъ, и факты спиритизма; мостъ этотъ соединитъ ученыхъ, не станетъ поперекъ дороги. Медики уже начали изслѣдовать гипнотизмъ, трансъ и другія нервныя состоянія, въ которыхъ выражаются съ извѣстнымъ оттѣнкомъ особенности нервной дѣятельности. Ученые не боятся этихъ вопросовъ, ихъ напрасно боятся и многія другія лица, не достаточно подготовленныя къ пониманію общаго движенія науки“.

13) **Вильгельмъ Вундтъ**, знаменитый физіологъ и одинъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ матеріалистическаго міровоззрѣнія, въ своемъ научномъ трудѣ: „Essais“ стр. 359, сказалъ:

„Нѣтъ такого времени, которое было бы отмѣчено отсутствіемъ явленій, болѣе или менѣе сходныхъ съ спиритическими. Въ этомъ отношеніи имѣются многочисленныя показанія даже членовъ суда, которымъ, конечно, нельзя безпричинно отказать въ довѣріи. Явленія, считавшіяся до сихъ поръ выраженіемъ вреднаго суевѣрія, превращаются съ свидѣтельства особенно усиленнаго распространенія трансцендентныхъ таинъ“.

14) **Эдуардъ фонъ-Гартманъ,** пользующійся всемірной извѣстностью и авторъ знаменитой философіи „Безсознательнаго“, занимался также изслѣдованіемъ сверхчувственныхъ явленій и издалъ даже довольно обширный трудъ, подъ заглавіемъ „Спиритизмъ“.

Изъ этого труда надо заключить, что Гартманъ самъ никогда не занимался лично экспериментальной частью спиритизма, но долженъ былъ признать всю подлинность его, въ виду уже одной многочисленности данныхъ, скопившихся въ спиритической литературѣ, и въ виду очевидности и убѣдительности всѣхъ доводовъ, приводимымъ спиритами. Какъ строгій поборникъ положительныхъ знаній, не допускающій

ни свободной воли, ни души, ни загробной жизни, онъ не могъ признать системы спиритовъ, а составилъ свою собственную, въ которой, не затрогивая вопросовъ сущности, объясняетъ всѣ эти явленія дѣйствіями нервной жидкости или нервными токами, излучающимися, будто-бы, изъ человѣка, и скрытой въ человѣкѣ способностью къ непроизвольной галлюцинаціи, которая можетъ, будто-бы, доходить до такой интенсивности, что человѣкъ начинаетъ галлюцинировать всѣми своими пятью чувствами.

Вся его система не выдержала критики, ибо, съ одной стороны, дѣйствіе нервныхъ токовъ внѣ предѣловъ человѣческаго организма, т. е. тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, останется навсегда совершенно непонятной загадкой. Система же галлюцинацій была опровергнута фотографическими снимками и алебастровыми слѣпками, снятыми съ духовъ, что вполнѣ опровергло всю его систему, ибо ни фотографія, ни алебастръ галлюцинировать не могутъ, а передаютъ внѣшнія формы вполнѣ реально и безошибочно. Совѣтуемъ каждому, желающему ознакомиться съ заблужденіями Эдуарда фонъ-Гартмана прочесть прекраснѣйшій трудъ профессора А. Аксакова „Критика гипотезъ „галлюцинацій“ и „безсознательнаго“, какъ рѣшающихъ проблему медіумическихъ явленій“, помѣщенную въ журналѣ „Ребусъ“ за 1890 г. №№ отъ 1 до 20, — это трудъ, достойный большаго вниманія; онъ положительно уничтожаетъ всю систему Гартмана и способенъ заставить задуматься самаго упорнаго изъ скептиковъ.

Впрочемъ, здѣсь насъ должна главнымъ образомъ интересовать не исторія заблужденій Гартмана, но самый фактъ признанія медіумическихъ явленій человѣкомъ выдающагося ума и настроеннаго очень враждебно противъ всего сверхчувственнаго и чудеснаго; несмотря на все это, однако, онъ стоитъ за всю цѣлесообразность дальнѣйшихъ изученій всѣхъ этихъ загадочныхъ фактовъ. Приведемъ подлинныя слова Гартмана изъ его книги „Спиритизмъ“.

„Очевидно, совершенно непростительно натуралисту отказываться отъ изслѣдованія этихъ явленій въ силу того, что они связаны съ условіями, установленіе которыхъ въ каждое время не лежитъ во власти изслѣдователя. Когда хотятъ изслѣдовать паразита кротовъ или глисту, водящуюся въ кузнечникахъ, то, само собою разумѣется, необходимо прежде всего изловить крота или кузнечика, чтобы отыскать въ нихъ этихъ животныхъ. Если изслѣдованію подлежитъ извѣстная форма сумасшествія, то надобно идти въ домъ умалишенныхъ, гдѣ

есть такіе больные. Если хотятъ изслѣдовать электрическаго ската или угря, то надобно велѣть прислать ихъ себѣ оттуда, гдѣ они водятся. Точно также, при желаніи изучать анормальныя явленія человѣческой природы, надобно отыскивать личностей, одаренныхъ анормальнымъ организмомъ, или вызвать таковыхъ къ себѣ. Нерѣдко и лабораторные опыты зависятъ отъ такихъ сложныхъ условій, что изслѣдователь не можетъ ручаться за ихъ успѣхъ въ каждомъ данномъ случаѣ; но это не уменьшаетъ доказательности удачныхъ опытовъ. Если электрическая рыба больна или истощена вслѣдствіе путешествія, то опыты надъ нею будутъ также неудовлетворительны, какъ и опыты съ медіумомъ, который боленъ. Когда влажность атмосферы переходитъ за извѣстныя границы, то опыты съ электрической машиной такъ же не удаются, какъ иногда и опыты съ медіумами. Но все это не должно препятствовать изученію анормальныхъ явленій“.

Или далѣе: „Тотъ, кто при всякихъ своихъ предосторожностяхъ считаетъ свои пять чувствъ недостаточными для того, чтобы отличить фокусничество отъ непроизвольныхъ явленій, тотъ этимъ самымъ считаетъ органы человѣческихъ чувствъ вообще недостаточными для установленія фактовъ, и долженъ точно также отказать въ значеніи всякому судебному свидѣтельству и всякому научному изслѣдованію. Если къ каждому засѣданію можно привлечь искуснаго фокусника, въ качествѣ четвертаго присутствующаго, то это, конечно, слѣдуетъ рекомендовать, — фокусникъ, очевидно, будетъ заинтересованъ въ томъ, чтобы открыть фокусничество и не допустить медіумовъ затмевать славу фокусниковъ. Два первые фокусника Германіи и Франціи, Беллавини и Гуденъ, свидѣтельствовали, какъ извѣстно, въ пользу медіумовъ, которыхъ они наблюдали; другіе фокусники (напр. Германъ) утверждали, что они могутъ посредствомъ своего искусства произвести тѣ же явленія, какъ и медіумы.

„Если поближе разсмотрѣть эти послѣднія утвержденія и познакомиться съ безъименной книгой „Исповѣдь медіума“ или „Посѣтителями съ того свѣта“ Кумберлэнда и т. п. обличеніями, то можно тотчасъ же замѣтить, что фокусничество требуетъ такихъ условій и связано съ такими предположеніями, которыя не относятся къ медіумамъ. Такъ, напр., при письмѣ на разстояніи достаточно заботиться о томъ, чтобы медіумъ или вовсе не дотрогивался до доски; или имѣлъ бы ее въ рукахъ лишь на мгновеніе, при концѣ опыта; такимъ образомъ возможность подготовки будетъ устранена; чтобы сдѣлать не

возможнымъ для медіума прямое писаніе собственными пальцами, достаточно наблюдать положеніе его рукъ и заботиться о томъ, чтобы доска была надежно закрыта. Такъ какъ существуютъ безчисленныя извѣстія о слышномъ для уха писаніи, происходящемъ въ хорошо закрытомъ пространствѣ между грифельными досками, когда онѣ находятся въ рукахъ третьяго лица или свободно лежатъ на столѣ; такъ какъ нѣкоторые наблюдатели видѣли при письмѣ движеніе кусочка грифеля по доскѣ, часть которой была выдвинута изъ-подъ стола, а нѣкоторые наблюдали даже писаніе по бумагѣ карандашемъ, который самъ собою стоялъ прямо; такъ какъ писаніе останавливается, когда присутствующіе разрываютъ цѣпь и, какъ говорятъ, начинается снова при соединеніи рукъ; такъ какъ, при закрытыхъ доскахъ, нерѣдко пишутся тѣ слова или предложенія, которыя диктуются медіуму однимъ изъ присутствующихъ, послѣ того, какъ доска закрыта, или когда уже писаніе началось; такъ какъ этимъ способомъ, при закрытыхъ доскахъ, даются вполнѣ осмысленные отвѣты на написанные извѣстные медіуму вопросы, и подобныя явленія наблюдались сотнями свидѣтелей не только при Слэдѣ, Монкѣ и Эглингтонѣ, но также и при частныхъ медіумахъ,—то, если и можно сомнѣваться въ достовѣрности этихъ свидѣтельствъ, такъ это, во всякомъ случаѣ, не потому, что посредствомъ фокусничества можно произвести подобныя же явленія при существенно другихъ условіяхъ.

Или: „Самъ я не могу по личному опыту судить о реальности необыкновенныхъ явленій, но имѣющіяся на лицо свидѣтельства исторіи и современниковъ во всей ихъ связи считаю достаточными для допущенія, что въ человѣческомъ организмѣ существуетъ болѣе силъ и способностей, чѣмъ сколько открыло и изслѣдовало ихъ нынѣшнее точное знаніе, и что обстоятельство это можетъ служить достаточнымъ вызовомъ наукѣ для того, чтобы принятся за точное изслѣдованіе этой области явленій". (Ребусъ 1886 г., стр. 2, 19 и 42).

15) **Профессоръ Вильямъ Карпентеръ** въ Лондонѣ **и позитивистъ А. Дассьэ** въ Парижѣ занимались также изученіемъ медіумическихъ явленій; они также должны были скоро признать всю реальность ихъ и такъ же, какъ и Эдуардъ фонъ-Гартманъ, не нашли возможнымъ для объясненія ихъ пожертвовать своими принципами позитивизма, но старались дать каждый свои особыя объясненія, которымъ, впрочемъ, не суждено было пріобрѣсти популярности, не смотря на ихъ громкую и научную авторитетность.

16) До сихъ поръ, какъ читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ, мы не привели ни одного свидѣтельства лицъ, принадлежащихъ къ лагерю спиритовъ, ни къ лагерямъ теософовъ и оккультистовъ. Но, говоря о сверхчувственныхъ ощущеніяхъ и состояніяхъ человѣка, нѣтъ положительно возможности не упомянуть и о нихъ; ибо число приверженцевъ всѣхъ трансцендентальныхъ знаній ростетъ не по днямъ, а по часамъ и въ особенности увеличивается лагерь спиритовъ. Между ними мы видимъ множество именъ самыхъ выдающихся ученыхъ нашего вѣка, которые всѣ, пройдя черезъ долгій рядъ сомнѣній, колебаній, опытовъ, почувствовали себя покоренными строгой доказательностью реальности медіумическихъ явленій, производящихся въ настоящее время положительно во всѣхъ странахъ образованнаго міра. Реальность же медіумическихъ явленій не можетъ не заставить всякаго здраво смотрящаго на дѣло своего знанія природы, задуматься и воскликнуть: „Вѣдь міръ въ самомъ дѣлѣ совершенно не такой, какъ учатъ насъ позитивисты".

Спиритизмъ необыкновенно заманчивъ. Не всѣ, конечно, убѣдившись въ реальности медіумическихъ явленій, начинаютъ правильно изучать ихъ; но тѣ, которые вникали въ спиритизмъ безъ предвзятыхъ идей, съ чистымъ желаніемъ добиться истины, скоро становились въ ряды спиритовъ; ибо вся система ихъ чрезвычайно убѣдительна, вся ихъ теорія до-нельзя проста, понятна и логична; всѣ объясненія явленій и фактовъ проявленія загробнаго міра въ нашей матеріальной средѣ чрезвычайно опредѣленны, своеобразны и доказательны, ихъ вліяніе на убѣжденія каждаго, желающаго вникнуть въ нихъ, положительно неотразимо.

Нѣтъ ни одного человѣка, къ какому бы онъ обществу не принадлежалъ, какое бы не было его развитіе—интеллигентное или нравственное,—который, захотѣвъ заняться спиритизмомъ и вникнуть въ него безъ предвзятыхъ мыслей, не убѣждался бы какъ въ абсолютной реальности медіумическихъ явленій, такъ и въ правотѣ самого ученія, а слѣдовательно, и не перешелъ бы на сторону спиритическаго міросозерцанія.

Фактъ, достойный большаго вниманія,—что всѣ естествоиспытатели, которые добросовѣстно брались за провѣрку спиритизма, какъ бы они и не были сначала предубѣждены противъ него, въ концѣ концовъ, послѣ извѣстнаго періода сомнѣній и недовѣрія, всегда оказывались на сторонѣ его; только тѣ, которые не захотѣли заняться спиритизмомъ и вникнуть

въ него, оказывались въ рядахъ его противниковъ и отрицателей.

Можно биться объ закладъ, что каждый отрицатель спиритизма всегда съ охотой признается, что онъ никогда не занимался имъ, не изучалъ его и впредь изучать его не станетъ, ибо спиритизмъ противорѣчитъ его научнымъ убѣжденіямъ. Онъ будетъ ратовать за то, что если бы и было все такъ, какъ доказываетъ спиритизмъ, то все же человѣку научному не слѣдуетъ касаться его, а, напротивъ, обязанность каждаго адепта науки отказаться, а въ крайнемъ случаѣ—прямо отвергать его. Онъ ни за что не захочетъ понять, что въ этомъ случаѣ въ немъ говоритъ не разумъ, но вполнѣ человѣческія страсти, его умственная лѣнь, что въ немъ говоритъ односторонность его ума въ связи съ недостаткомъ нравственнаго развитія.

Какъ бы ни былъ образованъ человѣкъ, тайны природы останутся всегда за предѣлами его знанія; въ какихъ бы чудесныхъ и загадочныхъ образахъ онѣ не проявлялись, обязанность каждаго образованнаго человѣка не отказываться отъ нихъ, но изслѣдовать и изучать до послѣдней крайности; если же онѣ не поддаются его изученію, то слѣдуетъ оставить вопросъ открытымъ, предоставивъ изслѣдованія этого факта будущему. Ни въ какомъ случаѣ человѣкъ науки не можетъ окружать свою науку китайской стѣной рутины, ибо это показало бы вполнѣ тщеславныя и эгоистическія отношенія къ своимъ, весьма ограниченнымъ, знаніямъ. Однимъ словомъ, спиритизмъ противорѣчитъ не самой наукѣ, ибо наука должна идти впередъ, не ограничиваясь никакими препятствіями, но онъ противенъ самимъ людямъ, ихъ привычкамъ и принципамъ, вслѣдствіе ихъ небрежнаго отношенія къ дѣлу.

Однако, давая такой радушный отзывъ о спиритизмѣ, мы должны оговориться и сказать, что не считаемъ его еще за науку. Онъ впалъ въ ту же ошибку, въ которую впалъ и позитивизмъ. Мы обязаны чистосердечно сдѣлать ему этотъ упрекъ. Вся дѣятельность спиритовъ направлена исключительно къ доказательству реальности медіумическихъ явленій и собранію фактовъ проявленія загробной жизни между живущими. У спиритовъ, такъ же какъ у позитивистовъ, вся дѣятельность направлена на обогащеніе экспериментальной части, а другая умозрительная часть знаній положительно отсутствуетъ.

Намъ кажется, что какъ химіи предшествовала алхимія, какъ астрономіи предшествовала астрологія, такъ и спиритизмъ есть начало будущей великой, истинной, міровой науки. Несмотря на всю молодость спиритизма, въ немъ накоплено въ

настоящее время такое неимовѣрное количество всевозможныхъ сверхчувственныхъ явленій, состояній, настроеній, фактовъ и всевозможныхъ данныхъ самаго непонятнаго и чудеснаго характера, которые ждутъ только геніальнаго обобщителя, который привелъ бы ихъ въ стройный и цѣльный видъ и представилъ бы ихъ всѣ въ одной связной системѣ, которая и послужила бы канвой для передѣлки всѣхъ позитивныхъ знаній на новый деистическій ладъ.

Ученые не должны забывать, что слово „чудо“, или названіе какого либо явленія природы чудеснымъ или сверхъестественнымъ не имѣетъ абсолютнаго значенія. Значеніе этого понятія сокращается по мѣрѣ развитія образованія въ человѣкѣ, и многое, что считается чудомъ у дикарей и чего боится невѣжество, совсѣмъ не кажется чудомъ для образованнаго человѣка. Образованіе и развитіе человѣка, завоевывая познаніями своими вселенную, мало по малу уничтожаетъ это понятіе. Чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ меньше для него чудесъ. Наука не должна бояться ихъ, ибо всякій разъ какъ ученые брались за изученіе чудесъ, такъ немедленно передъ ними расширялся горизонтъ, просвѣтлялись картины міра, и все непознаваемое, все чудесное и таинственное превращалось въ естественное и понятное, и прежнія чудеса передъ ними исчезали, но, конечно, возставали новыя, о которыхъ они прежде ничего не знали. Все дѣло совсѣмъ не въ невозможности изученія этихъ отвлеченныхъ областей мірозданія, но въ неразвитости людей, въ упорномъ традиціонномъ убѣжденіи, полученномъ ими еще съ молокомъ матери и закрѣпленномъ внушеніями нашихъ школъ, что дальше позитивныхъ предѣловъ идти нельзя. Спросите: „отчего же нельзя“? Вамъ всегда отвѣтятъ: „такъ принято“.

Задавалъ ли себѣ читатель вопросъ,—что такое общество со всѣми его модами, модными принципами, обычаями и приличіями? Вдумывался ли онъ, въ какихъ ежевыхъ рукавицахъ и неумолимыхъ тискахъ держатъ они каждаго человѣка, желающаго посѣщать это общество, его салоны и считаться его сочленомъ?

Попробуйте придти въ это общество въ черномъ галстукѣ въ то время, когда всѣ въ бѣлыхъ, или придти на балъ или взойти въ ложу бель-этажа въ сюртукѣ; или разрѣжьте за обѣдомъ рыбу ножемъ, и ваша репутація будетъ навсегда потеряна; послѣ этого можете себя считать выбывшимъ изъ него, и васъ уже болѣе приглашать никто не будетъ, такъ какъ вы не отвѣчаете его требованіямъ. Общество охотно прощаетъ

сочленамъ своимъ цѣлыя преступленія, пороки, слабости, страсти, но отступленіе отъ коренныхъ, самыхъ мелочныхъ принциповъ, обычаевъ и приличія наказываются жестоко, а потому всѣ стремятся ему понравиться, и угодить, чтобы не получить какого либо возмездія за свою строптивость. Девизъ общества есть: „Canaille tant que vous voulez, mais mauvais genre jamais". — Научныхъ вопросовъ въ обществѣ не принято затѣвать, но всякій долженъ представляться человѣкомъ, знающимъ науку или, по крайней мѣрѣ, ея принципы и быть въ курсѣ новѣйшихъ модныхъ открытій, принятыхъ наукой, и, главное, интересно знать всѣ памфлеты, направленные на еретиковъ науки.

Нашъ современный позивитизмъ не допускаетъ въ своихъ стѣнахъ изслѣдованія ничего сверхъестественнаго. Но вѣдь такая неестественность и можетъ существовать только при позитивныхъ, сухихъ, практическихъ, модныхъ взглядахъ общества на сущность земной жизни. Модный взглядъ на жизнь обязателенъ для всѣхъ. Стремясь имѣть какъ можно больше подписчиковъ, модная пресса обязана потакать моднымъ вкусамъ и взглядамъ и отвѣчать требованіямъ дня; и это одно условіе можетъ только и составить репутацію серьезной модной газеты или журнала. Они, какъ церберы, слѣдятъ за появленіемъ въ другихъ не модныхъ и вольнодумныхъ газетахъ и журналахъ сообщеній о какомъ нибудь чудесномъ фактѣ, который можно было бы поднять на смѣхъ и тѣмъ угодить обществу, наукѣ и наполнить столбцы своего изданія пикантной насмѣшкой, дающей лишнюю тему для веселыхъ разговоровъ и остротъ.

Случалось ли вамъ, читатель, наблюдать, какъ, если какой нибудь смѣльчакъ рѣшится разсказать въ обществѣ слышанный имъ отъ другихъ или бывшій съ нимъ самимъ какой нибудь фактъ изъ сверхчувственной области, то навѣрное вы замѣтили, что никто не пропуститъ этого удобнаго случая весело провести время и, конечно, и самъ разсказчикъ, и весь загробный міръ подвергались осмѣянію такимъ неприличнымъ образомъ, что, глядя со стороны, можно было бы поручиться, что никому изъ нихъ не придется никогда умирать и быть именно въ томъ положеніи, которое съ такимъ истерическимъ остервенѣніемъ осмѣивается ими.

Сколько разъ въ интимной бесѣдѣ, происходящей глазъ на глазъ, случалось мнѣ слышать разсказъ одного изъ этихъ ярыхъ насмѣшниковъ загробнаго міра въ обществѣ о какомъ нибудь происшествіи изъ сверхчувственной области, которое случилось или съ нимъ самимъ, или въ его семействѣ. Съ дрожью въ тѣлѣ и со слезами на глазахъ онъ разсказывалъ мнѣ, какъ самъ лично наяву видѣлъ своихъ умершихъ родителей, которые говорили ему и сообщили и т. д. — „Какое же право имѣли вы", спросишь его, съ такой яростью осмѣивать тогда-то въ такомъ то обществѣ совершенно аналогичный разсказъ?" — „Да развѣ въ обществѣ можно поднимать такіе вопросы?" отвѣчалъ онъ мнѣ. „Это крайне неприлично, это все равно, что въ общество явиться голымъ. Въ обществѣ мы обязаны соблюдать приличіе, какъ въ одеждѣ своего тѣла, такъ точно и въ маскированіи своихъ чувствъ; но, кромѣ того, эти темы священны для насъ, и мы неимѣемъ права касаться ихъ открыто всенародно и публично, это значило бы осквернять ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть неприличнымъ въ обществѣ, которое требуетъ свою извѣстную внѣшнюю личину во всемъ рѣшительно, не заботясь о внутреннемъ человѣкѣ. Я, правда, погорячился нѣсколько, наговорилъ много лишняго и за то я не спалъ нѣсколько ночей, меня укоряла моя совѣсть: но виноватъ ли я въ томъ? Виноватъ тотъ, кто осмѣливается поднимать такіе разговоры въ обществѣ".

Какъ трудно пробиться истинѣ черезъ заколдованный кругъ модныхъ толковъ и запутанностей земной практической жизни; тѣмъ не менѣе истина для угожденія имъ не станетъ другой. Послушаемъ по этому поводу слова трехъ великихъ ученыхъ, а именно:

1) **Артуръ Шопенгауеръ** сказалъ:

„Чтобы позволить себѣ насмѣхаться надъ тайными симпатіями или надъ магическими вліяніями, надо признать міръ вполнѣ понятнымъ. А это возможно лишь для того, кто смотритъ на міръ совершенно поверхностнымъ взглядомъ".

2) **Кантъ**, въ предисловіи къ своему сочиненію „Сны духовидца", говоритъ: „Не вѣрить ничему изъ того, что разсказываютъ съ нѣкоторой степенью достовѣрности, такой же глупый предразсудокъ, какъ вѣрить безъ критики всему, что говоритъ общая молва".

3) **Дарвинъ**, знаменитый авторъ „Происхожденія видовъ", писалъ одному Іенскому студенту: „Привычка къ анализу и къ научнымъ изслѣдованіямъ заводитъ человѣка слишкомъ далеко, пока не заставитъ его относиться окончательно недовѣрчиво къ одному опытному знанію.... Во всѣхъ же вопросахъ будущей жизни всякій долженъ искать истину между сомнительными вѣроятностями и ихъ опроверженіями", а слѣдовательно и возводить ихъ на степень своихъ положительныхъ знаній.

Тотъ, кому не случалось видѣть видѣній и не случалось даже провѣрять или разбирать видѣнное кѣмъ-либо, которому онъ вѣритъ безусловно, сдѣлаетъ вполнѣ правильно, если воздержится отъ всякаго сужденія о нихъ; ибо никакая наука, никакая научная логика, или человѣческая ученость не въ состояніи себѣ представить то, что можетъ въ дѣйствительности познать человѣкъ и временами совершенно ясно ощущать своими внутренними чувствами, которые до поры до времени таились въ самой глубинѣ человѣческаго существа.

„Одно изъ условій мудрости", сказалъ Сократъ (§ XXI), „состоитъ въ томъ, чтобы не думать, что ты знаешь того, чего ты въ дѣйствительности не знаешь".

Глава II.

Явленія изъ загробнаго міра.

Всякое явленіе изъ загробнаго міра всегда глубоко поражаетъ людей, видѣвшихъ ихъ и пережившихъ эти ужасныя минуты, въ теченіе которыхъ появлялись и исчезали призраки. Онѣ никогда не проходили, не оставивъ глубокихъ слѣдовъ въ жизни человѣка и не принеся ему радикальной духовной и нравственной пользы. Онѣ всегда открывали людямъ новыя чувства и впечатлѣнія, а слѣдовательно новыя области природы, познаніе которыхъ дѣлается положительной потребностью человѣка.

Самые ярые скептики, которымъ удавалось видѣть видѣнія изъ загробной жизни, брасали свои матеріалистическія и атеистическія убѣжденія, ибо то, что имъ приходилось перечувствовать и переживать въ теченіе какой-нибудь одной минуты, было достаточно для того, чтобы увидать, на сколько ничтожно и безцвѣтно ихъ знаніе и ихъ, такъ называемыя, разумныя отношенія къ природѣ, въ сравненіи съ истинною сутью жизни,—въ сравненіи съ міромъ чувствъ.

Человѣкъ, вслѣдствіе своей природной неразвитости въ связи съ порочнымъ чувствомъ упорнаго, научнаго тщеславія, можетъ, опираясь на свои микроскопическія и во всѣхъ отношеніяхъ шаткія знанія, храбриться и оспаривать то, о чемъ онъ не имѣетъ никакого понятія, но если глаза его откроются для уразумленія этихъ запрещенныхъ позитивизмомъ темъ, то для него дѣлается очевиднымъ весь его прошлый абсурдъ, вся его

дерзость, и онъ принужденъ покинуть свои фальшивые принципы, въ виду подавляющаго величія истинной сути жизни.

Выше мы сказали, что многія видѣнія изъ загробной жизни были удостовѣрены оффиціальными документами, не допускающими ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ правдивости; здѣсь мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Видѣніе Митрополиту Платону.

„Въ Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" помѣщенъ слѣдующій случай изъ жизни митрополита Платона, разказанный самимъ владыкою:

„Въ моей жизни есть одинъ случай, при которомъ я видѣлъ тѣнь другого человѣка, да при томъ такъ живо и отчетливо, вотъ какъ васъ вижу теперь. Это было въ 80-хъ годахъ, я былъ инспекторомъ С.-Петербургской духовной академіи, я былъ молодъ и дѣятеленъ. У насъ былъ въ числѣ студентовъ Иванъ Крыловъ—вотъ какъ теперь его вижу! Учился онъ недурно, былъ хорошаго поведенія и благообразнаго вида. Онъ приходитъ ко мнѣ и проситъ меня, чтобы я позволилъ ему отправиться въ больницу. Я думалъ себѣ: вѣрно онъ истощалъ, пусть тамъ его покормятъ курочкою, дадутъ бѣлаго хлѣбца и онъ поправится. Проходитъ нѣсколько времени; я объ немъ ничего не слышу; докторъ ничего не говоритъ. Разъ я лежу на диванѣ, на лѣвомъ боку, и читаю книгу, передо мной стоитъ ломберный небольшой столъ. Я отвелъ глаза отъ книги и вижу: за столомъ стоитъ Крыловъ и смотритъ на меня такъ пристально. Лицо его я вижу ясно, — вотъ какъ васъ, — но тѣло его было какъ бы въ туманѣ или облакѣ. Я опять взглянулъ на него... Онъ!... Меня передернуло. Призракъ точно понесся отъ стола къ окну и въ окнѣ скрылся. Я еще недоумѣвалъ, что бы это значило?... Вдругъ слышу стукъ въ мою дверь; я надѣлъ рясу и вижу, входитъ больничный сторожъ и говоритъ мнѣ: „студентъ Крыловъ Богу душу отдалъ".

— Давно ли?—спросилъ я въ изумленіи.

— „Да вотъ минутъ пять, я только собрался къ вамъ".— Вотъ извольте разгадать эту тайну, — сказалъ архипастырь, обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ при разсказѣ. Всѣ молчали. „Все это,—заключилъ владыка, — несомнѣнно доказываетъ намъ какую-то таинственную связь между нами и душами умершихъ".

Видѣніе Императора Павла.

Въ началѣ января 1798 года, когда Императрица Марія Ѳеодоровна готовилась быть матерью десятаго младенца, Императору Павлу I представлялась въ Зимнемъ дворцѣ депутація петербургскихъ старообрядцевъ для выраженія ему чувствъ признательности за оказываемое имъ покровительство. Купецъ Маловъ поднесъ Императору древнюю икону Михаила Архангела въ драгоцѣнной, золотокованной ризѣ. Государь очень милостиво принялъ депутацію; икона была поставлена въ кабинетѣ Государя, и передъ нею затеплена лампадка.

Въ сумерки этого дня Павелъ I, возвратясь въ свой кабинетъ съ половины своей супруги, состояніе здоровья которой внушало ему серьезныя опасенія, въ глубокой задумчивости сѣлъ въ кресло у стола и устремилъ свои прекрасные голубые глаза на икону, поднесенную ему старообрядцами. Тихій шорохъ пробудилъ его отъ задумчивости; онъ оглянулся: у дверей стоялъ старикъ въ монашеской рясѣ, съ красивымъ лицомъ, изборожденнымъ морщинами, съ длинною сѣдою бородою, съ кроткимъ, привѣтливымъ взглядомъ. Какъ онъ попалъ въ кабинетъ Государя? Объ этомъ Павелъ Петровичъ никогда никого не спрашивалъ.

— Что скажешь, сударь?—обратился онъ къ незнакомцу.

— Супруга твоя—отвѣчалъ тотъ — подаритъ тебя сыномъ Михаиломъ. Этимъ же именемъ святаго архангела ты наречешь дворецъ, который строишь на мѣстѣ своего рожденія. Помни слова мои: „Дому твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней".

И таинственный гость исчезъ за дверью, какъ показалось Государю. 28 января Императрица разрѣшилась отъ бремени сыномъ, и, по желанію Павла I, ему, при молитвѣ, дано было имя Михаилъ.

Въ то самое время, когда грохотъ пушекъ съ бастіоновъ Петропавловской крѣпости возвѣстилъ жителямъ столицы о приращеніи царской семьи, любимецъ Государя, графъ Кутайсовъ, доложилъ ему, что дежурный по внутреннему дворцовому караулу офицеръ желаетъ сообщить Государю, по секрету, нѣчто важное.

Въ первую минуту Императоръ встревожился, — подобно всѣмъ нервнымъ людямъ, при всякомъ внезапномъ извѣстіи, онъ ощущалъ непріятное болѣзненное чувство.—„Пошли его сюда!"—сказалъ онъ, нѣсколько пріободрившись.

— Честь имѣю донести Вашему Императорскому Величеству — отрапортовалъ офицеръ, — что на посту, занимаемомъ часовымъ наменбургскаго полка, произошелъ необыкновенный казусъ...

— Какой такой, сударь?

— Часовой, вѣроятно, въ припадкѣ горячки, доложилъ мнѣ о какомъ-то бывшемъ ему видѣніи... Какой-то старецъ, въ монашеской рясѣ, въ самый моментъ разрѣшенія отъ бремени Ея Императорскаго Величества, подойдя къ часовому, сказалъ: „Напомните, Государю, чтобы новорожденный названъ былъ Михаиломъ, а вновь строющійся дворецъ — Михайловскимъ".

— Прислать сюда часоваго!—крикнулъ Государь.

Часовой, дрожа отъ страха, изъ слова въ слово повторилъ то, что дежурный по караулу передалъ Императору. Къ удивленію солдата и офицера, Государь сказалъ:

— Знаю, знаю... Это уже исполнено!

Часовому Государь приказалъ выдать щедрую награду, а офицеру пожаловалъ орденъ Св. Анны.

На другой день онъ потребовалъ къ себѣ архитектора Бренно.

— На главномъ фронтонѣ, обращенномъ къ Итальянской улицѣ—приказалъ ему Государь — сдѣлайте надпись эту самую—онъ подалъ ему лоскутокъ бумаги, на которой собственною рукою Государя было начертано:

„Дому твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней".

Историкъ, сообщающій объ этомъ событіи, отвѣчаетъ, что число буквъ (47) вышеприведенной надписи, и до нынѣ сохранившеися на фронтонѣ Михайловскаго замка, равняется числу лѣтъ, прожитыхъ Императоромъ Павломъ (1754+1801). (Ребусъ 1887 г., стр. 386).

Видѣніе Императрицы Анны Іоановны.

Одинъ изъ родственниковъ дѣда моего, князя Андрея Николаевича Щербатова,—сообщаетъ графиня А. А. Блудова въ „Русскомъ Архивѣ" 1889 г., книжка I, — разсказывалъ, какъ очевидецъ, объ извѣстномъ, неразгаданномъ явленіи передъ смертью Анны Іоановны.

„Его товарищъ былъ дежурный со взводомъ солдатъ въ караулѣ, вечеромъ, за нѣсколько дней до смерти Анны Іоанновны. Это было во дворцѣ, на Фонтанкѣ, у Аничкина моста, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ теперь Троицкое подворье, въ покояхъ митрополита Московскаго. Караулъ стоялъ въ комнатѣ подлѣ тронной залы; часовой былъ у открытыхъ дверей. Императрица уже удалилась во внутренніе покои. Все стихло. Было уже за полночь, и офицеръ усѣлся чтобы вздремнуть. Вдругъ часовой зоветъ на караулъ, солдаты вскочили на ноги, офицеръ вынулъ шпагу, чтобы отдать честь. Онъ видитъ, что Императрица Анна Іоанновна ходитъ по тронной залѣ взадъ и впередъ, склоня задумчиво голову, закинувъ назадъ руки, не обращая вниманія ни на кого. Часовой стоитъ, какъ вкопанный, рука на прикладѣ, весь взводъ стоитъ въ ожиданіи; но что-то необычайное въ лицѣ Императрицы, и эта странность ночной прогулки по тронной залѣ начинаетъ ихъ всѣхъ смущать. Офицеръ, видя, что она рѣшительно не собирается идти дальше залы и не смѣя слишкомъ приблизиться къ дверямъ, дерзаетъ наконецъ пройти другимъ ходомъ въ дежурную женскую и спросить, не знаютъ ли намѣренія Императрицы. Тутъ онъ встрѣчаетъ Бирона и рапортуетъ ему, что случилось. — „Не можетъ быть,—говоритъ герцогъ,—я сейчасъ отъ Императрицы, она ушла въ спальню ложиться".

„Взгляните сами, она въ тронной залѣ".

Биронъ идетъ и тоже видитъ ее. „Это какая-нибудь интрига, обманъ, какой-нибудь заговоръ, чтобы подѣйствовать на солдатъ!" вскричалъ онъ, кинулся къ Императрицѣ и уговорилъ ее выйти, чтобы въ глазахъ караула изобличить какую-то самозванку, какую то женщину, пользующуюся нѣкоторымъ сходствомъ съ ней, чтобы морочить людей, вѣроятно, съ дурнымъ намѣреніемъ. Императрица рѣшилась выдти, какъ была, въ пудермантелѣ. Биронъ пошелъ съ нею. Они увидали женщину, поразительно похожую на нее, которая, ни мало не смутилась. „Дерзкая!" вскричалъ Биронъ, и вызвалъ весь караулъ. Офицеръ своими глазами увидѣлъ двѣ Анны Іоанновны, изъ которыхъ настоящую, живую можно было отличить отъ другой, только по наряду, и потому, что она вошла съ Бирономъ изъ другой двери. Императрица, постоявъ минуту въ удивленіи, выступила впередъ, пошла къ этой женщинѣ и спросила: „Кто ты, зачѣмъ ты пришла?" Не отвѣчая ни слова, та стала пятиться, не сводя глазъ съ Императрицы, отступая въ направленіи къ трону и, наконецъ, все-таки лицомъ къ Императрицѣ, стала подниматься, пятившись, на ступеньки подъ балдахиномъ". „Это дерзкая обманщица! Вотъ Императрица! Она приказываетъ вамъ, стрѣляйте въ эту женщину", сказалъ Биронъ взводу. Изумленный растерявшійся, офицеръ

скомандовалъ, солдаты прицѣлились. Женщина, стоявшая на ступеняхъ у самаго трона, обратила глаза еще разъ на Императрицу и исчезла. Анна Іоанновна повернувшись къ Бирону, сказала: „Это моя смерть!“, поклонилась остолбенѣвшимъ солдатамъ и ушла къ себѣ.

Графиня Штейнбокъ у гроба королевы Ульрики.

Когда шведская королева Ульрика скончалась въ своемъ дворцовомъ замкѣ въ окрестностяхъ Стокгольма, то тѣло ея, по обычаю, было выставлено въ открытомъ гробу на парадномъ катафалкѣ въ траурной комнатѣ. Отрядъ королевской лейбъ-гвардіи, занимая почетный караулъ, находился въ полномъ составѣ въ сосѣднемъ покоѣ. Около полудня, къ крыльцу замка подъѣхала карета статсъ-дамы королевы и ея искренняго друга—графини Штейнбокъ, пріѣхавшей изъ Стокгольма отдать послѣдній долгъ своей высокой покровительницѣ. Командывавшій почетнымъ карауломъ капитанъ вышелъ къ ней на встрѣчу, помогъ ей выйти изъ кареты и ввелъ ее въ траурную комнату, дверь которой графиня затворила за собою, показавъ тѣмъ, что желаетъ остаться одна со своею скорбію; такое ея очень понятное желаніе, офицеры, составлявшіе почетную стражу у гроба, поспѣшили исполнить и удалились всѣ изъ траурной комнаты, въ которой водворилась глубочайшая тишина.

Прошло не мало времени, а графиня не показывалась, тогда одинъ изъ офицеровъ, опасаясь, что съ статсъ-дамой сдѣлалось дурно, рѣшился отворить дверь и вдругъ съ ужасомъ отскочилъ назадъ. Всѣ находившіеся тутъ офицеры подбѣжали къ отворенной двери и ясно увидали, какъ покойная королева, стоя во весь ростъ въ гробу, крѣпко и нѣжно обнимала графиню Штейнбокъ. Явленіе представилось имъ какъ бы въ колебательномъ состояніи и, вскорѣ потомъ превратилось въ густой дымъ или туманъ; когда же онъ постепенно разсѣялся, то всѣ увидали тѣло королевы покойно лежащимъ въ своемъ парадномъ гробу въ прежнемъ положеніи, а графиня Штейнбокъ куда-то исчезла. Тщетно искали ее во всѣхъ сосѣднихъ комнатахъ, потомъ сбѣжали внизъ посмотрѣть карету, но и кареты, съ лошадьми, кучеромъ, лакеемъ, нигдѣ отыскать не могли. Тогда немедленно былъ посланъ въ Стокгольмъ курьеръ съ донесеніемъ о такомъ чрезвычайномъ происшествіи, и тамъ выяснилось, что графиня Штейнбокъ не выѣзжала изъ сто-

лицы, а умерла въ ту самую минуту, когда ее видѣли въ объятіяхъ королевы. О событіи этомъ составленъ былъ обстоятельный протоколъ и подписанъ всѣми присутствовавшими при немъ лицами. При протоколѣ находится еще особое показаніе командовавшаго почетнымъ карауломъ относительно важной тайны, ввѣренной ему покойною статсъ-дамою при самомъ еще входѣ ея въ траурную комнату. Протоколъ хранится въ Стокгольмскомъ государственномъ архивѣ.

Бѣлая Дама.

Бѣлая дама, какъ извѣстно всѣмъ въ Берлинѣ, является постоянно въ разныхъ замкахъ Германіи, начиная съ V столѣтія до нашихъ временъ; въ послѣднее время ее видѣли въ 1850 и 1879 гг. Ее видѣли сотни лицъ, не всегда вечеромъ, но и въ самый полдень; утверждаютъ даже, что она иногда говоритъ. Она является всегда въ томъ же неизмѣнномъ бѣломъ платьѣ, имѣя на головѣ вдовье покрывало съ большимъ бантомъ и ключами въ рукахъ; она высокаго роста и съ добрымъ выраженіемъ красиваго лица.

Во второй половинѣ XVI вѣка жила въ Германіи молодая вдова-красавица, владѣтельная маркграфиня Бранденбургъ-Байрейтская, урожденная графиня Орламюнде, мать двухъ прелестныхъ малютокъ. Въ нее влюбился маркграфъ Бранденбургскій, и маркграфиня отвѣчала ему взаимностью. Любовь эта была платоническая, нѣмецкая, подобная любви рыцаря Тогенбурга, который чуть ли не сорокъ лѣтъ пѣлъ серенады подъ окномъ своей жестокой возлюбленной. Однако же вздыханія и нѣжныя пѣсни маркграфа не удовлетворяли пылкихъ желаній маркграфини. Однажды она сказала маркграфу: „почему бы ему на ней не жениться?“ Этотъ весьма простой вопросъ смутилъ маркграфа, (который, замѣтимъ, былъ уже женатъ и тайно исповѣдывалъ лютеранизмъ, а графиня была католичка). Онъ отвѣчалъ весьма загадочно, что браку ихъ есть два непреодолимыя препятствія, и какъ не добивалась она, маркграфъ объявилъ ей, что сказать этого ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ. Маркграфиня, ослѣпленная страстью, поняла, что онъ намекаетъ на ея двухъ дѣтей отъ перваго брака—и, долго не думая, задушила своихъ малютокъ. При первомъ же его посѣщеніи она объявила ему, что препятствія къ ихъ браку болѣе не существуетъ и созналась въ своемъ преступленіи. Тогда маркграфъ, въ ужасѣ отшатнувшись отъ

нея, сказалъ въ чемъ именно состояли оба препятствія. Маркграфиня, назвавъ его убійцею дѣтей, покончила и съ собою; но передъ смертью, осыпая проклятіемъ и маркграфа, и все его потомство, дала обѣщаніе явиться ему и являться его потомкамъ передъ ихъ кончиною.

Съ тѣхъ поръ привидѣніе бывшей графини Орламюнде извѣстное въ Германіи подъ именемъ „Бѣлой Дамы“, въ теченіе трехъ вѣковъ являлось очень часто потомкамъ маркграфа.

Великій курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ, основатель королевства прусскаго, прославившійся удачными битвами съ поляками и со шведами, сынъ его Фридрихъ I и отецъ Фридриха Великаго, король-фельдфебель Фридрихъ-Вильгельмъ I—видѣли каждый передъ своею кончиною „Бѣлую Даму“. Всѣ трое были люди съ стальными нервами и уже никакъ не фантазеры, тѣмъ болѣе, что каждый разъ, кромѣ курфюрста и обоихъ королей, видѣли ихъ семейства, дворцовая прислуга, часовые... Медленно, подобно клубу тумана, привидѣніе проносилось по дворцовымъ покоямъ Кенигсберга, Берлина и Потсдама; появлялось въ опочивальняхъ умирающихъ, стоя въ ногахъ, или въ изголовіи ихъ постелей.

Вошелъ на прусскій престолъ Фридрихъ II—Великій, философъ-матеріалистъ, который абсолютно ни чему не вѣрилъ. О фамильномъ преданіи про „Бѣлую Даму“ онъ много слыхалъ еще въ дѣтствѣ отъ очевидцевъ и, вмѣстѣ съ Вольтеромъ, любилъ посмѣяться надъ суевѣрами. Семилѣтняя война, раздѣлъ Польши, война съ Австріею изъ-за наслѣдства баварскаго престола, „вооруженный нейтралитетъ“, дѣла по внутреннему благоустройству Пруссіи—отвлекали матеріалиста-короля отъ заоблачныхъ фантазій. Это былъ типъ упорнаго вольнодумца, истаго сына XVIII вѣка. Съ іюня 1786 года престарѣлый Фридрихъ сталъ прихварывать, старость замѣтно одолѣвала героя. Смѣясь надъ медициной, онъ, уступая просьбамъ окружавшей его родни, отдалъ себя на попеченіе докторовъ, взявъ вмѣсто сидѣлки стараго гусара, одного изъ своихъ сподвижниковъ при Росбахѣ. Старикъ ни на шагъ не отходилъ отъ короля; какъ вѣрный песъ смотрѣлъ ему въ глаза, предупреждая малѣйшія желанія. 3 августа 1786 года, часовой, стоявшій во внутреннихъ покояхъ дворца, съ ужасомъ сообщилъ гусару, что онъ видѣлъ „Бѣлую Даму“. Гусаръ выругалъ часоваго нехорошими словами, однако же счелъ своимъ долгомъ сообщить королю о явленіи призрака.

— Вздоръ! — отвѣчалъ больной.—Часовому стоило бы засыпать ста два фухтелей.... да чортъ съ нимъ; а ты не по-

вторяй пустяковъ. Это какая-нибудь камеръ-медхенъ шла на свиданіе съ пажемъ или камеръ-лакеемъ, либо ему пригрезилось съ просонья.

Вечеромъ слѣдующаго дня, 4 августа, король, сидя въ креслахъ, дремалъ; гусаръ сидѣлъ около него и вдругъ замѣтилъ у камина бѣлую фигуру. Не смѣя тревожить короля, онъ установилъ на нее глаза и очень явственно увидѣлъ бѣлую женщину.

— Видишь?—спросилъ король хриплымъ голосомъ.

— Кого, государь?

— Бѣлую женщину, около камина?

— Вижу, государь?

— Видно, камрадъ, бабьи сказки правду говорятъ,—продолжалъ король, спокойно всматриваясь.—Пусть же убирается къ чорту, откуда пришла!

— Говорятъ есть такія молитвы....

— Можетъ быть, но я ихъ не знаю!—усмѣхнулся король.

Онъ опять задремалъ. Видѣніе мало-по-малу исчезло, какъ дымъ. Къ ночи вѣсть о явленіи „Бѣлой женщины“ разнеслась по всему дворцу; оттуда и по всему городу. На слѣдующій день, 5 августа 1786 г., Фридрихъ скончался.

Черезъ три года послѣ тильзитскаго примиренія, въ 1810 году, когда король съ своимъ семействомъ собирался въ Подсдамъ, „Бѣлая Дама“ дважды явилась королевѣ Луизѣ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ графиня А. Д. Блудова съ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (Русскій Архивъ, 1873 г., № 11, стран. 2088—2090).

Королева уже собиралась переѣхать на лѣто въ Потсдамъ, и время, повидимому, шло незамѣтно въ хлопотахъ по приготовленію къ отъѣзду. Королева была съ m-lle Бишофсверденъ въ большой комнатѣ дворца, занятыя обѣ какимъ то дѣломъ, но мысль была далеко. Вдругъ королева вздрогнула и сказала, показывая на противоположную стѣну комнаты: „Видите ли?“

Фрейлина повернула голову. Вдоль стѣны шла, или, лучше сказать, двигалась медленно и плавно незнакомая женщина, вся въ бѣломъ, съ бѣлыми волосами и блѣднымъ, какъ смерть, лицомъ. Дрожь пробѣжала по членамъ фрейлины.—„Еще грозитъ бѣда“! сказала королева. Обѣ поняли, что это привидѣніе, именно „Бѣлая Дама“. Черезъ два, три дня королева собралась въ Потсдамъ и Шарлоттенбургъ. Она сошла съ лѣстницы садиться въ карету. Фрейлина шла за ней; уже отворены были дверцы экипажа; кто-то изъ придворныхъ чиновъ подалъ руку, чтобы посадить королеву, она уже под-

няла ногу, чтобы стать на подножки—и вдругъ попятилась и остановилась въ дверяхъ. Фрейлина подумала, что она оступилась, порѣшила подойти и остолбенѣла. Между дверями сѣней и дверцами кареты у самой подножки медленно и плавно, глядя прямо въ глаза королевѣ, проходила та же бѣлая, безжизненная фигура. Фрейлина видѣла ее своими глазами. Черезъ минуту королева поспѣшно сѣла въ карету и фрейлина съ ней. „Слава Богу“, — сказала Луиза: — „это до меня касается: я не ворочусь живой“!

Видѣніе Карла XI.

Протоколъ: „Я, Карлъ XI, король шведскій, въ ночь съ 16 на 17 сентября 1676 года болѣе обыкновеннаго страдалъ отъ своей болѣзни — меланхоліи. Я проснулся въ половинѣ двѣнадцатаго и, посмотрѣвъ случайно въ окно, замѣтилъ большое освѣщеніе въ залѣ государственныхъ штатовъ. Я спросилъ канцлера Бьелке, находившагося въ моей комнатѣ: „Что значитъ это освѣщеніе въ залѣ государственныхъ штатовъ? Не пожаръ ли?“ Но онъ мнѣ отвѣтилъ: „О нѣтъ, государь, это въ окнахъ отражается блескъ луны“. Я удовлетворился этимъ отвѣтомъ и повернулся къ стѣнѣ, чтобы отдохнуть, но я чувствовалъ сильное безпокойство и снова повернулся къ окну, и опять увидѣлъ освѣщенныя окна. Тогда я сказалъ себѣ: „Не можетъ быть, чтобы все было благополучно; но мой возлюбленный канцлеръ сказалъ: „Нѣтъ, это только отраженіе луны“. Въ это время вошелъ совѣтникъ Бьелке, чтобы узнать о моемъ здоровьѣ. Я спросилъ этого прекраснаго человѣка, не знаетъ ли онъ, не случилось ли въ залѣ совѣта несчастія или пожара? Онъ помолчалъ нѣсколько и отвѣтилъ: „Нѣтъ, слава Богу; луна отражается въ окнахъ, и отъ этого кажется будто-бы зала освѣщена“.

Я нѣсколько успокоился, но, снова взглянувъ на залу, замѣтилъ, что въ ней какъ-будто видны люди. Я всталъ, надѣлъ халатъ и, отворивъ окно, увидѣлъ въ залѣ штатовъ много огней. Тогда я сказалъ: „Господа, тутъ что-то не въ порядкѣ. Вы знаете, что кто боится Бога, — не долженъ бояться ничего другого на свѣтѣ. Я хочу пойти туда и узнать, что это можетъ быть“.

Я приказалъ присутствующимъ сходить къ вогенмейстеру и сказать ему, чтобы онъ пришелъ съ ключами. Когда онъ явился, я направился къ тайному проходу, находящемуся подъ

моей комнатой, направо отъ спальни Густава Эриксона. Когда мы пришли туда, я велѣлъ вогенмейстеру отворить дверь, но онъ въ страхѣ умолялъ пощадить его. Тогда я обратился съ той же просьбой къ канцлеру, но и онъ отказался. Я попросилъ тогда совѣтника Оксенштіерна, никогда ничего не боявшагося, отворить дверь, но онъ мнѣ отвѣтилъ: „Я поклялся жертвовать для вашего величества тѣломъ и кровью своею, но не клялся отворить эту дверь“. Тогда я самъ почувствовалъ смущеніе, но оправившись, взялъ ключи и замѣтилъ, что въ проходѣ все, даже полъ, было затянуто чернымъ. И я, и всѣ присутствовавшіе, дрожали. Мы направились къ дверямъ залы штатовъ. Я снова приказалъ вогенмейстеру отворить дверь, онъ снова просилъ пощадить его. Я просилъ о томъ же другихъ, сопровождавшихъ меня, но они просили уволить ихъ отъ исполненія моего приказанія. Тогда я взялъ ключи и отворилъ дверь, но только что хотѣлъ войти, какъ отступилъ въ большомъ смущеніи. Я поколебался одно мгновеніе, но потомъ сказалъ: „Господа, если вы послѣдуете за мной, мы увидимъ, что здѣсь происходитъ; можетъ быть Господу угодно дать намъ какое-нибудь откровеніе“. Они всѣ отвѣтили дрожащимъ голосомъ „да“, и мы вошли.

Мы увидѣли длинный столъ, вокругъ котораго сидѣло шестнадцать человѣкъ зрѣлаго возраста и достойной наружности; передъ каждымъ изъ нихъ лежала книга, а посреди ихъ сидѣлъ молодой король шестнадцати, семнадцати или восемнадцати лѣтъ, съ короной на головѣ и скипетромъ въ рукахъ. Направо отъ него сидѣлъ высокій и красивый мужчина, лѣтъ сорока; лицо его дышало честностію, и возлѣ него сидѣлъ мужчина лѣтъ семидесяти. Я замѣтилъ, что молодой король нѣсколько разъ потрясалъ головой, а окружавшіе его люди ударяли рукой по книгамъ, лежавшимъ передъ ними. Я посмотрѣлъ въ сторону и увидѣлъ тогда возлѣ стола плахи, все плахи, и палачей, рубившихъ одну голову за другой, такъ что кровь потекла по полу. Богъ мнѣ свидѣтель, мнѣ стало болѣе чѣмъ страшно. Я посмотрѣлъ на свои туфли, не доходитъ ли кровь до нихъ. Но этого не было. Казнь совершалась большей частью надъ молодыми дворянами. Я отвернулъ глаза и увидѣлъ тронъ почти опрокинутый, и рядомъ съ нимъ стоялъ человѣкъ, который казался регентомъ. Ему было около сорока лѣтъ. Я весь дрожалъ и, отойдя къ дверямъ воскликнулъ: „Что долженъ я выслушать отъ Господа? О, Боже, когда все это должно случиться?“

Я не получилъ отвѣта, но юный король потрясалъ голо-

вой, а окружавшіе его еще сильнѣе ударяли по своимъ книгамъ. Тогда я еще громче воскликнулъ: „О, Боже, когда же все это будетъ происходить? Смилуйся, о Боже, надъ нами и просвѣти насъ, что намъ подлежитъ тогда дѣлать!" Тогда юный король отвѣтилъ мнѣ: „Все это произойдетъ не при тебѣ, но во время шестаго государя послѣ тебя; онъ будетъ имѣть мой возрастъ и мою внѣшность, а вотъ этотъ—показываетъ—каковъ будетъ его попечитель; нѣсколько юныхъ дворянъ почти успѣютъ опрокинуть тронъ въ послѣдніе годы его попечительства; но тогда попечитель, до тѣхъ поръ преслѣдовавшій молодаго короля, серьезно возьмется за свою обязанность. Онъ укрѣпитъ тронъ, и король сдѣлается сильнѣе всѣхъ своихъ преемниковъ, и шведскій народъ будетъ благоденствовать подъ его скипетромъ. Король этотъ достигнетъ необычнаго возраста, оставитъ королевство безъ долговъ и съ нѣсколькими милліонами въ казнѣ. Но прежде, чѣмъ онъ укрѣпится, потекутъ такіе ручьи крови, какъ не бывало доселѣ въ Швеціи и никогда не будетъ. Оставь же ему, какъ королю Швеціи, хорошія указанія".

Когда онъ кончилъ — все исчезло, и въ залѣ остались только мы, съ нашими свѣтилниками. Мы вышли въ глубочайшемъ изумленіи, какъ всякій можетъ себѣ легко представить, и когда мы проходили черезъ комнату, обитую чернымъ, то обивка вся исчезла и все было въ обычномъ порядкѣ. Мы вернулись въ мою комнату, и я тотчасъ же сѣлъ, чтобы записать, какъ могъ, это предостереженіе. И все это истина. Я утверждаю это клятвой моей также истинно, какъ Господь мнѣ да поможетъ. Карлъ XI, нынѣшній король Швеціи.—Какъ свидѣтели, бывшіе на мѣстѣ, мы видѣли все, какъ описано его величествомъ, и утверждаемъ разсказъ его своей клятвой, также истинно, какъ Господь намъ да поможетъ. Карлъ Бьелке, канцлеръ. Н. В. Бьелке, совѣтникъ. А. Оксенштіерна, совѣтникъ. Петръ Грауэленъ, вице - вогенмейстеръ".

Протоколъ этотъ заимствованъ газетой „Journal de Debats" отъ 2 марта 1888 года изъ Исторіи королей шведскихъ Карльсона.

Еще нѣкоторыя видѣнія.

Кромѣ этихъ примѣровъ можно было бы привести много случаевъ, гдѣ явленія были также подтверждены вполнѣ безспорными доказательствами, а слѣдовательно должны быть

приняты за реальные факты, наглядно доказывающіе, что у человѣка, кромѣ видимаго и грубаго тѣла, есть дѣйствительно другое, которое переживаетъ его, но что оно бываетъ видимо только при извѣстныхъ и исключительныхъ обстоятельствахъ.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ можемъ заключить, что эти тѣла бываютъ иногда даже совершенно не такъ эфирны; капитанъ, напримѣръ, высадилъ графиню Штейнбокъ изъ кареты подъ руку, слѣдовательно, онъ ее чувствовалъ, трогалъ и не нашелъ разницы между сложеніемъ обыкновеннаго живого тѣла и настоящимъ сложеніемъ тѣла графини; потомъ она говорила съ нимъ и передавала секреты королевы, которые никогда и никто, кромѣ королевы и графини, не зналъ. Впрочемъ, фактъ матеріальности духовъ въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ не подлежитъ болѣе сомнѣнію съ тѣхъ поръ, какъ удалось снять съ духовъ фотографическіе снимки и гипсовые слѣпки.

Въ большинствѣ случаевъ видѣнія являются человѣку неожиданно, моментально и совершенно такъ же скоро исчезаютъ и пропадаютъ безслѣдно, а слѣдовательно имѣть вполнѣ неоспоримыя данныя, при описаніи подобныхъ явленій, не всегда возможно. Вотъ главная причина, почему многія изъ подобныхъ явленій остаются совершенно неузнанными и не охотно разсказываются тѣми, которые ихъ видѣли, тѣмъ болѣе, что вообще не только ученые, но и многіе изъ публики часто признаютъ эти видѣнія за игру воображенія.

Недовѣріе это имѣетъ свои основанія, ибо человѣкъ, въ минуты появленія призраковъ, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ не въ нормальномъ состояніи, а подъ нѣкоторымъ психическимъ аффектомъ, и можетъ подъ вліяніемъ его искажать фактъ. Тѣмъ не менѣе бываютъ случаи, гдѣ человѣкъ и не подозрѣваетъ, что видитъ призракъ и только послѣ всего видѣннаго узнаетъ, что это былъ духъ, а не человѣкъ. Въ такомъ случаѣ мы не можемъ даже и подозрѣвать психическаго аффекта.

Приведу пять соотвѣтствующихъ примѣровъ:

1) Докторъ Вакуловскій разсказываетъ слѣдующее: „Моя служба заставляетъ меня дежурить въ госпиталѣ. Однажды, въ минувшую зиму, я только-что улегся спать, какъ вдругъ стучитъ кто-то. Отворяю дверь, вижу фельдшеръ. „Ваше благородіе, въ палатѣ № такой-то, больной очень плохъ". „Хорошо,—сказалъ я,—сейчасъ иду". Подымаюсь по лѣстницѣ и вижу,—стоитъ больной въ халатѣ, какъ живой.—„Зачѣмъ не

спишь?"—сказалъ я, и вдругъ больнаго—какъ нѣтъ. Прихожу въ палату, а фельдшеръ говоритъ: „Сейчасъ успокоился". Прикладываю руку ко лбу — холодный; щупаю пульсъ—не бьется; кладу руку на сердце—все тихо... А больной—вылитое лицо того, что попался мнѣ на встрѣчу на лѣстницѣ. Я не передавалъ никому этого разсказа, только внесъ его въ свою записную книжку. Вернувшись въ дежурную, я не могъ тотчасъ же спать, а сѣлъ писать и написалъ статью по поводу рожденія А. В. Жуковскаго, появившуюся потомъ въ Русинской газетѣ „Слово". Очевидно, мозгъ мой не былъ вовсе настроенъ къ чему-либо фантастическому, о чемъ не замедлили бы начать говорить иные, если бы я вздумалъ разсказать имъ этотъ фактъ. Значитъ не галлюцинаціей было то, что я увидѣлъ передъ собою умершаго больнаго"...

2) Г-нъ Т., старый холостякъ, не вѣрящій ни во что сверхъестественное, имѣлъ привычку каждый вечеръ передъ сномъ гулять, иногда навѣщать любимаго своего племянника и, если застанетъ его дома, то, просидѣвши у него до половины двѣнадцатаго, никакъ не позже, возвращался домой, сопутствуемый племянникомъ.

Въ одну изъ такихъ возвратныхъ прогулокъ дядя, подходя къ своему дому (жилъ онъ въ нижнемъ этажѣ, на улицу), обратился къ племяннику съ замѣчаніемъ: „Странно, что у меня въ кабинетѣ свѣтъ!" Племянникъ съ удивленіемъ замѣтилъ то же самое. Интересуясь этимъ, они заглянули въ окно и что же увидѣли?—Самъ дядя, въ халатѣ и ермолкѣ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, немного спустя всталъ, взялъ со стола свѣчу и ушелъ за драпировку, раздѣлявшую спальню отъ кабинета, потомъ завернулъ занавѣсъ и свѣча потухла. Дѣйствительный дядя на столько испугался, что, несмотря на стремленіе племянника изслѣдовать фактъ, заявилъ, что идетъ ночевать къ нему и такъ настоятельно, что племяннику пришлось согласиться.

На другой день, рано утромъ, когда всѣ еще спали, лакей дяди, старикъ Василій, прибѣжалъ, спрашивая испуганно и торопливо у прислуги племянника, тутъ ли его баринъ? Послѣ утвердительнаго отвѣта онъ умолялъ какъ можно скорѣе доложить о его приходѣ. Когда его ввели въ спальню, гдѣ спалъ дядя, Василій, заикаясь и путаясь, сообщилъ, что потолокъ надъ кроватью барина провалился, и что Господь спасъ его отъ вѣрной смерти. Всѣ были поражены. Какъ это объяснить? (19 января 1884 г.).

3) Случай изъ жизни писателя и эмигранта Кельсіева, разсказанный имъ самимъ:

„Это было давно, когда я еще учился въ коммерческомъ училищѣ. Я жилъ на квартирѣ недалеко отъ училища, а отецъ мой съ семействомъ жилъ на Васильевскомъ островѣ. Онъ служилъ чиновникомъ въ таможнѣ и занималъ казенную квартиру около биржи. Занятый службою, онъ посѣщалъ меня рѣдко. Однажды ночью, когда я еще не ложился спать и читалъ какую-то книгу, бывши одинъ въ комнатѣ, вижу: моя дверь отворилась и въ комнату входитъ мой отецъ, блѣдный такой, печальный. Я нисколько не удивился его приходу, объясняя оный естественною отцовскою заботливостью обо мнѣ. Прямо подошелъ ко мнѣ и говоритъ: „Вася, я пришелъ тебя благословить... живи хорошенько и не забывай Бога". Сказавъ это, онъ благословилъ меня какъ слѣдуетъ и скрылся, т.-е. вышелъ въ эту же дверь. Это посѣщеніе не произвело на меня никакого впечатлѣнія, какъ вещь обыкновенная,—отецъ часто приходилъ ко мнѣ и такъ же скоро уходилъ. Но каково же было мое удивленіе, когда немного спустя, послѣ ухода моего отца, ко мнѣ стучатъ въ дверь (такъ какъ я заперся, чтобы ложиться спать). Отворивъ дверь, я увидѣлъ кучера, пріѣхавшаго за мною. Онъ мнѣ сказалъ, что отецъ мой только что скончался. И дѣйствительно, какъ оказалось, онъ умеръ не болѣе часа тому назадъ и именно почти въ то самое время, когда я видѣлъ его у себя въ комнатѣ. Тутъ для меня стало все ясно: благословлялъ меня отецъ, уже умершій".

4) Докторъ, послѣ многочисленныхъ визитовъ, сидѣлъ вечеромъ нѣсколько усталый въ своемъ пріемномъ кабинетѣ; когда пробила половина девятаго, онъ подумалъ, что пора ему закончить пріемъ и отдохнуть, и всталъ съ своего кресла, чтобы запереть дверь, но въ эту минуту она отворилась и въ комнату вошла дѣвочка, худенькая и блѣдная, съ большимъ платкомъ на головѣ, и такъ обратилась къ моему другу: „Докторъ, пожалуйста, навестите мою мать,—она очень больна". Докторъ спросилъ у дѣвочки ея имя, имя матери и ихъ адресъ, на что та отвѣтила ему совершенно внятно, и онъ подошелъ къ своему письменному столу, стоявшему въ глубинѣ кабинета, чтобы записать ея слова. Записывая, ему пришло въ голову идти къ больной тотчасъ же, вмѣстѣ съ дѣвочкой, но когда онъ отвернулся, чтобы сказать ей это, ея уже не было въ комнатѣ. Быстро отворивъ двери, онъ вышелъ на подъѣздъ, посмотрѣлъ во всѣ стороны, дѣвочки нигдѣ не было. Не мало удивленный ея быстрымъ исчезновеніемъ, онъ на-

скоро взялъ свою шляпу и палку и послѣдовалъ за нею. Безъ труда нашелъ онъ домъ по данному адресу, и былъ введенъ къ больной: „Я врачъ,—сказалъ онъ,—вы посылали за мной"? „Нѣтъ, не посылала", отвѣтила больная". Думая, что онъ ошибся адресомъ, докторъ, читая въ своей записи, спросилъ: такъ ли ея имя? и получилъ утвердительный отвѣтъ. „А есть ли у васъ дочка такого-то имени?" На этотъ вопросъ больная отвѣтила не тотчасъ-же; на глазахъ ея блеснула слеза, прежде чѣмъ она выговорила съ замѣтнымъ волненіемъ: „Нѣтъ, докторъ, теперь нѣтъ. У меня была дѣвочка, которую звали этимъ именемъ, но она умерла полтора часа тому назадъ?" „Умерла? гдѣ умерла?" спросилъ докторъ.—„Здѣсь", отвѣчала мать. „Гдѣ же лежитъ ея тѣло?"—„Въ сосѣдней комнатѣ". Старшая дочь больной повела туда доктора, и онъ узналъ въ умершей ту дѣвочку, которая приходила звать его къ больной матери.

5) Случай этотъ сообщенъ самимъ сэромъ Эдмондомъ Горбни, главнымъ судьею высшаго консульскаго суда въ Китаѣ и Японіи, который самъ о себѣ говоритъ какъ „о человѣкѣ закона, какъ по образованію, такъ и по семейнымъ традиціямъ, не способномъ давать волю своему воображенію и не вѣрящемъ въ чудесное".

Онъ разсказываетъ, что, живя въ Шанхаѣ, имѣлъ обыкновеніе принимать у себя по вечерамъ газетныхъ репортеровъ, приходившихъ къ нему для полученія судебныхъ приговоровъ, которые на другой день должны были появиться на страницахъ газетъ. Репортеры довольно аккуратно посѣщали его съ упомянутой цѣлью; въ особенности Г-нъ X...., бывшій издателемъ одной вечерней газеты. Это былъ странный, молчаливый человѣкъ, очень мало говорившій о себѣ и, очевидно, много испытавшій горя въ своей жизни. Я съ нимъ не былъ знакомъ иначе, какъ съ газетнымъ репортеромъ и другихъ отношеній къ нему не имѣлъ.

Въ тотъ день, когда имѣлъ мѣсто необъяснимый случай, о которомъ хочу разсказать, въ 1875 или въ 1876 году, я ушелъ въ свой кабинетъ, часъ или два спустя послѣ обѣда и занялся перепиской судебныхъ рѣшеній. Въ половину двѣнадцатаго часа ночи я окончилъ свою работу, позвонилъ камердинера и передалъ ему пакетъ съ переписанными приговорами для передачи репортеру, еслибы онъ за ними пришелъ. Не было еще полуночи, когда я раздѣлся и легъ въ постель. Нужно замѣтить, что я сплю очень чутко, въ противоположность женѣ моей, которая, напротивъ, спитъ очень крѣпко, такъ что бываетъ трудно разбудить ее въ первый періодъ сна. Французская постель помѣщалась какъ разъ напротивъ камина, на которомъ стояли часы. Газъ вполнѣ не потушался, но только уменьшался, такъ что во всякое время ночи, не вставая съ постели, я имѣлъ возможность свободно различать время, когда просыпался и закуривалъ, по своему обыкновенію, сигаретку.

Я уже успѣлъ заснуть, когда внезапно былъ разбуженъ стукомъ въ дверяхъ моего кабинета. Полагая, что стукъ произведенъ камердинеромъ, который пришелъ посмотрѣть, все-ли въ порядкѣ и уменьшенъ-ли газъ, я повернулся на другой бокъ съ намѣреніемъ снова уснуть. Но тутъ раздался снова стукъ, но уже въ дверяхъ моей спальни. Все еще полагая, что это камердинеръ, имѣющій надобность передать что-нибудь мнѣ, я сказалъ: „войдите". Дверь отворилась, и къ моему изумленію, вошелъ г. X., репортеръ. Я приподнялся съ постели и сказалъ: „Вы, вѣроятно, ошиблись дверью, рѣшенія переданы камердинеру, ступайте и получите ихъ отъ него". Но вмѣсто того, чтобы выйти, онъ приблизился ко мнѣ и сталъ въ ногахъ постели. „Г-нъ X.,—сказалъ я,—вы забываетесь, будьте столь добры, выйдите отсюда, вы злоупотребляете моей любезностію!" Онъ былъ смертельно блѣденъ; одѣтъ какъ обыкновенно и, очевидно, не былъ пьянъ.—„Я знаю, сказалъ онъ, что моя настойчивость не извинительна, но, не найдя васъ въ кабинетѣ, я рѣшился идти сюда". Я началъ терять терпѣніе, но что то было въ наружности этого человѣка, что меня останавливало вскочить съ постели и вытолкать его за дверь. Я отвѣчалъ спокойно: „Все это можетъ быть такъ, но въ настоящую минуту прошу васъ выйти". Но вмѣсто того, онъ оперся рукой о постель и тихо, какъ бы страдая, опустился на постель въ ногахъ у меня. Я взглянулъ на часы, было двадцать минутъ втораго. Я опять повторилъ: „Камердинеръ получилъ рѣшенія въ одинадцать часовъ, спуститесь къ нему и возьмите ихъ". Онъ отвѣчалъ: „Простите меня, пожалуйста, но если бы вы знали всѣ обстоятельства, вы бы не отказали мнѣ въ моей просьбѣ. Время не ждетъ. Дайте мнѣ сокращенное рѣшеніе, и я запишу его въ своей книжкѣ", и съ этими словами онъ изъ кармана вынимаетъ свою репортерскую книжку. Я отвѣчалъ: „Теперь не время, спуститесь съ лѣстницы, отыщите камердинера и не разстраивайте меня, вы разбудите мою жену, иначе я принужденъ буду силою выпроводить васъ отсюда". Онъ сдѣлалъ движеніе рукою. Я опять спросилъ: „Кто васъ впустилъ?"—„Никто",—отвѣтилъ онъ.—„Проклятіе, вскричалъ я,—какого чорта вамъ нужно отъ меня,—пьяны вы,

что-ли?"—Онъ отвѣчалъ спокойно: „Нѣтъ и никогда больше пьянымъ не буду. Но я прошу васъ, сэръ, дать мнѣ ваши рѣшенія, такъ какъ времени остается немного".—„Вы кажется, очень мало безпокоитесь о моемъ времени, и это въ послѣдній разъ, что я позволяю репортеру переступить порогъ моего дома". Онъ отвѣчалъ отрывисто: „Это въ послѣдній разъ, что я васъ вижу здѣсь, или въ другомъ мѣстѣ".

Опасаясь, чтобы эта сцена не разбудила моей жены и не испугала ее, я въ самыхъ сокращенныхъ выраженіяхъ продиктовалъ ему свои рѣшенія, которыя онъ, казалось, стенографировалъ. Это продолжалось отъ двухъ до трехъ минутъ. Когда я кончилъ, онъ поднялся, поблагодарилъ меня, просилъ извинить за безпокойство, открылъ дверь и вышелъ; я взглянулъ на часы, было ровно половина втораго. Въ это время проснулась леди Горбни и, полагая, что она слышала нашъ разговоръ, я передалъ ей, что случилось. На другой день, одѣваясь, я опять пересказалъ ей ночное приключеніе.

Я прибылъ въ судъ за нѣсколько минутъ до 10 часовъ. Приставъ вошелъ въ мою комнату, подалъ мнѣ мою судейскую одежду и сказалъ: „Сэръ, случилось печальное происшествіе сегодня ночью. Бѣдный X. былъ найденъ мертвымъ въ своей комнатѣ".—,,Боже мой! возможно ли это! — воскликнулъ я,— отчего и въ какое время онъ умеръ?''—,,Кажется, что онъ поднялся въ свою комнуту по обыкновенію въ десять часовъ, чтобы работать для своей газеты. Около полуночи жена заходила къ нему спросить, скоро ли онъ кончитъ и пойдетъ спать, но онъ отвѣчалъ: ,,Мнѣ остается только приготовить отчетъ о судебныхъ рѣшеніяхъ и я кончу''. Однако въ часъ съ четвертью жена вторично зашла къ нему и опять увидѣла его пишущимъ, а потому не пожелала ему мѣшать. Черезъ четверть часа она снова постучалась къ нему и позвала черезъ дверь. Не слыша отвѣта и полагая, что онъ задремалъ, сидя за работой, она приблизилась къ нему, чтобы разбудить и, о ужасъ!—нашла его мертвымъ. Его записная книжка, которую я принесъ съ собою, лежала на землѣ. Жена послала за докторомъ, который пришелъ немного послѣ двухъ часовъ и объявилъ, что смерть послѣдовала около часа тому назадъ''. Я взглянулъ въ записную книжку. Въ ней послѣ обычнаго предисловія ,,Въ высшемъ консульскомъ судѣ, главнымъ судьею Г. постановлены рѣшенія по слѣдующимъ дѣламъ'', — видны были стенографическія письмена, которыхъ я разобрать не могъ.

Изъ двухъ разслѣдованій, произведенныхъ одно у репортера, другое у судьи, оказалось, что репортеръ не выходилъ въ эту ночь совсѣмъ изъ дому и если-бы даже и вздумалъ выйти,—не могъ попасть къ судьѣ, такъ какъ всѣ двери, по обыкновенію, были заперты. ,,И теперь, какъ и тогда, — продолжаетъ сэръ Эдмондъ Горбни,—я утверждаю, что я не спалъ и былъ въ полномъ сознаніи''.

Въ этихъ послѣднихъ пяти примѣрахъ нѣтъ возможности предположить ни психическаго аффекта, ни игры воображенія. Если нѣтъ здѣсь ни того, ни другого, то надо заключить, что подобныя видѣнія реальны. Если же они реальны, то нельзя ли въ наукѣ найти, если не прямыхъ, то, по крайней мѣрѣ, косвенныхъ указаній для возможности какого либо хотя примѣрнаго указанія сущности этихъ явленій, чтобы выяснить себѣ, хотя бы въ общихъ чертахъ: что такое человѣкъ? Какіе элементы составляютъ его существо? Что остается при немъ послѣ его смерти и, наконецъ, что покидаетъ и оставляетъ онъ землѣ, разставаясь съ ней?

Глава III.

Душа.

Душа матеріалистовъ и позитивистовъ.

Мышленіе матеріалистовъ и позитивистовъ никогда еще не простиралось такъ далеко, чтобы замѣтить въ человѣкѣ хотя какое либо одно изъ всѣхъ вышеуказанныхъ сверхчувственныхъ ощущеній, состояній или явленій. Большинство позитивистовъ не только не вѣритъ и не допускаетъ ихъ совсѣмъ, но не допускаетъ никакого ровно отвлеченнаго или духовнаго элемента въ строеніи человѣческаго существа и ровно ничѣмъ не отличаетъ существо человѣка отъ животныхъ, животныхъ отъ растеній, растеній отъ кристалловъ, кристалловъ отъ обыкновенной неорганической матеріи. По строенію своему все видимое въ природѣ признается ими аналогичнымъ.

Напримѣръ **М. Литтре** въ своемъ „Медицинскомъ Лексиконѣ“ говоритъ: „Слово душа выражаетъ совмѣстность всѣхъ отправленій головного и спинного мозга и совмѣстность мозговыхъ ощущеній, т.-е. пониманіе внѣшнихъ предметовъ, сумму потребностей и наклонностей, служащихъ къ сохраненію самого себя, расы и отношеній къ другимъ существамъ; способность составлять воображеніе, языкъ, выраженія, проявлять свою волю и, наконецъ, способность приводить въ дѣйствіе всю ассоціацію мускуловъ и тѣмъ дѣйствовать на окружающую среду“.

Матеріалисты учатъ, что смерть парализуетъ отправленія мозга и души, или то, что подразумѣвается подъ этимъ именемъ, уничтожается съ разложеніемъ тѣла. Всю разумную сторону человѣкѣ они считаютъ вполнѣ связаной съ отправленіями и строеніемъ его мозга, вслѣдствіе этого, со смертью, все должно будто бы разрушаться. Это факелъ, который зажигается съ жизнію и гаснетъ безвозвратно.

„Человѣкъ“, говорятъ матеріалисты, „рождается отъ зародыша, живетъ и умираетъ, какъ растенія и животныя, и совершенно такъ же развивается. Въ растеніяхъ и животныхъ со смертію все пропадаетъ, — отчего было бы это иначе у человѣка?“

По воззрѣнію матеріалистовъ, всѣ проявленія въ человѣкѣ, органическія, физическія, интеллектуальныя и нравственныя, зависятъ единственно отъ его организма. Мозгъ имѣетъ способность производить или образовывать мысль, воображеніе, память, добродѣтели и пороки совершенно такъ же, какъ печенка имѣетъ способность производить желчь, а слюнная железа—слюну.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

„Всѣ способности, которыя мы разумѣемъ подъ именемъ души“, говоритъ Карлъ Фогтъ (въ Phisiologische Brief, стр. 206) „ничто иное, какъ отправленія мозговаго вещества. Между мыслію и мозгомъ такое же отношеніе, какъ между желчью, печенью, почками и ихъ отдѣленіями“.

Кабанисъ поворитъ прямо: „Мысль есть только выдѣленіе мозга“.

„Всѣ поступки человѣка суть неизбѣжные продукты мозгового вещества“, сказалъ Тэнъ, „порокъ и добродѣтель такіе же продукты, какъ сѣрная кислота и сахаръ“.

Молешоттъ сказалъ въ своемъ „Круговоротѣ Жизни“, что „человѣкъ есть сумма предковъ и кормилицъ, мѣста и времени, воздуха и погоды, звука и свѣта, пищи и одежды“.

Утверждая, что мысль есть результатъ работы мозга, матеріалисты впадаютъ въ ужасную ошибку. Мысль не матеріальна, не вещественна, а потому смѣшивать оба понятія— матерія и мысль, добродѣтель и сахаръ — не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Матерія, выдѣляющая мысль, должна тоже быть разумна. Предполагать разумъ въ матеріи, значитъ говорить несообразности. Матерія, которая разумна, имѣетъ мысль, перестаетъ быть матеріей, а потому не можетъ уже больше называться матеріей. Разумъ, мысль, воля — сами по себѣ не матеріальны, они не обладаютъ свойствами матеріи, они не имѣютъ ни протяженія, ни вѣса, ни непроницаемости, а слѣдовательно, они не могутъ быть продуктами, или проявленіями частей человѣческаго тѣла, имѣющихъ матеріальное сложеніе,

какъ-то: мозга и нервовъ; матерія можетъ произвести только матерію, а никакъ не отвлеченные предметы. И такъ ясно, что самъ мозгъ не можетъ производить мысль. Мы знаемъ, что мозгъ состоитъ изъ воды, фосфора, альбумина, кислорода и т. д. Если способность мыслить заключается не во всемъ мозгу, но въ какой-нибудь части его,—то въ какой же именно? Если бы мы предположили, что способность мыслить заключается въ какой-нибудь одной недѣлимой частичкѣ, въ какомъ-нибудь атомѣ, то и тогда мы не имѣли ли бы еще права отвергать безсмертіе души, потому что способность мыслить была бы такъ же неразрушима, какъ и самый атомъ. Но вѣдь при семъ надо, чтобы этотъ атомъ былъ бы одной природы, одного вида съ мыслію, чтобы производить мысль. Но въ этомъ случаѣ онъ не можетъ быть матеріальнымъ. Какого же онъ вида? Что же онъ такое?

Природа духа и матеріи до того различны одно отъ другого, что на всѣхъ языкахъ, у всѣхъ народовъ, во всѣ вѣка, ихъ считали элементами діаметрально противоположными. Законы и силы духа существуютъ независимо отъ законовъ и силъ тѣла. Сила воли очень различна отъ силы мускуловъ, честолюбіе отъ голода, внутреннее желаніе отъ жажды. Развѣ можно найти дѣйствіе матеріи въ нравственныхъ законахъ, которые управляютъ совѣстію?

Дѣйствительно, углубляясь внимательно въ сущность предмета, надобно удивляться, какъ люди, привыкшіе размышлять, могли дойти до того, чтобы считать за одно міръ духовный и міръ вещественный.

Всякое дѣйствіе должно имѣть свою причину, всякое разумное дѣйствіе должно имѣть свою разумную причину. Никто не смѣшаетъ звука кококола, когда веревку его случайно раскачаетъ вѣтеръ, съ тѣмъ звукомъ, который вызванъ кѣмъ-либо для возвѣщенія чего-нибудь. По звуку его мы сейчасъ отличаемъ, что приложена къ нему разумная воля, ибо никто не признаетъ въ матеріи колокола свойство мыслить, слѣдовательно и способность издавать цѣлесообразные звуки. Никто не думаетъ приписывать трупу человѣка разумъ или мысль, слѣдовательно не свойство матеріи заставляетъ его думать и дѣйствовать; — ясно, что есть же что-либо, лежащее отдѣльно отъ мертваго тѣла, которое оживляетъ его. При звонѣ колокола эта разумная причина всегда внѣ его. У человѣка она всегда внутри,—вотъ и сходство, и разница.

И такъ, человѣкъ неоспоримо долженъ состоять изъ двухъ существенно отличающихся другъ отъ друга элементовъ: одинъ — который думаетъ, другой — который не думаетъ. Это истина неоспоримая и очевидная. Мысль не имѣетъ ничего матеріальнаго, она сама и отправленія ея чисто духовныя. Рука, палецъ, ноготь нисколько не думаютъ, и какъ составъ ихъ, такъ и отправленія чисто матеріальные.

А. Р. Уоллесъ, ученыя заслуги котораго ставятъ его несомнѣнно на ряду съ Дарвиномъ, сказалъ въ своемъ „Естественномъ подборѣ“: „Кто хочетъ сказать, что духъ есть продуктъ вещества, долженъ предложить опредѣленное представленіе о веществѣ, ясно формулировать свойство его и показать, что необходимымъ результатомъ нѣкотораго сложнаго расположенія элементовъ или атомовъ этого вещества будетъ появленіе сознанія. Никакъ нельзя устранить слѣдующую диллему: или всякое вещество сознательно, или сознаніе есть нѣчто отличное отъ вещества, и, въ такомъ случаѣ, присутствіе сознанія въ матеріальныхъ формахъ есть доказательство существованія сознательныхъ веществъ внѣ,—независимо отъ того, что мы называемъ веществомъ“.

Тиндаль, въ своей рѣчи для открытія Британскаго научнаго общества, сказалъ: „Даже и въ томъ случаѣ, если бы мы достигли до уясненія себѣ движеній въ мозговыхъ фибрахъ, сопровождающихъ наши впечатлѣнія, намъ бы оставалось еще объяснить, какимъ путемъ въ насъ является сознаніе этихъ впечатлѣній. Между сознаніемъ и всѣвозможными модификаціями органа навсегда останется бездна, черезъ которую не въ состояніи перешагнуть никакой матеріализмъ, такъ какъ здѣсь передъ нимъ является нѣчто, совершенно отличное по существу отъ превращенія одного движенія въ другое“.

Приведемъ еще нѣсколько мнѣній ученыхъ:

1) „Чувства и мысли не только совершенно отличены отъ всего того, что мы называемъ веществомъ, но они находятся на совершенно противоположномъ полюсѣ . . . . . Они не только наиболѣе реальны, но, строго говоря, представляютъ собою единственно достовѣрное, что мы знаемъ“. (Джонъ Стюар. Миль).

2) „Между мыслію и явленіемъ физическаго міра не только не существуетъ никакого сходства, но мы не можемъ даже себѣ представить возможности подобнаго сходства. Есть цѣлая бездна между лишенной сознанія (неорганической) жизнію и одаренной сознаніемъ; бездна эта глубока и непереходима“ (Профессор. Ольмани, президентъ Британской ассоціаціи для развитія наукъ).

3) „Существуютъ люди“ говоритъ Тэнъ, „не заслуживающіе названія естествоиспытателей (хотя они громко претендуютъ на названіе философовъ), которые утверждаютъ, что не только жизнь, но и даже воля и сознаніе наше суть простыя физическія явленія“. (Лекціи физики, стр. 22).

4) „Вещество и движеніе ничего не могутъ породить, кромѣ вещества и движенія“. (Гертли, La. Psych. de Association, pag 39).

5) „Свѣтъ, цвѣтъ, звукъ, теплота, осязаніе, запахъ и проч., и проч. суть лишь *простыя состоянія* нашего сознанія. Что они такое сами *по себѣ* мы знать не можемъ . . . . Природа сама по себѣ есть для насъ *вѣчный міражъ*, вѣчное безмолвіе“. (Льюисъ, Ист. Философіи).

6) „Когда матеріалисты переступаютъ границы своей науки и начинаютъ утверждать, что въ природѣ не существуетъ ничего, кромѣ вещества и движенія,—я отказываюсь слѣдовать за ними. На сколько мнѣ извѣстно, „вещество“ и „движеніе“ суть простыя лишь формы сознанія, потому что мы знаемъ не самый вещественный міръ, а только наши представленія о немъ въ нашемъ сознаніи. Слѣдовательно, Декартъ былъ совершенно правъ, сказавъ, что знаніе души въ насъ болѣе непреложно, чѣмъ знаніе нашего тѣла“ (Гёсли, президентъ Лондонскаго Королевскаго Общества).

И въ самомъ дѣлѣ, когда мы смотримъ на какой-либо предметъ, можемъ ли мы сказать, что онъ именно такой, какимъ мы его видимъ, будемъ ли мы разбирать цвѣтъ его, звукъ имъ издаваемый, или форму его, все что мы о немъ познаемъ, все составляетъ лишь продуктъ воздѣйствія этого предмета на наше сознаніе; это—представленія, сдѣланныя нашей душой о немъ, но не онъ самъ по себѣ, слѣдовательно мы познаемъ представленія нашей души, но не самый предметъ, который остается всегда внѣ нашего познанія.

Далѣе, — гдѣ вы видѣли, чтобы въ природѣ что-нибудь пропадало? Даже матерія и та не пропадаетъ. Наука доказываетъ, что разложившіяся тѣла перемѣняютъ лишь свое состояніе и что они могутъ быть отысканы въ другой формѣ, въ другомъ мѣстѣ. Наше тѣло разлагается, растворяется, продукты эти переработываются воздухомъ и водой и производятъ въ этихъ средахъ новыя комбинаціи и химическія реакціи но никакъ не пропадаютъ, а перерождаются, тѣмъ болѣе думающій элементъ человѣка, или его душа, не можетъ пропасть безслѣдно. Она можетъ развѣ только переобразовываться, но не уничтожаться.

Наиболѣе вѣское и научное возраженіе представилъ Батусъ. Не трогая общаго вопроса, онъ указываетъ на частный и второстепенный фактъ. Онъ говоритъ: когда мозгъ боленъ, разумъ, который долженъ быть проявленіемъ души, тоже не нормаленъ. Если вынуть часть мозга у человѣка или животнаго, нѣкоторыя способности души пропадаютъ. Слѣдовательно, если пропадетъ весь мозгъ,—какъ это дѣлается послѣ смерти, душа тоже должна пропасть“.

Это абсолютно не вѣрно; можно замѣчать, что одна какаянибудь способность души исчезла, но изъ этого еще никакъ нельзя заключить, что душа совсѣмъ не существуетъ. Разумъ затемненъ ненормальнымъ состояніемъ мозга, онъ даже можетъ мгновенно исчезнуть, для этого не надо душѣ уничтожаться. Въ сумасшествіи способности разума, воображенія, вниманія пріостанавливаются, но не исчезаютъ: такъ какъ немедленно, послѣ выздоровленія, онѣ опять появляются въ полной ихъ силѣ.

Какъ можемъ мы принять за общее правило, что отъ ранъ или отъ другихъ болѣзней мозга нѣкоторыя способности души совсѣмъ пропадаютъ? Способностей души мы ощутить не можемъ, т.-е. ни трогать, ни видѣть,—кто-же можетъ сказать, что онѣ пропали? Онѣ, можетъ быть, находятся просто въ состояніи бездѣйствія; онѣ могутъ совершенно свободно, съ полной своей энергіей работать, послѣ того, какъ душа отдѣлится отъ тѣла, послѣ того, какъ узы, связывающія ее временно съ больныхъ тѣломъ, будутъ разорваны.

Это предположеніе мы постараемся выяснить нѣсколько нагляднѣе, приведя фактъ изъ обыденной жизни: піанистъ не можетъ выполнить свою піесу, если въ фортепіано не хватаетъ нѣсколькихъ струнъ. Но это еще совершенно не значитъ, что способности піаниста пропали; дайте ему новый инструментъ, или исправьте старый и вы увидите, что піанистъ покажетъ вамъ все прежнее свое искусство.

„Что я такое?“ спрашиваетъ Декартъ, во второмъ размышленіи. „Вещь, которая мыслитъ. Что такое вещь которая мыслитъ?—Это вещь, которая сомнѣвается, которая понимаетъ, которая утверждаетъ, отрицаетъ, которая хочетъ, не хочетъ, которая такъ же соображаетъ и которая чувствуетъ“.

„Пока“,—читаемъ въ параграфѣ седьмомъ,—„мы отбрасываемъ все, въ чемъ можемъ малѣйшимъ образомъ сомнѣваться и представляемъ себѣ даже, что все такое ложно, мы легко можемъ предположить, что нѣтъ Бога, нѣтъ ни неба, ни земли, что мы не имѣемъ рукъ, ногъ и всего тѣла; но мы никакъ не

можемъ представить, чтобы не было насъ, кои сомнѣваемся во всѣхъ этихъ вещахъ, чтобы то, что думаетъ, не существовало на самомъ дѣлѣ въ то время, какъ оно думаетъ. Потому заключеніе: мыслю, слѣдовательно я есмь, есть первое и достовѣрнѣйшее, какое представляется тому, кто размышляетъ по порядку". (Философ. Декарта. Любимовъ, стр. 132, 133).

„Я всегда считалъ,—говоритъ Декартъ въ своемъ посвященіи,—что два вопроса—о Богѣ и о душѣ,—суть главнѣйшіе изъ тѣхъ, кои должны быть доказаны скорѣе доводами философіи, чѣмъ богословія: ибо, если для насъ, вѣрующихъ, достаточно вѣрно принимать, что Богъ есть, и что душа не умираетъ съ тѣломъ, то не вѣрующимъ, мнѣ кажется, невозможнымъ преподать сколько-нибудь религію, ни даже какую-либо нравственную добродѣтель, если предварительно не докажемъ имъ эти два положенія путемъ естественнаго разума"... (Любимовъ. философ. Декарта, стр. 124).

Глава IV.

Душа спиритуалистовъ.

Если всѣ позитивисты и матеріалисты изъ боязни впасть въ ошибки совершенно не изучаютъ человѣческой души, обходятъ всѣ непонятныя имъ мѣста человѣческаго существа, не обращаютъ вниманія на всѣ загадочныя явленія и факты въ жизни человѣка и въ окружающей природѣ, то значило бы это, что ничего подобнаго въ мірѣ и въ человѣкѣ нѣтъ? Конечно, нѣтъ!

Заблужденія позитивистовъ ясны, они находятъ возможнымъ изучать въ человѣкѣ только одинъ элементъ; это именно— трупъ или одну только ту часть человѣка, которая послѣ смерти обращается въ трупъ. Они считаютъ, что всѣ остальныя проявленія, какъ жизненныя, такъ и духовныя, какъ то: жизнь, сознаніе, чувства, мышленіе и т. д. суть только слѣдствія проявленія качествъ и свойствъ той матеріи, которая составляетъ этотъ трупъ. Но вѣдь мы ясно видимъ, что когда эти слѣдствія отдѣлятся отъ трупа, то они становятся самостоятельными, проявляются совершенно независимо отъ самаго трупа, и послѣ чего самъ трупъ уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ произвести опять этихъ же самыхъ слѣдствій и на вѣчныя времена остается трупомъ, въ какія бы условія мы его не поставили и чего бы мы съ нимъ не дѣлали. Изъ чего мы должны заключить, что то, что позитивисты называютъ слѣдствіями не есть слѣдствіе, но самая причина, оживлявшая трупъ и дѣлавшая этотъ трупъ человѣкомъ. Эта самая причина, проявляясь въ трупѣ, дѣлала его и живымъ, одухотвореннымъ, разумнымъ и осмысленнымъ. Вотъ къ изученію этой

самой причины, одухотворяющей трупъ, мы желали бы приступить, но, конечно, уже въ этомъ случаѣ мы должны отказаться отъ всякой помощи позитивныхъ наукъ, такъ какъ никакихъ указаній онѣ намъ дать не могутъ, находясь совершенно на ложномъ пути изслѣдованій своихъ. Ошибка позитивизма понятна. Онъ никогда не затрогивалъ никакихъ вопросовъ, ни сущности, ни происхожденія, ни природы вещей, явленій и фактовъ; не разбирая вопроса сущности жизни природы и одухотворяющаго начала, онъ и смѣшалъ причину со слѣдствіемъ и въ слѣдствіяхъ видитъ причину тогда, когда въ дѣйствительности зависимость трупа отъ оживляющаго его начала совсѣмъ другая.

Если позитивизмъ не можетъ удовлетворить любознательности человѣка, желающаго себѣ выяснить хотя примѣрно, въ общихъ чертахъ, природу ощущаемаго въ себѣ своего „я", не естественно ли обратиться къ другимъ источникамъ?

Если господствующая наука не даетъ отвѣтовъ на возрождающіеся въ умахъ людей вопросы, существенно необходимые и представляющіе въ настоящее время потребность для всего общества, то не естественно ли обратиться къ другимъ, одинаково научнымъ и серьезвымъ ученіямъ, но которыя не входятъ въ составъ моднаго и привычнаго для современныхъ ученыхъ позитивизма.

Мы не находимъ причины не черпать воды изъ чужого источника, если свой зараженъ; такъ точно нѣтъ причины отказывать себѣ пользоваться существующими теоріями и научными системами, вполнѣ серьезными и разумными только потому, что онѣ не вошли въ составъ намъ привычной науки. На этомъ основаніи изъ множества ученій о душѣ и вообще о существѣ человѣка мы приведемъ здѣсь три ученія, наиболѣе характерныя, а именно:

1) Душа, по ученію доктора Сталя,—это первое допущеніе подобнаго рода по медицинѣ.

2) Душа, по ученію Монтепельской школы, введенной въ медицину докторами Бартезомъ и Лорда. Это самый серьезный и удачный трудъ въ этомъ направленіи, онъ можетъ считаться положительнымъ торжествомъ науки надъ матеріализмомъ, какъ опредѣленностію своихъ воззрѣній, такъ и числомъ своихъ послѣдователей во Франціи, Англіи, Италіи, а впослѣдствіи и въ Германіи. Міровоззрѣніе это держится уже болѣе столѣтія и укрѣпилось теперь во многихъ ученыхъ центрахъ.

И въ 3) Душа, по системѣ доктора Биша. Воззрѣніе Биша достойно вниманія въ томъ отношеніи, что оно нашло себѣ

наибольшее примѣненіе въ медицинѣ новѣйшаго времени, не составляя само по себѣ законченнаго цѣлаго. Оно проливаетъ свѣтъ на шаткость основаній тѣхъ взглядовъ, которые приняты теперь многочисленными современными дѣятелями.

Душа по ученію Сталя и Аристотеля.

Нѣмецкій докторъ Сталь безспорно можетъ назваться одной изъ выдѣляющихся личностей прошедшаго вѣка. Онъ оказалъ своими трудами великую услугу медицинской философіи, ибо ввелъ духовный элементъ въ медицину и тѣмъ избавилъ ее отъ глубокаго матеріализма, который господствовалъ въ ней. Его трудъ нашелъ полное сочувствіе въ докторахъ всего свѣта, и въ свое время свѣтилы науки: Пиду, Труссо, Паршанъ, Кайоль, Саль-Жиронъ, Бушю, Шоффаръ—были всѣ анимисты, защитники и послѣдователи доктора Сталя.

Въ деталяхъ они нѣсколько измѣнили первоначальную теорію Сталя, они освободили ее отъ всего, что не согласовалось съ медицинскими теоріями и новѣйшими въ то время открытіями науки, но сущность ученія осталась та же.

Въ теоріи своей докторъ Сталь приписываетъ душѣ человѣка не только полную чувствительность, но и вполнѣ активную роль; онъ нѣсколько утрируетъ необходимыя свойства души, придавая ей значеніе живого существа и приписывая ей слѣдующія качества: свареніе желудка, циркуляцію крови, производительность, образованіе матеріи, поглощеніе жидкости и газовъ, питаніе и т. д. Сталь придаетъ душѣ нѣкоторый вѣсъ и матеріальность. Кромѣ того, даетъ ей разумъ, мысль и способность руководить всѣми животными отправленіями человѣка.

Теорія эта обнародована Сталемъ въ 1708 году подъ заглавіемъ „Theoria Medica vera".

„Душа, сотворенная Богомъ по Его образу и Его подобію", говоритъ Сталь, „начинаетъ сама образовывать тѣло, которое готово ее принять. Потомъ сама приступаетъ къ выполненію всѣхъ животныхъ отправленій и на нее же возлагается обязанность и сохранять это тѣло".

Сталь даетъ животнымъ такую же душу, какъ и человѣку, имѣющую двойную обязанность, т.-е. сотворить себѣ тѣло и потомъ охранять его.

По теоріи Сталя, матерія, сама по себѣ, играетъ пассивную роль въ организмѣ: она совершенно не способна произвести

сама по себѣ ничего, пока ее на это не подвинетъ разумная душа. Душа единственная причина нашихъ вольныхъ и невольныхъ дѣйствій. Душа питаетъ каждую часть тѣла, она собираетъ жидкости всюду, гдѣ онѣ нужны, пополняетъ все, что Декартъ и его современные товарищи приписывали *животному разуму*. Душа одинаково присутствуетъ въ каждой части нашего тѣла и постоянно заботиться объ ихъ содержаніи и сохраненіи.

Въ этой теоріи всякая болѣзнь организма есть только ошибка природы и на обязанности души немедленно исправлять ее.

Во всѣхъ болѣзняхъ излѣченіе надо приписывать необыкновеннымъ усиліямъ самой природы. Усилія эти вполнѣ разумны, говоритъ Сталь, они удаляютъ причины, вредно вліяющія на болѣзнь и приближаютъ то, что можетъ принести пользу. „Душа", говоритъ Сталь, „это нашъ лучшій врачъ".

Ученіе Сталя вполнѣ гармонируетъ съ ученіемъ католицизма. Католицизмъ также считаетъ душу за разумное существо, которое живетъ въ тѣлѣ человѣка только одинъ разъ и въ продолженіи этого времени сохраняетъ себя и порученное ей тѣло при жизни человѣка, а послѣ смерти даетъ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Католицизмъ считаетъ, что послѣ смерти душа живетъ отдѣльно отъ тѣла, въ состояніи облегченномъ, т.-е. не имѣющемъ вѣса, но что придетъ часъ воскресенія, въ который душа соединится опять съ тѣломъ, принявъ видъ совершенно такой же, какой она имѣла при жизни, и опять будетъ имѣть вѣсъ.

Всѣ писавшіе объ антропологіи и медицинѣ въ духѣ католицизма не удалялись отъ ученія Сталя, всѣ они признавали Сталицизмъ. Ксавье-де-Местръ въ своемъ сочиненіи „Путешествіе вокругъ моей Комнаты" съ большимъ увлеченіемъ и необыновенною точностію развиваетъ свой взглядъ на „душу и животное". Въ сущности его ученіе ничѣмъ не отличается отъ философіи и физіологіи Сталя: Душа направляетъ, вдохновляетъ и надзираетъ за животнымъ, т.-е. за тѣломъ.

Съ другой, стороны Сталицизмъ во многомъ схожъ съ ученіемъ Аристотеля о душѣ. По Аристотелю, тѣло и душа связаны нераздѣльно. Онъ говоритъ: „Покамѣсть достаточно признанія того, что служитъ началомъ упомянутыхъ состояній и опредѣляется дѣятельностями питанія, распознаванія, мышленія (De anima II, 2).

По своимъ функціямъ душа и сознаніе у Аристотеля не одинаковы, такъ какъ онъ относитъ къ душѣ и органическую дѣятельность. Аристотель, приписывая душѣ и органическія

дѣятельности, обусловливающія созиданіе, питаніе, ростъ и смерть организма, принужденъ признать душу у животныхъ и у растеніи. При подобной органической связи съ явленіями біологіи, и душа должна подпасть подъ вліяніе развитія. Та часть души, которая обусловливаетъ питаніе и проявляется въ мірѣ растеній, свойственна, по Аристотелю, и высшимъ организмамъ—животнымъ и человѣку; въ противоположность этому, растенія обладаютъ душой не совершенной, способной руководить исключительно однимъ питаніемъ и лишенной всякихъ высшихъ способностей.

И такъ, по Аристотелю, душа не является принципомъ и носителемъ исключительно одного познаванія, но развивается эмбріологически и біологически. Прогрессъ сознанія идетъ рука объ руку съ прогрессомъ организаціи и изъ одного этого вытекаетъ, что душа должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ и принципомъ, и носителемъ организаціи, какъ біологически, такъ и индивидуально. Органическая жизнь не должна быть отдѣляема отъ души. Жизнь и душу уже потому нельзя разъединять, что духъ является развитіемъ природы, обусловливаетъ чувственное сознаніе посредствомъ физическаго организма и составляетъ цвѣтокъ этого организма. Такъ какъ душа не только мыслитъ, но и организуетъ, то должно быть признано, что способность души въ организаціи не уничтожается смертью, а сохраняется или въ видѣ потенціональной (возможной) способности, или-же мы должны принять душу за нѣчто организованное и существующее въ пространствѣ.

По Аристотелю, душа имѣетъ существенное отношеніе къ формѣ тѣла, а именно: она относится къ нему, какъ форма къ веществу.

Вопросъ объ ихъ единствѣ рѣшаетъ Аристотелемъ слѣдующимъ образомъ: душа относится къ тѣлу, какъ возможность къ дѣйствительности; вотъ путь, по которому онъ пришелъ къ своему знаменитому опредѣленію души: „душа первая законченная дѣйствительность способнаго къ жизни, естественнаго тѣла и при томъ обладающаго органами" (De anima II, 1—4). Живое существо не составлено изъ отдѣльныхъ души и тѣла, но душа есть сила, дѣйствующая въ дѣлѣ, а тѣло представляетъ собою лишь естественное орудіе души. Они такъ же мало способны къ разъединенію, какъ, напр., глазъ и способность зрѣнія. Тѣло существуетъ лишь ради души. Подобно разумному человѣку, природа даетъ каждому то орудіе, которымъ онъ способенъ воспользоваться. Онъ возстаетъ на Анаксагора, высказавшаго мнѣніе, повторенное позже Гельвеціемъ, будто

человѣкъ лишь потому самое разумное животное, что обладаетъ руками. Аристотель былъ совершенно противоположнаго мнѣнія: „человѣкъ,—говоритъ онъ,—потому и обладаетъ руками, что онъ самое разумное существо,—орудіе сообразуется съ употребленіемъ, а не употребленіе съ орудіемъ (de part. IV, 10). Физіологическія причины только средства для цѣлей природы. Подобно Платону, Аристотель различаетъ дѣйствующую причину, благодаря которой что-либо происходитъ, отъ необходимыхъ условій, безъ которыхъ что-либо не можетъ произойти.

По Аристотелю, цѣль всякаго возникновенія—форма. Окончательное назначеніе вещи и причина, ее формирующая, совпадаютъ. Какъ отдѣльные органы существуютъ лишь ради своихъ функцій, такъ весь организмъ существуетъ для всей своей дѣятельности и сводится къ проявленіямъ души, какъ къ своему началу. Тѣло сущестуетъ для того, чтобы душа могла активно проявиться въ этомъ мірѣ (de gen. an. II, 4).

Позитивизмъ не имѣетъ основанія выступать противъ ученій, какъ Сталя, такъ и Аристотеля о душѣ, такъ какъ учитъ, что не только функціи сознательнаго мышленія, но и функціи безсознательной жизни управляются нервной системой. По ихъ мнѣнію, мышленіе совершается при помощи нервовъ мозговой системы, а жизнь (физическія отправленія) съ помощью нервовъ гангліозной системы. Значитъ, для обоихъ,—и для сознанія, и для жизни—мы должны признать одно общее происхожденіе.

„Такъ какъ органомъ нашего сознанія служитъ головной мозгъ,—говоритъ Шопенгауеръ,—то это сознаніе должно быть ограничено въ нашемъ организмѣ предѣлами распространенія сѣти нервовъ головнаго мозга;—оно отсутствуетъ, если передающій ощущеніе нервъ будетъ перерѣзанъ. Животныя функціи жизни совершаются потому безсознательно, что гангліозная система изолирована отъ мозговой—по крайней мѣрѣ, между ними существуютъ лишь посредственныя соединенія (анастомозы). Эта гангліозная система, напротивъ, сама обладаетъ своими собственными, ей подчиненными, нервными центрами, которые легко могутъ обладать сознаніемъ, въ существованіи котораго мы неносредственно убѣдиться не можемъ. У насъ, значитъ, нѣтъ никакого основанія принять два различныхъ источника для измѣненій, совершающихся въ человѣческомъ организмѣ; обѣ нервныя системы должны быть продуктомъ одного и того же организующаго начала. Различіе между сознательнымъ и безсознательнымъ, произвольнымъ и непроизвольнымъ въ движеніяхъ нашего организма объясняется физіологически. Организмъ не можетъ быть слугою двухъ господъ—всѣмъ его дѣйствіямъ и воздѣйствіямъ должна быть положена въ основаніе единая воля" (Шопенгауеръ. Воля въ Природѣ).

Надо относиться съ большимъ уваженіемъ къ теоріи Сталя, ибо ученіе его сдѣлало капитальный переворотъ въ медицинской философіи его времени, оно исправило нѣкоторыя ошибки Декарта и ввело въ медицину духовный элементъ. Мы обязаны Сталю, что современныя парижскія школы оставили свои грубыя матеріалистическія воззрѣнія, которыя были введены Кабанисомъ и Бруссе. Добавимъ еще къ заслугамъ Сталя, что Бартезіанское ученіе есть только продолженіе или усовершенствованіе Сталицизма.

Тѣмъ не менѣе, разбирая Сталицизмъ, который проповѣдывалъ самъ Сталь, или въ такомъ видѣ, какъ его измѣнили Гг. Пиду, Труссо, Кайоль, Шоффаръ, Саль-Жиронъ и т. д., надо замѣтить, что онъ недостаточно опредѣленно передаетъ настоящую природу человѣка и разныя проявленія какъ здороваго, такъ и больного организма.

Сталицизмъ смѣшалъ два совершенно разнородныя понятія: онъ не различаетъ проявленій чисто интеллектуальныхъ отъ чисто матеріальныхъ, у него смѣшана мысль съ функціями физіологическими.

Душа имѣетъ характеръ чисто духовный и безсмертный, т.-е. не матеріальный. Все, проявляющее жизненность, должно имѣть характеръ смертный и разрушающійся. Душа вѣчна, тѣло умираетъ. Душа главнымъ образомъ проявляетъ свою волю, тѣло подчиняется этой волѣ. Большая часть нашихъ натуральныхъ отправленій совершается безъ нашей воли, какъ бы помимо насъ. Мы не можемъ препятствовать сердцу биться, нашимъ нервамъ чувствовать, легкимъ дышать. Какимъ же образомъ одна и та же сила будетъ имѣть противоположныя дѣйствія? Какъ я могу сказать, что душа перевариваетъ мою пищу, что она дышетъ, или заставляетъ кровь циркулировать, участвуетъ при питаніи, содержаніи и лѣченіи больныхъ органовъ?—Какъ я могу думать, что душа, какъ вѣрный сторожъ, слѣдитъ за здоровьемъ и устраняетъ все, могущее вредить ему; это значитъ совершенно не такъ понимать природу души, ея роль и ея настоящее строеніе.

Весьма авторитетные защитники Сталицизма находятъ сами, что душа не участвуетъ въ физіологическихъ отправленіяхъ. Сошлюсь на Тиссо и его книгу: „О жизни, заключающейся въ человѣкѣ".

Важное опроверженіе Сталицизма мы находимъ въ жизни зародыша. Когда жизнь наиболѣе работаетъ для произведенія организма, когда всѣ силы напряжены и отъ крѣпости и совокупности ихъ зависитъ развитіе новаго существа, по теоріи Сталя, какъ разъ въ это время и нужно было бы содѣйствіе разумнаго элемента; но душа въ это время еще бездѣйствуетъ.

Еще одно, чрезвычайно важное, опроверженіе теоріи Сталя мы находимъ въ смерти стариковъ, умирающихъ естественною смертію, или, какъ говорится, отъ старости. Душа вѣчна по своей природѣ, но начало или причина жизни имѣетъ свой предѣлъ. Бываютъ смерти необходимыя, смерти отъ старости, происшедшія не отъ того, что тѣло состарилось, а отъ того, что истощился весь запасъ жизненныхъ силъ.

Фонтенебло умеръ на 99 году жизни и, судя по его собственному выраженію: „по невозможности жить"; дѣйствительно, всѣ органы и отправленія его были въ такомъ порядкѣ, что ничего не могло объяснить его смерти. Корнаро умеръ совершенно такимъ же образомъ на 100 году жизни. Если бы душа была въ самомъ дѣлѣ жизненнымъ началомъ, мы могли бы быть безсмертны, ибо матерія въ насъ постоянно возобновляется, слѣдовательно, даже у стариковъ, она новая и молодая.

Тиссо, большой защитникъ Сталицизма, не находитъ опроверженій подобному взгляду, ибо то, что онъ отвѣчаетъ по этому поводу въ своей книгѣ „Жизнь въ человѣкѣ", для ученаго профессора не можетъ назваться опроверженіемъ: „Это можетъ быть еще новый законъ природы" говоритъ онъ, „когда душа предоставляетъ свое еще живое тѣло вліянію внѣшнихъ силъ, чтобы ускорить свое собственное преобразованіе".

Нѣкоторые ученые упрекали Сталя въ томъ, что его теорія должна привести къ матеріализму, и Сталь самъ ихъ опровергалъ, отстаивая свое ученіе; но онъ не былъ правъ. Жизненное начало, или принципъ жизни, долженъ быть непремѣнно разрушимъ и прекращаться съ жизнію. Отождествляя его и душу, т.-е. начало нашей духовной жизни, мы никогда не дойдемъ до безсмертія души, и это ни дало-бы намъ никакихъ объясненій касательно духовной стороны въ человѣкѣ, чего именно и добивался Сталь. Слѣдствія, выводимыя на основаніяхъ, предположенныхъ Сталемъ, сами разбивали его теорію и приводили ко многимъ неясностямъ.

Лорда выразилъ въ нѣсколькихъ энергичныхъ словахъ главные аргументы опроверженія ученія Сталя. Они слѣдующіе: „Болѣе пятидесяти лѣтъ я доказываю всѣмъ, ищущимъ правду, безъ предвзятыхъ мыслей, ошибки и абсурды Сталицизма. Я

прямо указываю на послѣдствія ученія Сталя. По его ученію, истекаетъ прямо тождественность проявленія жизни у человѣка и у животныхъ, дѣлимость души, имѣющей вѣсъ, а слѣдовательно — ея смертность. Сталицизмъ имѣетъ въ основаніи своемъ совершенно фальшивую гипотезу, затемняя постоянно внутреннюю раздѣлимость человѣка. Въ основаніи его теоріи лежитъ убѣжденіе, что причина всѣхъ тѣлесныхъ отправленій совершенно та же, что и разсудка, или воли. Мы положительно смотримъ на эту гипотезу, какъ на абсурдъ; душѣ, имѣющей вѣсъ, никакихъ такихъ качествъ приписывать нельзя".

Критикуя Сталицизмъ, какъ объясненіе природы человѣка, и предпочитая Бартезизмъ и Монтепельскую школу, мы нисколько не думаемъ оспаривать ту существенную роль, которую играетъ душа въ большинствѣ человѣческихъ отправленій. Вліяніе, которое имѣетъ воображеніе на многія физіологическія явленія, большинство нервныхъ проявленій, находящихъ въ нихъ оснонаніе, проявленіе сомнамбулизма, какъ естественнаго, такъ и вызваннаго магнитизерскими пассами, потеря чувствительности, которая вызывается въ моментъ экстаза или гипноза, все это неоспоримо и прямо доказываетъ ту громадную роль, которую играютъ нервы въ жизни человѣка; но, основываясь на этихъ фактахъ, мы все же не можемъ сказать, что душа составляетъ начало *всѣхъ* животныхъ отправленій.

Душа по ученію Бартеза и Лорда.

Бартезъ, французскій докторъ прошлаго столѣтія и профессоръ Монтепельскаго университета, доказалъ, что въ духовной сторонѣ человѣка два элемента: душа (или то, что Лорда называлъ внутреннимъ разумомъ) и жизненная сила или жизнь.

Основатели этой теоріи называли это двойнымъ человѣческимъ динамизомъ.

Если къ двойному динамизму, т. е. къ душѣ и жизни прибавить тѣло, то это и составитъ тройственное соединеніе въ человѣкѣ:

1) Тѣло.

2) Душа, или внутренній разумъ.

3) Жизнь, или жизненное начало.

Разберемъ характеръ всѣхъ этихъ трехъ элементовъ и постановимъ между ними ясное различіе.

Тѣло не трудно узнать въ этихъ трехъ элементахъ. По своей матеріальности оно легко отличается отъ жизни, по своей смертности—отъ души.

Не такъ легко отдѣлить жизнь отъ души. Вотъ главныя характерическія различія:

1) Душа не матеріальна, безсмертна и неразрушима. Она способна думать, сознавать и выражать свою волю. Она не ослабѣваетъ, не устаетъ, не старится, не умираетъ. Она не подвергается никакимъ вліяніямъ времени. Никогда не уставая, душа только крѣпнетъ отъ упражненій, развивается, вдохновляется и совершенствуется.

Жизнь не матеріальна, но не безсмертна, это и есть главное отличіе души отъ жизни. Какъ теплородъ и какъ электричество, жизнь есть сила, которая рождается отъ извѣстныхъ причинъ; имѣя начало, она, конечно, будетъ имѣть свой конецъ; и конецъ этотъ будетъ безвозвратный. Жизнь, какъ сила, не имѣетъ матеріи, но она можетъ прекращаться, какъ отъ внѣшнихъ посторонихъ причинъ, такъ и сама по себѣ, послѣ извѣстнаго періода времени; она не вѣчна, какъ душа.

2) Жизнь можетъ передаваться, душа не передается. Жизнь сообщается однимъ существомъ другому черезъ произрожденіе, черезъ воспроизведеніе, черезъ потомственность. Жизнь, заключаясь въ жидкостяхъ, въ твердыхъ частяхъ и во всей химической основѣ организма матеріи, находитъ въ утробѣ ея необходимыя условія для развитія того сѣмячка, которое въ нее попало. Оно, пользуясь необходимыми условіями, производитъ новое существо, которое должно унаслѣдовать своимъ родителямъ.

3) Жизнь есть сила, преимущественно образовательная, созидательная, пластическая, или устроительная; но эта сила дѣйствуетъ инстинктивно, у ней нѣтъ сознанія своихъ дѣйствій. Кончивши созидать человѣческое тѣло, жизненное начало остается въ немъ, управляетъ и поддерживаетъ все существованіе; оно обладаетъ всѣми качествами, которыя Сталь приписываетъ душѣ, въ заботѣ о сохраненіи тѣла. Душа же всегда дѣйствуетъ разумно и сознательно, ибо душа есть самъ разумъ, это наше высшее разумное начало.

4) Жизнь развивается, усиливается и, наконецъ, ослабѣваетъ. Жизнь изчезаетъ, и тѣло умираетъ. Исчезнувъ однажды, человѣкъ умираетъ, и жизнь уже болѣе не возстановляется. Наоборотъ, душа отъ упражненій только крѣпнетъ и совершенствуется.

„Сама жизнь", говоритъ Лорда, — „увеличивается въ первой половинѣ существованія человѣка, но вторая половина проходитъ въ постоянномъ ослабленіи ея, гдѣ старость и смерть, конечно, есть предѣлъ. Развитіе души не слѣдуетъ этому состоянію жизни: если болѣзни организма не мѣшаютъ, душа можетъ совершенствоваться до самаго конца существованія человѣка; такъ, что въ самый послѣдній моментъ глубокой старческой жизни душа можетъ сдѣлать большіе успѣхи въ своемъ усовершенствованіи и выказать наиболѣе своего разума, правдивости и прозорливости. Изъ этого слѣдуетъ,—и что мы часто видимъ совершенно опредѣленно,— что иногда, когда жизнь потухаетъ и смерть уже наступаетъ, психическая дѣятельность души находится въ полной силѣ и могуществѣ, ибо она не испытывала ни старости, ни упадка силъ,— причины, служащія единственными вѣрными доказательствами близости разрушенія".

Въ книгѣ Лорда мы находимъ въ высшей степени остроумное и самобытное объясненіе развитія души у стариковъ. Нисколько не ослабленная душа, напротивъ, набирается энергіи и мужества тогда, когда жизнь и матеріальное тѣло изношены и мало-по-малу приходятъ въ ветхое состояніе. Это состояніе Лорда называетъ ажеразіею, или бодрой старостью души.

Размѣръ нашей книги не позволяетъ повторить здѣсь всѣ историческіе и біографическіе факты, которые Лорда приводитъ въ своей книгѣ, чтобы съ очевидностью доказать, что въ то время, когда жизнь и тѣло изнашиваются, душа, наоборотъ, крѣпнетъ и растетъ постоянно въ своей дѣятельности и могуществѣ.

5) О различіи между душой и жизнію Лорда говоритъ еще слѣдующее: „жизненная сила проявляется въ зародышѣ съ самого перваго времени его образованія, съ первыхъ моментовъ оплодотворенія и производитъ уже очень сложныя явленія образованія младенца въ теченіе всей его утробной жизни, въ продолженіе которой мы никакихъ психическихъ отправленій не видимъ. Душа проявляется въ немъ въ минуту рожденія, съ того времени, какъ онъ входитъ въ сообщеніе съ внѣшней средой.

Съ самого начала зарожденія жизненная сила проявляетъ большую крѣпость и совершенство. Психическія силы съ начала ихъ проявленія чрезвычайно слабы и несовершенны, чрезъ вниманіе и упражненія онѣ постепенно развиваются.

„Все, что совершается жизненною силою—наслѣдственно и зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ въ пользу или во вредъ развитія: дѣти наслѣдуютъ отъ родителей красоту формъ, здоровье, уродства, цвѣтъ кожи, наклонности къ болѣзнямъ. Качества души не наслѣдственны, они зависятъ отъ образованія и воспитанія и умираютъ съ человѣкомъ, не передавшись въ потомство. Человѣкъ въ наслѣдство нисколько не получаетъ ни добродѣтели, ни пороковъ своего отца, а потому и оправдываться въ совершенныхъ имъ преступленіяхъ порочными качествами своихъ предковъ не можетъ; образованіе нисколько не передается въ потомство, — у образованныхъ отцовъ могутъ быть совершенно необразованныя дѣти".

Вотъ связь между тѣломъ, душой и жизнью, которую даетъ Монпельская школа, по словамъ Бартеза и Лорда.

Теорія эта чрезвычайно проста, ясна и не имѣетъ серьезныхъ возраженій. Мы охотно приводимъ слѣдующія слова Лорда:

„Теорія двойнаго динамизма — фактъ на столько ясный и здравый, что отрицаніе или сомнѣніе въ вѣрности его есть доказательство нелогичности, незнанія природы и истинъ науки; такихъ людей надо отправить опять въ школу доучиваться".

Это тройственное соединеніе замѣчается не у одного человѣка, но и у животныхъ.

Животныя имѣютъ также тѣло и душу, но душа эта стоитъ много ниже по своему равитію, чѣмъ душа человѣка; мы можемъ ясно судить объ этомъ, разбирая отправленія ея. Имѣя мало потребностей, животное имѣетъ небольшое число душевныхъ проявленій, и онѣ всѣ показываютъ лишь начальное развитіе.

Строеніе человѣка отличается отъ строенія животныхъ только своимъ небольшимъ превосходствомъ, въ физіозогоческомъ же и въ анатомическомъ отношеніи всѣ тѣла окончательно тождественны.

Душа по ученію Биша́.

Далеко не всѣ доктора признаютъ у человѣка и у животныхъ присутствіе жизненной силы, отличительной отъ силъ физическихъ и химическихъ. Многіе французскіе, нѣмецкіе, англійскіе доктора и физіологи охотнѣе слѣдуютъ теоріи Биша́

и называютъ „жизненными свойствами матеріи" все, что Бартезизмъ приписываетъ совмѣстнымъ отправленіямъ жизненной силы и души.

Вотъ что говоритъ по этому поводу Клодъ Бернардъ въ своей первой лекціи физіологіи, прочитанной имъ въ 1871—1872 годахъ во французской школѣ: „Непосредственная причина жизненныхъ явленій не должна быть приписана никакимъ особеннымъ причинамъ и никакой жизненной силѣ. Не надо ее искать въ „душѣ" Пифагора, „въ физіологической душѣ" Гиппократа, въ „душѣ" Атенея, въ „l'archee" Парацельса, въ „l'anima" Сталя, въ „жизненной силѣ" Бертеза. Это все существа выдуманныя и непонятныя. Причина жизни заключается въ свойствахъ живой матеріи, *какъ училъ Биша́*, и въ свойствахъ органическихъ элементовъ. Мы не можемъ глубже касаться этого предмета и *этотъ взглядъ совершенно достаточенъ для научнаго объясненія всѣхъ явленій*".

Биша́ ничѣмъ не объясняетъ причину самой жизни, объявляя невозможность, при настоящихъ научныхъ данныхъ, проникнуть внутреннее значеніе этого факта. На этомъ основаніи онъ принимаетъ, что живой матеріи можно приписать только два общихъ видимыхъ и ощутительныхъ свойства: чувствительность и сжимаемость. Свойства эти присущи элементамъ живого организма, и неравное ихъ распредѣленіе должно порождать количество и качество проявленій ихъ жизни.

Клодъ Бернардъ сказалъ: „Жизненныя свойства матеріи, которыя приводитъ Биша́, совершенно достаточны для всѣхъ научныхъ объясненій". Но онъ совершенно упустилъ изъ виду, что Биша́ подчинилъ эти свойства Высшему Дѣятелю и Высшей Волѣ, которую онъ отказывается понять, но существованіе которыхъ онъ находитъ неоспоримыми.

Биша́ разсматривалъ начало жизни, какъ не подчиняющееся нашему пониманію, при современномъ состояніи науки; онъ думалъ, что разгадка этой истины будетъ вѣнцомъ физіологіи въ будущемъ. Эта мысль имъ выражена такъ:

„Большая ошибка физіологовъ заключается въ томъ, что они начали съ конца, когда сама наука была еще въ младенчествѣ, всѣ вопросы вертѣлись около основныхъ причинъ жизненныхъ явленій. Что же изъ этого вышло?—Большія груды разсужденій и полное убѣжденіе въ томъ что надо начать сперва изученіе самихъ явленій, а потомъ уже думать о причинахъ, вызвавшихъ ихъ".

И такъ, когда Биша́ говоритъ о жизненныхъ свойствахъ и о жизни, онъ понимаетъ это такъ, какъ будто первоначальную

причину ихъ разгадать намъ нельзя, а слѣдовательно намъ о ней заботиться не слѣдуетъ. Отсюда мы ясно видимъ, что Бишà вездѣ разбиралъ самыя явленія, никогда не касаясь вызывающей ихъ причины.

Если мы прослѣдимъ взгляды Бишá на сущность человѣческаго существа, мы вполнѣ убѣдимся, что самъ Бишá далекъ отъ того воззрѣнія, которое приписываетъ ему Клодъ Бернардъ и его послѣдователи. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ функцію жизни: „Она есть совокупность отправленій, которыя противостоятъ смерти. Не привязываясь къ словамъ въ этомъ опредѣленіи, спросите, что скорѣе всего насъ поражаетъ въ строеніи животнаго или растенія? Это постоянное соотношеніи органическихъ отправленій, образующихъ живое существо. А что это за отношеніе, если не система силъ, назначеніе которыхъ приводить въ движеніе живой механизмъ? значитъ, тутъ все-таки главное дѣло — сила; устранимъ ее отъ живаго существа,— останется трупъ“.—Или въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: „Органическія силы“, говоритъ Бишá, „ускользаютъ отъ вычисленія и дѣйствуютъ неправильно и измѣнчиво, а физико-механическія силы, вполнѣ подчиняются правильнымъ и постояннымъ законамъ. Впрысните въ вены животнаго составные элементы крови, безъ того элемента, который производитъ ея синтезъ и который находится въ вашей власти, и вы не только не продолжите его жизнь, но убьете его. Кровь, пробывшая нѣсколько времени внѣ вены и снова впущенная въ нее, причиняетъ большое разстройство въ организмѣ. Положите въ желудокъ трупа питательныя вещества; отъ соприкосновенія съ тканями всѣ эти вещества начнутъ гнить, тогда какъ въ живомъ организмѣ они бы превратились въ кровь и поддерживали его жизнь. Спросимъ у химиковъ, какъ дѣйствуетъ въ организмѣ опіумъ, хина, челибуха, куссо, сѣра, поташный іодъ и т. д.? Какое химическое дѣйствіе никотина, синильной кислоты и всѣхъ растительныхъ ядовъ, которые не оставляютъ никакого слѣда? Какъ дѣйствуетъ перецъ во время столбняка? Отчего ипекакуанна, войдя въ желудокъ, тотчасъ сокращаетъ вдыхательные мускулы? и т. д. Это *„дѣйствія присутствія“* говорятъ физики; это дѣйствіе присутствія, повторяютъ химики и думаютъ, что дали удовлетворительный отвѣтъ!“

Клодъ Бернардъ и доктора, которые становятся подъ знамя Бишá, или забываютъ основанія теоріи самого автора, или, зная эти основанія, искажаютъ ихъ, подражая только во внѣшнемъ его пріемѣ и всегда обходятъ молчаніемъ причину самыхъ явленій, слѣдуя глубоко вкоренившемуся обычаю, не говорить ничего касательно нравственной стороны человѣка и отвлеченностей, что бы не изобличить свей вѣры въ Бога или своего безвѣрія, или вообще своихъ анимистическихъ убѣжденій. Такой удобный пріемъ въ наукѣ чрезвычайно упростилъ отношеніе ученыхъ ко всему духовному, неразрывно связанному съ существомъ человѣка. Они даютъ предѣлъ, дальше котораго наукѣ не слѣдуетъ идти въ своихъ разъясненіяхъ и разслѣдованіяхъ и тѣмъ самымъ скрываютъ концы, связывающіе ихъ съ загробной жизнію и съ областью для насъ невидимою и неощущаемою.

Всѣ послѣдователи научнаго пріема Бишá очень ошибаются, думая объяснить что-нибудь, говоря: „жизненныя свойства матеріи“, ибо это означаетъ только слѣдствіе, а не причину. Теорія Бишà, понятая такимъ образомъ, есть не болѣе, какъ обычный атеизмъ въ наукѣ, ибо „жизненныя свойства“ пропадаютъ вмѣстѣ съ жизнію, и ничего не остается отъ того, что производило мысль, разумъ и волю.

Скажемъ больше: всѣ подобнаго рода толкованія совершенно ненаучны, ибо они не выясняютъ ничего ровно и похожи на тѣ, которыя даетъ Мольеръ въ своей комедіи „Мнимый больной“. Въ ней докторъ объявляетъ больному, что „опіумъ производитъ сонъ, потому что у него есть снотворныя способности“! Совершенно то же выражаетъ Клодъ Бернардъ, примѣняя теорію Бишà, онъ говоритъ: что „сердце бьется, ибо оно имѣетъ сократительныя мышцы“. Эти оба объясненія совершенно равносильны и одинаково не серьезны. Обыкновенно всѣмъ подобнаго рода объясненіямъ придаютъ нѣсколько болѣе научную форму, при которой исчезаетъ лишь одна забавная и комическая форма, въ которую облекъ Мольеръ свой отвѣтъ, и абсурдъ не бьетъ такъ въ глаза, оставляя, впрочемъ, въ сущности одинъ и тотъ же смыслъ, одну и ту же пустоту и поверхностный характеръ міровоззрѣнія на природу и сущность вещей, который покрывается извѣстнымъ и всегда практикующимся въ матеріалистической части науки оборотомъ рѣчи; они говорятъ: „потому, что опій наркотическое средство“. Такой отвѣтъ, не разъясняя самъ по себѣ ровно ничего, прекрасно маскируетъ все дальнѣйшее незнаніе науки и вводитъ въ заблужденіе „самихъ избранныхъ“, которые, успокоиваясь на словѣ „наркотическое“, прекращаютъ нить своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, какъ будто для нихъ все остальное совершенно понятно.

Не долженъ ли серьезный и здравомыслящій слуга науки искать причину возникновенія явленій и фактовъ, т. е. тѣ

силы и дѣйствія, которыя производятъ ихъ? Для него недостаточно только любоваться красотою неба, онъ долженъ знать также, что означаютъ всѣ движенія небесныхъ тѣлъ; для него недостаточно знать, что одна звѣзда превосходитъ другую по своему великолѣпію, онъ долженъ знать зачѣмъ и почему это такъ. Результатомъ такого упорнаго доискиванья причинъ явилась современная астрономія, созданная поколѣніями трудовъ именно въ этомъ направленіи. Наша астрономія создалась именно посредствомъ тщательнаго наблюденія надъ явленіями и глубокаго размышленія о причинахъ тѣхъ фактовъ, которые удалось ей подмѣтить въ природѣ. Подобное же стремленіе существуетъ и у людей, изучающихъ медицину; но оно почему то всегда подавляется болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ наукахъ. Недостаточно знать, что opium производитъ сонъ, мы хотимъ еще знать, почему и какимъ образомъ онъ это дѣлаетъ? это неизбѣжно. Чтобы получить желанные отвѣты, мы должны идти дальнѣйшимъ путемъ, допытываться и изучать, а не отдѣлываться одними фиктивными объясненіями и латинскими названіями, преграждающими правильный ходъ мысли и правильное развитіе науки.

Клодъ Бернардъ имѣлъ менѣе другихъ право вовлекать слушателей въ заблужденія, внушая имъ ошибочный взглядъ на природу вещей, слѣдуя модѣ, принятой наукой его времени, такъ какъ научныя познанія раскрыли ему высшій и глубочайшій смыслъ природы, лежащій за предѣлами всякихъ человѣческихъ познаній, ибо иначе онъ не сказалъ бы: „Если бы нужно опредѣлить жизнь однимъ словомъ, я сказалъ бы: „жизнь есть творчество“.

Человѣкъ, который путемъ своего научнаго анализа, приходитъ до необходимости признать всякую жизнь творчествомъ, долженъ былъ раньше этого признать осмысленнымъ и логическимъ путемъ Предвѣчную Причину творчества или Бога Промыслителя вселенной, и эти глубокія убѣжденія и выводы о сокровенномъ смыслѣ всей нашей жизни онъ не долженъ бы былъ хоронить въ отдаленныхъ тайникахъ своего сердца, выставляя на показъ какое-то парадное или подставное міровоззрѣніе, съ которымъ онъ только и находитъ приличнымъ являться передъ своими слушателями, проповѣдуя истины, идущія въ разрѣзъ съ своими внутренними и духовными убѣжденіями, строя уже на нихъ все зданіе своей науки.

И такъ, какъ можетъ быть непопулярно и необщеупотребительно воззрѣніе Биша на природу, въ связи съ возможностью познать ее человѣческими силами и умственными его сред-

ствами, — однако правильнымъ оно признано быть не можетъ, и потому должно быть отвергнуто здравымъ смысломъ. Система-же Монтепельской школы, выработанная Бартезомъ и Лорда, не имѣла никогда серьезныхъ возраженій и до сихъ поръ принималась и признавалась безъ всякихъ измѣненій всѣми докторами и медицинскими школами, которые находили только возможнымъ допустить присутствіе души въ человѣкѣ.

Безспорно, — что большинство докторовъ, и въ особенности у насъ въ Россіи, отвергаютъ систему Бартеза„ но никому еще не удалось оспорить или опровергнуть ее. Обыкновенно, ставятъ ей въ укоръ, что она, будто бы, устарѣла, такъ какъ появилась болѣе столѣтія тому назадъ, и наука, быстрыми шагами двигаясь по пути прогресса, не можетъ останавливаться на старыхъ, давно забытыхъ, принципахъ. Но едва ли можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ: таблица умноженія, напримѣръ, или логариѳмы выдуманы не одно тысячелѣтіе тому назадъ, однако, вслѣдствіе своей непогрѣшимости, не могутъ устарѣть и не могутъ быть покинуты человѣчествомъ до тѣхъ поръ, пока будетъ стоять міръ. Совершенно то же надо сказать и о всякомъ вѣрномъ научномъ положеніи и о всякой вѣрной системѣ, — онѣ должны быть вѣчны всегда и при всякомъ ихъ примѣненіи. Правильный взглядъ на Бога и на истинную природу вещей будетъ неизмѣнно стоять до тѣхъ поръ, пока Богъ существуетъ, и не будетъ подвергаться измѣненію, ибо Самъ Богъ неизмѣненъ и не имѣетъ причины мѣняться, а потому и истинный и вѣрный взглядъ на природу вещей останется всегда и вездѣ неизмѣннымъ, но зато тѣмъ труднѣе онъ усвоивается людьми и принимается наукой; онъ слишкомъ простъ, нагляденъ и понятенъ, чтобы быть общепринятымъ.

Исторія человѣческаго развитія наглядно показываетъ, какъ человѣкъ въ своихъ изслѣдованіяхъ ходитъ иногда долго кругомъ и около истины, зная, но не понимая ее; въ какую массу самыхъ грубыхъ заблужденій впадаетъ онъ въ виду очевидностей, которыя никакъ не удается ему охватитъ и понять, и впослѣдствіи только оказывается, что то, что онъ такъ упорно отвергалъ и оспаривалъ, такъ тщательно избѣгалъ, — и было то самое простое и вѣрное рѣшеніе задачи, не оставляющее ни одного пробѣла въ знаніи. Система Бартеза должна быть отнесена именно къ числу подобныхъ.

Всѣ знаютъ, что есть душа, всѣ ее чувствуютъ и сознаютъ, никто не можетъ оспорить этого. Декартъ сказалъ, что можно опровергнуть, что есть вещество, что есть у человѣка тѣло, но нельзя оспаривать душу, ибо именно она даетъ намъ то

представленіе, которое мы составляемъ себѣ о каждомъ видимомъ и ощущаемомъ нами предметѣ; слѣдовательно, можно оспаривать предметъ, ибо онъ можетъ быть совершенно не такой, какой онъ намъ представляется, а можетъ и даже совсѣмъ не существовать, но нельзя оспаривать наше представленіе о немъ, ибо мы его видимъ и сознаемъ. Всѣ знаютъ, что есть жизненное начало въ природѣ, ибо безъ него не было бы жизни на землѣ, не было бы разницы между трупомъ и живымъ человѣкомъ, между зародышемъ пшеницы и ржи, между яйцомъ курицы и гуся, между яйцомъ живымъ и мертвымъ, иначе не было бы роста, жизни; вся природа была бы мертва, т.-е. состояла бы изъ однихъ только камней и металловъ. Надо идти противъ очевидности, чтобы отвергать жизненное начало; однако, позитивизмъ не принимаетъ его, ибо не можетъ подчинить его своей власти въ своихъ лабораторіяхъ, ибо оно выше его понятіи и способностей.

Глава V.

Три элемента человѣческаго существа.

На основаніи вышесказаннаго, мы должны признать въ существѣ человѣка три элемента, его составляющіе, а именно:
1) Матеріальное тѣло.
2) Жизненное начало, или жизнь.
3) Душу, или внутренній разумъ, или духовное начало.

Разберемъ болѣе подробно послѣдніе два элемента, такъ какъ матеріальное тѣло человѣка изучается совершенно удовлетворительно нашимъ позитивизмомъ.

Жизненное начало.

Ни положительныя, ни матеріалистическія науки до сихъ поръ не признаютъ жизненнаго начала, или жизненной силы за необходимый элементъ въ строеніи всякой живой матеріи, а между тѣмъ—что можетъ быть естественнѣе, проще и понятнѣе? Мы видимъ, что сѣмена всѣхъ растеній имѣютъ одинъ и тотъ же химическій составъ; яйца всѣхъ птицъ—имѣютъ также одинаковое сложеніе и химическій составъ. Отчего, если мы посѣемъ въ землю сѣмена пшеницы—выростаетъ непремѣнно пшеница, а не что-либо другое? Отчего изъ яйца курицы выйдетъ непремѣнно курица, а не утка? Причины тому, конечно, химіи не доступны; на какомъ же основаніи она отвергаетъ такъ упорно жизненную силу въ организмахъ? Она признала понятіе о жизненной силѣ отвлеченностью, явленіемъ непонятнымъ и необъяснимымъ наукой. Но развѣ химическое сродство

не одинаково непонятно и отвлеченно? Развѣ позитивисты лучше себѣ объясняютъ, что такое химическое сродство? И отчего оно именно происходитъ? Они говорятъ, что химическое сродство наглядно и неоспоримо, что они, пользуясь этимъ химическимъ сродствомъ, могутъ взять два простыхъ тѣла и произвести третье, на нихъ не похожее.—Это все такъ; это напоминаетъ нѣкоторый родъ творчества, какъ бы присущимъ ничтожному, но крайне самолюбивому и тщеславному человѣчеству, и принимается потому, что нравится ему; а жизненное начало показываетъ все ничтожество человѣка въ тщеславныхъ знаніяхъ его микроскопической науки по отношенію всей органической природы и, наоборотъ,—все величіе Отвлеченнаго Начала, Управляющаго вселенной. И на этомъ только основаніи химическое сродство принято позитивизмомъ, а другое такое же по своему существу явленіе отвергнуто. Какое логическое основаніе имѣютъ они отвергать его? Наука не знаетъ до сихъ поръ по существу самого явленія, что это за сродство и какъ оно дѣйствуетъ? она умѣетъ поставить два простыхъ тѣла въ извѣстныя условія, при которыхъ и получается та реакція, которая и производитъ данное тѣло. Совершенно то же можно сдѣлать и при воспроизведеніи организма. Возьмите куриное яйцо и поставьте его въ тѣ условія, при которыхъ выйдетъ изъ него курица. Это совершенно то же, что дѣлаетъ наука съ химическими реакціями; но такъ какъ для химическихъ реакцій неорганическаго царства имѣете одно опредѣленное выраженіе „химическое сродство“, то дайте этой силѣ, которая производитъ то же самое въ органическомъ царствѣ, какое-нибудь другое названіе, такъ какъ эта сила проявляетъ себя дѣйствительно иначе, чѣмъ „химическое сродство“. Что же, казалось бы, можетъ быть проще яснѣе и опредѣленнѣе? — „Нѣтъ“, — говоритъ Бюхнеръ, — „физіологія имѣетъ основанія утверждать, что нѣтъ существенной разницы между органической природой и неорганической“,—и на этомъ, совершенно бездоказательномъ положеніи матеріалисты порѣшили, что все это одно и то же, все это сродство и реакція.

Пусть матеріалисты говорятъ, что хотятъ, а жизнь остается все-таки силой выше всякихъ химическихъ процессовъ и матеріи.

Не смотря на протестъ свой, никто изъ нихъ не объяснилъ однако разницу между яйцомъ курицы и утки, между зерномъ пшеницы и ржи, между яйцомъ, способнымъ къ высиживанію, и яйцомъ мертвымъ, между трупомъ человѣка и человѣкомъ живымъ. — Нѣтъ, — это одно упорство изъ принципа; позити-

висты слишкомъ хорошо знаютъ, что признаніе жизненной силы поведетъ къ допущенію источника разума и мысли, т.-е. къ признанію души, и заведетъ ихъ въ непроходимый лѣсъ отвлеченностей и измѣнитъ весь характеръ позитивности въ наукѣ. Поэтому все это запрещено и отъ всѣхъ подобныхъ темъ они прямо отворачиваются, отдѣлываются одними названіями вмѣсто понятій, или громкими фразами и насмѣшками; и эти бездоказательныя фразы, насмѣшки и голословныя отверганія изъ принципа и по привычкѣ, имѣютъ несравненно большій успѣхъ и прививаются охотнѣе и легче, чѣмъ свидѣтельства маститыхъ ученыхъ, людей истинно преданныхъ своей наукѣ. Приведемъ въ защиту жизненной силы свидѣтельства нѣсколькихъ научныхъ и всѣмъ міромъ признанныхъ авторитетовъ:

1) **По Клодъ Бернару,** органическія тѣла имѣютъ свои законы жизни и обладаютъ исключительно имъ принадлежащими качествами, но, стоитъ только появится жизни, тѣла эти уже начинаютъ пользоваться физико-химическими силами. Жизненная сила есть, слѣдовательно, сила организаціи, свойственная живымъ тѣламъ и, по мнѣнію этого великаго философа, законы, ее характеризующіе, предшедствуютъ организму. „Если нужно было бы“, говоритъ Клодъ Бернаръ, „опредѣлить жизнь однимъ словомъ, я сказалъ бы: жизнь есть творчество“. (Introduction a l'etude de la medecine experimentale, p. 163).

2) **Вирховъ** въ своей публичной лекціи, въ Берлинѣ, подъ заглавіемъ: „Атомъ и индивидуумъ“ сказалъ слѣдующее: „Подобное и схожее съ жизнію сама только жизнь... Природа двойственна; органическая совершенно отличается отъ неорганической. Состоящая изъ той же матеріи, изъ тѣхъ же атомовъ, органическая природа представляетъ намъ безпрерывный рядъ явленій, совершенно различныхъ отъ неорганической, не потому, чтобы она была мертвою, такъ какъ мертво только то, что живо. Неорганическая природа обладаетъ тоже своею дѣятельностью, своимъ вѣчнымъ движеніемъ, но эта дѣятельность не жизнь, развѣ только въ иносказательномъ смыслѣ“. (Revue des cours scientifiques, 1866 года).

3) **Бальфуръ, Стевартъ и Тэтъ,** разбирая вопросъ о жизненной силѣ, говорятъ приблизительно слѣдующее: „Всякій разъ, когда человѣкъ встрѣчается съ вопросомъ о необходимости принять и допустить особую жизненную силу въ природѣ и въ представленіи своемъ онъ доходитъ до первоначальной

ячейки или первой появившейся органической клѣточки на землѣ, — онъ втрѣчается лицомъ къ лицу съ совершенно непреодолимыми препятствіями. Откуда взялась она? Всѣ данныя науки говорятъ, что жизнь можетъ быть произведена только жизнію. Что же предшествовало этой клѣточкѣ такое, что могло бы ее произвести? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны или признать творческую силу, или молчать, — такъ какъ, кромѣ творчества, произведеннаго постороннею, внѣшнею волею, ничто не въ состояніи удовлетворить требованію логики. Разница слишкомъ велика и наглядна между всѣмъ живымъ и мертвымъ, между органическимъ и неорганическимъ, и теперь больше чѣмъ когда-нибудь должно считаться доказаннымъ, что нѣтъ возможности силамъ, развивающимся въ неорганической видимой природѣ, произвести что-либо живое, — нужны совершенно новыя силы или новая энергія" (L'univers invisible, page 308—328).

4) Американскій профессоръ **Barnard** говоритъ въ своихъ новѣйшихъ „Успѣхахъ науки": „Что касается процесса органическаго роста и развитія, ассимиляціи пищи, всасываній, отдѣленій и другихъ физіологическихъ функцій, непрерывно совершающихся въ животной и растительной жизни, то можно не колеблясь принять, что дѣйствующая сила, производящая соотвѣтственныя измѣненія, являетси извнѣ, и что сами эти измѣненія представляютъ собою точные эквиваленты приложенной силы. Возьмемъ, напримѣръ, растеніе. Его пищу составляетъ углеродъ, получаемый изъ углекислоты воды, которую извлекаетъ оно изъ земли или изъ окружающаго воздуха. Сила, разлагающая это очень прочное соединеніе, освобождающая углеродъ для его соединенія съ растеніемъ, доставляется при посредствѣ солнечныхъ лучей. Въ равнозначительности обѣихъ силъ не можетъ быть сомнѣнія, и столь же мало нужно намъ призывать на помощь нѣкоторую спеціальную силу, подъ именемъ жизненной, съ тѣмъ, чтобы извѣстную часть измѣненія приписывать и ея вліянію. Но все-таки, несомнѣнно, здѣсь есть нѣчто большее, чѣмъ простое скопленіе веществъ подъ вліяніемъ солнца. *Если бы жизненнаго принципа не заключалось въ растеніи, тогда не было бы и всего этого процесса.* Углекислота можетъ быть на-лицо, растительная ткань точно также, и все-таки лучи солнца будутъ *безплодно играть на мертвомъ матеріалѣ, не вызывая никакого дѣйствія.*

„Жизненный принципъ, слѣдовательно, есть нѣчто такое, что обусловливаетъ ростъ растенія. Я не хочу называть его силой, я считаю ложнымъ выраженіе „жизненная сила", ибо

ничего не совершится безъ присутствія еще другихъ силъ, равно важныхъ и необходимыхъ; но я говорю, что, чѣмъ бы онъ ни былъ, его присутствіе необходимо для совершенія работы, и при его отсутствіи работа останавливается. Еще болѣе — я говорю, что силы, обусловливающія возможность роста, не только не въ состояніи продолжать свое дѣло съ прекращеніемъ жизни растенія, но что никакое соединеніе силъ, вліяній или веществъ, которое только въ состояніи произвести человѣческое умѣнье, никогда не воспроизведетъ даже листка простѣйшаго растенія, или стебля ничтожнѣйшей травинки, а между тѣмъ природа съ помощью жизненнаго принципа производитъ ихъ каждое лѣто неисчислимое количество милліоновъ" (Индивидуализмъ. Л. Гелленбаха, стр. 295, 296).

5) **Либихъ**, величайшій изъ химиковъ, говоритъ о жизненной силѣ: „Химія можетъ только анализировать, т.-е. разлагать тѣла на ихъ элементы, но она не можетъ даже узнать расположенія этихъ элементовъ, между тѣмъ какъ въ этомъ самомъ расположеніи, а не въ элементахъ, вся суть дѣла. Тѣ же самые три элемента: углеродъ, кислородъ и водородъ, и даже въ одинаковомъ вѣсѣ, образуютъ и молочный сахаръ, и щавель, и хлопчатую бумагу. Точно также стрихнинъ (ядъ чилибухи), хининъ (лекарство) теинъ, кофеинъ и даже кровь одинаково даютъ при химическомъ анализѣ углеродъ, азотъ и элементы воды. Стало-быть, причина ихъ различія заключается только во внутреннемъ распорядкѣ, а для познанія этого распорядка всякій анализъ тщетенъ. Если уже и теперь ясно, что чисто случайное совпаденіе никогда не могло образовать этихъ веществъ, то подобное утвержденіе въ отношеніи къ происхожденію высшихъ органическихъ существъ будетъ совершенно безсмысленнымъ... Всѣ неорганическія силы образуютъ только прямыя линія и плоскости, всѣ же органическія, напротивъ, даютъ линіи кривыя и поверхности выпуклыя. Если же мы спросимъ о той силѣ, которая эти линіи закривляетъ, то мы должны будемъ принять новую силу сверхъ тѣхъ трехъ, которыя опредѣляютъ порядокъ элементовъ въ неорганическихъ тѣлахъ. Къ силѣ сцѣпленія и кристаллизаціи, къ теплотѣ и къ сродству химическихъ веществъ прибавляется еще органическая — жизненная сила. Одна эта сила, наприм., покоряетъ и ограничиваетъ, сообразно извѣстнымъ цѣлямъ, вредныя сами по себѣ дѣйствія силы сцѣпленія въ животномъ тѣлѣ. Всѣ отрицатели этой органической силы вовсе не знаютъ природы, и никакой физіологъ не можетъ принять ихъ заключенія за научно доказанныя. Тѣ дилетанты, которые въ своихъ

прогулкахъ по границамъ науки слышали звонъ, да не знаютъ гдѣ онъ, думаютъ, наприм., что такъ какъ химикъ можетъ приготовить изъ дерева сахаръ, то онъ долженъ дойти и до составленія организованныхъ соединеній. Но химическія соединенія не суть организованныя, а только сходны съ ними, потому что содержатъ въ себѣ тѣ же элементы. Въ живомъ тѣлѣ дѣйствуютъ и химическія силы, но онѣ распредѣляются по извѣстной идеѣ, и никогда не удастся химіи изъ углерода, аммоніака, воды, фосфора и извести (это составныя части человѣческаго тѣла) составить хотя бы одну единую органическую клѣточку. Неорганическія, лишенныя жизни, вещества дѣйствуютъ всегда только неорганически." Frauenschtedt. Der Materialismus, стр. 116).

Образованіе органическихъ тканей можетъ быть выяснено по аналогіи изъ тѣхъ же самыхъ законовъ природы, которые мы видимъ ежедневно для предметовъ неорганическихъ. По мѣрѣ того, какъ мы углубляемся въ явленія природы, она сама открываетъ намъ то, что кажется на первый взглядъ недосягаемымъ и сложнымъ, все сливается съ тѣми же законами, которые намъ давно извѣстны. Постараемся выяснить это.

Химія признала нѣкоторыя тѣла простыми, ибо они сами не разлагаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ для составленія другихъ тѣлъ. Черезъ разныя комбинаціи этихъ простыхъ тѣлъ являются тѣла сложныя: разныя окиси, закиси, алколоиды, соли и несмѣтное количество другихъ тѣлъ.

Для успѣшнаго исполненія каждой изъ этихъ комбинацій нужны непремѣнно извѣстныя условія; напримѣръ, опредѣленная температура, степень влажности, иногда сырость, движеніе или покой, а нѣкоторыя комбинаціи требуютъ присутствія электрическаго тока и т. д. Если требуемыя условія для данной комбинаціи выполнены, она можетъ совершиться; если ихъ нѣтъ, или какого-нибудь условія для этого недостаетъ, то она можетъ не совершиться

Если подобная комбинація совершилась, то новое тѣло, образовавшееся изъ двухъ или нѣсколькихъ другихъ тѣлъ, пріобрѣтаетъ другія, свои особыя качества, совершенно не похожія ни на одно изъ качествъ, которыя были у первоначальныхъ веществъ, составившихъ это новое тѣло. Напримѣръ, изъ водорода и кислорода,—двухъ безцвѣтныхъ газовъ,—при химической ихъ реакціи является вода, вещество твердое или жидкое, смотря по той температурѣ, въ которую она поставлена.

Вода, такимъ образомъ, разъ образовавшись, уже болѣе не похожа и не имѣетъ ничего общаго ни съ водородомъ, ни съ

кислородомъ. Говоря о водѣ, мы совершенно исключаемъ всякое понятіе о составныхъ ея частяхъ. Совершенно то же надо сказать и объ обратной реакціи. Мы можемъ воду разложить на составныя ея части, послѣ чего не будетъ больше воды, а будутъ два газа, не имѣющіе ничего общаго съ водой. И такъ можемъ мы продолжать до безконечности изъ газовъ дѣлать воду, изъ воды обратно—газы, безъ того, чтобы произошла въ концѣ концовъ какая-нибудь перемѣна или въ количествѣ, или въ качествѣ этихъ веществъ.

Соединенія эти и разложенія имѣютъ мѣсто вслѣдствіе извѣстнаго химическаго сродства, которое имѣютъ одни тѣла къ другимъ. Кислородъ соединяется съ водородомъ вслѣдствіе того сродства, которое имѣютъ частицы одного тѣла къ частицамъ другаго. Но если въ воду положить тѣло, у котораго химическое сродство къ одной изъ составныхъ частей воды больше, то оно соединится съ нимъ и образуетъ новое тѣло, другая же составная часть воды остается свободной. Въ этомъ случаѣ не будетъ воды, а будутъ опять новыя тѣла, которыя на воду нисколько не похожи.

Эти законы повторяются постоянно во всѣхъ химическихъ реакціяхъ, а потому они могутъ называться основными законами природы. Сочетанія производятся всегда въ однихъ и тѣхъ же паяхъ, всегда при соблюденіи всѣхъ необходимыхъ для того условій,—и это относится до всѣхъ 70-ти простыхъ тѣлъ, дающихъ намъ всѣ существующія въ мірѣ тѣла и вещества, ибо тотъ же законъ относится и къ органическимъ веществамъ.

Химическій анализъ показываетъ намъ, что органическія вещества состоятъ совершенно изъ тѣхъ же составныхъ частей, изъ которыхъ состоятъ и неорганическія, но органическое царство имѣетъ нѣсколько видовъ преобразованій, которые не имѣетъ неорганическое, напримѣръ:

1) Въ сокѣ винограда нѣтъ ни вина, ни алкоголя, — это простая смѣсь сахара съ водой; но когда сокъ поспѣлъ и поставленъ въ извѣстныя условія, то внутри его начинается медленная работа, называемая броженіемъ; при чемъ часть сахара переходитъ въ разложеніе и образуетъ алкоголь. Такимъ образомъ, въ сокѣ винограда нѣтъ нисколько алкоголя, онъ является лишь послѣ броженія, при чемъ количество основныхъ составныхъ частей до броженія и послѣ броженія остается совершенно одинаково.

Въ хлѣбѣ или въ овощахъ, что мы ѣдимъ, нѣтъ ни мяса, ни чего подобнаго тому, что должно поступить для питанія

нашего тѣла, а между прочимъ эти продукты поступятъ всѣ въ нашъ организмъ.

3) Въ сѣмячкѣ дерева нѣтъ ни древесины, ни цвѣтовъ, ни коры,—была бы большая ошибка думать, что зернышко заключаетъ въ себѣ всѣ составныя части, необходимыя для образованія дерева, хотя бы въ микроскопическомъ видѣ; въ немъ нѣтъ достаточнаго матеріала, чтобы сдѣлать хотя бы одинъ листикъ. Зернышко заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, зародышъ. Если этотъ зародышъ поставленъ въ соотвѣтствующія условія, то можетъ развиться и произвести такія сочетанія и комбинаціи элементовъ, которыя заставятъ его прорости. Зернышко черпаетъ изъ земли и воздуха соки, которые сами по себѣ ни древесина, ни кора, но подъ вліяніемъ процесса, который производится въ зародышѣ, они превращаются въ то и другое.

И такъ, различныя сочетанія первоначальныхъ элементовъ должны имѣть извѣстныя условія для образованія тѣлъ минеральныхъ, растительныхъ и животныхъ; если ихъ нѣтъ,—нѣтъ и самыхъ сочетаній; способность преобразованія этихъ элементовъ остается въ сокрытомъ видѣ до тѣхъ поръ, пока не явятся необходимыя условія для каждаго такого преобразованія. Какъ только обстоятельства будутъ благопріятствовать, начнется работа частицъ, онѣ станутъ двигаться, вслѣдствіе сродства къ окружающему ихъ матеріалу и произойдутъ самыя разнообразныя сочетанія.

Кислородъ, водородъ, азотъ, углеродъ и другіе простые и сложные элементы, сочетаясь для образованія разныхъ тѣлъ, образуютъ изъ себя органическія или неорганическія комбинаціи, смотря по тому, дѣйствовало ли на нихъ жизненное начало или нѣтъ; въ одномъ случаѣ изъ тѣхъ же элементовъ образовывалось одно тѣло, въ другомъ—другое. Для примѣра, приведемъ слѣдующіе физіологическіе факты: возьмите пережеванную пищу, смѣшайте ее со слюной и желудочнымъ сокомъ, подражая во всемъ работѣ желудка и вашихъ челюстей, при той же температурѣ, при тѣхъ же движеніяхъ, похожихъ на движенія желудка,—получите ли вы тоже свареніе пищи, образованіе изъ нея питательныхъ соковъ и совершенно тѣ же реакціи, какъ если бы эта самая пища находилась въ желудкѣ подъ дѣятельнымъ вліяніемъ жизненнаго начала живого организма?—Конечно нѣтъ; всѣ реакціи будутъ другія. Сдѣлайте то же съ растеніемъ, попробуйте питать его черезъ кору, или вводя въ его поры искуственно приготовленный сокъ, совершенно тождественный по химическому составу съ его дѣйстви-

тельнымъ сокомъ, и увидите, что оно погибнетъ. Для образованія извѣстныхъ химическихъ реакціи нужно непремѣнно присутствіе жизненнаго начала.

Дѣятельность жизненнаго начала поддерживаетъ жизнь организма и поддерживается сама черезъ то дѣйствіе, которое оно производитъ на организмъ. Мы будемъ имѣть слабое понятіе объ этомъ, если вспомнимъ, какъ при благопріятномъ дуновеніи вѣтра можетъ разгораться потухающая уже искра,—найдя кругомъ себя достаточно сгораемаго матеріала, она сперва зажжетъ его и отъ избытка дѣйствія жары будетъ все больше и больше разгораться сама.

Химія совершенно не улавливаетъ ни одного изъ проявленій жизненнаго начала. Она, при анализахъ своихъ, очень удачно разлагаетъ съ одинаковымъ успѣхомъ всѣ тѣла органическія и неорганическія; составлять же она можетъ только неорганическія тѣла, и никогда еще не удавалось ей ни составить, ни даже возстановить жизнь, хотя бы въ засохшемъ листкѣ, что служитъ очень вѣскимъ доказательствомъ, что живые организмы имѣютъ нѣчто, чего нѣтъ въ безжизненной матеріи.

Подобнаго рода взглядъ сдѣлаетъ для насъ яснымъ, почему наука такъ положительно утверждаетъ, что самопроизвольное самозарожденіе невозможно; ибо при всѣхъ подобнаго рода опытахъ она рѣшительно не могла ввести въ свои реакціи тѣхъ силъ, которыя производятъ жизнь, слѣдовательно, всѣ ея опыты, не имѣя главнаго, необходимаго при семъ, дѣятеля, не могли до сихъ поръ привести къ правильному рѣшенію задачи. Вотъ логическое объясненіе научныхъ неудачъ въ этомъ отношеніи.

Есть ли жизненное начало совершенно такая же сила, какъ сила химическаго сродства, взаимнаго частичнаго притяженія, или электричества, магнетизма и т. д.? На этотъ вопросъ надо отвѣтить утвердительно, и сказать, что жизненное начало есть сила, приблизительно такая же, какъ и всѣ силы; хотя, говоря, что это такая же сила, какъ другія, мы только обобщаемъ, или облегчаемъ объясненіе ея, ибо въ сущности это объясненіе имѣетъ слишкомъ ничтожное значеніе. Развѣ силы похожи другъ на друга, напримѣръ, магнетизмъ и химическое сродство; онѣ даже по природѣ своей не имѣютъ ничего схожаго, а жизненное начало еще меньше походитъ на всѣ прочія силы природы,—тѣмъ не менѣе она все же сила.

Жизненное начало есть проявленіе Творчества Бога. Оно несравненно выше всѣхъ другихъ силъ. Ничто не можетъ за-

родиться безъ Бога; Богъ всюду и вездѣ!.... Только воля Создателя вызываетъ въ матеріи и во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, какія бы они ни были, органическую жизнь, поддерживаетъ ее и сохраняетъ; безъ Его Воли все превратилось бы въ безсмысленную груду. Вотъ почему химики и не могутъ уловить главный смыслъ и причину жизни въ своихъ лабораторіяхъ; вотъ отчего жизненное начало всегда ускользало отъ ихъ опытныхъ глазъ и навсегда останется далеко за предѣлами всѣхъ научныхъ познаній.

Причиной появленія на землѣ органической жизни и было именно это самое жизненное начало, возбуждаемое Высшей Волей, составляющей единственный Источникъ жизни всего живого; безъ него нѣтъ жизни. Богъ одинъ способенъ призвать къ жизни безсмысленную матерію. Жизнь есть великая тайна природы, которая никогда не будетъ разгадана человѣкомъ, несмотря на то, что онъ, видя ее ежедневно, вездѣ и всюду кругомъ себя и въ себѣ самомъ, до такой степени привыкъ къ ней, что считаетъ это высокое проявленіе Творчества Божія за совершенно заурядный фактъ. Человѣкъ думаетъ, что зерно, положенное въ землю, обязано прорости, что у родителей должы быть дѣтеныши и что они непремѣнно должны сохранить породу своихъ родителей, и что это иначе быть не можетъ. Да, —это такъ бываетъ, но не потому, что это есть необходимость; необходимости въ органической природѣ нѣтъ, — есть Воля Божія.

Съ химической точки зрѣнія человѣкъ ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ млекопитающихъ, его кровь, мясо, кости имѣютъ тождественный составъ. Онъ такъ же родится, живетъ и умираетъ; его тѣло такъ же разлагается, какъ и тѣла всѣхъ другихъ животныхъ. Сходство организмовъ до того велико во всѣхъ отправленіяхъ, что, по организаціи, своей человѣкъ не можетъ быть выдѣленъ изъ числа другихъ тварей, живущихъ на землѣ.

При смерти каждаго существа жизненное начало прекращаетъ свое дѣйствіе на организмъ, и онъ умираетъ. Отъ жизненнаго начала послѣ смерти человѣка ничего не остается, это факелъ, который зажигается съ жизнью и со смертью погасаетъ безвозвратно.

Духовное и разумное начало.

Духовное и разумное начало и есть то самое наше „я" или наша истинная личность, которую каждый изъ насъ чувствуетъ

и сознаетъ въ себѣ существующей, мыслящей, и разсуждающей. Это наше „я" есть элементъ нашего существа, который по природѣ своей и по всѣмъ своимъ проявленіямъ чистѣйшая отвлеченность, не заключающая въ себѣ ничего матеріальнаго и не состоящая ни изъ какихъ элементовъ, составляющихъ нашу землю. Иначе человѣкъ не могъ бы быть наслѣдникомъ будущей безконечной небесной жизни въ царствѣ безпредѣльнаго добра и милосердія, ибо въ этомъ случаѣ тѣлесная смерть уносила бы какіе нибудь элементы, составляющіе духовное начало и черезъ то нарушала бы неприкосновенность естества души. Никакой зависимости между матеріей и духомъ нѣтъ и быть не можетъ, иначе и душевныя отправленія прекращались бы со смертью.

Что существуетъ въ человѣкѣ духовное начало и источникъ нравственныхъ и разумныхъ отправленій его, —это фактъ неоспоримый, ибо очевидность его подтверждается слѣдствіями.

Духовное начало въ человѣкѣ доказывается существованіемъ Бога; безъ него нѣтъ причины Богу существовать, ибо въ такомъ случаѣ надо допустить, что Высшій Разумъ, источникъ Добра и Милосердія, управляетъ такой вселенной, которая состоитъ изъ однихъ каменьевъ, или вообще говоря, изъ одной грубой и неразумной матеріи; это было было не достойно Бога, котораго мы не можемъ представить себѣ иначе, какъ безконечно справедливымъ и безконечно благимъ. Эти качества были бы совершенно лишними, если бы Онъ имѣлъ дѣло только съ веществомъ.

Невозможно было бы понять Высшую Правду и Высшее Добро въ Богѣ, если бы Онъ сотворилъ чувствующихъ и разумныхъ существъ и обрекъ бы ихъ на уничтоженіе, послѣ нѣкотораго времени мученія на землѣ.

Если мы не предположимъ, что нравственная и разумная часть человѣка переживаетъ его матеріальное тѣло, мы дожны приписать Богу жестокость, причину которой мы опять ни въ чемъ отыскать не въ состояніи. Вотъ почему матеріализмъ и атеизмъ разбиваются другъ другомъ: отрицая причину, они не могутъ допустить слѣдствія; изъ этого выходитъ, что оба эти ученія послѣдовательны только въ извѣстныхъ предѣлахъ и не соотвѣтствуютъ дальнѣйшему анализу природы вещей.

Идея о загробной жизни присуща человѣчеству, оно чувствуетъ ее всегда, какъ утѣшеніе въ земныхъ страданіяхъ; это главная причина, почему во всѣ времена матеріалистовъ было меньше, чѣмъ спиритуалистовъ, атеистовъ меньше чѣмъ людей вѣрующихъ.

По наружному виду, по химическому составу и по проявленіямъ органической жизни люди очень мало отличаются отъ прочихъ тварей земныхъ. Но на этомъ основаніи еще нельзя никакъ основывать предположеніе, что и существа людей тождественны между собой, и тождественны съ существами остальныхъ тварей земныхъ. Матерія сама по себѣ всегда останется бездушной, неразумной, мертвой и инертной матеріей; такова уже ея природа и та подчиненная роль, которую она имѣетъ во всѣхъ явленіяхъ природы. Чтобы оживить это мертвую матерію, нужно присутствіе жизненной силы, вызываемой Всесильной Волей Божіей и превращающей неограниченную матерію въ ограниченную. Эта органическая матерія хотя и жива, но она еще бездушна; она не можетъ проявить ни разума, ни воли, ни мысли и ни сознавать своей жизни. Образецъ подобныхъ органическихъ живыхъ матерій, мы видимъ въ растеніяхъ и во многихъ простѣйшихъ животныхъ.

Чтобы эта оживленная матерія могла проявлять разумъ, волю или сознаніе, необходимо, чтобы какое либо самостоятельно чувствующее и сознающее разумное существо непосредственно соединилось съ этой матеріей, такъ сказать вошло бы въ одну неразрывную съ ней связь и тогда уже это существо (но не матерія сама) можетъ проявлять свою дѣятельность, свои способности и волю; матерія же во всемъ повинуется и безпрепятственно исполняетъ то, что дѣлаетъ это существо.

Чѣмъ болѣе духовно и разумно развито существо, вселившееся въ эту матерію, тѣмъ и отправленія его выше, лучше и отчетливѣй. Разумныя и нравственныя проявленія въ человѣкѣ нисколько ни зависятъ отъ сложенія тѣла, но единственно отъ качествъ и развитія особи, заселяющей данное тѣло. Напротивъ, душа, заселяя тѣло во время своего рожденія, еще до появленія тѣла въ свѣтъ, приспособляетъ сама свое тѣло и дѣлаетъ его удобнымъ для проявленій черезъ него всѣхъ своихъ способностей и качествъ.

Жизненное начало и духовное нисколько не связаны между собой: какъ отправленія ихъ, такъ и все функціи каждаго изъ нихъ, не находятся ни въ какой зависимости другъ отъ друга. Тѣло можетъ жить совершенно нормальною жизнью въ то время, когда душа покидаетъ его временно или, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ себя въ этомъ тѣлѣ не проявляетъ; такія состоянія замѣчаются у человѣка во время нѣкоторыхъ болѣзней разума, памяти, воли или ежедневно во время обыкновеннаго сна человѣка, а еще рѣзче обнаруживаются они во время летаргіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ жизнь органическая находится въ полной силѣ и дѣятельности, а всѣ разумныя и волевыя отправленія остаются въ полномъ бездѣйствіи. Вотъ отчего все искусство докторовъ разбудить особу, спящую въ летаргическомъ снѣ или вылѣчить болѣзнь воли остается окончательно безсильнымъ, ибо это не болѣзни тѣла, но болѣзни духа или души человѣческой. Какъ можетъ докторъ вызвать своими лекарствами сознаніе, если сознательный субъектъ отсутствуетъ изъ тѣла? Или, какъ можетъ докторъ вылѣчить болѣзнь воли, если такого качества нѣтъ у души человѣка? докторъ своими лекарствами можетъ воздѣйствовать только на тѣло; но тѣло здорово, все въ немъ исправно и живетъ нормальною жизнью, больна одна душа, или лучше сказать больна нравственно, т.-е. порочна.

Душа же не можетъ оставаться въ тѣлѣ, если жизненныя силы погаснутъ и прекратятъ свое живительное дѣйстіе. Когда тѣло умираетъ, душа принуждена оставить его. Однимъ словомъ, не потому тѣло умираетъ, что душа покидаетъ его, но душа можетъ покинуть тѣло только тогда, когда тѣло умретъ, когда оно становится негодно къ жизни.

Глава VI.

Поиски четвертаго элемента.

Все вышеизложенное открываетъ намъ полнѣйшую вѣроятность и логичность мнѣнія, что существо человѣка состоитъ изъ трехъ элементовъ, одинаково необходимыхъ для выполненія жизненныхъ функцій организма.

Не безъинтересно провѣрить выводъ этотъ съ ученіями тѣхъ народовъ, у которыхъ знанія и вѣрованія составляли достоянія однихъ и тѣхъ же лицъ или одной и той же касты, а именно: съ ученіями о душѣ египтянъ, древнихъ евреевъ и современныхъ теософовъ, почерпнувшихъ свое ученіе изъ древней Индіи. Кстати, кинемъ бѣглый взглядъ и на ученіе современныхъ спиритовъ.

Душа теософовъ-окультистовъ. Теософы-окультисты составляютъ тоже существо человѣка изъ тѣхъ 4-хъ элементовъ. Они выработали свои религіозныя воззрѣнія на основаніи ученія древней Индіи и ея священныхъ книгъ, которыя писались нѣсколько тысячелѣтій подрядъ. Одинъ посвященный за другимъ, одни іерофанты за другими изслѣдовали и переизслѣдовали эти великія тайны природы въ тѣ долгія минуты духовнаго экстаза, когда ихъ душа, соединившись съ божественнымъ духомъ, покидало временно ихъ тѣло.

Индія съ самыхъ древнихъ временъ была колыбелью человѣческой цивилизаціи; она была родиной всевозможныхъ религіозныхъ системъ. Религіозные догматы древнѣйшихъ человѣческихъ религій: египетской, ассирійской, религіи Зароастра— носили явные отпечатки индійскихъ представленій, образы которыхъ мы также встрѣчаемъ въ „Ведахъ“ и въ за-

конахъ „Ману“. Теософы-окультисты въ послѣднее время имѣютъ много послѣдователей въ ученыхъ обществахъ и умственныхъ центрахъ Европы и Америки.

Теософы, собственно говоря, полагаютъ, что человѣкъ состоитъ изъ семи элементовъ, хотя въ сущности всѣ эти семь элементовъ могутъ быть сведены къ четыремъ элементамъ; а именно:

1) **Физическая или матеріальная оболочка, е.-е. тѣло; оно** послѣ смерти **возвращается въ землю и воздухъ.**

2) Жизненная сила или жизнь управляетъ физическими и **химическими функціями тѣла. Послѣ смерти жизнь прекращается безвозвратно.**

3) Астральное тѣло состоитъ изъ тонкой эфирной матеріи, **которая образуетъ, такъ сказать, двойникъ физическаго тѣла;** оно проницаетъ тѣло человѣка во всѣхъ его частицахъ и со**ставляетъ эфирную основу его. Астральное тѣло** существуетъ и у животныхъ; оно смертно и уничтожается.

Далѣе идутъ четыре элемента, которые могутъ быть всѣ **безъ всякой погрѣшности слиты въ одинъ элементъ, такъ какъ** они всѣ могутъ быть названы членами, или качествами одной и той же души, т.-е. безсмертнаго элемента человѣческаго тѣла; а именно:

4) Животная душа состоитъ изъ двухъ элементовъ: а) животная душа — принципъ, находящійся въ связи съ слѣдующимъ пунктомъ б; б) разумъ или личное сознаніе.

Животная душа условно смертна и уничтожается лишь для полученія высшихъ качествъ.

Высшая душа состоитъ также изъ двухъ элементовъ:

а) Высшаго разума.

б) Божественнаго начала — эманація (частица или отпрыскъ) Высшаго существа.

Душа безсмертна, неразрушима.

Высшей душой обладаютъ не всѣ люди,—это есть слѣдствіе большаго совершенства разумной силы. Люди съ низшими качествами души, люди несовершенные, обладаютъ животной душей и личнымъ сознаніемъ, которыя у нихъ, сообразно съ ихъ улучшеніемъ и усовершенствованіемъ, переходятъ въ высшую душу.

Египтяне, начиная съ глубокой древности, считаютъ человѣка состоящимъ изъ:

1) Частицы Высшаго Міроваго Духа.

2) Души.

3) Изъ такъ называемаго двойника человѣка, и

4) Тѣла.

Всѣ эти четыре элемента облекаютъ другъ друга. Душа активна, самостоятельна, обладаетъ свободой воли и получаетъ добрыя внушенія отъ духа, а злыя отъ тѣла. Двойникъ совершенно пассивенъ, душа каждымъ своимъ поступкомъ оставляетъ на немъ извѣстный оттискъ; такимъ образомъ нравственная физіономія двойника зависитъ всецѣло отъ поведенія души въ земной жизни. Послѣ смерти человѣка духъ улетаетъ и соединяется съ высшей міровой силой, тѣло разсыпается въ прахъ, а душа и двойникъ обязаны предстать на судъ боговъ. При этомъ двойникъ играетъ роль или защитника, или обвинителя, смотря по тому, добрымъ или порочнымъ создана его душа при жизни человѣка. Если приговоръ дѣлается неокончательный, то душа обрекается на странствованіе изъ одного человѣка въ другаго, и если при этомъ она не исправляется, то ей даютъ вмѣсти щеемъ урода, со смертію котораго погибаетъ все, за исключеніемъ божественной частицы духа. Вообще же, двойники, созидаемые душею, безсмертны; они могутъ оказывать вліяніе на судьбу другихъ людей.

Въ древне-еврейскомъ ученіи мы находимъ тѣ же четыре элемента, составляющихъ человѣческое существо. А именно:

1) Матеріальное тѣло.

2) Душа, которая и составляетъ наше „я“, и Божественное начало (Нушума).

3) Духъ жизней всѣхъ существованія и всѣхъ переселеній этой души; сила активная и пластическая (Раухъ).

4) Духъ астральный, оболочка души, сдѣланная изъ земныхъ элементовъ и служащая связью или способомъ скрѣпленія души съ тѣломъ (Нефешъ).

Душа спиритовъ. Современный спиритизмъ составляетъ существо человѣка также изъ четырехъ элементовъ, а именно:

1) Матеріальное тѣло.

2) Жизненная сила, или начало.

3) Духовное и разумное начало.

4) Эфирная полуматеріальная оболочка духа (Perisprit), состоящая изъ элементовъ, составляющихъ землю. Она вполнѣ матеріальна и обладаетъ инерціей, но вѣса не имѣетъ. Она не занимаетъ пространства въ матеріальномъ мірѣ, такъ какъ она на столько разжижена и эфирна, что помѣщается между матеріальными атомами. Протяженность она имѣетъ, но матеріальный міръ не представляетъ препятствія для ея свободнаго пребыванія въ покоѣ или въ движеніи, такъ какъ она проникаетъ вещество такъ же свободно, какъ дымъ пронизываетъ сито.

Эта эфирная полуматеріальная оболочка, по мнѣнію спиритовъ, составляетъ резиденцію духа или души, или, лучше сказать, каждое существо духа облечено въ извѣстную оболочку, которая соотвѣтствуетъ его духовному развитію, его качествамъ и особенностямъ его характера и наклонностей. По сложенію своему она болѣе подходитъ къ природѣ духа, чѣмъ обыкновенная матерія; по своему составу она есть настоящая матерія, но только разжиженная и эфирная, что позволяетъ ей въ строеніи человѣческаго существа играть роль посредствующую или связывающую существо духа, которое есть чистая отвлеченность, съ его матеріальнымъ тѣломъ. Во время жизни человѣка на землѣ эта полуматеріальная оболочка связана съ матеріальнымъ тѣломъ, атомъ за атомъ, что даетъ духу возможность воздѣйствовать своей волей на каждую часть тѣла отдѣльно и передавать ей всѣ свои желанія и свою волю, которыя исполняются тѣломъ со всѣми деталями. Всѣ ощущенія тѣла совершенно также передаются той же самой оболочкой черезъ органы чувствъ въ центръ сознанія, или, лучше сказать, самому отвлеченному существу духа.

Необходимость признанія четвертаго элемента.

И такъ, мы видимъ, что всѣ вышеприведенныя вѣроученія въ общихъ чертахъ согласны между собой и составляютъ существо человѣка изъ четырехъ элементовъ. Три изъ нихъ въ общихъ чертахъ тѣ же, что были и нами приняты и которые болѣе или менѣе приняты наукой, а четвертый элементъ совершенно новый, о которомъ система Бартеза и Лорда никогда не упоминала. Во всѣхъ этихъ ученіяхъ мы видимъ этотъ элементъ одинаковымъ, т. е. состоящимъ изъ эфирнаго вещества и служащимъ посредствующимъ звеномъ, связующимъ духъ съ тѣломъ.

Бартезъ и Лорда считали душу за чистую отвлеченность, но нигдѣ не выразили своего мнѣнія, какимъ образомъ эта чистая отвлеченность можетъ воздѣйствовать на грубое матеріальное тѣло. Они никогда не задавали себѣ подобнаго вопроса. Вѣдь природа чистой отвлеченности не имѣетъ ни малѣйшаго сходства, ни подобія съ природой матеріи; какимъ же образомъ можно представить себѣ эти два разнородные элементы абсолютно связанными или соединенными въ одно

нераздѣльное существо? Этого обстоятельства Бартезъ и Лорда рѣшительно не выяснили.

Докторъ Сталь считалъ душу состоящей изъ тончайшихъ частей матеріи, не имѣющихъ вѣса; Аристотель былъ того же мнѣнія; подобная матерія могла бы образовать связь съ нашимъ матеріальнымъ тѣломъ, но надо замѣтить:

1) что и эти два ученые не даютъ намъ подробнаго представленія объ этой связи и

во 2) мы ни въ какомъ случаѣ не можетъ приписать душѣ матеріальнаго сложенія; это уничтожило бы всѣ преимущества системы Бартеза и Лорда и заставило бы сомнѣваться въ безсмертіи души.

Постараемся найти болѣе подробныя разъясненія касательно этого четвертаго элемента въ строеніи человѣческаго тѣла. Для этого намъ придется отклониться отъ нашей главной мысли и сперва согласиться на весьма до сихъ поръ спорномъ вопросѣ, а именно: что такое вещество?

ГЛАВА VII.

Ученіе физики о матеріи.

Неполнота знанія матеріи.

Шеллингъ разсказываетъ, что когда во время консульства философъ Якоби былъ въ Парижѣ и вмѣстѣ съ другими лицами и сановниками представлялся первому консулу,—Наполеонъ быстро обратился къ нему съ вопросомъ: „Что такое вещество?“—Якоби смутился и не зналъ что отвѣтить, а Наполеонъ не сталъ долго ожидать и заговорилъ съ другими.

Дѣйствительно, не легко отвѣтить на этотъ, по-видимому, совершенно простой и естественный вопросъ, который задаетъ себѣ не одинъ Наполеонъ, но всякій человѣкъ, мало-мальски интересующійся природой.

Со времени консульства прошло безъ малаго цѣлое столѣтіе; наука ушла значительно впередъ, и если философъ Якоби не умѣлъ отвѣтить Наполеону, то посмотримъ, на сколько мы теперь въ состояніи удовлетворить его любопытству и дать короткій, опредѣленный, а главное неоспоримый отвѣтъ.

Къ величайшему прискорбію, надо признаться, что и въ настоящее время еще всякій, кто бы вздумалъ мысленно, зная многосторонне науку, спросить себя: „что такое вещество?“—увидалъ бы цѣлый хаосъ самыхъ разнохарактерныхъ мнѣній, господствующихъ въ научномъ ученіи о веществѣ или матеріи, объ ея природѣ и ея проявленіяхъ.

Во-первыхъ, онъ долженъ бы былъ спросить себя:—да существуетъ ли въ дѣйствительности вещество, или можетъ быть

въ сущности совсѣмъ его нѣтъ.“ — Во-вторыхъ, совершенно естественъ вопросъ: — если вещество существуетъ, то таково ли оно, какимъ оно намъ кажется, какимъ мы его видимъ? Декартъ весьма основательно доказывалъ, что человѣкъ знаетъ только свою собственную мысль, которая можетъ доказывать только его собственное существованіе, или, лучше сказать, существованіе его души. „Cogito ergo sum“, сказалъ онъ, т. е. „я сознаю, значитъ я существую“; но это не можетъ рѣшать вопроса о существованіи окружающихъ насъ предметовъ. Все окружающее человѣка можетъ быть разсматриваемо какъ одно только представленіе, или какъ одно впечатлѣніе, производимое на наше сознаніе, или на нашу душу, образующееся посредствомъ цѣлаго ряда операцій и преобразованій, проходя отъ предмета до нашего сознанія черезъ органы чувствъ, сосредоточиваясь въ мозгу и передаваясь нашему сознанію; такъ что собственно самого вещества мы не знаемъ, его можетъ и не существовать на самомъ дѣлѣ, или, покрайней мѣрѣ, достовѣрно, что если оно и существуетъ, то оно въ сущности существуетъ совершенно не такимъ, какимъ мы его знаемъ.

Артуръ Шопенгауеръ доказывалъ феноменальность нашей личности. Онъ доказывалъ, что между познаваемымъ нами предметомъ (міромъ въ собственномъ смыслѣ) и нашимъ представленіемъ о немъ стоитъ нашъ интелектъ, неотдѣлимый отъ организма; отсюда онъ выводилъ, что все наше представленіе о мірѣ, со включеніемъ нашего человѣческаго „я“, есть нѣчто феноменальное, или есть не болѣе, какъ одно представленіе. Онъ аргументировалъ это приблизительно слѣдующимъ образомъ: множественность обусловлена пространствомъ и временемъ и въ ихъ только мыслима; слѣдовательно, пространство и время есть только начало нашей личной познательности. Внѣ нашего представленія не существуетъ ни пространства, ни времени, — отсюда и множественность существуетъ только въ нашемъ представленіи, за которымъ можетъ стоять только общая всему и единая воля.

Цёльнеръ и Л. Гелленбахъ были приблизительно одного мнѣнія. Приведемъ наглядный примѣръ, которымъ Л. Гелленбахъ выясняетъ („Индивидуализмъ“. С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 275, 276) свой взглядъ на познавательную природу человѣка: „Представимъ себѣ комнату, — говоритъ онъ, — въ которой находятся предметы и двигаются люди; положимъ, — въ одной изъ стѣнъ этой комнаты расположено зеркало, которое на своей двумѣрной плоскости отражаетъ всѣ предметы и всѣ измѣненія, могущія произойти въ комнатѣ.

„Само собою разумѣется, что въ зеркалѣ отразится не все находящееся въ комнатѣ, а только то, что находится подъ извѣстнымъ угломъ; точно такъ же и на зеркальной плоскости мы не увидимъ ни одного предмета, случайно заслоненнаго какимъ либо другимъ.

„Представимъ теперь себѣ человѣка внѣ комнаты, который однако видитъ зеркало, хотя самой комнаты и не видитъ, напримѣръ, въ отверстіе, сдѣланное въ двери. Если мы предположимъ, что трехмѣрная комната и все, въ ней находящееся, представляетъ собою лицъ, и что зеркало, черезъ которое мы смотримъ на міръ, есть организмъ человѣка, то можно бы было двумѣрный образъ на зеркалѣ сравнить съ трехмѣрнымъ образомъ въ нашемъ сознаніи.

„Тогда всѣ явленія въ четырехмѣрномъ мірѣ отражались бы въ нашемъ сознаніи въ трехмѣрной формѣ точно такъ же, какъ явленія въ трехмѣрной комнатѣ отражаются въ зеркалѣ въ формѣ двумѣрной.

„Субъектъ во мнѣ и всѣ атомы моего тѣла и всего міра вовсе не суть трехмѣрныя образованія, какъ обыкновенно думаютъ объ этомъ, а четырехъ-и вообще x-мѣрныя сущности. Для уясненія себѣ этого обратимся опять къ вышеупомянутому сравненію. Пусть читатель обратитъ особенное вниманіе на нижеслѣдующія параллели. Если эти листки попадутся на глаза женщинѣ, то пусть моя прекрасная читательница не забываетъ той мысли, что стѣнное зеркало и головной мозгъ суть то же самое: оба отражаютъ извѣстные образы; первое — плоскостной образъ трехмѣрныхъ тѣлъ, второй тѣлесный образъ невидимаго для человѣка и потому умопостижимаго только (четырехмѣрнаго) міра.

„Мы знаемъ, что въ зеркалѣ мы видимъ только отраженіе нѣкоторой реальности, и только животное или дикарь могли бы разбить зеркало, если бы увидѣли въ немъ угрозу, или вообще что-нибудь непріятное. Мы знаемъ, что не изъ зеркала грозитъ намъ опасность, ибо оно даетъ намъ только мертвый образъ. Также и относительно нашего міра хочу я поставить читателя на философско-критическую точку зрѣнія—видѣть въ трехмѣрномъ образѣ міра и нашей личности лишь отраженіе нѣкотораго другого міра„ (Индивидуализмъ, стр. 279).

Цёльнеръ иногда высказывается такъ, что могутъ возникнуть недоразумѣнія; напримѣръ, когда онъ говоритъ: „нашъ міръ есть проекція четырехмѣрнаго міра“. Это должно пони-

мать съ прибавленіемъ: для нашего сознанія, или проекція въ зеркалѣ нашего сознанія. Міръ только одинъ, и именно онъ x-мѣрный, но можетъ разсматриваться въ стекло о 2, 3, 4 или n-измѣреніяхъ. Мы совершенно не увѣрены въ томъ, что наши „возлѣ-, за-, подъ-надъ-, другъ другомъ" не суть на самомъ дѣлѣ „другъ въ другѣ", которое мы только распредѣляемъ по тремъ измѣреніямъ, но которое весьма хорошо могло бы быть распредѣлено и по другому.

„Для того, кто освободился отъ вѣры въ реальность ощущеній, матеріи, пространственныхъ отношеній и своей личности, признавъ и уяснивъ себѣ ихъ феноменальность, для того міръ является въ новомъ, особенномъ освѣщеніи. Такой человѣкъ похожъ на того, кто, имѣя передъ своими глазами двумѣрный образъ, отраженный въ зеркалѣ, знаетъ при этомъ, что этотъ образъ есть отраженіе трехмѣрныхъ процессовъ и объектовъ, и потому сохраняетъ вѣрное пониманіе того, что происходитъ въ зеркалѣ. Онъ, напримѣръ, не удивится, если какой-нибудь предметъ исчезнетъ въ отраженномъ образѣ, будучи заслоненъ другимъ предметомъ, или выступивъ изъ предѣловъ пространства, отраженнаго въ зеркалѣ, и потомъ опять появится, потому что вѣдь онъ знаетъ, что передъ нимъ только двумѣрный образъ вещей, находящихся въ пространствѣ трехъ измѣреній; онъ многое сочтетъ вполнѣ естественнымъ, чего другой, принимающій отраженіе въ зеркалѣ за нѣчто реальное и не имѣющій никакого представленія о третьемъ измѣреніи, не пойметъ совершенно. Если бы это былъ современный тупой натуралистъ, то онъ можетъ быть и совсѣмъ бы сталъ отрицать неудобное для него явленіе. Подобно тому, какъ мы черезъ зеркало не можемъ ощутить, тепло ли въ комнатѣ или холодно, или хорошій въ ней воздухъ, такъ существуетъ множество вещей и состояній сверхчувственнаго міра, недоступныхъ для нашей познавательной способности". (Индивидуализмъ, стр. 280, 281).

Но, рядомъ съ подобными міровоззрѣніями на природу познавательныхъ способностей человѣка, мы видимъ, что всѣ наши положительныя науки смотрятъ на вещество, какъ будто онѣ познали его самого, такъ какъ въ дѣйствительности оно есть, или, какъ выражается Кантъ: „вещество въ самомъ себѣ",—и ни о какомъ представленіи и рѣчи быть не можетъ въ ихъ ученіи. Позитивисты принимаютъ, что вещество именно такое, какое оно имъ кажется, какимъ они его видятъ и какимъ они его ощущаютъ.

Обратимся къ нимъ и спросимъ: Что такое вещество? Каково его строеніе? Что такое масса? Что такое сила?—И сейчасъ же мы нападемъ на самые разнообразные, взаимно противорѣчащіе взгляды.

Многіе ученые объявляютъ невозможнымъ существованіе въ матеріи такихъ силъ, какъ непосредственное притяженіе луны землей на разстояніи, и считаютъ необходимымъ объяснять эти явленія комбинаціями толчковъ междупланетной среды и т. п. „Въ настоящее время,—говоритъ Хвольсонъ,—ни одинъ мыслящій физикъ не признаетъ такого дѣйствія одного тѣла на другое. Всякій понимаетъ, что приближеніе тѣлъ другъ къ другу должно имѣть какую-нибудь внѣшнюю причину, которая словомъ „притяженіе" не объясняется". Однако, эти дѣйствія признавались и признаются такими физиками, которыхъ никакъ нельзя назвать немыслящими, и не только физиками недавняго прошлаго, еще почти вчера жившими — каковы: Амперъ, Коши, Френель и друг., но и современными—Вильгельмомъ Веберомъ, Цёльнеромъ, Гельмгольцемъ, Гирномъ и друг.; послѣдній называетъ объясненіе тяготѣнія посредствомъ движеній non-sens absolu (абсолютной нелѣпостью). По словамъ одного ученаго выходитъ, что такой изслѣдователь, какъ Гирнъ, оказывается немыслящимъ, а по словамъ послѣдняго—первый проповѣдуетъ абсолютную безсмыслицу! Но каково мнѣніе самого Гирна?—Для всѣхъ силъ, кромѣ развѣ тяготѣнія и упругости, онъ допускаетъ существованіе какой-то особой, подвижной, но не матеріальной субстанціи, благодаря которой (но не ея движеніямъ) матеріальные атомы испытываютъ тѣ или другія перемѣны; она-то и составляетъ силу электричества, свѣта, теплоты и магнитизма. „Гирнъ, блестящимъ работамъ котораго по теплотѣ справедливо отдаетъ уваженіе весь ученый міръ,—говоритъ Секки,—придумываетъ для силъ какія-то особыя сущности, не то духовныя, не то матеріальныя, или, лучше сказать, нѣчто такое, что трудно и даже невозможно себѣ уяснить. Нельзя не пожалѣть, что столь искусный изслѣдователь вводитъ въ науку подобныя туманности". Такое же разногласіе мы встрѣчаемъ въ вопросѣ о строеніи матеріи. По однѣмъ теоріямъ, она считается сплошной и непрерывной, по другимъ же—атомистичной, при чемъ и тѣ и другія подраздѣляются еще дальше. Такъ, теоріи сплошной матеріи далеко не одинаково объясняютъ разнообразіе тѣлъ: Томсонъ предполагаетъ для этой цѣли существованіе въ матеріи неразрушимыхъ и несливающихся между собою вихревыхъ колецъ (вродѣ колецъ табачнаго дыма); Делингсгаузенъ же допускаетъ въ ней стоячія волны (вродѣ тѣхъ,

которыя возникаютъ при колебаніяхъ струны не какъ цѣлаго, а раздѣлившейся на отдѣльно колеблющiяся части и т. д. Столь же разнообразны и признаваемыя нынѣ атомистическія теоріи. Однѣ допускаютъ протяженные атомы, которые не имѣютъ никакихъ силъ. Другія сверхъ протяженнаго вещества допускаютъ въ нихъ и силы. Третьи, напротивъ, отрицаютъ въ атомахъ протяженность и считаютъ ихъ только пунктами, изъ которыхъ исходятъ дѣйствующія на разстояніи силы. Четвертыя считаютъ атомы постоянно однообразно измѣняющимися скопленіями матеріи и т. д. То же самое разногласіе повторяется и въ пониманіи массы. Одни ее считаютъ какимъ-то присущимъ матеріи сопротивленіемъ перемѣнамъ состояній, и ставятъ ее въ связь съ инерціей и даже непроницаемостью. Другіе разсматриваютъ ее какъ показателя количества матеріи, понимая подъ словомъ количество объемъ послѣдней. Третьи утверждаютъ, что масса не имѣетъ ни малѣйшей связи съ протяженіемъ. Четвертые предлагаютъ ограничиться только пониманіемъ массы, какъ коэффиціента, соопредѣляющаго вмѣстѣ съ величиной дѣйствующей силы скорость тѣла и т. д.“ (А. Введенскій. Опытъ построенія теоріи матеріи, стр. V, VI).

Разбирая весь этотъ хаосъ мнѣній, можно вывести лишь одно заключеніе, что не смотря на поражающее количество труда, потраченнаго на изученіе и на изслѣдованіе этого вопроса, его, оказывается, слишкомъ недостаточно для того, чтобы вывести какое-либо правильное и однообразное заключеніе.

Мы встрѣчаемъ цѣлыя горы свѣдѣній и фактовъ и самыя разнообразныя толкованія ихъ, но рядомъ съ этимъ столько же, если не больше, вполнѣ основательныхъ возраженій и опроверженій, доказывающихъ, что вопросъ этотъ пока еще совершенно не охватывается научнымъ пониманіемъ.

Анализируя научныя объясненія нѣкоторыхъ явленій, мы частенько замѣтимъ, что они не согласны, а въ извѣстныхъ случаяхъ прямо затемняютъ, или даже противорѣчатъ ученіямъ другихъ явленій, по природѣ своей схожихъ съ ними; а между прочимъ ученія эти приняты наукой, иногда уже сотни лѣтъ тому назадъ, и считаются безспорными данностями науки.

Явленія, сопровождающія матерію, такъ разнообразны и ихъ такъ много,—они обнимаютъ большую часть всѣхъ человѣческій знаній; а между прочимъ нѣтъ до сихъ поръ ни одной теоріи, охватывающей хотя бы гиппотетично все это ученіе,—такой, изъ которой мы бы могли заимствовать правильный взглядъ на природу вещества.

Всѣ ученія, въ большинствѣ случаевъ, ограничиваются одними разъясненіями фактовъ и явленій, сгруппированныхъ въ тѣсныхъ, но многочисленныхъ, научныхъ рубрикахъ; собственно же говоря, ученія о сущности самой матеріи мы совершенно не встрѣчаемъ. Матерія изучается единственно со стороны ея проявленій.

Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и ученыхъ физиковъ, А. Секки, разбирая результаты всѣхъ этихъ трудовъ, сравниваетъ каждое тѣло со зданіемъ библіотеки: „наполненной книгами разныхъ форматовъ, напечатанными чрезвычайно различными шрифтами и трактующими о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, при чемъ буквы шрифтовъ составлены изъ безконечной сѣти до того мелкихъ точекъ, что самые сильные микроскопы едва лишь позволяютъ ихъ различать“.

„Современная наука“,—говоритъ онъ,—„не посягаетъ на чтеніе этихъ книгъ, она до сихъ поръ стремится лишь отличать одинъ томъ отъ другого; тѣмъ менѣе она претендуетъ на разборъ словъ и шрифтовъ и долго еще не надѣется достигнуть до раздѣленія точекъ, изъ которыхъ составлены эти послѣднія“. Скоро ли она дойдетъ до изученія смысла, заключающагося въ этихъ книгахъ?

Онъ вполнѣ правъ. Въ такихъ запутанныхъ дебряхъ дремучаго лѣса разныхъ противорѣчивыхъ представленій и системъ разнаго рода очень трудно найти кратчайшій путь.

Въ настоящее время мы находимся совершенно въ такомъ же положеніи: мы хотимъ указать на нѣкоторыя уклоненія отъ истиннаго смысла науки, но, не находя стройной, оконченной и общепринятой системы, указывающей прямо на строеніе матеріи, чтобы быть болѣе послѣдовательными въ изложеніи нашей мысли, мы видимъ себя принужденными подробно остановиться на этомъ предметѣ и разобрать его такъ, чтобы вся наша мысль представилась бы читателю цѣльной, ясной и стройной системой.

Попробуемъ въ краткихъ чертахъ прослѣдить нѣкоторыя главныя основанія современнаго ученія о матеріи.

Непризнаніе наукой эфира.

Сперва вѣрили въ сплошность матеріи, т.-е. признавали, что матерія состоитъ изъ мелкихъ частицъ, крѣпко сплоченныхъ между собой. Но это мнѣніе было оставлено послѣ того, какъ удалось доказать скважность и проницаемость ея; ибо

соотвѣтствующіи опытъ и постепенно улучшавшиеся микроскопы стали ясно показывать, что матерія не есть сплошная масса, что она имѣетъ въ себѣ пустыя и ничѣмъ незаполненныя пространства между своими плотными частицами.

Это обстоятельство позволило Ньютону объяснить всѣ тепловыя явленія въ тѣлахъ существованіемъ нѣкотораго рода невѣсомой жидкости (флюида), заполняющей будто-бы пространство между частицами матеріи, которую онъ назвалъ теплородомъ, а самую свою систему „теоріей истеченія".

Эта теорія была замѣнена скоро: сперва теоріей волненія эфира, потомъ теоріями движенія матеріи и, наконецъ, теоріей динамической теплоты.

Эта послѣдняя заставила взглянуть на природу и сущность матеріи совершенно иными глазами, ибо всѣ тепловыя и многія другія явленія объяснялись просто движеніемъ тѣхъ частицъ, которыя составляютъ вещество, или общимъ движеніемъ самого тѣла; но всѣ явленія, происходящія въ веществѣ, или, по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ, находило себѣ объясненіе всегда въ одномъ движеніи.

Всѣ три послѣднія теоріи должны были допустить существованіе эфира.

Допущеніе эфира, заполняющаго собой все пространство между матеріальными частицами тѣла обыкновенной вѣсомой матеріи, вызывало всегда оппозицію со стороны послѣдователей положительныхъ наукъ. Они не хотѣли признать эфира, не смотря на всю очевидность фактовъ, требующихъ непремѣнно для своего объясненія невѣсомой эфирной среды.

Чрезвычайно характерно выразилъ свою оппозицію Огюстъ Контъ. Онъ говоритъ: „Это представленіе эфировъ есть лишь осколокъ метафизическаго періода. Въ самомъ дѣлѣ, что такое теплота (какъ бы ее не объясняли), разсматриваемая особо отъ нагрѣваемаго тѣла? Что такое свѣтъ, независимо отъ свѣтящагося предмета? Что такое электричество, взятое отдѣльно отъ наэлектризованнаго тѣла? Очевидно, все это ничто иное, какъ чистыя сущности, точно такъ же, какъ и мысль, если ее разсматривать независимо отъ мыслящаго существа, или пищевареніе, отдѣленное отъ перевариваемаго тѣла. Единственное отличіе ихъ отъ древне-схоластическихъ сущностей то, что эти совершенно отвлеченныя существа замѣнены мнимыми жидкостями, составъ которыхъ весьма сомнителенъ, ибо мы лишаемъ ихъ всѣхъ свойствъ, могущихъ характеризовать какую бы то ни было матерію. Дѣйствительно, мы даже не

разсматриваемъ ихъ, какъ идеальную границу разрѣженнаго до безконечности газа..."

Или далѣе: „Основной характеръ метафизическихъ воззрѣній состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть на явленія, какъ на независимыя отъ предметовъ, ихъ проявляющихъ, и приписывать свойствамъ каждаго вещества самостоятельное существованіе. Что толку въ томъ, называемъ ли мы эти олицетворенія отвлеченными духами, или жидкостями? Происхожденіе ихъ всегда одинаково; оно всегда коренится въ томъ откапываніи сокровенной сути вещей, которое во всѣхъ расахъ служитъ признакомъ младенчества человѣческаго ума, и которое породило представленіе боговъ; боги эти были впослѣдствіи обращены въ духовъ и сущности и, наконецъ, въ мнимыя жидкости..."

Какъ ни протестовали положительныя науки противъ невѣсомыхъ матерій, — необходимость допущенія ихъ въ среду науки была очевидна, ибо безъ нихъ многія явленія оставались бы совершенно загадочными и необъяснимыми.

Однако, защитники положительныхъ наукъ настаивали, они пробовали объяснить междупланетный эфиръ обыкновенной вѣсомой матеріей въ состояніи наивысшаго ея разрѣженія, а Грове создалъ цѣлый научный синтезъ, основанный на движеніи матеріальныхъ вѣсомыхъ частицъ въ тѣлахъ. Онъ отвергъ не только роль эфира, какъ посредника въ передачѣ теплоты и движенія, но окончательно не допускаетъ существованія никакихъ невѣсомыхъ жидкостей; всѣ же тепловыя явленія объясняетъ движеніемъ обыкновенной вѣсомой матеріи.

Эта теорія встрѣтила очень многихъ противниковъ и не была принята наукой, ибо оставляетъ много пробѣловъ, по невозможности ею объяснить многія явленія природы.

Эйлеръ также думалъ доказать, что свѣтъ можетъ распространяться въ тѣлахъ черезъ посредство самой вѣсомой матеріи. Но Ламе аналитическимъ путемъ доказалъ всю невозможность подобной гипотезы.

Вообще, всѣ попытки изгнать эфиръ изъ науки окончательно устранены, и въ настоящее время почти всѣ ученые на сторонѣ эфира.

Эфиръ сталъ до того общепринятъ, что строгій приверженецъ положительныхъ наукъ Льюисъ съ нѣкоторою горечью восклицаетъ, что „люди науки, особенно въ Англіи, почтутъ васъ за еретика, если вы осмѣлитесь предполагать, что свѣтъ, теплоту, электричество можно выдѣлить изъ ихъ таинствен-

ныхъ жидкостей". И онъ вполнѣ правъ. Эфиръ долженъ быть принятъ наукой, — и дѣйствительно принятъ большинствомъ.

Еще въ 1863 году Ламе сказалъ: „Существованіе эфирной жидкости неопровержимо доказывается распространеніемъ свѣта въ междупланетныхъ пространствахъ и простотой объясненія диффракціи по теоріи волнообразнаго движенія. Мы видѣли также, что законы двойного преломленія доказываютъ съ неменьшей ясностью присутствіе эфира во всѣхъ прозрачныхъ средахъ. Такимъ образомъ природа состоитъ не изъ одной только вѣсомой матеріи, но частицы этой послѣдней какъ бы плаваютъ въ извѣстнаго рода жидкой средѣ. Если эта жидкость не есть единственная причина всѣхъ наблюдаемыхъ нами явленій, то она должна, по крайней мѣрѣ, видоизмѣнять ихъ, болѣе или менѣе способствовать ихъ возникновенію и извѣстнымъ образомъ усложнять ихъ законы. Можно положительно сказать, что никакое, сколько-нибудь раціональное и полное, объясненіе явленій физической природы невозможно безъ принятія въ расчетъ этого повсемѣстно распространеннаго агента, и потому нельзя сомнѣваться, что съ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ его свойствъ будетъ найдена истинная причина дѣйствій, приписываемая въ настоящее время теплотѣ, электричеству, магнитизму, всемірному тяготѣнію, сцѣпленію и химическому сродству, такъ какъ всѣ эти таинственныя и малопонятныя сущности есть ничто иное, какъ гипотезы, безъ сомнѣнія полезныя только при настоящемъ невѣдѣніи нынѣшнихъ изслѣдователей о первичныхъ причинахъ наблюдаемыхъ ими явленій; но успѣхи реальной науки должны въ концѣ концовъ развѣнчать этихъ непризванныхъ узурпаторовъ положительнаго знанія и свергнуть ихъ съ троновъ, на которыхъ они возсѣдали съ такой гордостью и такъ долго, лишь вслѣдствіе окружающаго ихъ мрака".

Съ 1863 года существованіе эфира дѣлалось все болѣе и болѣе доказаннымъ и въ настоящее время онъ долженъ считаться окончательно принятымъ наукой, хотя въ сущности и теперь еще онъ имѣетъ огромное число противниковъ.

Вотъ что говорятъ объ эфирѣ и о необходимости его признанія три знаменитыхъ англійскихъ профессора: Бальфуръ, Стеварь и Тэтъ (L'univers invisible, 83 г., стр. 201—203): „Что бы ни говорили, но въ настоящее время не можетъ быть никакого сомнѣнія, что значеніе эфира въ таинственномъ составѣ вселенной несравненно могущественнѣе, чѣмъ всякой вѣсомой матеріи. А такъ какъ первосвященники или самые главные заправилы положительныхъ наукъ находятъ изученіе его превышающимъ силы ихъ способностей, за исключеніемъ отдѣльныхъ, хотя и многочисленныхъ случаевъ его слишкомъ нагляднаго проявленія, то мы не будемъ распространяться или останавливаться на самой теоріи его (ибо всѣ затрудненія не касаются сущности ученія, но лишь принципа признанія его). Въ данномъ случаѣ намъ достаточно знать, что все, что выполняетъ эфиръ—несомнѣнно, такъ существенно и всеобъемлюще, что надо признать его значеніе гораздо болѣе распространеннымъ, чѣмъ объ этомъ до сихъ поръ думали.

„Если читатель прослѣдитъ весь ходъ нашей предшествующей мысли въ этой главѣ,—онъ долженъ признать, что въ настоящее время научный умъ отъ видимаго и вѣсомаго логичнымъ путемъ естественно приводится къ невидимому и невѣсомому".

На этомъ основаніи мы считаемъ болѣе правильнымъ въ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденіяхъ держаться эфирныхъ системъ, не боясь быть обвиненными въ произвольныхъ и ни на чемъ не основанныхъ навязываніяхъ наукѣ такихъ понятій, которыя идутъ въ разрѣзъ съ современнымъ положеніемъ ея.

Строеніе матеріи.

Рѣшивши въ принципѣ придерживаться эфирныхъ системъ, какъ болѣе правильныхъ и опредѣленныхъ, и желая выяснить себѣ внутреннее строеніе матеріи, мы смѣло можемъ придерживаться того описанія ея, которое даетъ А. Секки въ своей, во всѣхъ отношеніяхъ достойной вниманія, книгѣ „Единство физическихъ силъ" (стр. 359, 360). Оно слѣдующее:

1) „Матерія повсемѣстно находится въ непрерывномъ движеніи, которое проявляется въ формѣ теплоты. Эта постоянная дѣятельность и стремленіе къ разсѣянію исходятъ изъ движенія, составляющаго въ матеріальныхъ частицахъ то, что подразумѣвается подъ отталкивательной или разъединяющей силой, напряженіе которой возрастаетъ вмѣстѣ съ степенью разъединенія частицъ и уменьшеніемъ размѣровъ массы тѣлъ".

2) „Кромѣ осязаемой и ощущаемой матеріи, внутри тѣла въ свободномъ пространствѣ между частицами заполнены тончайшимъ веществомъ, непосредственно ускользающимъ отъ нашихъ чувствъ, но существованіе котораго дѣлается для насъ несомнѣннымъ изъ дѣйствій, оказываемыхъ имъ на вѣсомую матерію. Это вещество проявляется передъ нами, такъ ска-

зать, специально въ формѣ движеній, называемыхъ радіаціей или излученіемъ (лучеиспусканіемъ). Его матеріальность и энерція доказываются обмѣномъ работы, часто происходящей между нимъ и вѣсомой матеріей".

3) „Внутри вѣсомыхъ тѣлъ проявляется еще другой родъ движенія, а именно движеніе крайне тонкой матеріи, которая то течетъ, какъ жидкость, то накопляется въ напряженномъ состояніи на ихъ поверхности, или, говоря точнѣе, концетрируется въ напряженіе тамъ, гдѣ существуетъ перерывъ проводящей сбособности между двумя веществами, напряженіе, возрастающее иногда до колебанія и разрушенія частицъ. Эта матерія неощутима, несжимаема и сопутствуетъ веществу при всякомъ составѣ тѣлъ, откуда слѣдуетъ, что она есть ничто иное, какъ эфиръ".

Это опредѣленіе было выведено имъ послѣ подробнаго разбора явленій теплоты, свѣта и электричества. Разбирая матерію со стороны ея проявленій, нельзя дать лучшаго, болѣе точнаго и опредѣленнаго описанія, оно соотвѣтствуетъ тому пониманію, которое слѣдовало бы имѣть при изученіи всѣхъ тѣхъ явленій, которыя всюду сопровождаютъ матерію. Посмотримъ, на сколько это описаніе соотвѣтствуетъ представленію, которое составили себѣ приверженцы положительныхъ знаній.

Во-первыхъ, они совершенно не признаютъ такихъ матерій, которыя не подчинены тяготѣнію и не имѣютъ вѣса, а между прочимъ, сами по себѣ совершенно матеріальны и обладаютъ инерціею.

Во-вторыхъ, они держатся того, что взаимное притяженіе частицъ между собой, вѣсъ тѣла и сила тяготѣнія—суть неотъемлемыя свойства и качества всякой матеріальной частицы, находящейся во вселенной, и никакого исключенія не допускаютъ; они говорятъ, —если эфиръ существуетъ въ междупланетномъ пространствѣ, то онъ долженъ быть причисленъ къ числу вѣсомыхъ матерій, какъ бы онъ не былъ размельченъ или разжиженъ.

Въ третьихъ, они никакого эфира между матеріальными частицами тѣлъ не признаютъ, а все взаимное отношеніе и ихъ воздѣйствіе другъ на друга объясняютъ свойствами, которыми обладаютъ эти матеріальныя частицы.

Эти, повидимому, небольшія допущенія совершенно мѣняютъ весь взглядъ на строеніе матеріи, и они, можетъ быть, упрощаютъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ препятствуютъ болѣе глубокому изученію ея. И въ самомъ дѣлѣ, какой просторъ

оставляется мысли и возможности дальнѣйшаго изученія природы и сущности матеріи, если намъ съ молодыхъ лѣтъ внушаютъ, что свойство матеріи есть притягиваться къ матеріи, и гдѣ бы только ни скопилась матерія, она, по врожденному своему свойству, должна притягивать всякую другую матерію, скопившуюся въ меньшемъ количествѣ. Намъ съ молоду внушаютъ, что это законъ природы, что это аксіома, въ которой никто не сомнѣвается, что иначе думать—преступленіе. Возьмите любой учебникъ физики и вы встрѣтите приблизительно слѣдующее: „причина, заставляющая всѣ тѣла падать на землю, называется силой тяжести. Стремленіе это тѣлъ падать на землю ясно показываетъ, что между землей и окружающими ея тѣлами дѣйствуютъ силы, которыя должны называться притягательными".

Затѣмъ никакихъ разъясненій относительно того, —что такое сила, что ее возбуждаетъ, отчего именно она дѣйствуетъ такъ, а не иначе? Да какія же и нужны объясненія, если это аксіома и вполнѣ доказанный законъ природы, заключающійся въ свойствахъ самой матеріи. И это, впрочемъ, не въ однихъ учебникахъ; мы встрѣчаемъ у Гирна въ его сочиненіи (L'avenir du Dynamisme, 1886, p. 5) слѣдующее мнѣніе: „Ньютонъ сказалъ очень благоразумно, что все происходитъ такъ, какъ будто бы тѣла притягивались. Со времени опыта Кавендиша подобная осторожность была бы безсмыслицей. Притяженіе вошло въ область пріобрѣтенныхъ ясныхъ и простыхъ фактовъ. Я не думаю, чтобы теперь нашелся хотя одинъ астрономъ, который бы приписывалъ слову притяженіе условный смыслъ и тѣмъ самымъ смѣшивалъ дѣйствительный фактъ съ гипотезою".

Коментаторъ Ньютона, Котесъ, (Principes de Newton: 1713, p. XXIX), утверждаетъ прямо въ своемъ предисловіи, что Ньютонъ полагалъ тяжесть свойствомъ, присущимъ матеріи, точно такъ же какъ протяженность и подвижность.

На это мы должны возразить:

1) что Ньютонъ не смотрѣлъ на притягательную силу, проявляющуюся какъ въ частичномъ протяженіи каждаго тѣла, такъ при тяготѣніи его, какъ на свойство, присущее веществу. Это вполнѣ доказывается тѣми оговорками, которыя онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать, передавая въ своей „Principia" законъ всемірнаго тяготѣнія и условія движенія планетъ; а именно, онъ говоритъ: „Я объяснялъ небесныя и морскія явленія силой тяготѣнія. Эта сила порождается какою-то причиной, которая проникаетъ до самаго центра солнца и планетъ, ничего

не утрачиваетъ въ своей активности; она находится въ зависимости отъ количества вещества и дѣйствіе ея распространяется во всѣ стороны на громадныя разстоянія, уменьшаясь постоянно обратно пропорціонально квадратамъ разстояній. Мнѣ еще не удалось вывести изъ явленій причину этихъ свойствъ тяготѣнія, а я гипотезъ не изобрѣтаю... Достаточно того, что тяготѣніе существуетъ, что оно дѣйствуетъ по законамъ, которые были нами изложены и что оно объясняетъ всѣ небесныя и морскія движенія. Словомъ,—тяготѣніемъ я выражаю то стремленіе, которое имѣютъ тѣла сближаясь,—отъ чего бы не зависѣло это стремленіе: отъ дѣйствія ли самихъ тѣлъ, ищущихъ другъ друга, или вліяющихъ другъ на друга истеченіями, или же отъ дѣйствія эфира, воздуха или какой-нибудь другой среды,—вещественной или невещественной,—которая бы какъ-нибудь толкала другъ къ другу тѣ тѣла, которыя въ ней плаваютъ".

Совершенно въ томъ-же духѣ высказывается Ньютонъ въ своемъ 3-мъ письмѣ къ Бентлею: „Непостижимо, какимъ образомъ неодушевленная, грубая матерія могла бы вліять на другое тѣло безъ посредства чего-либо и безъ непосредственнаго прикосновенія, какъ это должно было бы быть, если допустить подобно Эпикуру, что тяжесть присуща матеріи. Эта одна изъ причинъ, по которой я бы васъ просилъ не приписывать мнѣ доктрины тяготѣнія, какъ свойства присущаго матеріи, и что оно можетъ дѣйствовать на разстояніи безъ посредства чего-либо, что бы могло передать вліяніе силы одного тѣла на другое, представляется, по моему мнѣнію, такою большою нелѣпостью, допустить которую не можетъ ни одинъ человѣкъ, способный разсуждать о философскихъ вопросахъ. Тяготѣніе должно быть слѣдствіемъ дѣйствія какого-либо посредника, который постоянно согласуется съ точными законами, но матеріаленъ ли этотъ посредникъ или нематеріаленъ,—это вопросъ, котораго рѣшеніе я предоставляю читателю".

И такъ, самъ Ньютонъ никакъ не выяснилъ себѣ сущности тяготѣнія, а слѣдовательно тѣ ученые, которые, ссылаясь на него, учатъ, что тяготѣніе есть какое то свойство, присущее всѣмъ тѣламъ, дѣлаютъ крупную и непростительную ошибку, тѣмъ болѣе, что воззрѣнія Ньютона на этотъ предметъ были совершенно опредѣленны и вмѣстѣ съ тѣмъ діаметрально противоположны, что мы можемъ наглядно видѣть изъ того, какъ онъ заканчиваетъ свое превосходное сочиненіе „О математическихъ началахъ естествознанія": „Всѣ правильныя движенія,—сказалъ онъ,—(въ солнечной системѣ) происходятъ не отъ механическихъ причинъ. Этотъ прекраснѣйшій союзъ солнца, планетъ и каметъ могъ произойти отъ назначенія и власти существа Разумнаго и Всемогущаго . . . . Всѣмъ этимъ управляетъ не душа міра, а Господь всяческихъ, Вседержитель вѣчный, безконечный, всесовершенный, всевѣдующій, всемогущій, вездѣсущій . . . . Мы знаемъ Его только по Его свойствамъ, только по премудрому и всеблагому устройству всѣхъ вещей и по причинамъ конечнымъ, и чтимъ Его, зная Его владычество; ибо безъ владычества, безъ промысла и безъ причинъ конечныхъ Богъ былъ бы не болѣе, какъ судьба, или природа".

Незнаніе начальной причины не помѣшало Ньютону открыть геометрическій законъ движенія тѣлъ; принимая ускореніе за фактъ, не трудно было дать себѣ отчетъ во всѣхъ подробностяхъ звѣздной механики и при томъ съ такою точностію результатовъ, которая не могла быть поколеблема самыми тщательными астрономическими наблюденіями. Кромѣ того, Ньютонъ своей системой объяснилъ массу явленій, напримѣръ: приливовъ и отливовъ, притяженіе падающихъ тѣлъ, фигуру земли, притяженіе, оказываемое массами горъ и т. д., не прибѣгая къ тѣмъ магнитамъ, помощью которыхъ тѣ же явленія объяснялись до него Жильберомъ и Кеплеромъ. Она значительно подвинула знанія того вѣка; но отождествленіе планетной силы съ земнымъ тяготѣніемъ нисколько не пролило свѣта на вопросъ о происхожденіи ея и ничего не прибавило къ доказаннымъ уже законамъ ея дѣйствія.

2) Лейбницъ открыто протестовалъ противъ всякихъ врожденныхъ свойствъ, присущихъ матеріи, и утверждалъ что матерія не можетъ имѣть никакихъ первоначальныхъ качествъ, которыя не вытекали бы изъ ея сущности, потому что подобныя qualitatis occultae были бы чудо. (Opera philos. изд. Эрдмана, стр. 485, 568, 732 и 777).

Противъ подобныхъ qualitatum occultarum возставали Дю-Буа-Реймондъ и Секки и очень многіе другіе.

И дѣйствительно, въ положеніи, что сила есть свойство матеріи нельзя не усмотрѣть множества несообразностей. Говоря вообще, въ обширномъ смыслѣ, силы дѣйствительно не могутъ быть отдѣлены отъ матеріи, ибо, въ такомъ случаѣ, матерія перестанетъ быть матеріей—это понятно; но, съ другой стороны, не трудно также видѣть, что въ этомъ положеніи смѣшиваются два совершенно отдѣльныя понятія, имѣющія разную природу, вслѣдствіе чего было бы правильнѣе отдѣлять ихъ друга отъ друга и не смѣшивать вмѣстѣ; а именно: мате-

рію съ силой. Мы видимъ то же въ силѣ химическаго сродства; мы не можемъ изъ воды выдѣлить кислородъ безъ того, чтобы она не перестала быть водой, но мы это все-таки дѣлаемъ и убѣждаемся въ слѣдствіяхъ. Мы не можемъ себѣ представить точку во вселенной, гдѣ бы силы не дѣйствовали на нее,—это совершенно справедливо; но заключить изъ этого, что сила есть свойство матеріи тоже нельзя, ибо все-таки можно себѣ представить силу, переставшую дѣйствовать и въ такомъ случаѣ является невольный вопросъ: во что превратится матерія?

Это совершенно естественный вопросъ, который можетъ подлежать изслѣдованію; равно долженъ подлежать изслѣдованію вопросъ; почему считаютъ силу свойствомъ матеріи, а не матерію продуктомъ силы или движенія,—это опять совершенно разныя понятія, требующія анализа, разъясненій и соотвѣтствующихъ доказательствъ.

На эти вопросы мы не находимъ отвѣтовъ въ положительныхъ наукахъ и никакого яснаго представленія по нимъ мы себѣ сдѣлать не можемъ.

Попробуемъ глубже вникнуть въ эти положенія:

1) Предположимъ, что сила есть свойство матеріи и что въ природѣ эфира нѣтъ, мы простымъ и логическимъ разсужденіемъ должны дойти прямо до абсурдовъ; а именно: если мы себѣ представимъ, что частицы матеріи обладаютъ нѣкоторымъ дѣятельнымъ началомъ, сосредоточеннымъ внутри ихъ, то должны допустить, что частицы дѣйствуютъ другъ на друга безъ всякаго посредства черезъ абсолютную пустоту. Такая роль силы совершенно непонятна, она заставляетъ допустить, что тѣла оказываютъ вліяніе другъ на друга черезъ разстояніе, т.-е. что силы дѣйствуютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ — гипотеза въ высшей степени невѣроятная въ обоихъ случаяхъ, имѣемъ ли мы дѣло съ громадными междупланетными разстояніями, или тогда, когда мы обратимся къ атомамъ каждаго тѣла.

Мы невольно себя спрашиваемъ: какъ дѣйствуетъ земля на солнце черезъ пустоту? надо-же предположить, что сила выходитъ изъ тѣла или дѣйствуетъ на разстояніи, — или мы должны предполагать, что силы распространяются на подобіе токовъ?— и опять мы приходимъ къ абсурдамъ. Если частицы не могутъ сами соприкасаться между собой для передачи своихъ силъ,—онѣ должны имѣть посредника при этой передачѣ, каковымъ опять долженъ явиться эфиръ, безъ него же мы никакого воздѣйствія одной частицы на другую допустить не въ состояніи.

2) Мы встрѣчаемъ громадное затрудненіе при разборѣ силъ со стороны стремленія ихъ, т.-е. направленія ихъ воздѣйствій на сосѣднія частицы. Прилагая это „стремленіе“ къ частичному притяженію, мы видимъ, что оно должно быть направлено то въ ту, то въ другую сторону, т.-е. силы являются то притягательными, то отталкивательными; это измѣненіе стремленія дѣлается непонятнымъ и требуетъ опять массу новыхъ доказательствъ и, во всякомъ случаѣ, какъ аксіома принято быть не можетъ.

Современная физика окончательно избавилась отъ представленія матеріи, обладающей отталкивательными силами, — этой старой гипотезы, не дававшей отвѣта даже на такіе основные вопросы, какъ, напр., вопросъ о тѣхъ границахъ, за которыми эти таинственные агенты прекращаютъ свое дѣйствіе и уступаютъ поле битвы своимъ противникамъ — притягательнымъ силамъ.

3) Вся система взаимнаго притяженія частицъ между собой основана на совершенно бездоказательномъ положеніи, принимающемъ, что если мы двѣ матеріальныя частицы помѣстимъ въ пустое пространство, то онѣ, въ силу своей притягательной способности, должны оказать взаимное воздѣйствіе и стремиться другъ къ другу по извѣстнымъ законамъ. Такое положеніе не можетъ въ свою защиту привести ни одного факта, во-первыхъ потому, что мы не можемъ наблюдать дѣйствіе только двухъ частицъ, а тѣмъ менѣе въ абсолютной пустотѣ. Во-вторыхъ, мы всегда имѣемъ дѣло съ массами частицъ или тѣлами, находящимися или въ одной, или въ другой средѣ „и поэтому, — говоритъ А. Секки, — полагаемъ, что основное начало притяженія матеріи не можетъ опираться ни на какое опытное данное. Произошло же оно на свѣтъ, по всей вѣроятности, такимъ образомъ: видя, что всѣ небесныя тѣла притягиваются другъ къ другу и имѣютъ шарообразную форму, теоретики, съ помощью математической фикціи, представили себѣ всю ихъ массу сосредоточенною въ ихъ центрѣ, т.-е., говоря иначе, свели ихъ мысленно къ простымъ атомамъ, или частицамъ. Но эти движенія происходятъ не въ абсолютно пустомъ пространствѣ, и потому можно еще спросить, не порождаются ли они скорѣе дѣйствіемъ внѣшняго побужденія, чѣмъ тѣми внутренними силами, которыми теоретики въ такомъ изобиліи, совершенно гадательно, надѣлили частицы матеріи. Старинные физики, и даже самъ Ньютонъ, оставили этотъ вопросъ откры-

тымъ. Математики здѣсь не могутъ ничего рѣшить, и если имъ извѣстно, что два тѣла притягиваются между собою со скоростью, находящеюся въ извѣстной зависимости отъ отдѣляющихъ ихъ другъ отъ друга разстояній, то это положеніе не болѣе какъ эмпирическій законъ, нисколько не поясняющій причины явленія и не указывающій, вызывается ли это притяженіе внѣшнимъ побужденіемъ или внутреннимъ. Повторяемъ еще разъ, что взаимное притяженіе двухъ частицъ, находящихся въ пустомъ пространствѣ, есть ничто иное, какъ чисто математическая фикція".

Скажемъ болѣе. Основываясь на фактахъ, слѣдуетъ полагать, что двѣ уединенныя матеріальныя частицы, въ совершенную противность основному закону тяготѣнія, должны скорѣе отталкиваться, чѣмъ притягиваться. Не видимъ ли мы, въ самомъ дѣлѣ, что расширительная сила увеличивается вмѣстѣ съ разрѣженіемъ матеріи и что напряженіе ея достигаетъ своего максимума тамъ, гдѣ эта матерія наиболѣе раздѣлена, какъ это бываетъ, напримѣръ, при прохожденіи ея черезъ скважныя вещества?

Пока наука признавала существованіе только осязаемой матеріи, было еще позволительно представлять себѣ междупланетныя пространства абсолютной пустотой: но теперь, когда доказана возможность существованія не только среды, неуловимой для нашихъ чувствъ, но и проявленія съ ея стороны могущественныхъ дѣйствій, мы имѣемъ полное право считать доказаннымъ, что притяженіе, производимое однимъ тѣломъ на другое, никогда не замѣчается между двумя изолированными атомами, а постоянно только между системами атомовъ и притомъ внути матеріальной среды. Всѣ эти явленія въ дѣйствительности много сложнѣе и гораздо болѣе непонятны, чѣмъ рисуютъ ихъ люди, знакомые съ этимъ предметомъ поверхностно. Дю-буа-Реймондъ говоритъ слѣдующее:

„Сила (на сколько она мыслится какъ причина движенія) есть ничто иное, какъ замаскированное порожденіе непреодолимой склонности къ олицетворенію, которая намъ врождена, какъ бы реторическая уловка нашего мозга, который хватается за иносказательный оборотъ, потому что ему недостаетъ яснаго представленія для прямаго выраженія. Въ понятіяхъ о силѣ и веществѣ мы видимъ возвращеніе того же дуализма. Это, въ утонченномъ видѣ, та же потребность, которая нѣкогда заставила людей населить рощи и источники, скалы, воздухъ и море созданіями своего воображенія. Что мы выигрываемъ, когда говоримъ, что вслѣдствіе взаимной силы притяженія сближаются между собою двѣ вещественныя частички?—Ни тѣни вникновенія въ сущность процесса. Но, довольно странно, для присущаго намъ стремленія къ причинамъ есть нѣкотораго рода удовлетвореніе въ непроизвольно являющемся передъ нашимъ внутреннимъ окомъ образѣ руки, которая слегка подталкиваетъ косную матерію, или невидимыхъ рукъ полипа, которыми частички вещества обхватываютъ одна другую, стараются притянуть къ себѣ другъ друга, наконецъ, сплетаются въ одинъ узелъ". (Unt. u. thier. Elect. Berlin. 1848). (Ланге, т. II, стр. 185).

4) Нельзя не указать еще на несообразность въ ученіи о матеріи; многіе ученые, даже въ настоящее время, принимаютъ, что вещество одновременно инертно и притягивается по какимъ то законамъ. Логичнѣе было держаться одного какого-нибудь положенія, ибо оба одновременно существовать не могутъ: если частицы сближаются въ силу свойствъ своихъ, то можно ли говорить, что онѣ инертны? Въ такомъ случаѣ онѣ активны, и все зданіе механики, воздвигнутое на идеѣ инерціи, рушится.

Къ величайшему сожалѣнію, съ самыхъ временъ Ньютона, до настоящаго времени, т.-е. въ продолженіе болѣе полутораста лѣтъ, физики ни сколько не подвинули и не разъяснили этого вопроса. Они систематически уклонялись отъ всякихъ попытокъ къ тому. Не видя никакой безусловной необходимости въ опредѣленіи причины тяготѣнія, они не только не пытались проникнуть въ эту область, но смотрѣли на всякое углубленіе въ нее, какъ на опасный рискъ для своей научной репутаціи. Что касается астрономовъ, то они, относя тяготѣніе къ свойствамъ матеріи, совсѣмъ перестали заниматься имъ.

Только въ послѣднее время, если никто изъ изслѣдователей и не далъ намъ строго формулированнаго рѣшенія, то никто уже болѣе не сомнѣвается въ возможности объяснить всѣ явленія тяготѣнія, сродства и притяженія посредствомъ механическаго дѣйствія среды и свести всѣ силы къ одному общему началу.

Постараемся въ очень краткихъ чертахъ привести здѣсь современное ученіе о матеріи. Мы спросимъ себя:

Каковы свойства вещества?

1) Непроницаемость,—въ сущности это только опредѣленіе самого вещества, потому что кусокъ вещества и есть именно то, что занимаетъ извѣстную часть пространства, исключая своимъ присутствіемъ все прочее.

2) Инерція—главный выводъ человѣческаго опыта, главная основа механики: вещество начинаетъ двигаться только тогда, когда оно подвергается предварительному толчку, удару, а утрачиваетъ свое движеніе тогда, когда сообщаетъ его другому веществу. Для движенія, какъ и для вещества, возможны только превращенія.

Что такое сила? — Причина движенія. Слово сила рѣшительно непонятно, кто возьмется намъ объяснить силу независимо отъ предмета, производящаго ее; но, главное, оно не имѣетъ цѣли—къ чему намъ понятіе о силѣ? Причиной движенія бываетъ всегда другое движеніе. Поэтому, постараемся совсѣмъ обойтись безъ понятія о силѣ, или скорѣе, (такъ какъ для того, чтобы понимали насъ, необходимо употреблять всетаки всѣмъ понятныя слова) мы подъ словомъ сила будемъ разумѣть всегда то, вслѣдствіе чего одно движеніе даетъ начало другому.

Что такое свѣтъ, теплота, электричество и магнитизмъ? Самый опредѣленный отвѣтъ будетъ слѣдующій: теплота — одинъ родъ движенія, свѣтъ — другой, объ электричествѣ и магнитизмѣ вѣроятно можно будетъ въ скоромъ времени сказать то же самое. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что одно изъ этихъ движеній порождаетъ или преобразовывается въ другое, т.-е. что теплота можетъ порождать электричество, а электричество—свѣтъ.

Если перейдемъ затѣмъ къ другому ряду фактовъ и обратимъ вниманіе на другую группу силъ—на сцѣпленіе, которымъ держатся тѣла въ твердомъ или жидкомъ состояніи, на химическое сродство, которое сближаетъ разнородныя частицы и, наконецъ, на тяжесть, въ силу которой тѣла стремятся двигаться по направленію другъ друга, то увидимъ, что современная теорія и здѣсь если не наглядно показываетъ, то по крайней мѣрѣ, хотя смутно, но даетъ намъ понять, что дѣйствіе и этихъ силъ природы можетъ быть сведено къ „сообщенію движенія". Вотъ, напримѣръ, кусокъ свинца, частицы котораго такъ скрѣплены, что образуютъ кусокъ твердаго вещества. Я знаю, что, если подвергну свинецъ нагрѣванію, т.-е. сообщу его частицамъ извѣстное движеніе, то этимъ разрушу сцѣпленіе, которое дѣлаетъ свинецъ твердымъ тѣломъ, и приведу частицы его къ тому другому сцѣпленію, при которомъ свинецъ будетъ жидкостью; если же я еще буду нагрѣвать, т.-е. если еще увеличу количество того движенія, которое сообщаю, то разрушу и этотъ родъ сцѣпленія и превращу металлъ въ пары. Эти факты достаточно ясно доказываютъ,

что сцѣпленіе есть какое-то относительное движеніе этихъ частицъ. Очевидно, что то, что разрушаетъ движеніе, есть самое движеніе. Сцѣпленіе, какъ сказано выше, происходитъ иногда отъ какого-нибудь относительнаго движенія частицъ. Дѣйствительно, оно иногда наглядно для насъ является результатомъ одного только движенія, сообщеннаго смежнымъ частицамъ въ одномъ и томъ же направленіи, съ одними и тѣми же скоростями. Когда, напримѣръ, струя жидкости вытекаетъ изъ узкаго отверстія подъ сильнымъ давленіемъ, то она принимаетъ видъ твердаго тѣла, и не видимъ ли мы въ этомъ своего рода сцѣпленія, которое зависитъ отъ того, что частицы струи двигаются съ одинаковой скоростью? Или, иногда, подымаются вихри изъ воды, воздуха или пыли и слѣдуютъ совершенно спокойно, не измѣняя своей формы, цѣлые десятки верстъ, что зависитъ отъ одинаковой угловой скорости перемѣщенія частицъ. Конечно, пусть читатель на эти оба примѣра смотритъ пока лишь, какъ на нѣкоторое обособленіе явленія сцѣпленія. Мы пока вовсе не желаемъ объяснять сущности самого явленія. Все, что мы хотимъ сдѣлать, это—показать, на какую точку зрѣнія становится современная физика; мы не приводимъ какихъ-либо опредѣленныхъ объясненій, а желаемъ только показать, какого рода эти объясненія.

Что такое эфиръ? — Возьмемъ какой-нибудь простой газъ, напримѣръ, кислородъ, —мы представляемъ его себѣ, какъ совокупность элементарныхъ частицъ, одаренныхъ движеніемъ, сталкивающихся между собой и этимъ производящихъ расширительную силу, присущую всякому газу, и то давленіе, которое газъ оказываетъ на сосудъ, въ которомъ онъ заключенъ. Въ такомъ точно видѣ мы будемъ представлять себѣ и эфиръ, предполагая только, что кислородъ состоитъ изъ матеріальныхъ частичекъ, а эфиръ долженъ состоять изъ атомовъ, которые не подлежатъ раздробленію. Если намъ возразятъ, что нельзя представить себѣ недѣлимыхъ атомовъ, мы отвѣтимъ, что для насъ достаточно считать, что они относятся къ внѣшнимъ вліяніямъ, какъ недѣлимые, такъ какъ мы вовсе не имѣетъ претензіи говорить о безконечно большихъ и безконечно малыхъ величинахъ. Атомы способны имѣть движенія, которыя они могутъ сообщать другъ другу и окружающимъ предметамъ.

Вещественны ли атомы эфира? — Конечно, да. Есть два главныя свойства, нераздѣльныя съ понятіемъ вещества: непроницаемость и инерція. Атомы эфира непроницаемы по самому опредѣленію ихъ. Они также инертны: движенія, въ которыхъ

они находятся, суть движенія, сообщаемыя имъ извнѣ, и утрачиваютъ они эти движенія не иначе, какъ сообщая ихъ другимъ предметамъ. Слѣдовательно, эфиръ ни въ чемъ не рознится по существу отъ обыкновеннаго вещества.

Имѣетъ ли эфиръ вѣсъ? — Нѣтъ, вѣса онъ не имѣетъ, ибо онъ самъ есть причина вѣса. Это сдѣлается ясно послѣ того, какъ будетъ изложена одна изъ многочисленныхъ современныхъ гипотезъ о причинахъ тяготѣнія.

Упругъ ли атомъ эфира? — Нѣтъ, понятіе объ атомѣ не совмѣстно съ понятіемъ объ упругости. Упругой можетъ быть сложная частица. Понятіе объ упругости сопряжено съ понятіемъ о пустотѣ или скважности. Всѣ упругія тѣла имѣютъ губчатое сложеніе, — атомъ непроницаемъ и недѣлимъ и въ немъ не можетъ быть пустоты. Изслѣдованія Пуансо о тѣлахъ, находящихся въ вращательномъ движеніи, объясняютъ, какимъ образомъ атомы эфира могутъ отскакивать другъ отъ друга, не будучи вовсе упругими. Для этого надо допустить только, что атомы эфира имѣютъ кромѣ поступательнаго еще и вращательное движеніе.

Мы не имѣемъ возможности излагать здѣсь всего хода разсужденій Пуансо; мы только укажемъ здѣсь на то, что авторъ строго математически доказалъ слѣдующія положенія:

1) Что два движущіяся на встрѣчу другъ другу неупругія тѣла, при ихъ столкновеніи въ направленіи, не совпадающемъ съ линіей ихъ центровъ тяжести, послѣ столкновенія начинаютъ вращаться, и

2) что вращающіяся тѣла, хотя бы они были совершенно неупруги, имѣютъ способность отталкиваться другъ отъ друга такъ, какъ будто-бы они были упруги.

На основаніи этого вывода Пуансо, мы приходимъ къ чрезвычайно замѣчательнымъ заключеніямъ. Дѣйствительно, въ моментъ сообщенія нашему веществу движенія, всѣ атомы, его составляющіе, начали двигаться по прямымъ линіямъ въ различныхъ направленіяхъ; при этомъ движеніи необходимо должны были происходить между ними столкновенія. Самый общій случай этого столкновенія долженъ былъ происходить не по направленію линіи центровъ, а при такомъ косомъ ударѣ атомы должны были начать вращаться, и пріобрѣтенное такимъ образомъ вращеніе дало имъ возможность при послѣдующихъ столкновеніяхъ отталкиваться одинъ отъ другого, какъ будто бы они были упруги. Такимъ образомъ, сообщеніе нашей средѣ движенія дѣлаетъ ее упругою, подобною тому состоянію тѣлъ, которое мы называемъ газообразнымъ. Вотъ первое свойство,

которое можетъ быть выведено изъ движенія нашей матеріи. Какъ мы видимъ, нѣтъ ни малѣйшей надобности приписывать матеріи врожденное, присущее ей свойство упругости. Свойство это получается для атомовъ совершенно твердыхъ на основаніи законовъ механики, не прибѣгая ни къ какимъ добавочнымъ допущеніямъ.

Дополнимъ нѣкоторыми подробностями то представленіе, которое надо себѣ сдѣлать о матеріи. Мы сказали, что эфиръ распространенъ въ междупланетномъ пространствѣ, и что онъ проникаетъ также въ глубочайшія нѣдра тѣлъ и облекаетъ мельчайшія ихъ частицы. Нѣтъ, такимъ образомъ, ни одного явленія, въ которомъ бы онъ не принималъ участія, если не главнаго, то второстепеннаго. Поэтому, если бы можно было познать массу и скорость эфирныхъ атомовъ, массу и скорость вѣсовыхъ частицъ, то мы въ нѣкоторомъ родѣ захватили бы ключъ отъ физическихъ явленій. Во всякомъ случаѣ, тотъ, кому удалось бы найти извѣстную связь между этими величинами, кому удалось бы, такъ сказать, постигнуть отношеніе, существующее между ними, положилъ бы начало многочисленнымъ открытіямъ.

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго до сихъ поръ нѣтъ. По результатамъ мы знаемъ, что существуетъ нѣкое взаимодѣйствіе между эфиромъ и обыкновеннымъ веществомъ, видимъ, что горящее тѣло производитъ свѣтъ, видимъ, что свѣтъ этотъ превращается въ химическое дѣйствіе,—но ни въ одномъ еще случаѣ не удалось свести явленіе къ механическимъ его элементамъ и посмотрѣть на самомъ дѣлѣ обмѣнъ движенія.

Каково разстояніе между частицами тѣла? — Относительно разстоянія между атомами и между частицами матеріи существуютъ только совершенно приблизительныя догадки. Обыкновенно предполагается, что пустоты между вѣсовыми частицами огромны, сравнительно съ величинами самихъ частицъ. Томасъ Юнгъ прямо утверждаетъ, что частицы воды находятся другъ отъ друга на такомъ разстояніи, какъ 100 человѣкъ, которые были бы распредѣлены равномѣрно по поверхности Англіи, т.-е. почти на 60 верстъ разстоянія другъ отъ друга. Кристаллографы, конечно, не согласятся на такое разстояніе для объясненія строенія ихъ кристаллическихъ тѣлъ. Касательно эфира Коши вывелъ очень остроумными вычисленіями, что разстояніе между его атомами должно быть вродѣ $^{2}/_{100}$-хъ длины красной волны; если же это вѣрно, то на протяженіи одного миллиметра умѣстилось бы ихъ около 300.000

штукъ. Буше-Порнъ считаетъ себя вправѣ утверждать, что эфирные атомы такъ тѣсно скучены, что сумма пустотъ равняется $^1/_{20}$ заполненнаго пространства.

И. О. Ярковскій (Строеніе матеріи) протестуетъ противъ такихъ обширныхъ разстояній, будто бы существующихъ въ природѣ между частицами тѣлъ. Онъ находитъ, что столь свободно размѣщенныя частицы матеріи не могли бы удовлетворять не только условіямъ непроницаемости и несжимаемости, но и условіямъ непрозрачности матеріи. Онъ размѣщаетъ свои частички матеріи, въ предлагаемой имъ системѣ строенія матеріи, весьма близко одна отъ другой и говоритъ, что если допустить, что сила тяготѣнія есть эффектъ, производимый постоянно движущимся къ центру земли токомъ эфира, то плотность и тяжесть тѣлъ объясняется совершенно легко и просто. Въ этомъ случаѣ тяжесть зависитъ не отъ массы тѣла, а отъ суммы поверхностей всѣхъ частицъ тѣла, омываемыхъ этимъ токомъ. При этихъ условіяхъ въ одномъ и томъ же объемѣ можетъ заключаться одна и та же масса вещества, но если она будетъ состоять изъ крупныхъ частицъ, то сумма ихъ поверхностей будетъ незначительна, слѣдовательно — и вѣсъ малъ, то же самое количество вещества, наполняющее тотъ же объемъ, но только въ видѣ частицъ болѣе мелкихъ, даетъ бо́льшую поверхность и стало быть и бо́льшій вѣсъ тѣла. Эта послѣдняя теорія безспорно ближе всѣхъ остальныхъ къ истинѣ, въ чемъ надо отдать ей полную справедливость. Однако, и она требуетъ еще многихъ выясненій.

Вообще, всѣ эти свѣдѣнія не могутъ считаться вполнѣ вѣрными, но надо сказать, что въ этомъ отношеніи ничего болѣе серьезнаго пока еще не найдено; однако, мы все-таки можемъ вывести заключеніе, что пространство между матеріальными частицами тѣла существуетъ и что оно довольно значительно.

Что такое частицы матеріальнаго тѣла, которыя мы называемъ простыми, напримѣръ: частицы кислорода, водорода, углерода? — Недѣлимыя онѣ единицы, настоящіе атомы, или аггрегаты?

Наука въ настоящее время стала уже называть ихъ аггрегатами. Послѣ эпохи первыхъ открытій, положившихъ основаніе новѣйшей химіи, когда анализъ вынужденъ былъ остановиться передъ веществами, которыя мы не могли никакъ разложить,—Берцеліусъ принялъ, что эти вещества различны по своимъ качествамъ. По этой теоріи золото, углеродъ, платина—тѣла совершенно разнородныя, самые атомы которыхъ имѣютъ особыя спеціальныя свойства. Между тѣмъ понятіе

объ эквивалентахъ, которое было введено въ химію съ самого начала нынѣшняго столѣтія, естественно наводило умы на совершенно противоположное заключеніе. Оказалось, что простыя тѣла соединяются и замѣщаются въ соединеніяхъ согласно опредѣленнымъ пропорціямъ, а это естественно наводило на мысль, что эквивалентныя количества различныхъ тѣлъ ничто иное, какъ разнообразные аггрегаты атомовъ какого-нибудь вещества.

Какъ извѣстно, еще въ 1804 году Дальтонъ открылъ такъ-называемый законъ кратныхъ отношеній, который какъ бы воскресилъ и подтвердилъ старинное атомистическое ученіе, требующее недѣлимости атомовъ. Ученіе это было поддержано многими выдающимися химиками (Воластономъ, Томсономъ, Берцеліусомъ) и затѣмъ укоренилось окончательно. Д-ръ Праутъ пошелъ далѣе: онъ предложилъ гипотезу, по которой атомные вѣса элементовъ суть кратныя цѣлыя числа отъ единицы, равной атомному вѣсу водорода. Томсонъ утверждалъ, что этотъ законъ общепримѣнимъ; однако, Берцеліусъ и Турнеръ заявили, что эта гипотеза не согласна съ результатами самыхъ лучшихъ анализовъ. Впослѣдствіи бельгійскій ученый Стасъ самыми точными опытами доказалъ неточность предположенія Праута. Мартиньякъ и Дюма старались подыскать подходящее объясненіе указаннымъ Стасомъ неточностямъ, однако, ихъ усилія не увѣнчались успѣхомъ.

„Всѣмъ извѣстно,—говоритъ В. Круксъ въ своей рѣчи (О происхожденіи химическихъ элементовъ. Переводъ подъ редакціею Столѣтова. Москва, 1886)—что позднѣйшія, болѣе точныя, опредѣленія атомныхъ вѣсовъ различныхъ элементовъ далеко не представляютъ близкаго согласія съ числами, требуемыми по закону Праута. Но все-таки, въ немаломъ числѣ случаевъ дѣйствительный атомный вѣсъ такъ близко подходитъ къ требуемому гипотезою, что мы едва ли можемъ считать это совпаденіе случайнымъ. Поэтому многіе авторитетные химики думаютъ, что мы имѣемъ здѣсь выраженіе истины, замаскированное какими-то остаточными или побочными явленіями, которыхъ намъ еще не удалось исключить“.

Подлинныя вычисленія, на которыхъ основываются самыя точныя цифры атомныхъ вѣсовъ, недавно были перевычислены Ф. В. Кларкомъ. Въ своихъ заключительныхъ замѣчаніяхъ г. Кларкъ, говоря о Праутовскомъ законѣ, находитъ, что „ни одно изъ кажущихся исключеній нельзя назвать необъяснимымъ. Словомъ, если принять половинныя кратныя за истинныя, то представляется болѣе вѣроятнымъ—немногія кажу-

шіяся исключенія приписывать нераскрытымъ постоянно ошибкамъ, чѣмъ счесть за простую случайность близкое согласіе въ большомъ числѣ цифръ. Я началъ это перевычисленіе атомныхъ вѣсовъ съ сильнымъ предубѣжденіемъ противъ гипотезы Праута, но по мѣрѣ того, какъ факты выступали передо мною, я вынужденъ былъ отнестись къ ней съ большимъ уваженіемъ".

Круксъ склоняется въ пользу гипотезы Праута, видоизмѣненной Кларкомъ, и указываетъ на то, что единицею можетъ быть не водородъ, а какое-нибудь другое тѣло съ болѣе низкимъ атомнымъ вѣсомъ. Какъ на такое тѣло, онъ указываетъ на *гелій* — элементъ чисто гипотетическій, пока дѣло идетъ о землѣ, но который, по мнѣнію многихъ авторитетовъ, существуетъ на солнцѣ и другихъ свѣтилахъ.

Э. Спé въ запискѣ, читанной въ Брюссельской академіи, показалъ, что гелій, буде онъ существуетъ, долженъ обладать двумя замѣчательными свойствами: его спектръ состоитъ только изъ одного луча и его паръ не имѣетъ вовсе поглощательной способности. И то и другое доказываетъ чрезвычайную простоту его молекулярнаго сложенія. На этомъ основаніи Круксъ предполагаетъ, что его атомный вѣсъ долженъ быть ниже, чѣмъ у водорода, и выводитъ заключеніе, что именно гелій можетъ быть тою единицею, которая требуется, по Кларку, въ основу закона Праута.

Какъ мы видимъ, гипотеза Праута была опровергаема, а теперь, какъ будто, подтверждена работами Кларка. Опроверженія относятся только къ той единицѣ, которую нужно бы принять въ основу, но, вѣдь, эта единица можетъ быть намъ и неизвѣстна, а тѣмъ не менѣе принципъ можетъ остаться вѣренъ.

Философское значеніе этой гипотезы заключается въ стремленіи свести всѣ разновидности существующей матеріи къ одному какому-либо виду, будетъ ли это водородъ, гелій, эфиръ, или еще иной элементъ, съ еще меньшимъ атомнымъ вѣсомъ.

Въ настоящее время возвышенная температура признана всѣми за весьма могущественное средство, способствующее разложенію матеріи на ея составныя части. Если мы знаемъ, напримѣръ, что вода въ предѣлахъ 100 градусовъ Цельсія принимаетъ уже три различныя вида: льда, жидкости и пара; если мы знаемъ, что пары, нагрѣтые еще градусовъ на 300 разлагаются на кислородъ и водородъ, — можемъ ли мы судить, — во что обратятся эти кислородъ и водородъ въ темпе-

ратурѣ солнца, достигающей до 100,000 градусовъ? Можемъ ли мы, хотя примѣрно, сказать, пользуясь нашимъ лабораторскимъ опытомъ, — многія ли останутся неизмѣняемыми изъ числа 70 тѣлъ, которыя мы считаемъ простыми и неразложимыми, если мы помѣстимъ ихъ въ температуру солнца, или Сиріуса, который еще бѣлѣе?

Норманъ Локіеръ въ своихъ астрономическихъ изслѣдованіяхъ поднимаетъ именно этотъ вопросъ, и приходитъ къ заключенію, что чѣмъ свѣтъ звѣзды болѣе, т.-е. чѣмъ температура ея выше, тѣмъ и спектральный анализъ открываетъ менѣе составныхъ частей въ ней. Весьма важно то обстоятельство, что, напримѣръ, Сиріусъ кажется намъ состоящимъ изъ одного водорода; и нѣтъ причинъ предполагать, что въ немъ есть какія-либо другія извѣстныя намъ тѣла. Локіеръ нашелъ, что звѣзды менѣе бѣлыя показываютъ признаки не одного водорода, но и желѣза, соды и т. д., а звѣзды желтыя, оранжевыя показываютъ уже признаки сложныхъ тѣлъ. Если это такъ, если мы можемъ бѣлый цвѣтъ звѣздъ считать признакомъ простоты и легкости, — мы должны убѣдиться въ могуществѣ температуры къ разложенію частицъ матеріи и сказать, что нѣтъ изъ нихъ неразложимыхъ при извѣстныхъ условіяхъ.

В. Круксъ объ этихъ изслѣдованіяхъ говоритъ: „Норманъ Локіеръ показалъ, мнѣ кажется, убѣдительно, что въ небесныхъ тѣлахъ, весьма высокой температуры, многіе изъ нашихъ такъ называемыхъ элементовъ диссоціированы, или, можетъ быть лучше будетъ сказать, они никогда не составлялись".

Причины отсутствія нѣкоторыхъ элементовъ на солнцѣ ставило ученыхъ въ затруднительное положеніе. Локіеръ предложилъ теорію, способную устранить многія затрудненія. Онъ полагаетъ, что наши простыя тѣла въ дѣйствительности суть тѣла сложныя, способныя диссоціироваться подъ вліяніемъ высокой температуры, и этимъ объясняетъ, что нѣкоторые изъ элементовъ подъ вліяніемъ солнечной теплоты могли разложиться или совсѣмъ не образоваться.

Такой же взглядъ поддерживалъ профессоръ Грэгэмъ, который говорилъ: „Понятно, что различные роды матеріи, признаваемые нынѣ въ различныхъ элементарныхъ веществахъ, могутъ обладать однимъ и тѣмъ же элементомъ или атомической молекулой, существующей въ различныхъ условіяхъ подвижности. Единство матеріи въ ея существѣ, — добавляетъ онъ, — есть гипотеза, находящаяся въ согласіи съ равнымъ дѣйствіемъ тяжести на всѣ тѣла". Подобные же взгляды защи-

щалъ знаменитый французскій химикъ Дюма, который основывалъ мысль о сложной природѣ элементарныхъ атомовъ на извѣстныхъ отношеніяхъ атомическихъ вѣсовъ. Сложная природа химическихъ элементовъ поддерживалась также Генри Сентъ-Клеръ-Девиллемъ и Бертело, которые признавали, что атомы у элементовъ одни и тѣ же, а различаются только по способу своего движенія. Профессоръ Шустеръ, въ докладѣ, читанномъ въ 1880 году передъ Британской Ассоціаціей, поддерживалъ гипотезу о диссоціаціи химическихъ элементовъ.

Что всѣ чисто физическія науки когда-нибудь придутъ къ небольшему числу общихъ законовъ и принциповъ, и что вся совокупность признаваемыхъ нынѣ химическихъ элементовъ сведется къ одному или двумъ элементамъ матеріи—есть выводъ, къ которому въ настоящее время тяготѣетъ физическая наука.

Бенджаменъ Броди о до-туманностномъ состояніи матеріи говоритъ: — „Существуютъ очень принудительныя основанія, приводящія насъ къ сомнѣнію въ томъ, что химическія вещества дѣйствительно состоятъ изъ примитивной системы элементарныхъ тѣлъ, аналогичныхъ по ихъ общей природѣ съ нашими теперешними элементами, т.-е. нѣкоторыя изъ тѣхъ тѣлъ, которыя мы называемъ теперь элементами, могутъ быть сложными“. Эти то принимаемые имъ идеальные элементы, по его словамъ: „хотя теперь возникаютъ передъ нами при помощи числовыхъ свойствъ химическихъ уравненій только какъ подразумѣваемыя и зависимыя существованія, о которыхъ мы можемъ только догадываться, могутъ когда-нибудь сдѣлаться, или могли быть въ прошедшемъ, отдѣльными независимыми существованіями, какъ, напр., на солнцѣ, гдѣ температура чрезвычайна. Мы можемъ, — прибавляетъ онъ далѣе, — считать, что въ отдаленныя эпохи температура матеріи была гораздо выше, чѣмъ теперь, и что эти „иныя существованія“ (идеальные элементы) были тогда въ состояніи газовъ—въ отдѣльномъ существованіи, т.-е. не соединенные“.

Годъ спустя послѣ того, какъ были высказаны предыдущіе взгляды относительно химической диссоціаціи сэромъ Бенджаменомъ Броди, въ чтеніи своемъ „О Химіи первичной земли“, передъ Королевскимъ Институтомъ (31 мая 1867), докторъ Гюнтъ высказалъ, повидимому самостоятельно, мнѣнія о диссоціаціи, совершенно сходныя съ мнѣніями Броди. Въ этомъ чтеніи онъ говоритъ: „Я разсматриваю химію туманностей, солнца и звѣздъ при соединенномъ освѣщеніи, проливаемомъ на этотъ вопросъ съ одной стороны спектральнымъ анализомъ,

и другими изслѣдованіями Девилля о диссоціаціи, и заключаю путемъ обобщенія, что распаденіе сложныхъ тѣлъ, или диссоціація элементовъ, посредствомъ сильной теплоты, есть начало, примѣнимое и къ общемировымъ явленіямъ, такъ что мы можемъ предположить, что всѣ элементы, которые образуютъ солнце или нашу планету, если бы они были такъ сильно нагрѣты, что находились бы въ газообразной формѣ, которую способна принять вся матерія, — то они въ этомъ состояніи оставались бы несоединенными, т. е. они существовали бы вмѣстѣ въ состояніи химическихъ элементовъ, дальнѣйшая диссоціація которыхъ въ звѣздныхъ или туманныхъ массахъ можетъ дать намъ доказательство о существованіи матеріи еще болѣе элементарной, чѣмъ та, которая получается въ опытахъ нашихъ лабораторій, гдѣ мы можемъ только догадываться о сложной природѣ многихъ изъ, такъ называемыхъ, „элементарныхъ субстанцій“. „Наша атмосфера, — говоритъ Гюнтъ, — не есть земная, но міровая (космическая), существующая, какъ міровая среда, разлитая по всему пространству, но сгущенная вокругъ различныхъ центровъ притяженія въ суммѣ, пропорціональной ихъ массамъ и температурѣ, и самыя воды океана принадлежатъ къ той же всемірной атмосферѣ“. (Nature, августа 29, 1878 г., стр. 475). Подобный же взглядъ былъ высказанъ М. Вилльямсомъ, который говоритъ, что „газообразный океанъ, въ который мы погружены, есть лишь часть безконечной атмосферы, наполняющей все пространство; это связываетъ между собою всѣ элементы міра и распредѣляетъ между ними ихъ теплоту, свѣтъ и всѣ другія физическія и жизненныя силы, которыя способна породить теплота“. (Fuell of the Sun., стр. 5). (Развитіе звѣздъ Джемса Кролля, стр. 69—72).

Въ докладѣ, читанномъ передъ химической секціей Британской Ассоціаціи въ 1886 году, Вилльямъ Круксъ довольно долго занимался вопросомъ о зарожденіи или эволюціи химическихъ элементовъ. Мы дадимъ здѣсь краткій остовъ его взглядовъ, введенныхъ въ этотъ важный докладъ.

„Мы спрашиваемъ, — говоритъ Круксъ, — не могли ли сами химическіе элементы развиться изъ немногихъ предшествующихъ формъ матеріи, или быть можетъ изъ одной только, совершенно такъ же, какъ теперь принимаютъ, что всѣ безчисленныя видоизмѣненія растеній и животныхъ развились изъ немногихъ ранѣе существовавшихъ формъ органической жизни? Для поверхностнаго и торопливаго взгляда планъ и постепенное развитіе кажутся вещами несовмѣстимыми, исключающими

другъ друга; но болѣе тщательный изслѣдователь видитъ, что постепенное развитіе, непоколебимо совершающееся по возвышающимся ступенямъ совершенства, есть самый прочный аргументъ въ пользу предусмотрѣннаго плана.

„Значитъ, какъ въ органическомъ мірѣ такъ и въ неорганическомъ, является естественнымъ смотрѣть на химическіе элементы не какъ на первосуществующіе, но какъ на постепенные продукты процесса развитія. Но эта эволюція или развитіе элементовъ могло происходить въ періодѣ столь отдаленномъ, что его трудно представить въ воображеніи, когда наша земля, или скорѣе — матерія, изъ которой она состоитъ, была въ состояніи весьма различномъ отъ ея теперешнихъ условій". (Кролль, стр. 76, 77).

Разбирая доказательства такого постепеннаго развитія химическихъ элементовъ, Круксъ сожалѣетъ, что никакихъ прямыхъ доказательствъ онъ представить не можетъ, но говоритъ, что за то косвенныхъ доказательствъ слишкомъ много, которыя не менѣе краснорѣчиво ратуютъ за существованіе, какъ онъ называетъ, „протила" или первичной матеріи, изъ которой образовались всѣ остальные элементы или простыя тѣла, а затѣмъ и всѣ сложныя тѣла вселенной. Какъ болѣе убѣдительныя косвенныя доказательства, онъ приводитъ: 1) заключеніе Гершеля и Клэрка Максуэля по вопросу о томъ, что атомы носятъ отпечатокъ производныхъ предметовъ; 2) законъ Праута, исправленный Кларкомъ; 3) анализъ земной коры; 4) анализъ сложныхъ радикаловъ; 5) полимерность многихъ элементовъ и въ 6) законъ періодичности, даваемый Ньюландсомъ, на которомъ онъ и заканчиваетъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Чѣмъ болѣе я изучаю расположеніе зигзаговъ кривыхъ этихъ періодичностей, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что Ньюландсъ овладѣлъ ключомъ, съ которымъ будетъ дозволено заглянуть въ нѣкоторыя самыя глубокія тайны созданія. Вообразимъ, насколько это возможно, отблескъ немногихъ секретовъ, скрытыхъ тамъ. Вообразимъ себѣ самое начало временъ, передъ геологической эпохой, передъ тѣмъ временемъ, когда земля отдѣлилась отъ центральнаго ядра расплавленной жидкости, даже передъ тѣмъ временемъ, когда само солнце оплотнилось изъ первичнаго протила. Вообразимъ еще, что въ этой первичной стадіи, температура была невообразимо болѣе высокой, чѣмъ какая-либо изъ температуръ, существующихъ нынѣ въ видимой нами вселенной; настолько высокой, что химическіе атомы не могли бы еще образоваться, такъ какъ точка ихъ диссоціаціи была гораздо ниже.

„По скольку протилъ способенъ былъ излучать или отражать свѣтъ, по стольку это обширное море раскаленнаго тумана должно было казаться астроному, на какой-либо отдаленной звѣздѣ, въ видѣ туманности, дающей въ спектроскопѣ небольшое число отдѣльныхъ линій, предвѣстниковъ будущаго спектра водорода, углерода и азота.

„Но съ теченіемъ времени, нѣкоторые процессы, родственные охлажденію, вѣроятно—внутренніе, привели температуру мірового протила къ точкѣ, въ которой имѣла мѣсто первая степень грануляціи (т. е. образованія атомовъ); матерія, какою мы ее знаемъ, начинала существовать, и образовались атомы. Но едва образовался какой-нибудь атомъ изъ протила, онъ былъ уже запасомъ энергіи, потенціальной (по его тенденціи связываться съ другими атомами посредствомъ притяженія или химически) и кинетической (по его внутреннему движенію). Чтобы получить эту энергію, сосѣдній протилъ долженъ былъ охлаждаться этимъ атомомъ, а отсюда, слѣдовательно, образованіе другихъ атомовъ ускорилось. Но съ образованіемъ вещества атомнаго, начали дѣйствовать различныя формы энергіи, требующія для своего проявленія матеріи; а между другими формами энергіи, и та форма ея, которую мы теперь называемъ атомнымъ вѣсомъ. Представимъ себѣ, что элементарный протилъ содержитъ въ себѣ самомъ потенціальность (возможность) всякой пропорціи соединенія, или всякаго возможнаго атомическаго вѣса. Допустимъ, что извѣстные намъ теперь элементы еще не были въ то время созданы, сразу. Элементы, образующіеся легче другихъ, т.-е. болѣе всѣхъ родственные протилу по простотѣ, родятся прежде другихъ. Водородъ—или быть можетъ геліумъ?—изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ элементовъ обладаетъ самымъ простымъ строеніемъ и самымъ низшимъ атомнымъ вѣсомъ, онъ-то и долженъ былъ прежде другихъ начать существованіе. Нѣкоторое время водородъ былъ единственной существующей формой матеріи (какой мы ее знаемъ), и между водородомъ и элементами, образовавшимися ближе другихъ къ нему, долженъ былъ существовать огромный промежутокъ времени, въ послѣдней части котораго, элементы, наиболѣе близкіе къ водороду, по своей простотѣ, приблизились бы постепенно къ пункту своего рожденія. Разсматривая этотъ періодъ, мы можемъ предположить, что эволюціонный процессъ, который скоро долженъ былъ опредѣлить рожденіе новаго элемента, опредѣлялъ также и его атомный вѣсъ, его сродство и его химическое положеніе".

Дальнѣйшія доказательства того, что всѣ химическіе эле-

менты развились вѣроятно изъ одного общаго источника, даются „Логариѳмическимъ закономъ атомныхъ вѣсовъ“ д-ра Станея, который онъ сообщалъ Королевскому Обществу 19 апрѣля 1888 г. Главная черта этого открытія состоитъ въ томъ, что въ немъ атомные вѣса представляются объемами, а не линіями. Мы имѣемъ въ ней послѣдовательность сферъ, объемы которыхъ пропорціональны атомнымъ вѣсомъ и которыя можно бы назвать атомными сферами. Если радіусы этихъ сферъ начертить на діаграммѣ, какъ ординаты, а ряды цѣлыхъ чиселъ,—какъ абсциссы, то общая форма логариѳмической кривой становится наглядной; а тщательное изслѣдованіе показываетъ, что или логариѳмическая кривая, или какая-нибудь кривая, весьма близкая къ ней, выражаютъ реально этотъ законъ природы.

Если, какъ представляется вѣроятнымъ, логариѳмическій законъ есть законъ природы, то оказывается, что должно быть три элемента, болѣе легкіе, чѣмъ водородъ, которымъ д-ръ Станей далъ названіе: инфра-флуоринъ, инфра-кислородъ и инфра-азотъ. И во всякомъ случаѣ существуетъ шесть утраченныхъ элементовъ между водородомъ и литіемъ.

Открытіе д-ра Станея основано на фактѣ, что если атомные вѣса химическихъ элементовъ расположить въ порядкѣ ихъ величины, то выступаетъ на свѣтъ періодическій законъ т.-е. законъ, открытый Ньюландсомъ, Менделѣевымъ и Мейеромъ. А изъ него слѣдуетъ, что долженъ быть какой-нибудь законъ, связывающій атомные вѣса съ послѣдовательными членами числовыхъ рядовъ — или одинъ, или съ другими измѣненіями.

Сообщая объ этой теоріи, профессоръ Рейнольдъ говоритъ: „Она вводитъ несомнѣнно пункты крайне важные, хотя, можетъ быть, они въ настоящее время не могутъ реализировать своего полнаго значенія. Съ этимъ оказываются связанными нѣкоторые немного трудные пункты, но тѣмъ не менѣе ясно намѣчается выводъ, что скоро придетъ время, когда и химики, и физики соединятся для развитія научной работы, лежащей на границѣ области наиболѣе важныхъ и поразительныхъ фактовъ“.

Связь между выводами д-ра Станея, какъ и Крукса, съ примитивнымъ состояніемъ всемірнаго матеріала очевидна. (Развитіе звѣздъ. Кролль, стр. 81—85).

Наконецъ, нѣкоторые ученые пришли къ убѣжденію, что эта первичная міровая или космическая матерія произвела первоначально свѣтовой эфиръ, т.-е. гипотетичную среду, кото-

рая по предположенію и наполнила все мировое пространство. —„Всемірная мировая ткань, безгранично разлитая въ пространствѣ, можетъ въ крайнемъ состояніи разрѣженности, — говоритъ профессоръ Уинчелъ, —быть эфирной средой, и изъ этого полу-духовной (demispiritual) субстанціи могли зародиться молекулы обыкновенной матеріи. Конечно, возможно, — говоритъ онъ, — представить эти космическіе атомы какъ нѣкоторое преобразованіе эфирной среды, но мы очень мало знаемъ о природѣ эфира, чтобы обосновать научный выводъ такого рода“.

Но происхожденіе матеріи отъ эфира защищалось Сежё, докторомъ Мейвикаромъ и многими другими. Въ лекціи профессора Оливера Лоджа, передъ Лондонскимъ институтомъ въ декабрѣ 1882 г., онъ также отстаиваетъ происхожденіе матеріи отъ эфира. „На сколько мы знаемъ“, говоря его словами, „этотъ эфиръ кажется долженъ быть однороднымъ, несжимаемымъ, непрерывнымъ тѣломъ, неспособнымъ разрѣшиться въ простые элементы или атомы, онъ, въ самомъ дѣлѣ, непрерывенъ, а не состоитъ изъ частицъ (не молекуляренъ). Нѣтъ другого тѣла, о которомъ мы могли бы сказать то же, а отсюда свойства эфира должны быть чѣмъ-то различны отъ свойствъ обыкновенной матеріи“... „Естественно спросить, существуетъ ли такое ясное различіе между эфиромъ и матеріей, какъ мы до сихъ поръ молча подразумѣвали? Не могутъ ли они быть лишь различными видоизмѣненіями или даже проявленіями одной и той же вещи?“ Затѣмъ, онъ принимаетъ теорію Вил. Томсона о вихреобразныхъ атомахъ. „Въ заключеніе—говоритъ профессоръ Лоджъ,—я постарался познакомить васъ съ простѣйшей идеей о матеріальномъ пространствѣ, — съ идеей, что существуетъ единая матеріальная субстанція, совершенно однородная, непрерывная и простая въ своемъ строеніи, простирающаяся до отдаленнѣйшихъ границъ пространства, о которыхъ мы имѣли какое-либо познаніе, и существующая вездѣ одинаково, а именно: нѣкоторыя ея части находятся или въ покоѣ, или въ простомъ невращательномъ движеніи, передающемъ колебанія (волнообразныя движенія), которыя мы называемъ свѣтомъ, другая часть ея находится въ движеніи вращательномъ,—т.-е. въ вихряхъ,—и этимъ движеніемъ постоянно выдѣляется (дифференцируется) отъ остальной среды.

„Эти вихревые атомы часто составляютъ то, что мы зовемъ матеріей; ихъ движеніе даетъ имъ неуступчивость (rigidity), и

изъ нихъ построены наши тѣла и всѣ матеріальные предметы, которые намъ извѣстны.

„Непрерывная субстанція, наполняющая все пространство, которая можетъ вибрировать, какъ свѣтъ, которая можетъ обладать положительнымъ и отрицательнымъ электричествомъ, которая въ формѣ вихрей образуетъ матерію, и которая передаетъ, благодаря непрерывности, а не въ силу толчковъ, всякое дѣйствіе и противодѣйствіе, къ какому способна матерія. Таковъ современный взглядъ на эфиръ и его функціи“ (Nature, февраль 1883 г.).

Итакъ, основываясь на всемъ вышесказанномъ, мы приходимъ къ заключенію, что разницу между частицами кислорода, водорода, углерода, золота, платины и т. д. мы должны искать въ количествѣ и качествѣ движенія, которому подвергаются частицы, ибо природа ихъ всѣхъ совершенно одинакова. Если это справедливо относительно этихъ тѣлъ, между собой сравниваемыхъ, то подавно это справедливо и относительно этихъ тѣлъ по сравненію съ эфиромъ. Какое различіе можно было бы найдти между ними и эфиромъ, которое бы касалось природы вещества? Такимъ образомъ, мы можемъ каждую матеріальную частицу принимать за аггрегатъ атомовъ эфира.

Въ состояніи наибольшой разрѣженности вещество состоитъ изъ атомовъ эфира, затѣмъ слѣдуютъ элементарныя частицы тѣлъ, которыя мы называемъ простыми. Частицы эти, соединяясь, образуютъ сложныя частицы химическихъ соединеній и затѣмъ—всѣ тѣла природы.

Новѣйшая физика сводитъ къ одному движенію все строеніе и свойства всѣхъ частицъ. Она, правда, не имѣетъ еще прямыхъ и совершенно неопровержимыхъ доказательствъ, совершенно также, какъ и старая теорія, говорящая, что разнообразіе свойствъ вещества истекаетъ изъ внутреннихъ качествъ матеріи. Въ этомъ отношеніи обѣ теоріи остаются гипотетичны. Но новѣйшая теорія основываетъ свои выводы на всей совокупности открытыхъ физикой и химіей законовъ и считаетъ себя вправѣ принять эти объясненія, судя по тому, что извѣстно о свѣтѣ, теплотѣ и электричествѣ и на основаніи выводовъ относительно природы тяготѣнія. Позитивизмъ же строитъ свои отрицанія на однихъ своихъ незнаніяхъ; онъ говоритъ: первичной матеріи мы не можемъ признать, ибо мы еще не разложили нашихъ простыхъ тѣлъ; эфиръ мы не можемъ признать, ибо онъ не поддается программѣ нашей системы изученія природы; природа атома ускользаетъ отъ нашихъ изслѣдованій; умозрѣнія мы допустить не можемъ, ибо оно заво-

дило насъ иногда къ ошибочнымъ выводамъ, и т. д. Однимъ словомъ, они желаютъ полнаго бездѣйствія, боясь впасть въ ошибки; это, конечно, одно изъ радикальныхъ средствъ, но невозможныхъ въ примѣнении къ наукѣ. Мы скажемъ:

1) Въ пользу сложности элементовъ имѣются хоть какія-нибо косвенныя доказательства, въ пользу же того, что они неразложимы — не имѣется ровно никакихъ. Эти косвенныя доказательства, о которыхъ говоритъ Круксъ, должны насъ привести къ заключенію, что творческой силою былъ созданъ одинъ типъ матеріи. Какъ-то странно предполагать, чтобы каждый элементъ былъ слѣдствіемъ особаго попеченія этой творческой силы.

2) Эфиръ долженъ быть принятъ наукой, ибо безъ него мы не можемъ себѣ выяснить ни одного явленія природы, такъ какъ qualitates occultae, или свойства, присущія матеріи, которыя признаетъ позитивизмъ—есть абсурдъ, ибо они были бы чудомъ, какъ выразился Лейбницъ, на которое никакихъ доказательствъ приведено быть не можетъ и никогда и не приводилось.

3) Будущее можетъ только показать, насколько современная наука ошибается, подходя такъ близко къ основнымъ первоначальнымъ условіямъ, которыя до сихъ поръ хранились въ глубочайшихъ нѣдрахъ вещества; но во всякомъ случаѣ послѣ всего, что намъ извѣстно о немъ въ настоящее время, вся эта система должна быть признана совершенно логичной, а слѣдовательно и научной, и должна имѣть свое мѣсто въ наукѣ, пока не отыщутся ей опроверженія.

На этомъ основаніи мы считаемъ себя вправѣ идти дальше и приступить къ изложенію тѣхъ теоретическихъ соображеній, которыя могли бы выяснить намъ сущность притягательной силы. Въ предстоящихъ нашихъ доводахъ мы преднамѣренно будемъ ставить слово „атомъ“ всегда для обозначенія элементовъ эфира, а слово „частица“ — для обозначенія элементовъ обыкновеннаго вещества; такъ что во всѣхъ нашихъ разсужденіяхъ мы можемъ оставаться при первоначальномъ понятіи, которое установила химія, и разсматривать частицы элементовъ, какъ маленькіе недѣлимые *кусочки* вещества, внутреннее строеніе которыхъ не оказываетъ никакого дѣйствія на изучаемыя явленія.

Какова сущность притягательной силы?—Представимъ себѣ,—говоритъ А. Секки,—что эфиръ наполняетъ все пространство, и атомы его находятся постоянно въ поступательномъ и въ

очень быстро вращательномъ движеніи, а потому сталкиваются между собой.

Затѣмъ, предположимъ, что въ какой-нибудь точкѣ этой среды существуетъ какая-нибудь спеціальная и постоянная причина возмущенія, которая сообщаетъ частицѣ вѣсомаго вещества колебательное движеніе. Тогда сотрясенія этой частицы будутъ распространяться по эфирной средѣ и, вслѣдствіе однородности среды, будутъ именно распространяться по всѣмъ направленіямъ. Атомы, самые близкіе къ частицѣ вѣсомой матеріи, будутъ получать отъ нея сильные удары, частица съ силой будетъ отгонять ихъ отъ себя цѣлыми рядами, а слѣдовательно въ центрѣ сотрясенія атомы эфира станутъ рѣдѣть, а всего рѣже будетъ тотъ слой, который прямо прилегаетъ къ самой частицѣ.

Если возмущающее дѣйствіе будетъ продолжаться, то тоже дѣйствіе распространится отъ слоя къ слою по всему пространству. Въ конечномъ результатѣ эфиръ расположится вокругъ частицы концетрическими слоями, изъ которыхъ самые близкіе будутъ всѣхъ рѣже, прочіе же будутъ все плотнѣе и плотнѣе. Не трудно вообразить себѣ это состояніе, начертивъ слѣдующую фигуру: въ самомъ центрѣ частицу, а вокругъ нея сферы атомовъ, сначала широко разставленныхъ, а потомъ сближенныхъ все тѣснѣе и тѣснѣе. Замѣтимъ тутъ же, что, какъ всегда при распространеніи какого-нибудь дѣйствія въ концетрическихъ сферахъ, разность плотности смежныхъ слоевъ будетъ обратно пропорціональна поверхностямъ сферъ, т.-е. квадратамъ радіусовъ.

Предположимъ затѣмъ, что въ какую-нибудь точку системы такихъ концетрическихъ слоевъ попадаетъ другая матеріальная частица. Эта частица встрѣтитъ по направленію къ первой эфирные слои менѣе плотные, чѣмъ съ противоположной стороны, а такъ какъ она кромѣ того получаетъ со всѣхъ сторонъ удары отъ атомовъ эфира, то ясно также, что со стороны первой частицы, она будетъ получать меньшее число ударовъ, чѣмъ со всѣхъ другихъ сторонъ, поэтому она станетъ приближаться къ первой частицѣ.

Вотъ какимъ образомъ получается причина притяженія. Невыясненной остается только первоначальная причина движенія частицы. Она не имѣетъ себѣ объясненія ни въ какой наукѣ; это выше всѣхъ возможныхъ познаній. Декартъ, Ньютонъ, Бойль, Фарадей, Клэркъ, Лейбницъ и многіе другіе совершенно опредѣленно высказались, что первоначальная причина движенія есть Воля Божья и что никакой другой быть не можетъ.

Вторая частица движется къ первой потому, что съ разныхъ сторонъ ее окружаютъ эфирные слои не одинаковой плотности; а энергія этого дѣйствія, по причинѣ указанной выше, должна быть обратно пропорціональна квадратамъ разстояній обѣихъ частицъ. Но это и есть именно тотъ законъ, по которому и дѣйствуетъ тяготѣніе.

Сказанное нами объ отдѣльныхъ частицахъ естественно прилагается и къ группамъ частицъ, образующихъ какое-либо тѣло. Такое скопище частицъ также вызываетъ въ эфирѣ различіе плотностей, которыя мы описали; и дѣйствіе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ многочисленнѣе будутъ частицы, т.-е. чѣмъ больше будетъ масса тѣла. Міровыя тѣла ничто иное, какъ громадныя тѣла, которыя повинуются тѣмъ же самымъ вліяніямъ, которыя заставляютъ вѣсомыя тѣла на землѣ падать къ поверхности ея. Въ томъ и другомъ случаѣ тяготѣніе есть ничто иное, какъ то самое стремленіе къ сближенію, механизмъ котораго мы сейчасъ описали и причины котораго мы свели къ внѣшнимъ импульсамъ. При семъ мы не должны забывать, что разстояніе между матеріальными атомами, по отношенію къ размѣрамъ атомовъ эфира, чрезвычайно велико и что оно занято эфиромъ. Однако, при семъ не слѣдуетъ впадать въ преувеличеніе, сравнивая частицу съ небесными тѣлами, а отдѣляющіе ихъ другъ отъ друга промежутки — съ междупланетными пространствами.

Мы полагаемъ, что всѣ частицы вѣсомой матеріи постоянно находятся во вращательномъ движеніи, но такъ какъ форма частицъ не сферичиская, то вокругъ каждой изъ нихъ долженъ неминуемо образоваться слой, въ которомъ окружающій эфиръ будетъ претерпѣвать уменьшеніе плотности, совершенно такъ же, какъ при вращеніи твердаго тѣла внутри жидкости, гдѣ очень часто извѣстное число частицъ принимаетъ коловратное движеніе; если же это движеніе очень скоро, то образуются прямо пустоты на задней сторонѣ движущейся частицы, совершенно такія же, какъ пустоты, образующіяся при движеніи аэролитовъ. То же самое можетъ произойти и съ эфиромъ, окружающимъ вѣсомыя частицы, и мы такимъ образомъ предположимъ вокругъ этихъ частицъ настоящіе эфирные вихри; но въ этомъ нѣтъ никакой крайности, потому что и безъ гипотезы вихрей можно понять, что эфирная атмосфера частицъ должна разрѣжаться отъ дѣйствія частичнаго вращенія. Во всякомъ случаѣ мы, для простоты рѣчи, будемъ это разрѣженіе среды называть вихрями.

Можно положительно считать за доказанное, что между ча-

стицами вѣсомыхъ матерій не существуетъ одинаковости ни въ формахъ ихъ, ни въ размѣрахъ: это различіе очертаній должно оказывать значительное вліяніе на вихри, образующіеся вокругъ каждой матеріальной частицы и ничего, слѣдовательно, не мѣшаетъ намъ полагать, что эти вихри разнятся между собой какъ по своимъ скоростямъ, такъ и по массамъ; отсюда и объясняется все разнообразіе физическихъ и химическихъ свойствъ, присущихъ различнымъ веществамъ природы.

Совершенно иное представляетъ эфиръ. Можно съ огромнымъ вѣроятіемъ считать, что всѣ его атомы обладаютъ совершенно тождественной массой, формой и объемомъ, а также и одинаковымъ вращательнымъ движеніемъ, вслѣдствіе чего они всѣ развиваютъ одну степень упругости.

Это положеніе, разобранное здѣсь вкратцѣ, не есть еще строгая и вполнѣ доказанная теорія, принятая всей наукой; однако, надо сказать, что она имѣетъ мало возраженій и объясняетъ всѣ явленія силъ сцѣпленія и тяготѣнія много лучше всѣхъ другихъ, и принята многими учеными.

Выяснимъ здѣсь въ краткихъ словахъ два важныя и, повимому, серьезныя возраженія противъ этой вихревой системы. Первое изъ нихъ слѣдующее: какимъ образомъ вращательныя вихреобразныя движенія вѣсомыхъ частицъ могутъ постоянно сохранятъ одну и ту же степень напряженія, если эфирная жидкость обладаетъ инерціею? Такой результатъ былъ бы понятенъ въ пустомъ пространствѣ, но частица, двигаясь въ извѣстной средѣ, должна мало-по-малу терять свою живую силу, сообщая ее окружающимъ частицамъ.

Это возраженіе было бы весьма основательно, если бы мы разсматривали часть эфира, выдѣленнаго изъ остальной массы общаго пространства, — въ томъ случаѣ сила быстро истощилась бы. Но въ дѣйствительности это не такъ, ибо если нѣкоторые атомы міровой среды уступаютъ часть своей скорости сосѣднимъ частицамъ, то, въ свою очередь, эти послѣднія возвращаютъ имъ соотвѣтствующее количество живой силы и эти взаимныя уравновѣшиванія проявляются въ тысячахъ разныхъ формъ. Между множествомъ процессовъ подобнаго рода, укажемъ на одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, напримѣръ, горѣніе угля. Развѣ это горѣніе не есть возвращеніе міровой средѣ той живой силы, которую солнце сообщало углю при отложеніи его въ земныхъ частяхъ растеній, изъ углекислоты? Путемъ опыта мы приходимъ всегда къ заключенію, что энергія природы никогда не теряется, но только разсѣвается между другими тѣлами, стремится уравняться между ними и когда

это повсемѣстное равенство будетъ достигнуто, — міровая машина перестанетъ дѣйствовать. Впрочемъ, пока еще не представляется никакой опасности. Центры неравной энергіи, будучи размѣщены различно, дѣйствуютъ одинъ на другой, причемъ абсолютное количество энергіи, распространенное во вселенной, остается постояннымъ. Но дѣло представляется совершенно иначе, если ограничить наблюденія только извѣстнымъ опредѣленнымъ пространствомъ.

Разберемъ, — какимъ образомъ вихри могутъ сохраняться вокругъ каждой частицы? — Мы не могли бы еще доказать ихъ строго математическимъ путемъ, хотя факты неоспоримы. Мы видимъ, что круговращательное движеніе распространяется иногда на большія пространства въ водяныхъ массахъ циклоновъ, точно также какъ въ воздухѣ смерчи и вихри пыли пробѣгаютъ по нѣскольку десятковъ верстъ безъ всякаго существеннаго измѣненія въ своей формѣ. Часто говорятъ, что смерчи переносятся вѣтромъ, но очевидно, что на основаніи всего вышесказаннаго, они должны распространяться и другими путями, и дѣйствительно въ южныхъ моряхъ часто замѣчали циклоны, которые слѣдовали направленію прямо противоположному нижнимъ атмосферическими теченіямъ.

Второе вѣское возраженіе, которое дѣлаютъ противъ вихреобразнаго движенія частицъ и противники эфирной теоріи, — это то, что эфиръ въ такомъ видѣ, какъ его обрисовываетъ настоящая система, долженъ оказывать сопротивленіе движенію небесныхъ тѣлъ по своимъ орбитамъ. „Быть можетъ, задерживающее вліяніе и существуетъ, но только мы его не можемъ замѣтить“ отвѣчаютъ приверженцы эфира. Доказано вычисленіями, что сопротивленіе эфира въ такой разрѣженной формѣ уменьшало бы ежегодно только на $1^1/_2$ сажени разстояніе отъ земли до солнца; вслѣдствіе такого процесса продолжительность года уменьшалась бы въ каждыя 6000 лѣтъ на одну секунду; какъ бы ни были точны вычисленія, мы въ настоящее время столь малаго измѣненія въ орбитѣ нашей узнать не въ силахъ.

Обратившись же кометамъ, масса которыхъ ничтожна по отношенію къ массамъ другихъ планетъ, мы видимъ скорѣе подтвержденіе этой системы, чѣмъ опроверженіе ея.

Безспорно, что для кометъ, при ихъ легкости, сопротивленіе міровой среды должно имѣть большое значеніе; кромѣ того, онѣ, вслѣдствіе своей разрѣженности, подвергаются многимъ другимъ возмущеніямъ. Онѣ сильно отклоняются отъ своей орбиты при прохожденіи мимо какой-нибудь планеты.

Такъ, комета Лекселя въ 1770 г., проходя близко спутника Юпитера, измѣнила совершенно внезапно періодъ своего обращенія, который изъ 50-ти лѣтняго превратился въ $5^1/_2$ лѣтъ. Какимъ образомъ можемъ мы при подобныхъ обстоятельствахъ вѣрно опредѣлить вліяніе среды на движеніе кометъ? Эти условія на столько разнообразны, и притомъ можемъ ли мы поручиться, что знаемъ ихъ всѣ. Однако, комета Енке, наблюдаемая съ 1818 года, сокращаетъ періоды своихъ обращеній, при чемъ доказано, что это сокращеніе—не отъ вліянія планетъ. На этомъ основаніи, не видя другихъ причинъ, нѣкоторые астрономы высказались, что слѣдуетъ отнести къ вліянію среды; но, конечно, этотъ, единственный въ своемъ родѣ, примѣръ не можетъ считаться еще полнымъ и безспорнымъ доказательствомъ.

Математическій анализъ силы тяготѣнія сводитъ къ двумъ силамъ тѣ причины, которыя порождаютъ криволинейное движеніе небесныхъ тѣлъ: къ первоначальной импульсной силѣ, или къ пріобрѣтенной скорости, стремящейся дать тѣламъ прямолинейное движеніе, и къ силѣ тяготѣнія, которая непрерывно загибаетъ путь тѣла. Именно это самое динамическое равновѣсіе, которое было установлено астрономами помимо всякихъ соображеній объ эфирѣ, и сдѣлалось сомнительнымъ съ тѣхъ поръ, какъ физики установили понятіе объ эфирѣ; явились опасенія, что эфиръ долженъ нарушить это равновѣсіе двухъ силъ, которое было выведено безъ принятіе въ соображеніе его дѣйствія.

Но теперь, когда мы видимъ, что самъ эфиръ, повидимому, производитъ одну изъ двухъ составляющихъ силъ—вопросъ измѣняется. Теперь нельзя уже говоритъ, что эфиръ не принимаетъ никакого участія въ установленіи равновѣсія движенія космическихъ тѣлъ; оказывается, напротивъ, что мы, сами того не подозрѣвая, уже ввели дѣйствіе эфира. Поэтому нечего и говорить о какомъ то еще новомъ сопротивленіи, зависящемъ отъ эфира. Если мы говоримъ, что эфиръ производитъ тяготѣніе, что онъ сообщаетъ міровымъ тѣламъ движеніе въ извѣстномъ направленіи, то—значитъ, мы уже приняли въ соображеніе всѣ его дѣйствія, приняли въ соображеніе тѣ удары, которые онъ сообщаетъ со всѣхъ сторонъ міровымъ тѣламъ.

Если же это такъ, если справедливо, что эфиръ не можетъ быть въ одно и то же время причиной движенія небесныхъ тѣлъ и сопротивленіемъ тому же движенію, то ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что астрономы нигдѣ не находятъ слѣдовъ дѣйствія какой-нибудь сопротивляющейся среды.

Одинаково дѣлается понятнымъ, отчего эфиръ, обладая матеріальностію и инерціей, не имѣетъ вѣса; какъ можетъ онъ имѣть вѣсъ, если онъ самъ составляетъ причину вѣса и взаимнаго притяженія. Вѣсъ есть реакція или видимыя слѣдствія, проявляющіяся отъ толчковъ, которые производятъ атомы эфира на частички или цѣлыя массы тѣлъ, слѣдовательно: *какъ бы эфиръ ни былъ плотенъ, онъ самъ по себѣ вѣса имѣть никакъ не можетъ.*

Слѣдуетъ обратить также особое вниманіе на разницу природы тѣхъ вихрей, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, отъ тѣхъ, которые введены ученіями Кеплера и Декарта. По настоящей теоріи эфиръ не является дѣйствующей причиной движенія планетъ, а только сопровождаетъ ихъ; при этомъ движеніи причина вихря находится въ самой планетѣ, которая и вызываетъ вихри окружающаго эфира. По Декарту же причиной движенія планетъ являлись вихри, которые своей силой и увлекали планету;—это громадная разница.

И. О. Ярковскій (Всемірное тяготѣніе, стр. 77—83) даетъ совершенно новую кинетическую гипотезу, выясняющую совершенно наглядно сущность силы тяготѣнія. Эту совершенно вѣроятную и въ высшей степени логичную и послѣдовательную систему притяженія малыхъ тѣлъ къ центру большихъ Ярковскій строитъ на свойствѣ газовъ пропитывать пористыя тѣла и образовывать въ нихъ давленіе болѣе, чѣмъ окружающая ихъ среда. Совершенно такъ же, какъ кусокъ угля или губчатая платина обладаетъ способностью поглощать въ себя грубые газы, такъ точно и болѣе тонкій газъ, т. е. эфиръ долженъ обладать той же способностю при соприкосновеніи съ другими родами матеріи менѣе скважными. Всѣ тѣла должны впитывать и сгущать въ себѣ эфиръ, ибо всѣ наши земныя тѣла по отношенію къ эфиру могутъ разсматриваться губчатыми.

Такъ какъ это поглощеніе идетъ со всѣхъ сторонъ, то, понятно, оно должно быть больше всего въ центрѣ. Тѣла различнаго состава поглощаютъ различно эфиръ, а потому степень его уплотненія зависитъ отъ внутренняго строенія тѣлъ. Но при одинаковомъ составѣ тѣлъ степень уплотненія зависитъ отъ величины, отъ размѣровъ тѣла. Чѣмъ больше размѣры тѣла, тѣмъ больше число тѣхъ сообщающихся сосудовъ, которые будутъ принимать участіе въ уплотненіи, и, слѣдовательно, тѣмъ до большей степени абсолютнаго уплотненія можетъ быть доведенъ эфиръ внутри тѣла. Размѣры тѣла могутъ быть мыслимы сколь угодно большими. Мы знаемъ тѣла громадныхъ размѣровъ: Юпитеръ, солнце, звѣзды. Исходя изъ всего вышесказаннаго, мы должны допустить, что и уплот-

неніе эфира можетъ быть мыслимо сколь угодно большимъ. Но такому уплотненію эфира имѣется предѣлъ; при извѣстномъ уплотненіи эфиръ превращается въ первичное вещество, въ аморфную массу съ громаднымъ запасомъ скрытой энергіи, которая при нарушеніи равновѣсія заставляетъ это первичное вещество распасться и образовать вѣсомую или химическую матерію. Такъ какъ уплотненіе эфира мыслимо сколь угодно большимъ, то, очевидно, оно можетъ быть доведено и до этого предѣла. Для этого нужно только, чтобы тѣло имѣло размѣры нѣкоторой опредѣленной величины. Но во всякомъ случаѣ долженъ быть такой размѣръ тѣла, при которомъ эфиръ внутри его дойдетъ до полнаго своего максимальнаго уплотненія и образуетъ первичное вещество.

Вообразимъ себѣ теперь, что въ эфирной средѣ появилось тѣло чрезвычайно большихъ размѣровъ. Такъ какъ оно для эфира пористо, то на поверхности его тотчасъ же начнется поглощеніе эфира. Переходя отъ поры къ порѣ, эфиръ нашъ начнетъ все болѣе и болѣе уплотняться. На извѣстной глубинѣ, наконецъ, уплотненіе это достигнетъ своего максимума, то-есть частицы его прикоснутся одна къ другой, движеніе прекратится и кинетическая энергія эфира превратится въ скрытую, образуется пластъ того, что мы назвали первичнымъ веществомъ. Эфиръ въ этомъ видѣ уже перестаетъ оказывать давленіе на частицы, давящія на него сверху, онъ связанъ, онъ на поверхность возвратиться можетъ не иначе, какъ распавшись, а при распаденіи первичнаго вещества получится химическое вещество, подобное тому, изъ котораго состоитъ вся масса тѣла. Эта вновь образовавшаяся масса вѣсомаго вещества будетъ также пориста для эфира, какъ и вся прочая, а потому будетъ производить также поглощеніе и уплотненіе. Итакъ, внутрь тѣла будутъ постепенно прибывать все новые и новые эфирные атомы, которые, по мѣрѣ своего уплотненія, будутъ откладываться тамъ сначала въ видѣ первичнаго вещества, превращающагося затѣмъ въ вѣсомую матерію, давая при этомъ мѣсто для доступа все новыхъ и новыхъ атомовъ эфира, двигающихся отъ поверхности тѣла къ его центру.

Какъ видимъ, рядъ постепенныхъ логическихъ разсужденій приводитъ И. О. Ярковскаго къ двумъ чрезвычайно важнымъ и любопытнымъ заключеніямъ:

1) Такъ какъ внутри нашего тѣла отлагаются все новые и новые слои вѣсомаго вещества, то мы можемъ сказать, что тѣло перерабатываетъ эфиръ въ вѣсомую матерію, что тѣло это растетъ.

2) Такъ какъ эфиръ, превратившійся въ вѣсомую матерію, обратно не можетъ возвратиться на поверхность въ видѣ эфира и можетъ образовать внутри химическія тѣла, обладающія тѣмъ же свойствомъ поглощенія и уплотненія эфира, то работа поглощенія будетъ идти постоянно, неустанно, отъ чего получится какъ бы постоянный токъ эфира отъ поверхности къ центру тѣла. Эфиръ изъ мірового пространства будетъ двигаться постепенно къ центру нашего тѣла для того, чтобы внутри его на извѣстной глубинѣ превратиться въ химическое вещество.

Движеніе или теченіе эфира должно оказывать вліяніе на всѣ тѣла, попадающіяся на пути этого теченія. Вліяніе это выразится давленіемъ, направленнымъ въ сторону движенія эфира. Такъ какъ эфиръ направляется постоянно къ центру тѣла, то направленіе этого давленія будетъ тоже къ центру. Отсюда первый выводъ, что всѣ тѣла, находящіяся на пути движенія эфира, будутъ претерпѣвать нѣкоторое давленіе, направленное къ центру поглощающаго эфиръ тѣла.

Эѳиръ, поглощаемый тѣломъ, черпается имъ изъ мірового пространства, а, слѣдовательно, движеніе его будетъ отражаться, если угодно, на безконечное разстояніе, но только скорость движенія будетъ уменьшаться по мѣрѣ удаленія отъ центра тѣла.

Такъ какъ разсматривавшееся ранѣе давленіе на тѣло, претерпѣваемое ими отъ тока эфира, очевидно, будетъ зависѣть отъ числа частицъ эфира, проходящихъ въ единицу времени черезъ единицу поверхности, то мы вправѣ заключить, что давленіе это на тѣло будетъ находиться въ нѣкоторой зависимости отъ разстоянія и будетъ тѣмъ больше, чѣмъ ближе тѣло къ центру поглощающаго тѣла, и что величина этого давленія будетъ обратно пропорціональна квадрату разстоянія тѣла отъ центра.

Давленіе всякаго газа при подобнаго рода движеніи было бы пропорціонально поверхности тѣла, потому что газъ, напримѣръ, воздухъ, настолько грубъ, что онъ не можетъ проникнуть внуть тѣла, атомы же эфира настолько малы, что они проникаютъ черезъ всѣ мельчайшія поры всякаго тѣла, а потому дѣйствіе его будетъ совершенно иное. Онъ будетъ проникать внутрь тѣла, такъ сказать, омывать своимъ токомъ всякій атомъ тѣла, а потому будетъ оказывать давленіе на поверхность всякаго атома, такъ что общее давленіе выразится суммою давленій на поверхность всякаго атома, то есть, оно будетъ пропорціонально количеству этихъ атомовъ, заключаю-

щихся въ тѣлѣ, или, проще сказать, давленіе это будетъ пропорціонально массѣ тѣла. Все вышесказанное приводитъ И. О. Ярковскаго къ слѣдующимъ выводамъ.

1) Токъ эфира, поглощаемаго какимъ либо тѣломъ, оказываетъ давленіе на всѣ тѣла.

2) Такъ какъ этотъ токъ распространяется собственно говоря, безгранично, то этому давленію подвергаются всѣ тѣла.

3) Давленіе это направлено къ центру поглощающаго эфиръ тѣла.

4) Сила этого давленія измѣняется съ разстояніемъ и находится въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній и, наконецъ,

5) Сила этого давленія увеличивается въ зависимости отъ числа атомовъ тѣла, которое находится на пути тока, то есть она пропорціональна массѣ этого тѣла.

Давленіе, дѣйствующее подобнымъ образомъ, должно заставить, свободное тѣло двигаться въ направленіи своего дѣйствія, или, проще сказать, тѣло должно падать къ центру, какъ будто бы оно притягивалось этимъ центромъ. Дѣйствительно, если бы въ центръ нашего тѣла была вложена сила, способная притягивать всѣ тѣла, то ея дѣйствіе было бы совершенно однородно. Токъ эфира, который мы признали неизбѣжнымъ слѣдствіемъ высказанныхъ положеній, долженъ воспроизвести тѣ же явленія, которыя мы приписываемъ притяженію и вообще тяготѣнію.

Если наша земля достаточно велика, чтобы воспроизвести этотъ токъ эфира, то на ней мы должны замѣчать подобныя явленія и, дѣйствительно, какъ всякій изъ насъ хорошо знаетъ, явленія эти мы наблюдаемъ; мы ихъ называемъ притяженіемъ тѣлъ къ центру земли, или тяжестью. Притяженіе это направляется къ центру; оно пропорціонально массѣ притягивающагося тѣла и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній тѣла до центра земли. Это все совершенно согласно, но насъ учатъ, что это притяженіе еще пропорціонально массѣ самой земли. Подобной зависимости въ нашемъ случаѣ мы не замѣчаемъ; мы можемъ сказать, что это притяженіе зависитъ отъ того количества эфира, которое наша земля способна поглотить въ единицу времени. Еслибъ это количество удвоилось, очевидно, и давленіе на тѣла, то есть то, что мы называемъ тяжестью, должно было бы удвоиться. Но удвоилась ли бы, дѣйствительно, эта способность поглощенія, если бы могли удвоить массу земли, мы этого не знаемъ, мы этого сказать не можемъ, точно такъ же, какъ мы не можемъ утверждать

и противнаго—мы не можемъ сказать, что количество поглощаемаго тѣломъ эфира не должно быть пропорціонально массѣ тѣла. Казалось бы, что для допущенія такой пропорціональности нѣтъ достаточныхъ основаній; болѣе вѣроятія, что количество поглощенія зависитъ отъ той поверхности, которая собственно и производитъ это поглощеніе; но въ настоящее время мы еще не знаемъ законовъ этого поглощенія, а потому что либо утверждать въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ права.

Что такое сила частичнаго сцѣпленія?—По проявленіямъ своимъ сила тяготѣнія и сила частичнаго притяженія не тождественны. Такъ, желѣзная проволока можетъ разорваться подъ вліяніемъ собственнаго вѣса только тогда, когда она достигнетъ длины 5-ти верстъ, изъ чего мы видимъ, что тяготѣніе, дѣйствующее громаднѣйшими массами, можетъ преодолѣвать только сцѣпленіе, проявляющееся въ какомъ-нибудь разрѣзѣ проволоки. Но что еще необыкновеннѣе,—это то, что когда однажды сцѣпленіе нарушено и проволока порвалась, то и самаго тѣснаго сближенія разорванныхъ частей недостаточно, чтобы снова появилось между ними первоначальное сцѣпленіе. Слѣдовательно, сцѣпленіе, которое несравненно сильнѣе тяготѣнія, производитъ дѣйствія только на самыхъ ничтожныхъ разстояніяхъ; тяготѣніе же, которое гораздо слабѣе, дѣйствуетъ, напротивъ, на безконечно большихъ разстояніяхъ.

Извѣстно, что замораживая воду или висмутъ, при переходѣ ихъ изъ жидкаго состоянія въ твердое, они могутъ разрывать желѣзныя бутылки въ нѣсколько сантиметровъ толщины.

Химическое сродство проявляетъ себя также иногда съ могущественной силой, напримѣръ, во взрывчатыхъ веществахъ; но уже и тѣ дѣйствія, которыя образуютъ и поддерживаютъ обыкновенные аггрегаты, такъ могущественны, что трудно составить себѣ понятіе о нихъ.

Мы видѣли, какимъ образомъ частицы, погруженныя въ эфиръ, могутъ притягиваться. Для объясненія же сцѣпленія частицъ между собой необходимо какое-нибудь другое начало и это другое начало можно отыскать въ гипотезѣ; что частицы имѣютъ вращательное движеніе. Основываясь на этой гипотезѣ, А. Секки вывелъ множество самыхъ остроумныхъ заключеній.

Когда частицы вращаются, то онѣ должны увлекать за собой атмосферу, состоящую изъ эфирныхъ атомовъ; это фактъ, который доказывается ясно, разбирая измѣненія состоянія физическихъ тѣлъ, вслѣдствіе измѣненія температуры. Эти атмосферы, впрочемъ, отнюдь не надо смѣшивать съ тѣми явле-

ніями, которыя заставляютъ эфиръ располагаться вокругъ частицъ въ слои различной плотности. Это послѣднее дѣйствіе стремится распространяться въ безконечность, между тѣмъ какъ образованіе атмосферъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, простирается лишь на незначительное разстояніе въ ближайшемъ сосѣдствѣ частицъ. Въ самомъ этомъ пространствѣ атомы принимаютъ непосредственное участіе въ вращеніи частицъ, внѣ же его они свободны отъ такого вліянія. Въ теоріи теплоты показано, какъ эти атмосферы дѣйствуютъ, когда тѣло, утрачивая часть своей теплоты, переходитъ изъ газообразнаго состоянія въ жидкое, а изъ жидкаго въ твердое. Замѣтимъ здѣсь, что эта гипотеза объясняетъ, отчего жидкое и твердое состояніе наступаетъ внезапно, какъ только частицы станутъ на опредѣленныя другъ отъ друга разстоянія. Пока атмосферы не соприкасаются, — не замѣчается сцѣпленія, а какъ только онѣ начинаютъ соприкасаться, — является эта сила. Понятнымъ также становится отчего температуры, при которыхъ происходитъ плавленіе или отвердѣніе, неизмѣнны для однихъ и тѣхъ же веществъ: эти явленія наступаютъ, какъ только діаметры атмосферъ, измѣняющіеся съ температурой, достигнутъ опредѣленной величины.

Что такое химическое сродство? — Обратимъ сперва вниманіе на способъ его дѣйствія. Оно дѣйствуетъ въ теченіе извѣстнаго времени съ большей или меньшей внезапностью и нарушаетъ данное равновѣсіе тѣла; тѣла́, находящіяся въ соприкосновеніи, взаимно проникаются, и затѣмъ устанавливается опять новое равновѣсіе. Это явленіе можно объяснить посредствомъ той же самой гипотезы, которою мы тотчасъ пользовались.

У частицъ однородныхъ атмосферы одинаковы, и потому нѣтъ никакой причины, чтобы одна изъ нихъ измѣняла другую: отъ того здѣсь происходитъ просто сцѣпленіе. Если же частицы разнородны, то атмосферы различны, и эти атмосферы могутъ взаимно сливаться, входить другъ въ друга и этимъ измѣнять положеніе частицъ обоихъ тѣлъ; является третье тѣло, расположеніе частицъ котораго не похоже на первыя два. Такимъ образомъ получается химическое сродство.

Чѣмъ разнороднѣе атмосферы, тѣмъ болѣе шансовъ для нарушенія равновѣсія и тѣмъ энергичнѣе химическое дѣйствіе. Кромѣ того, различія въ атмосферахъ могутъ касаться не только ихъ объемовъ, но и скоростей, такъ что является нѣсколько элементовъ измѣненія. Естественно, что температура оказываетъ вліяніе на состояніе атмосферъ, а такимъ образомъ и на химическія дѣйствія.

Можетъ случиться, что двѣ частицы будутъ имѣть, въ извѣстный моментъ, несходныя атмосферы, а потому и сильное сродство, а потомъ, когда температура измѣнится, атмосферы могутъ сдѣлаться сходными, и сродство станетъ незначительно. Можетъ случиться и такъ, что съ возвышеніемъ температуры, атмосферы обмѣняются свойствами. Этимъ объяснились бы нѣкоторыя вполнѣ извѣстныя аналогіи; такъ, напримѣръ, бываетъ, что при очень близкихъ температурахъ то желѣзо разлагаетъ воду и освобождаетъ водородъ, то, напротивъ, водородъ разлагаетъ окись желѣза и овладѣваетъ кислородомъ.

Такимъ образомъ у химической частицы есть одна оболочка; но это еще не значитъ, чтобы не было спеціальныхъ, своихъ, атмосферъ у элементарныхъ частицъ. При томъ слѣдуетъ замѣтить, что эти атмосферы суть, такъ сказать, тѣ внѣшнія проявленія, подъ которыми мы находимъ самыя разнообразныя формы движенія самихъ частицъ. Равновѣсіе, отъ котораго зависитъ прочность, устанавливается между всѣми этими движеніями частицъ, частныхъ оболочекъ и общей оболочки. Составное тѣло будетъ тѣмъ постояннѣе, чѣмъ меньше шансовъ для нарушенія этого динамическаго равновѣсія. Если элементовъ много, то самое легкое измѣненіе температуры внесетъ безпорядокъ въ аггрегатъ и разрушитъ всѣ связи.

Это дѣйствіе особенно замѣтно проявляется, когда мы отъ царства минераловъ, въ которомъ господствуетъ сравнительная простота, переходимъ къ веществамъ органическимъ, строеніе которыхъ гораздо сложнѣе. Принимается, что въ частицѣ альбумина содержится около 900 элементарныхъ частицъ. Не трудно понять, что такія сложныя соединенія должны легко разрушаться при измѣненіи температуры. Еще сложнѣе устройство органическихъ тканей. Отъ того каждое растеніе живетъ въ своемъ климатѣ; а если животныя имѣютъ болѣе широкое распространеніе, то это потому, что въ нихъ самихъ есть источникъ теплоты, вслѣдствіе чего температура ихъ можетъ оставаться болѣе постоянной.

Со времени Лавуазье химія развилась какъ наука массъ; можно сказать, что теперь ей остается построиться какъ наукѣ скоростей. Поэтому мы видимъ, что при настоящемъ положеніи физики мы будемъ болѣе точны и будемъ находиться ближе къ истинѣ, если назовемъ „*матерію продуктомъ силы*“, чѣмъ, придерживаясь старыхъ ученій, скажемъ, что „сила есть свойство матеріи“.

Нельзя отвергать, что химія сдѣлала громадные успѣхи,

развиваясь только какъ наука массъ. Законъ опредѣленныхъ пропорцій, законъ кратныхъ отношеній, самое понятіе о химической эквивалентности,—естественно выведенныя изъ этихъ двухъ основныхъ законовъ, — все это совершенно независимо отъ всякой идеи о движеніи. Химики, съ вѣсами въ рукахъ, прослѣдили всѣ элементарныя соединенія простыхъ тѣлъ и опредѣлили шкалу ихъ насыщенія. Затѣмъ, явилась аналитическая химія, основанная сначала на изученіи жировъ, а потомъ на анализахъ алкоголей и эфировъ; тогда обнаружилось, что вѣсы недостаточны для того, чтобы прослѣдить за такими сложными явленіями, а, между тѣмъ, тѣ теоріи, которыя химикъ создаетъ, приложимы, повидимому, только къ частицамъ находящимся въ покоѣ. Законъ замѣщеній резюмируетъ собой успѣхи органической химіи. Этотъ законъ, казалось бы, по крайней мѣрѣ, не предполагаетъ никакихъ частичныхъ движеній, но едва ли представляется необходимость разъяснять, какъ недостаточно было бы такое воззрѣніе на химическія явленія. Процессъ образованія частицъ нельзя сравнивать съ кладкой камней зданія; если мы желаемъ рельефно себѣ представить его, то должны представить вихри, встрѣчающіеся и проникающіе другъ друга, при чемъ элементы этихъ вихрей переходили бы при встрѣчѣ въ новое подвижное равновѣсіе.

При томъ это вовсе не гипотезы. Обратившись къ фактамъ, мы увидимъ, что химическое дѣйствіе производитъ работу, а работу производятъ массы, движущіяся съ извѣстной скоростью. Почти всѣ наши машины приводятся въ движеніе горѣніемъ угля, т.-е. химическимъ процессомъ.

Мы до сихъ поръ не нашли средства для измѣренія химической работы; можно измѣрять ее только косвенно, черезъ посредство теплоты или электричества; мы умѣемъ судить о химическомъ дѣйствіи по внѣшнимъ его проявленіямъ. Но для того, чтобы познать самое химическое дѣйствіе, распознать его сокровенную природу,—необходимо было бы дать точную мѣру не только молекулярныхъ массъ, но и молекулярныхъ скоростей. Когда въ нашемъ распоряженіи будетъ и то и другое, то увидимъ, что изъ химіи исчезнетъ все странное и непонятное, и мы въ состояніи будемъ объяснить себѣ различныя соединенія и вытекающія изъ нихъ матеріальныя свойства. Тогда воздвигнется зданіе молекулярной механики, которая будетъ обнимать всѣ явленія природы, одна общая динамика будетъ царить вмѣсто настоящихъ астрономій, физикъ и химіи.

Вотъ какое описаніе природы неорганической матеріи даетъ намъ современная физика. Руководствуясь настоящимъ воззрѣ-

ніемъ, можно отчасти понимать всѣ явленія, сопровождающія матерію, проникать въ сущность самыхъ явленій и находить разъясненія тѣмъ результатамъ и слѣдствіямъ, которые являлись до тѣхъ поръ намъ непонятными и загадочными. Ученіе это даетъ ясный и правильный взглядъ на природу вещества, на вѣсъ, на притяженіе, на тяготѣніе и на сродство тѣлъ.

Но!!... мы видимъ, что на насъ уже подымается цѣлая гроза со стороны неумолимаго позитивизма; насъ обвиняютъ во томъ, что наша теорія не научная, — что мы внѣ науки. Позитивизмъ не допускаетъ даже эфира, а мы уже пошли гораздо дальше: мы доказали невѣсомость нѣкоторыхъ матерій, признали движеніе причиной существованія матеріи, предположили оболочки въ каждой частичкѣ вѣсомаго вещества; близки къ признанію единства матеріи и къ тому, чтобы свести всѣ явленія природы къ движенію,—къ одному движенію.

Свое первое veto накладываетъ Льюисъ словами Огюста Конта въ своей „Философіи Наукъ". Онъ говоритъ: „Къ чему же и въ физикѣ для объясненія явленій теплоты, свѣта, электричества, магнитизма употреблять гипотезы безъ надлежащихъ предосторожностей и предполагать жидкости и эфиры невидимые, неосязаемые, невѣсомые и нераздѣльные отъ вещества, которому они сообщаютъ свои качества?—Уже самый фактъ, что существованіе этихъ пресловутыхъ жидкостей, по своему существу, не подлежитъ ни отрицанію, ни утвержденію, показываетъ, что они не подлежатъ положительной провѣркѣ. Вы могли бы точно такъ же допустить существованіе элементарныхъ духовъ Парацельса, ангеловъ и геніевъ".

Мы видимъ, что Эмиль Сеже уже оправдывается въ заключеніи къ своей „Современной Физикѣ", — онъ говоритъ: „Намъ могутъ замѣтить, что мы недостаточно строго разбирали явленія, что иногда мы выражались утвердительно, когда слѣдовало, по правиламъ позитивизма, выражаться съ сомнѣніемъ, что мы недостаточно сильно упирали на оговорки, которыя намъ приходилось дѣлать. Мы не станемъ и оправдываться въ такомъ заслуженномъ упрекѣ. Было бы, можетъ быть, лучше, если бы мы оставили въ тѣни нѣкоторые вопросы и ограничились достовѣрными фактами. Да извинятъ намъ нѣкоторыя отважныя предположенія: *безспорные результаты, нами полученные, слишкомъ важны* и ихъ не могутъ компрометировать нѣсколько смѣлыхъ (но вполнѣ научныхъ и логическихъ) гипотезъ".

„Нѣтъ,—говоритъ Джонъ Стюартъ Милль, въ своей „Системѣ Логики" (стр. 20), разбирая эфирныя гипотезы,—сколько-

нибудь осторожный мыслитель *не можетъ допустить* (?), чтобы гипотеза могла бы быть принята за непреложно истинную *только потому* (?), *что она объясняетъ всѣ извѣстныя явленія*(?)".

А. Секки даже совсѣмъ не признаетъ никакой гипотезы въ этомъ ученіи, до того всѣ дѣлаемыя заключенія онъ считаетъ близкими къ истиннымъ выводамъ науки. Онъ говоритъ (стр. 11): „Единственное мое желаніе было популяризовать тѣ теоретическіе взгляды, которые, благодаря болѣе серьезному изученію явленій, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе входятъ въ сознаніе мыслящихъ естествоиспытателей. Развиваемые мною взгляды есть ничто иное, какъ прямой выводъ изъ работъ ученыхъ, составляющихъ славу нашего вѣка, каковы, напримѣръ: Мейеръ, Сегенъ, Джуль, Томсонъ, Грове, Гирнъ, Ламе, Муанью, Тиндаль, Клазіусъ, Дюма, Кантони, Фузиньери, Зантедески, Бичіо, Туранца, Грэгэмъ, Бунзенъ, Фуко, Депре и пр., и пр., которые въ небольшой промежутокъ времени такъ много сдѣлали для развитія, разъясненія и утвержденія механической теоріи теплоты. Уже одинъ этотъ фактъ, не говоря о безднѣ другихъ, ясно показываетъ, что въ смыслѣ научнаго прогресса нашему вѣку не въ чемъ завидовать прошлымъ эпохамъ, даже въ самые цвѣтущіе ихъ дни".

„Я старался, —говоритъ А. Секки, —на сколько возможно, не вводить въ книгу своихъ личныхъ мнѣній и позволялъ себѣ дѣлать это лишь тамъ, гдѣ научные пробѣлы, остающіеся въ естествовѣдѣніи, за недостаткомъ или невозможностью наблюденій, давали мнѣ право сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ работамъ и теоріямъ другихъ ученыхъ. Позволяю себѣ думать, что такой образъ дѣйствій ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ произвольнымъ обращеніемъ съ научнымъ матеріаломъ".

Мы закончимъ этотъ научный споръ словами Тиндаля, сказанными имъ въ Лондонскомъ Королевскомъ Обществѣ: „Строго говоря, безъ участія воображенія всѣ наши свѣдѣнія о природѣ ограничились бы одной классификаціей фактовъ, изъ которыхъ можно было бы заключить только о совмѣстности ихъ существованія и порядкѣ слѣдованія другъ за другомъ. Конечно, мы знали бы о смѣнѣ дня ночью, одного времени года другимъ и т. п., но сила, эта душа вселенной, была бы изгнана изъ области нашихъ представленій; отношенія причинъ къ ихъ дѣйствіямъ разсыпались бы въ прахъ, а вмѣстѣ съ этимъ рухнула бы и самая наука, главная цѣль которой состоитъ въ установленіи связей между различными частями природы и изслѣдованіи ея, какъ одного организованнаго цѣлаго".

„Наконецъ, — говоритъ Броди, — физическія изслѣдованія, кромѣ своихъ многочисленныхъ преимуществъ, показываютъ намъ истинную цѣну и научную роль воображенія, этой чудесной способности, которая, будучи предоставлена самой себѣ, безъ всякаго посторонняго контроля, уноситъ насъ въ непроходимыя дебри ошибокъ и заблужденій, но, руководимая строгимъ опытомъ и трезвымъ размышленіемъ, дѣлается благороднѣйшимъ аттрибутомъ человѣка, источникомъ поэтическаго генія и могущественнымъ орудіемъ открытій, безъ помощи котораго Ньютонъ никогда бы не изобрѣлъ своихъ „флюксій" (дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія), Дэви не разложилъ бы металловъ, земель и щелочей, а Колумбъ не пустился бы въ отдаленнѣйшія поиски за „Новымъ Свѣтомъ".

Что можемъ мы добавить отъ себя въ свою защиту?— Мы скажемъ, что мы не стоимъ достаточно близко къ наукѣ, чтобы вмѣшаться въ качествѣ компетентнаго эксперта въ научный споръ, въ которомъ участвуютъ такіе столбы знанія. Поэтому мы и не будемъ касаться существа даннаго предмета.

Мы взглянемъ съ другой, не заинтересованной въ научномъ спорѣ, стороны, какъ посторонніе свидѣтели, какъ должно было бы отнестись человѣчество, говоря вообще, къ такому несогласію мнѣній у людей науки касательно своей науки.

Мы скажемъ, что, съ одной стороны, полная понятность, неопровержимость и необыкновенная логичность, съ другой— авторитетъ и большинство на сторонѣ новыхъ воззрѣній, а потому менѣе шансовъ впасть въ ошибки, предерживаясь приведенной нами теоріи, чѣмъ слѣдовать за положительными науками. Позитивизмъ уже доживаетъ свой вѣкъ, его придерживаются только по привычкѣ, такъ называемые, люди стараго закала.

Развѣ можетъ наука имѣть свои принципы и привычки?— Гдѣ принципы и привычки, тамъ начинается царство рутины и умственнаго застоя, тамъ прогресса, образованія и умственнаго развитія уже болѣе быть не можетъ, —нѣтъ этихъ главныхъ аттрибутовъ и двигателей науки. Научныя воззрѣнія, которыя удовлетворяли въ дѣтскомъ и первоначальномъ состояніи науки, не могутъ остаться неизмѣнными и, по мѣрѣ развитія наукъ, по мѣрѣ предъявленія къ ея разслѣдованію новыхъ фактовъ и явленій, какъ взгляды, такъ и система доказательствъ должны быть измѣнены, придуманы и примѣнены новые способы, новые пріемы для изслѣдованій, для доказательствъ и для контроля знанія. Конечно, способы изученія предметовъ, принятые наукой не сотни, а, по Гумбольдту,

уже тысячи лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время не могутъ удовлетворять насъ; это ясно, ибо наука должна же идти впередъ.

Но, кромѣ того, обратимся къ нашей собственной логикѣ; мы имѣемъ передъ собой вполнѣ здравые выводы, вполнѣ научныя доказательства и должны отказаться отъ нихъ только потому, что, напримѣръ, эфиръ ничего не вѣситъ на нашихъ вѣсахъ и не видѣнъ нашему глазу. Есть ли въ этомъ малѣйшій смыслъ? Развѣ мы видимъ когда-нибудь силу? развѣ она тоже вѣситъ что-нибудь? а однако принимается положительными науками. Намъ скажутъ,—силу можно вычислить, мы видимъ ее по проявленіямъ. А развѣ мы не вычисляемъ свѣтовую эфирную волну? развѣ мы не видимъ ее одинаково по проявленіямъ? Надо только удивляться подобнаго рода научнымъ запрещеніямъ, этому *„не хочу"* принципа ради.

Мы видимъ передъ собой прекрасныя научныя положенія, основанныя всегда на фактическихъ доказательствъ, почерпнутыхъ изъ прямаго опыта. Нѣтъ, — повторяютъ позитивисты за Огюстомъ Контомъ,—человѣкъ психически несостоятеленъ, положительныя науки не идутъ такъ далеко".

Какъ это такъ? здѣсь кончается всякая логика, здѣсь прямо подрывается весь авторитетъ человѣческаго разума и здраваго смысла; какъ можетъ наука отказаться отъ разслѣдованія какого-либо факта или явленія? Послѣ этого солдатъ откажется идти въ атаку, должникъ откажется платить по векселю.

Если мы принуждены въ настоящее время принять за доказанное существованіе такихъ жидкостей, которыя невѣсомы, невидимы и не занимаютъ мѣста въ нашей грубой матеріи, то дѣлается яснымъ, что всѣ три непогрѣшимые контролера положительныхъ наукъ—мѣра, вѣсъ и глазъ человѣка—должны получить отставку, или, по крайней мѣрѣ, быть замѣнены, въ извѣстныхъ случаяхъ, чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ природѣ того вещества, которое подлежитъ нашему анализу и изученію. Не можемъ же мы отказаться отъ изученія эфира единственно потому, что, положительныя науки еще не придумали непогрѣшимаго способа контроля, тѣмъ болѣе что позитивизмъ и не выказываетъ къ тому ни малѣйшей наклонности.

Для научныхъ изслѣдованій нужно именно это научное благоразуміе,—строгій опытъ и трезвое размышленіе, котораго требуетъ Броди; безъ него наука не пойдетъ впередъ, и никакіе автоматическіе контролеры и вѣковые принципы не помогутъ дѣлу.

Все вышесказанное убѣждаетъ насъ, что хотя наука еще далеко не выработала окончательнаго понятія о сущности матеріи, но во всякомъ случаѣ приведенное здѣсь ученіе современной физики много ближе къ истинѣ, чѣмъ то, котораго придерживаются положительныя науки. На этомъ основаніи мы совершенно увѣренно въ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденіяхъ можетъ смѣло опираться на него, безъ боязни заслужить упрекъ въ недостаточной основательности приводимыхъ нами доводовъ или отступленіи отъ научныхъ истинъ.

Органическая клѣточка.

Установивъ нашъ взглядъ на природу неорганическаго царства, перейдемъ къ органическому и постараемся себѣ выяснить физическое сложеніе человѣка.

При изученіи неорганической матеріи мы встрѣтили двоякаго рода затрудненія: во-первыхъ, со стороны трудности и сложности самого предмета изученія, требующаго точныхъ и разностороннихъ наблюденій и чрезвычайной осторожности выводовъ, вслѣдствіе сбивчивости и загадочности фактовъ, подлежащихъ нашему разслѣдованію, а во-вторыхъ—со стороны привычекъ и принциповъ ученыхъ, которые, изучая неорганическую матерію столько времени, въ виду даже самыхъ очевидныхъ фактовъ, не могли рѣшиться высказаться за то, что матерія въ основѣ своей не имѣетъ ничего вѣсомаго и матеріальнаго. Переходя затѣмъ къ обзору органическаго міра, мы должны сознаться, что затрудненія не только удесятеряются, но положительно дѣлаются непреодолимы. Трудность изученія самого предмета возрастаетъ неимовѣрно, сложность самихъ матеріальныхъ частичекъ увеличивается, условія образованія ихъ усложняются, жизненныя условія требуютъ для своихъ объясненій введенія жизненной силы, которая почти совсѣмъ не разслѣдована наукой. Условія поддержанія и возобновленія органическихъ частичекъ положительно ускользаютъ отъ самыхъ точныхъ наблюдателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ принципы и привычки ученыхъ и обычаи разныхъ школъ положительно вооружаются на смѣлыхъ, которые могли бы хотя попробовать начать изслѣдованія этихъ трудныхъ и вполнѣ загадочныхъ для насъ явленій. Казалось бы совершенно логичнымъ, что если мы, при изученіи даже неорганической природы, приходимъ къ отвлеченностямъ, какъ ихъ называютъ въ положительной наукѣ, то при изученіи сложной машины живыхъ

организмовъ мы должны еще гораздо дальше проникать въ область, положительными науками запрещенную. Какъ бы все это ни было для насъ ново и загадочно и какъ бы это ни казалось намъ отвлеченнымъ и, пожалуй, духовнымъ,—мы не имѣемъ права отказываться отъ изученія его и считать его не подлежащимъ нашему изслѣдованію, ибо все это составляетъ проявленія матеріи, это все еще тотъ путь, на который должна наука ступить. Однако, до сихъ поръ еще всякій, который искушался этимъ предметомъ, нападая на выводы, столь ненавистные положительнымъ наукамъ, долженъ былъ или рисковать своей научной репутаціей, или отступиться отъ изученія этихъ предметовъ; на этомъ основаніи нѣтъ до сихъ поръ даже цѣлой науки, гдѣ бы были сгруппированы всѣ физическія проявленія органическаго царства; органическая физика сама напрашивается въ число наукъ, но ничего еще не сдѣлано для нея,—никакихъ усилій для точнаго изученія природы всѣхъ подобнаго рода явленій.

Правда, во всѣхъ параллельныхъ наукахъ, можно встрѣтить самыя разнообразныя попытки къ указанію на явленія, сопровождающія органическое царство, но только въ видѣ отдѣльныхъ соображеній и догадокъ; поэтому, даже при усиленномъ желаніи людей, истинно преданныхъ наукѣ, перейти эту завѣтную черту отвлеченностей, представляются непреодолимыя трудности.

На это намъ могутъ возразить, что физическія явленія обоихъ царствъ одинаковы, поэтому нѣтъ необходимости въ какой-то органической физикѣ. Отвѣтимъ на это, что дѣло не въ названіяхъ, а въ возможности выясненія себѣ извѣстной группы фактовъ органическаго міра, котораго намъ физика не даетъ; равно этого выясненія мы не находимъ ни у физіологовъ, ни у естественниковъ. Мы видимъ, что по сложности этихъ явленій физика отказывается отъ нихъ, и тѣмъ болѣе понятно, что во всѣхъ этихъ явленіяхъ проявляется совершенно новый для нея дѣятель, который положительно видоизмѣняетъ физическія явленія,—это жизненная сила. Физіологія также не разбираетъ ихъ, ибо считаетъ, что они прямо касаются свойствъ матеріи, предметъ изученія которыхъ не входитъ въ программу занятій физіологіи. Естественныя науки подавно не признаютъ эти явленія подлежащими ихъ вѣдѣнію и только указываютъ на нихъ.

И въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ, для примѣра, два совершенно, повидимому, схожихъ вещества, одно изъ царства животныхъ, другое изъ неорганической природы, а именно: кости живот-

наго и хотя бы искусственно приготовленное и совершенно тожественное по своему химическому составу вещество; однимъ словомъ, передъ нашими глазами лежатъ два куска, совершенно схожіе по наружному виду, по цвѣту, по вѣсу и, пожалуй, по объему, разница лишь въ томъ, что одинъ изъ нихъ вынутъ изъ тѣла животнаго, другой—приготовленъ въ лабораторіи, и спросимъ: одинаковой ли природы эти два куска?

Еще такъ недавно положительныя науки съ полнымъ апломбомъ отвѣтили бы: „никакія сомнѣнія здѣсь неумѣстны,—это рѣшительно одно и то же". Но успѣхи современной науки отвѣчаютъ иначе и говорятъ: по химическому составу своему оба эти куска совершенно одинаковы и состоятъ изъ извѣстныхъ химическихъ соединеній извести съ фосфоромъ, удѣльный вѣсъ ихъ и наружный видъ тоже не имѣютъ различія, въ сложеніи ихъ мы найдемъ незначительную разницу; но условія образованія и внутренняя жизнь ихъ, — природа этихъ обоихъ кусковъ,—не имѣетъ ничего схожаго. То, что мы высказали о частичномъ состояніи нашего неорганическаго куска, о природѣ вихрей, составляющихъ его, — проявляется въ органическомъ кускѣ или въ кости животнаго съ значительными усложненіями и измѣненіями, имѣющими свой, совершенно спеціальный, жизненный характеръ.

Трудно себѣ представить до чего дѣятельна жизнь въ этомъ, повидимому, неодушевленномъ кускѣ, до чего быстро производится обмѣнъ, какая происходитъ кипучая работа въ перемѣщеніяхъ матеріальныхъ частичекъ. Наглядное доказательство тому мы находимъ въ трудахъ Флуренса. Онъ кормилъ животныхъ мареной, которая имѣетъ свойство окрашивать кости живыхъ тварей въ красный цвѣтъ. Черезъ мѣсяцъ весь скелетъ животнаго получаетъ красный цвѣтъ. Если потомъ кормить животное обыкновенной пищей, то кости дѣлаются вновь бѣлыми. Переходъ отъ краснаго цвѣта костей къ бѣлому дѣлается не постепеннымъ измѣненіемъ цвѣта, а вновь нарастающая часть кости наростаетъ уже бѣлой, старая же остается того же цвѣта. Вскрывая этихъ животныхъ, онъ убѣдился, что въ теченіе мѣсяца у каждаго изъ нихъ кости окончательно мѣняютъ составъ своихъ частицъ. Онъ ясно и наглядно видѣлъ, что кость наростаетъ извнутри кнаружи. Внутри образуется слой бѣлый, который подвигается, утолщаясь, все дальше къ наружной поверхности кости; слѣдовательно, каждая частичка матеріи, изъ которой состоятъ кости, находится въ постоянномъ движеніи, а не имѣетъ всегда одного постояннаго положенія по отношенію къ своимъ сосѣдкамъ, какъ это

мы видѣли въ неорганическихъ тѣлахъ. Черезъ каждый мѣсяцъ всѣ кости человѣка и животнаго мѣняютъ наличный составъ своихъ частицъ, не остается ничего стараго, каждый элементъ кости, каждый атомъ въ теченіе мѣсяца успѣлъ образоваться, постоянно подвигаться кнаружи и, наконецъ, исчезнуть совсѣмъ, замѣненный другимъ.

Еще поразительнѣе этотъ обмѣнъ въ остальныхъ тканяхъ живыхъ организмовъ. Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ Катрфажъ: „Въ тайныхъ глубинахъ живыхъ существъ господствуютъ два противоположные тока: одинъ постоянно уноситъ частицу за частицей и отнимаетъ что-нибудь изъ организма; другой—возстановляетъ потерю, которая, ежели бы слишкомъ увеличилась, привела бы неминуемую смерть“.

Молешоттъ говоритъ, что черезъ 22 дня въ человѣческомъ организмѣ не остается ни одного стараго атома, — всѣ замѣнены новыми. По опытамъ Либиха, этотъ обмѣнъ производится въ 25 дней.

Мелешоттъ и Марфель нашли, что цвѣтные шарики крови барановъ, впрысканные въ большомъ количествѣ въ кровь лягушки, вполнѣ исчезли черезъ 17 дней. А такъ какъ обмѣнъ матеріи у лягушки происходитъ медленнѣе, чѣмъ у животныхъ теплокровныхъ, то можно предполагать, что красные шарики человѣческой крови вполнѣ возобновляются меньше нежели черезъ 17 дней.

Молешоттъ въ своемъ сочиненіи „Круговращеніе жизни“ говоритъ, что согласно выводовъ изъ наблюденій, полученныхъ изъ трехъ различныхъ основаній, можно назначить 30 дней для полнаго возобновленія человѣческаго тѣла. Было бы слишкомъ большой несообразностью, если бъ мы согласились съ давно существующимъ мнѣніемъ, что для полнаго возобновленія всѣхъ атомовъ въ человѣкѣ необходимо 7 лѣтъ. Какъ бы на первый взглядъ ни показалась удивительною эта быстрота обмѣна, —говоритъ онъ, эти наблюденія во всѣхъ отношеніяхъ непреложно вѣрны.

Шталь говоритъ, что жаворонки теряютъ въ продолженіе дня весь жиръ, который образовался въ нихъ въ продолженіе ночи. Развитіе клѣточекъ въ крови происходитъ въ теченіе 7 или 8 часовъ на счетъ веществъ, доставляемыхъ питательнымъ сокомъ. Кому не извѣстно, что человѣкъ въ нѣсколько дней можетъ такъ похудѣть, что его не узнаешь?

Чѣмъ больше увеличивается дѣятельность, тѣмъ быстрѣе происходятъ реакціи. При сильномъ движеніи у человѣка выдѣляется черезъ поры его кожи въ 9 часовъ то количество угле-

кислоты, которое въ спокойномъ состояніи у него выдѣлилось бы въ теченіе 24 часовъ. Когда лошадь бѣжитъ рысью, то у нея выдѣленіе бываетъ въ 117 разъ больше, нежели въ то время, когда она стоитъ. Человѣкъ же, по свидѣтельству Молешотта, лѣтомъ теряетъ въ 24 часа $^1/_{14}$ часть вѣса своего тѣла, а зимою $^1/_{12}$.

Какъ можемъ мы себѣ представить, что каждый день отъ насъ, отъ тѣла нашего и мускуловъ отлетаетъ отжившихъ частицъ и замѣняется новыми въ лѣтній день $^1/_{14}$ часть, а въ зимній день $^1/_{12}$ часть всего вѣса нашего тѣла,—вѣдь это 15 или 17 фунтовъ матеріи, долженствующей занять объемъ около полуведра; даже каждый атомъ нашихъ костей подвинулся въ теченіе дня на $^1/_{80}$ ея толщины, и все наше тѣло находится въ непрерывномъ молекулярномъ движеніи, напоминающемъ скорѣе рой пчелъ или кучу муравьевъ, чѣмъ отвѣчающемъ понятію, которое мы обыкновенно имѣемъ о твердомъ тѣлѣ.

Бюффонъ говоритъ: „что и основу нашей организаціи составляютъ не мускулы, не артеріи, не вены, а внутреннія силы. Вмѣсто того, чтобы изслѣдовать силы, основываясь на ихъ дѣйствіи, ученые стали отвергать всякое понятіе о нихъ и хотѣли изгнать ихъ совсѣмъ изъ философіи. Но вотъ онѣ вновь явились и съ еще большимъ блескомъ, чѣмъ когда нибудь“.

„Этотъ жизненный вихрь, —говоритъ Кювье, —непрерывно происходящій въ нашей кожѣ и подъ нею, въ нашемъ мозгу, въ нашей крови, въ костяхъ, въ лицѣ, во всемъ тѣлѣ, есть какъ бы одежда, которая сама собою возобновляется. Тѣло 60 или 80 лѣтняго старика существуетъ только одинъ мѣсяцъ, совершенно столько же времени, какъ тѣло ребенка, только что начинающаго ходить.

Слѣдовательно, тѣло всегда бываетъ новымъ, и мы не можемъ не удивляться этому мудрому закону природы. Однако, же неоспоримо, что на землѣ есть люди всѣхъ возрастовъ, отъ колыбели до могилы. И если правда, что наше тѣло возобновляется ежемѣсячно, —что же въ насъ состаривается?—Конечно, это не частицы, образующія наше тѣло. Частицы, которыя очень еще недавно не принадлежали намъ, а составляли часть курицы, куропатки, хлѣбнаго зерна, соли, быка, барана, вина, кофе, или чего-нибудь другого, что мы ѣли или пили; частицы, которыя, какъ мы знаемъ, неизмѣнны и, какъ мертвыя, никогда не могутъ старѣть. Значитъ, въ насъ есть что-то другое, кромѣ этихъ частицъ“.

„Матерія есть только вмѣстилище силы, — продолжаетъ

Кювье,—которая заставляетъ будущую матерію идти тѣмъ же путемъ, какъ и прежняя; слѣдовательно, *форма тѣла гораздо существеннѣе матеріи, потому что матерія постоянно измѣняется, тогда какъ форма тѣла остается одна и та же*".

Какъ выясняетъ наука все это?—Вѣдь, большая разница знать, какимъ образомъ проявляется извѣстное дѣйствіе, или опредѣлить причину явленія и природу дѣйствующаго начала.

При полномъ нашемъ и самомъ усиленномъ стремленіи отыскать какое-либо опредѣленное объясненіе, касающееся *существа* явленій, мы должны признаться, что во всѣхъ отрасляхъ знанія мы встрѣчаемъ одно гробовое молчаніе, одни указанія на факты безъ всякихъ разъясненій, хотя бы гадательныхъ и гипотетичныхъ. Позитивисты маскируютъ свои дальнѣйшія незнанія явленій природы одними общими фразами и говорятъ, что явленія эти, сами по себѣ свидѣтельствуя очень многое, вполнѣ будто бы открываютъ глаза на строй органической матеріи, и затѣмъ вся эта кипучая во всѣхъ отношеніяхъ жизнь безъ всякаго подробнаго и тщательнаго изученія сливается ими въ общую кучу свойствъ матеріи. Не могутъ законы природы кончаться именно тамъ, гдѣ прекращается знаніе человѣка; такое предположеніе было бы не болѣе какъ натяжка и имѣло бы свое начало въ человѣческомъ тщеславіи; человѣкъ науки очень неохотно сознается въ своемъ незнаніи. Во всякомъ случаѣ, мы принуждены заявить, что позитивизмъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій намъ дать не можетъ и что знанія его далѣе этого не простираются.

Какъ послѣдній научный доводъ, мы приведемъ слова профессора Пурготти, прекрасно очерчивающаго условія жизни живыхъ организмовъ, не касаясь, конечно, какъ и всегда, существа и природы явленій. Онъ говоритъ: „Мы видимъ въ живыхъ организмахъ присутствіе начала, которое, будучи выше матеріи, управляетъ ея реакціями. Физическія силы снабжаютъ его агентомъ первой необходимости, а именно—движеніемъ, составляющимъ основаніе всѣхъ актовъ организма. Дѣйствія силъ, подчиненныхъ вліянію этого начала, не тождественны съ тѣми, которыя они проявляютъ въ независимомъ состояніи, такъ что животныя отправленія слагаются изъ движеній гораздо болѣе сложныхъ и утонченныхъ, чѣмъ въ растительныхъ процессахъ и принадлежатъ по этому, такъ сказать, къ высшему порядку. Это то самое начало, которое заставляетъ переходить извѣстное количество движенія отъ одной точки индивида къ другой и позволяетъ этому движенію сообщаться внѣшнимъ предметамъ, при чемъ оно всецѣло сохраняется, какъ элементъ общаго движенія матеріи. Однимъ словомъ, въ животныхъ движеніе всегда играетъ только роль аппарата или средства, находящагося въ распоряженіи высшаго начала и направляемаго имъ согласно желаемой цѣли. Для лучшаго уясненія нашей мысли позволимъ себѣ привести сравненіе. Представьте себѣ самый совершенный локомотивъ; какой бы онъ ни былъ идеальной конструкціи, онъ никогда самъ собою не придетъ въ движеніе и не станетъ дѣйствовать съ свойственной ему правильностью; для этого необходимъ механикъ, который бы открылъ въ надлежащую сторону кранъ и сталъ управлять рычагомъ съ цѣлью сообщить ему передній или задній ходъ, и т. д. То же самое можно сказать и про животныхъ, одаренныхъ произвольнымъ движеніемъ. Они не только обладаютъ этимъ движеніемъ, составляющимъ аттрибутъ, неразрывно связанный съ грубой матеріей, но, кромѣ того, надѣлены еще направляющей силой болѣе высшаго порядка, чѣмъ матерія. Какъ только это движеніе пріостанавливается въ организмѣ, онъ тотчасъ же умираетъ.

„Отсюда нѣкоторые заключаютъ, — говоритъ профессоръ Пурготти,—что силы, дѣйствующія въ живомъ организмѣ, отличны отъ тѣхъ, которыя дѣйствуютъ послѣ смерти. Но это заблужденіе было побѣдоносно разбито еще Мейеромъ, знаменитымъ основателемъ термодинамики. Онъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что при жизни животнаго въ немъ происходятъ тѣ же самыя химическія реакціи, какъ и послѣ смерти. Все различіе состоитъ лишь въ томъ, что живой организмъ можетъ удалять отъ себя вещества, сдѣлавшіяся безполезными и вредными для его тканей, тогда какъ мертвый лишенъ этой способности. Отсюда накопленіе веществъ не только безполезныхъ, но и прямо вредныхъ для экономіи, которая, быстро прибывая, скоро производятъ измѣненіе самыхъ органовъ и дѣлаютъ ихъ неспособными къ дѣйствіямъ, свойственнымъ здоровому и живому тѣлу".

Эфирныя тѣла.

Вотъ тѣ данныя, которыя должны служить намъ основаніемъ для уясненія себѣ интересующаго насъ въ настоящее время вопроса: далеко ли наука отъ признанія эфирныхъ двойниковъ человѣческаго тѣла, о которыхъ говорятъ намъ Евреи, Египтяне, теософы, буддисты и спириты? Противорѣчитъ ли понятіе о двойникахъ ученіямъ науки и идетъ ли оно въ раз-

рѣзъ со всѣми научными воззрѣніями на природу органической матеріи?

Для болѣе опредѣленнаго представленія согласимся еще въ нѣкоторыхъ научныхъ данныхъ.

Если мы признаемъ основой каждаго тѣла движеніе, происходящее въ средѣ однородныхъ атомовъ эфира, то математика и механика—двѣ непогрѣшимыя и абстрактныя науки—должны дать намъ самыя точныя свѣдѣнія по этому предмету.

И дѣйствительно, когда мы обращаемся къ нимъ, то видимъ, что онѣ, составляя уравненія, съ цѣлью опредѣлить по извѣстнымъ условіямъ возможность разныхъ сочетаній, для полученія разнородныхъ движеній, приходятъ къ самымъ изумительнымъ выводамъ.

Математикой и механикой можно, конечно, выводить всѣ, извѣстные намъ, виды движенія матеріи, какъ-то: свѣтъ, звукъ, движеніе планетъ, свѣтовыя волны и т. д., но можно еще, вводя въ вычисленія извѣстные уже намъ физическіе законы, получать многія незнакомыя и совершенно для насъ новыя движенія, которыя всѣ имѣютъ возможность существовать въ дѣйствительности. Мы не можемъ сказать, какія изъ нихъ существуютъ дѣйствительно въ природѣ, ибо мы ихъ не знаемъ и не улавливаемъ, они не поддаются нашимъ чувствамъ и нашей трехмѣрной аналитикѣ, ибо многія изъ нихъ переходятъ въ четвертое, пятое и т. д. измѣренія.

Мысль о возможности не только четвертаго, но бо́льшаго числа измѣреній пространства подтверждена даже извѣстнымъ философомъ Кантомъ. „Наука объ этихъ возможныхъ видахъ измѣренія пространства была бы — говоритъ онъ — безспорно высшею геометріею, которую умъ человѣка могъ когда-либо построить“. (Gedanken von der wahren Schätzung der Kräfte). Надъ этою же гипотезою много работали извѣстные математики Гауссъ, Боліаи, Риманъ и нашъ знаменитый математикъ, профессоръ Казанскаго университета Николай Ивановичъ Лобачевскій.

Лобачевскій и Гауссъ указывали на то, что въ обыкновенной (эвклидовой) геометріи, не идущей далѣе трехмѣрнаго пространства, нѣкоторыя положенія не могутъ быть строго доказаны, и рѣшенія ихъ заходятъ въ другія высшія измѣренія. Они, конечно, не имѣютъ фактическихъ данныхъ для утвержденія существованія другого міра, тѣмъ не менѣе принуждены рядомъ съ этимъ матеріальнымъ міромъ признать другой. Назовете ли вы его духовнымъ или четырехмѣрнымъ, пятимѣрнымъ,—дѣло не въ названіи; но, во всякомъ случаѣ, такой

міръ, аналитика котораго могла бы наглядно изобразить высшія измѣренія. Профессоръ Бутлеровъ придавалъ возможности знанія такого міра первенствующее значеніе въ ряду человѣческихъ знаній и называлъ ее геометріей абсолютныхъ пространствъ.

Мы охватываемъ своимъ пониманіемъ только три измѣренія, а потому должны сказать, что все препятствіе въ познаніи многихъ изъ этихъ движеній единственно въ недостаткѣ нашихъ чувствъ, ибо по математикѣ всѣ они имѣютъ право дѣйствительнаго бытія.

Самое разрѣженное тѣло, которое поддается анализу, это водородъ, самое плотное—платина. Вотъ предѣлы, за которые не идетъ наше пониманіе, но природа этимъ не ограничивается. Неоспоримо, что на другихъ планетахъ есть тѣла болѣе плотныя,—а также и болѣе легкія—и если они существуютъ, мы не можемъ ихъ видѣть, ибо водородъ мы не видимъ, мы не видимъ даже воздуха, который въ 14 разъ плотнѣе водорода.

Однако, не всѣ эфирныя тѣла намъ не видны; мы видимъ на небѣ кометы, которыя служатъ вѣчнымъ укоромъ нашихъ чувствъ. Нѣкоторыя кометы двигаются съ ужасной быстротой уже многія тысячелѣтія кругомъ солнца, не мѣняя формы своего хвоста, а между прочимъ, какая ихъ плотность?—По наблюденіямъ Джона Гершеля, эти загадочные для насъ міры имѣютъ хвосты длиной по нѣскольку сотенъ милліоновъ верстъ и въ поперечникѣ около сотни тысячъ верстъ, а вѣсъ ихъ такой, что можно было бы, спрессовавъ и сгустивъ ихъ въ одну массу, имѣющую вѣсъ нашихъ земныхъ тѣлъ, увезти каждую на одной подводѣ. Тиндаль, поправляя въ этомъ отношеніи Джона Гершеля, говоритъ, что, по его мнѣнію, въ одинъ чемоданъ можно было бы спрятать цѣлый десятокъ кометъ.

Астрономъ Фаи, вычисляя плотность субстанціи такихъ кометъ, нашелъ, что она въ 250 милліардовъ разъ рѣже, чѣмъ плотность нашего воздуха подъ воздушнымъ колоколомъ, въ которомъ $^{1}/_{1000}$ разрѣженія. Теперь, какъ представимъ мы себѣ, что подобной плотности комета 1843 года пронизала фотосферу солнца, обогнувъ его въ теченіе двухъ часовъ, причемъ она не измѣнила даже ни формы своего хвоста, ни скорости своего полета и показалась на другой сторонѣ солнца совершенно такой же, какъ она за него скрылась, не смотря на то скорость конца хвоста была 500 милліоновъ верстъ въ часъ, т. е. $^{1}/_{2}$ скорости молніи. Все это заставляетъ признавать, что

кометы при всей ихъ разжижженности—настоящія тѣла (никто, впрочемъ, изъ современныхъ астрономовъ и не оспариваетъ того).

Подобныхъ кометъ на небѣ неисчисленное количество. Когда о числѣ ихъ спросили Кеплера, онъ отвѣтилъ, что „кометъ на небѣ столько, сколько рыбъ въ океанѣ“. Араго говоритъ, что тѣхъ кометъ, которыя приближаются къ солнцу не далѣе Нептуна—около 20 милліоновъ; но такъ какъ, собственно сфера притяженія солнца простирается еще гораздо дальше, то астрономы по приближенію насчитываютъ ихъ милліардами.

Что значитъ передъ этимъ поражающимъ количествомъ число нашихъ грубыхъ матеріальныхъ планетъ, вращающихся въ солнечной системѣ? Ихъ насчитываютъ едва до 70 (считая астероиды за одну планету), а слѣдовательно мы смѣло можемъ принять, что число матеріальныхъ планетъ, болѣе или менѣе похожихъ на нашу землю или солнце, по отношенію къ количеству эфирныхъ небесныхъ тѣлъ, совершенно ничтожно, и что эфирныя тѣла въ милліоны разъ болѣе распространены въ природѣ, чѣмъ твердыя планеты. Кромѣ того, мы можемъ легко предположить, что возможность видѣть нашими глазами столь разрѣженныя тѣла не есть общій законъ природы, и что на каждую видимую нами комету въ дѣйствительности найдется еще много другихъ не небѣ, намъ невидимыхъ; но, не говоря уже объ этихъ невидимыхъ тѣлахъ, мы скажемъ, что и милліарды кометъ для нашей солнечной системы составляютъ весьма вѣскій доводъ въ пользу оживленности и обилія совершенно новой, незнакомой намъ и недосягаемой эфирной жизни междупланетнаго пространства.

И такъ, ко всѣмъ безспорнымъ даннымъ науки мы можемъ прибавить еще два: 1) что эфирныя тѣла въ природѣ существуютъ; что нашъ водородъ не есть самое разжиженное тѣло, что есть тѣла, которыя, при всѣхъ обстоятельствахъ, сохраняютъ свою опредѣленную форму при страшныхъ скоростяхъ, съ которыми они двигаются, и разрѣженность ихъ въ милліарды разъ больше нашихъ земныхъ тѣлъ. Это составляетъ новое и весьма вѣское доказательство того, что разнообразіе природы идетъ дальше нашего чувственнаго пониманія ея.

2) что математически можно доказать существованіе еще многихъ родовъ движеній, кромѣ тѣхъ, которыхъ мы знаемъ черезъ наши чувства и черезъ нашу матеріалистическую науку, и что кометы составтяютъ только одинъ видъ изъ массы другихъ, намъ пока еще неизвѣстныхъ, видовъ движенія.

Эфирный элементъ въ строеніи человѣческаго тѣла.

Послѣ всего вышесказаннаго, мы не можемъ болѣе представлять себѣ твердое тѣло такъ, какъ понимали его въ древности, т. е. кускомъ матеріи, въ которомъ всѣ частички крѣпко сплочены между собой и находятся въ вѣчной неподвижности по отношенію къ своимъ сосѣдкамъ, такимъ же однороднымъ съ ними частичкамъ. Напротивъ, мы должны себѣ представлять каждое тѣло состоящимъ изъ милліардовъ частныхъ вихрей, ничѣмъ не связанныхъ между собой и находящихся на очень значительныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, по отношенію къ своему собственному объему и къ величинѣ сосѣднихъ частичныхъ вихрей. Каждый подобный вихрь имѣетъ скорость, конечно, превышающую скорость свѣта и электричества и окруженъ своей специальной эфирной оболочкой, обусловливающей характеръ движенія и, слѣдовательно, видимую форму его. Эти вихри плаваютъ въ пространствѣ, наполненномъ эфирными первичными неупругими атомами, находящимися тоже въ движеніи,—во вращательномъ и въ поступательномъ. Эти атомы подъ вліяніемъ движенія этихъ частныхъ частичныхъ вихрей, слагаются въ общія оболочки и сдавливаютъ вихри въ одну общую кучу, что производитъ видимое для нашего глаза твердое тѣло. Для наглядности представленія сравниваютъ подобное строеніе матеріи съ циклонами, носящимися въ воздухѣ, съ роемъ пчелъ, съ кучей муравьевъ, съ летящей саранчей, застилающей иногда все небо. Единственная при семъ невѣрность въ представленіи состоитъ лишь въ томъ, что всѣ эти рои не становятся въ такое зависимое положеніе по отношенію къ окружающей ихъ средѣ, а потому не достигаютъ должной связности между собой.

Обращаясь къ органическимъ тѣламъ, мы видимъ бо́льшій порядокъ, большую цѣлесообразностъ движенія тѣхъ же самыхъ приведенныхъ въ вихревое движеніе частичекъ матеріи. Мы видимъ бо́льшую сложность ихъ движенія и правильный строй въ общемъ состояніи каждаго живого организма; онъ управляется чѣмъ-то, въ немъ есть нѣчто, распредѣляющее каждый изъ этихъ частичныхъ вихрей, не только по роду его, но и по достоинству. Мейеръ говоритъ, что „силы, дѣйствующія въ живомъ организмѣ тѣ же, что и въ неорганическомъ тѣлѣ, но только живой организмъ обладаетъ способностью удалять вредныя и отжившія части изъ организма“. Онъ сохраняетъ и распредѣляетъ годные, слѣдовательно это „нѣчто“ находится въ

связи съ каждой матеріальной частичкой нашего тѣла, иначе это „нѣчто" не могло бы подвигать каждый атомъ, даже атомъ кости нашей къ наружу, по мѣрѣ изнашиванія каждаго изъ нихъ, и затѣмъ упразднять его за негодностью. Это ясно,— другихъ объясненій мы не въ состояніи сдѣлать.

Что это за форма, которую требуетъ Кювье? Онъ говоритъ, что форма важнѣе матеріи, ибо матерія мѣняется постоянно, а форма остается неизмѣнной для каждаго индивидуума. Если это „нѣчто", что требуетъ Мейеръ, проникаетъ все тѣло, управляетъ каждой частицей и остается всегда, во всю жизнь особо, постояннымъ, оно и должно составлять ту форму, которую требуетъ Кювье. Вопросъ, конечно, что это за „нѣчто",— эфирный ли это двойникъ человѣческаго тѣла, или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ подобное объясненіе само напрашивается и чрезвычайно было бы логично. Что можетъ мѣшать такому предположенію, если доказано, что въ природѣ эфирныхъ тѣлъ много?

Подобное допущеніе объяснило бы намъ многое изъ жизни организмовъ: 1) мы получили бы разъясненіе на положеніе **Бюффона**,—онъ сказалъ, что основу нашего тѣла составляютъ силы; но силы не могутъ передаваться черезъ пустоту, не могутъ дѣйствовать внѣ тѣла, значитъ онѣ передаются черезъ что-нибудь по всѣмъ направленіямъ къ каждой частичкѣ тѣла, къ каждому частному вихрю, и при томъ вполнѣ цѣлесообразно. Эта цѣлесообразность должна быть доведена почти до разумности, сохраняя породу, видъ, форму существа или зародыша и всякой органической клѣточки, коей принадлежность она составляетъ.

Эта короткая фраза, сказанная Бюффономъ, заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ затрудненій. Сосредоточіе цѣлесообразныхъ силъ, управляющее милліардомъ вихревыхъ частицъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ, дающихъ жизнь цѣлому организму, не можетъ состоять изъ чего-либо разрозненнаго, оно неминуемо должно быть само правильно организованнымъ организмомъ, и наилучшее представленіе, которое мы можемъ себѣ составить, есть именно та форма эфирнаго тѣла, проникающая весь организмъ, которая и называется Церковью — душей, спиритизмомъ—полуматеріальной оболочкой духа, теософами—астральнымъ тѣломъ.

2) **Кювье** утверждаетъ, что тѣло 80-ти лѣтняго старца состоитъ изъ частицъ, на столько же новыхъ и свѣжихъ, какъ и ребенка, только что начинающаго ходить, и спрашиваетъ, что же въ насъ состаривается?—Теперь мы можемъ отвѣтить:—

старѣется основа наша, сосредоточіе жизненныхъ силъ въ нашемъ эфирномъ тѣлѣ, оно отживаетъ свой вѣкъ и постепенно потухаетъ, оно старѣется и дѣлается неспособнымъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ организма; старѣется въ насъ то, что производило въ насъ видимый организмъ,— старѣется въ насъ жизненная способность эфирной оболочки души, управляющая всѣми частичными вихрями, образующими наше видимое тѣло.

Что не нервы передаютъ мозгу ощущенія, — высказывали уже многія ученія. Они находили, что нельзя предполагать, чтобы сами нервы при передачѣ ощущеній колебались бы, какъ музыкальныя струны: это колебаніе происходитъ не въ нервахъ, а въ эфирѣ, проникающемъ ихъ и всѣ ткани нашего тѣла.

1) Первый высказалъ это, какъ предположеніе, **Ньютонъ** въ двухъ своихъ произведеніяхъ: въ первый разъ — въ концѣ своихъ „Principia", а въ другой разъ въ „Optics".

2) **Гэртли** подробно и многосторонне доказывалъ это. Приводимъ его подлинныя слова (Conjec q. de Sensu, p. 41), какъ окончательный выводъ его системы передачи чувствъ: „Внѣшніе предметы, дѣйствуя на чувства, вызываютъ сначала въ нервахъ, испытывающихъ ихъ вліяніе,—а потомъ и въ мозгу,— колебаніе мелкихъ, или, какъ можно выразиться, безконечно малыхъ частицъ мозгового вещества. Колебанія эти суть движенія взадъ и впередъ и подобны колебаніямъ маятника или дрожанію частицъ звучащихъ тѣлъ. Необходимо представлять себѣ эти колебанія крайне короткими и слабыми, такъ что они рѣшительно не могутъ дѣйствовать или приводить въ движеніе всю массу мозга и нервовъ. Было бы въ высшей степени нелѣпо предполагать, что нервы колеблются всей своею массой, подобно музыкальнымъ струнамъ".

3) **Швейцарскій натурфилософъ Шарль Боннэ** въ своей „Contemplation de la Nature" порицаетъ тѣхъ физіологовъ, которые думали иначе. „Они хотятъ,—сказалъ онъ,— заставить нервы колебаться какъ струны для того, чтобы передать ощущенія мозгу. Но вѣдь нервы дрожать не могутъ, ихъ природа совершенно не та, они мягки и вялы". (Льюисъ, т. II, стр. 219, 220).

4) „Никто не станетъ отвергать,—говоритъ **Дарвинъ** (Zoonomia, 111, 112),—что мозговое вещество головного мозга и нервовъ имѣетъ извѣстную форму; вещество это, будучи распространено почти по всему тѣлу, должно имѣть и форму приблизительно такую же, какъ и тѣло. Но такъ какъ живо-

творящій духъ, или жизненный принципъ, заключенъ именно въ этомъ веществѣ, то и онъ имѣетъ такую же форму, какъ и оно, т.-е. приблизительно форму тѣла. Когда въ насъ возникаетъ ощущеніе твердости, то это значитъ, что въ это время какая-либо часть органа осязанія, занимающаго огромную поверхность, сжимается тѣмъ или другимъ внѣшнимъ предметомъ, и при этомъ сжатая такимъ образомъ часть чувствилища вполнѣ принимаетъ форму сжимающаго его предмета. Поэтому, когда мы пріобрѣтаемъ понятіе о твердости, въ насъ вырабатывается и идея формы. Эта идея формы, или движеніе части осязательнаго органа, совершенно походитъ, по своей формѣ, на форму предмета, вызвавшаго эту идею и, такимъ образомъ, послѣдняя даетъ намъ точное понятіе объ этой сторонѣ внѣшняго міра".

Гэртли и Шарлъ Боннэ принимали эфирные токи, заключающіеся въ нервахъ за посредниковъ передачи ощущеній въ чувствующій и сознательный центръ. Мы видѣли, что Дарвинъ идетъ дальше, онъ считаетъ способность эту прямо свойствомъ этого сознательнаго центра, который онъ прямо и безъ всякихъ научныхъ обиняковъ называетъ *духомъ*, не упоминая о посредникѣ, ибо, по его мнѣнію, этотъ посредникъ долженъ быть нераздѣльная часть существа самого духа и долженъ онъ непремѣнно состоять изъ эфира; „ибо всеобъемлющій духъ", говоритъ Дарвинъ, (Zoonomia I, 115) „передавая или получая движеніе отъ твердыхъ тѣлъ, долженъ и самъ обладать свойствомъ твердости. Затѣмъ, этотъ духъ, воспринимая другого рода движеніе, получаемое имъ отъ свѣта, долженъ обладать свойствомъ свѣта передавать это движеніе, обусловливающее собою видѣніе. Равнымъ образомъ духъ обладаетъ и свойствомъ передавать возбужденія вкусовыя, обонятельныя, осязательныя и слуховыя". (Льюисъ, т. II, стр. 227).

Съ другой стороны, если наука признала душу,—элементъ чисто отвлеченный и источникъ мысли, разума и воли, не имѣющій ничего матеріальнаго и вещественнаго въ своемъ сложеніи, который проявляетъ свое полное вліяніе и могущество надъ тѣломъ и играетъ совершенно ту-же роль, по выраженію профессора Пурготи, какъ и машинистъ для паровоза, то является совершенно понятный вопросъ: чѣмъ связано грубое тѣло, или каждая неодушевленная и неразумная частица тѣла съ этимъ отвлеченнымъ и чисто духовнымъ элементомъ?—Совершенно логично предположить, что связь эта заключается именно въ эфирномъ тѣлѣ, заполняющемъ всѣ промежутки матеріальнаго тѣла и составляющемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сосредоточіе тѣхъ силъ, которыя требуетъ Бюффонъ въ живомъ организмѣ; эта связь, по крайней мѣрѣ, намъ была бы понятна и наглядна.

Т. Креббсъ, въ „Превращеніи энергіи" (стр. 83), говоритъ: „Основатель атомистики философъ Демокритъ (500 лѣтъ до Р. Х.) училъ, что душа состоитъ изъ само-мельчайшихъ и самыхъ гладкихъ атомовъ, что жизнь есть результатъ движенія душевныхъ атомовъ, по тѣлу. Совершенно то же проповѣдывалъ Эпикуръ; и нельзя отвергать, что теперешнее естествознаніе во многихъ отношеніяхъ согласуется съ воззрѣніями этими. Наука въ послѣднее столѣтіе встрѣчала на каждомъ шагу подтвержденія этого ученія".

Если сохраненіе состоянія неорганической частички требуетъ уже особой эфирной оболочки, обусловливающей форму частнаго, вихреобразнаго движенія, то совершенно логично, что съ пріобрѣтеніемъ лишнихъ условій своего существованія и эти оболочки болѣе соотвѣтствуютъ характеру явленій, являясь въ сложныхъ органическихъ тѣлахъ болѣе усовершенствованными эфирными тѣлами. Вѣдь нѣтъ никакой необходимости предполагать, что эти двойники, при всей своей эфирности, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ такое же крѣпкое сложеніе, какъ, напримѣръ, костяная основа нашего матеріальнаго тѣла, чтобы быть въ состояніи осилить давленіе воздуха, свой собственный вѣсъ и другія матеріальныя препятствія. Не забудемъ, что эфирныя тѣла вѣса не имѣютъ, ибо они по природѣ своей невѣсомы, они занимаютъ пространство между нашими матеріальными частицами и сами составляютъ причину вѣса нашего вѣсомаго тѣла, слѣдовательно, они сами по себѣ вполнѣ активны и дѣятельны, но природа этой дѣятельности совершенно другая, чѣмъ та, которую имѣютъ частицы нашего тѣла.

Многіе матеріалисты, между прочимъ Мольдеръ, смѣются надъ ученіемъ о жизненной силѣ и сравниваютъ ее съ битвой, въ которой участвуютъ тысячи сражающихся, однакожь такъ, какъ будто тамъ дѣйствовала только одна сила, которая стрѣляетъ изъ пушекъ, рубитъ саблями и проч. „Совокупность этихъ выводовъ—прибавляетъ Мольдеръ—не есть результатъ одной силы,—силы сраженія, но совокупность многихъ дѣйствующихъ силъ". Изъ этого они заключаютъ, что жизненная сила не есть начало, а только слѣдствіе.

Они и сами не подозрѣваютъ, какъ они близки къ истинѣ. Сравненіе тѣла человѣка съ правильно организованнымъ полкомъ совершенно вѣрно и наглядно обрисовываетъ намъ внутреннюю жизнь человѣка.

Если необходимо, чтобы войскомъ распоряжался одинъ начальникъ и для единства тысячи солдатъ нужна самая строгая дисциплина,—тѣмъ болѣе необходима сила, которая бы управляла матеріей и приводила въ гармоническое единство милліоны частицъ, составляющихъ тѣло. Эта-то одна сила и даетъ жизнь тѣлу, также какъ полку—управляющая имъ власть. Рекруты приходятъ, старые солдаты возвращаются домой, и черезъ одинъ мѣсяцъ составляется новый полкъ. Въ теченіе этого времени отпуски, частныя вербовки производятъ измѣненія въ составныхъ частяхъ войска. Всякій солдатъ, всякій офицеръ есть не больше какъ номеръ,—личность каждаго ничего не значитъ.

Солдаты, офицеры и полковники премѣняются, а полкъ остается въ прежнемъ своемъ составѣ. Военная іерархія есть единица,—это и составляетъ ея силу. Что касается до составныхъ частей этой единицы,—ихъ не берутъ въ разсчетъ. Неоспоримо также, что командующій полкомъ въ службѣ значительнѣе простого солдата, также какъ атомъ мозгового жира значительнѣе кусочка ногтя. Но то, что составляетъ стволъ или узелъ развѣтвленія дерева, не составляетъ еще всего дерева. Такимъ образомъ сравненіе нашихъ противниковъ скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ опровергаетъ нашу мысль.

Но полкомъ командуетъ воля; эта воля, изливаясь въ формѣ устныхъ приказаній, дѣйствуетъ на разстояніи на каждую частичку полка, или на каждый номеръ, ибо эта частичка существо разумное, мыслящее и повинуется разумно этой волѣ; частички же, составляющія наше тѣло, не обладаютъ разумомъ, а поэтому приказанія воли должны быть передаваемы иначе, они должны выражаться въ вещественномъ воздѣйствіи на нихъ: извнѣ эта воля должна выражаться силой, порождающей движеніе; въ этомъ отношеніи еще нѣтъ научныхъ затрудненій,—это ясно; затрудненія начинаются лишь съ того момента, какъ мы спросимъ: что передаетъ волю и производитъ это кипучее движеніе?—По нашему, безспорно, это—эфирное тѣло, или полуматеріальный двойникъ нашъ; матеріалисты же смѣются и отрицаютъ, но взамѣнъ никакихъ объясненій не даютъ, никакихъ теоріи, хотя бы даже какихъ-либо научныхъ опроверженій.

Прослѣдимъ, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ въ наукѣ серьезныхъ свидѣтельствъ, могущихъ подтвердить нашъ выводъ?—Конечно, есть, но не одно изъ нихъ не было принято позитивизмомъ; мы почерпнемъ ихъ изъ статьи „Астральное тѣло, какъ субстанція человѣка“, написанной однимъ изъ выдающихся и

чрезвычайно популярныхъ современныхъ германскихъ философовъ и мыслителей, барономъ Карломъ дю-Прель (Sphinx, 86 г., мартъ). Онъ приводитъ нижеслѣдующія свидѣтельства.

1) **Аристотель** положилъ въ основаніе своего ученія о душѣ слѣдующее воззрѣніе: „Если душа не только мыслитъ, но и организуетъ, то форма существъ должна быть ея дѣломъ“. Эта „форма“ является у него не простой абстракціей, а организующимъ матерію принципомъ, и хотя у него отношенія формы къ душѣ часто совершенно не ясны, тѣмъ не менѣе смыслъ его ученія тотъ, что форма—результатъ дѣятельности души. То, что скрыто въ веществѣ, какъ простая возможность, превращается формой въ дѣйствительность, и потому-то Аристотель называетъ душу энергіей или энтелехіей вещества. Когда же онъ говоритъ, что душа составляетъ энтелехію тѣла (De an. II, 1), то приравниваетъ этимъ отношенія между душой и формой къ отношеніямъ между органомъ и дѣятельностью. Форма вещей, въ качествѣ творческой силы, должна имъ предшествовать; она то и составляетъ дѣйствительную сущность вещи и заключена внутри самой вещи. Если мы попробуемъ опредѣлить форму вещи, то выразимъ этимъ самую сущность ея, которую невозможно представить себѣ независимо отъ формы вещи. Поэтому жизнь не представляетъ собой простого соединенія души съ тѣломъ, но душа способна столь же мало разъединяться отъ тѣла, какъ, напр., глазъ и способность зрѣнія.

„Если способность къ организаціи переживаетъ смертный организмъ, потому что смерть поражаетъ лишь проявленіе, а не причину, то тѣло дѣлается тѣмъ самымъ какъ бы безсмертнымъ. Существующая уже въ материнскомъ чревѣ способность души проявляться тѣлесно должна сохраняться за ней и послѣ смерти тѣла, перевоплощеніе должно быть возможно. Если между душей и тѣломъ существуетъ необходимое соотношеніе, и если тѣло составляетъ лишь внѣшнее выраженіе того, что представляетъ собою живущая въ немъ душа, то и эта душа должна быть существомъ, въ извѣстномъ смыслѣ обладающимъ формой, и которое, въ свою очередь, намъ приходится представлять себѣ такъ или иначе матеріальнымъ. Необходимость такого логическаго вывода ничутъ не пугаетъ Аристотеля; онъ дѣйствительно приписываетъ душѣ вещественность, называя составляющее душу вещество, которое, по его мнѣнію, совершеннѣе и тоньше каждаго изъ четырехъ элементовъ и родственно эфиру, то теплотой, то пневмой“. (Gen. an. II, 3).

2) „**Теофрастъ второй** называетъ также божественное тѣло души эфирнымъ“. (Zeller. Philosophie der Griechen, II, 2, 3, 7).

3) „**По мнѣнію стоиковъ,** душа также обладаетъ вещественной формой и занимаетъ пространство. Она уже потому не можетъ быть безформенной, что распространена въ тѣлѣ по всѣмъ тремъ измѣреніямъ; а то, что обладаетъ протяжимостью, несомнѣнно должно быть вещественнымъ“. (Тамъ же, III, 194, 708).

4) „**Эпикурейцы** учили о взаимодѣйствіи души и тѣла, чтобы имѣть возможность вывести изъ этого взаимодѣйствія воздухообразную тѣлесность души“. (Тамъ же, III, 1, 417).

„Это для нашего столѣтія столь парадоксальное воззрѣніе, однако, раздѣлявшееся всѣми средневѣковыми мыслителями, къ которому должно придти каждое мистическое ученіе, казалось греческимъ философамъ столь естественнымъ, что они для обозначенія тѣла человѣка даже имѣли два различныхъ названія: „сарксъ“ и „сѡма“: словомъ „сарксъ“ обозначалось тѣло, въ различіе отъ души; душа же, на сколько она тѣлесна, называлась „сѡма“. (Тамъ же, III, 1, 443). (Ребусъ 89 г., стр. 265, 266).

5) „**У неоплатониковъ** астральное тѣло составляетъ какъ бы колесницу души, ея невидимое одѣяніе, эфирное, безсмертное, воздушное тѣло. Наше физическое тѣло, разсматриваемое какъ матерія, какъ изображающее душу вещество, чуждо нашей душѣ, и подобно палаткѣ, въ которой мы не дома, хотя въ то же время и не на чужбинѣ; но то же тѣло, разсматриваемое какъ форма, принадлежитъ душѣ, потому что безсмертна не только мыслящая, но и организующая душа. Организующій принципъ, лежащій въ основѣ нашего организма, со смертью тѣла не разрушается: его дѣйствіе—вещественное тѣло погибаетъ, причина же—остается.

6) „**По Ямблиху и Порфирію,** эфирное тѣло переживаетъ физическій организмъ; оно опредѣляется Ямблихомъ, какъ не измѣняющееся свѣтовое тѣло, не нуждающееся ни въ чемъ для своего сохраненія“. (De myst. Aegupt. 1. 8. V. 10).

7) „**Философъ Проклъ** говоритъ, что эфирное тѣло послѣ смерти, смотря по качественному состоянію души, остается болѣе или менѣе чисто, и съ этой чистотой онъ связываетъ возможность явленія духовъ людямъ“. (Zeller. III. 2. 314).

8) „**Баронъ Карлъ дю-Прель** въ своей статьѣ поясняетъ, что не у однихъ древнихъ грековъ астральное тѣло добыло себѣ право гражданства. „За исключеніемъ дубоватыхъ матеріалистовъ, — говоритъ онъ, — всѣ философы и естество-

испытатели приняли существованіе организующаго принципа, какъ различно ни называли и ни опредѣляли они его, начиная съ идеи Платона и до внутренней основной формы Бюффона, жизненной силы виталистовъ, и метаорганизма Гелленбаха, чѣмъ и утверждается потенціальная способность не находиться въ зависимости отъ матеріала, которымъ орудуетъ,— созиданіе тѣла изъ органическихъ клѣточекъ является лишь однимъ изъ возможныхъ самоизображеній души“.

„Кто не въ состояніи удовлетвориться неосуществимымъ представленіемъ только мыслящей души, т. е. такой, въ которой мышленіе является не столько функціей, сколько самой сущностью, и гдѣ душа обращается въ простую мысль, тотъ a priori долженъ допустить существованіе носителя душевнаго мышленія, который можно себѣ представить лишь обладающимъ формой. Вотъ почему Эпикуръ полагалъ, что даже за богами нужно признать образность, но что этотъ божественный образъ, вслѣдствіе тонкости составляющихъ его элементовъ, не можетъ быть воспринятъ нашими чувствами и доступенъ намъ лишь духовно. (Plutaeh. De plac. phil. I. c. 7). По его мнѣнію, тѣ, которые объясняютъ душу невещественно, говорятъ вздоръ, потому что, если бы душа была дѣйствительно такою, какъ они полагаютъ, то не могла бы ни дѣйствовать, ни ощущать.

„Это представленіе, по отношенію къ которому средневѣковый дуализмъ составлялъ шагъ назадъ, было у грековъ господствующимъ: душа строитъ тѣло изъ самой себя, тѣло составляетъ ея отдѣлимую часть и входитъ въ понятіе о душѣ, и только про извѣстное вещественное тѣло, самый матеріалъ, можно сказать, что она получаетъ его извнѣ. Отсюда различеніе вещественнаго тѣла отъ тѣла, свойственнаго душѣ.

„Древніе греки, при ихъ эстетической манерѣ одѣваться, при характерѣ ихъ искусствъ, танцевъ, общественныхъ игръ и находящемся въ связи съ климатомъ ихъ родины отсутствіи ложной стыдливости, были бы до крайности удивлены скудностью принциповъ нашей физіогномики; они совершенно не поняли бы, почему мы ищемъ согласованія между внутреннимъ и наружнымъ лишь въ особенностяхъ одной части нашего тѣла—головѣ, и сдѣлали бы намъ совершенно основательное возраженіе, что не одна голова, а весь организмъ составляетъ видимое проявленіе души.

„Форма нашего организма должна имѣть въ оформляющей душѣ свой трансцендентальный прототипъ, и вступленіе въ земное существованіе трансцендентальнаго субъекта представ-

ляетъ собой лишь уплотненіе размѣровъ этой схемы. Вотъ то воззрѣніе, которое существовало у древнихъ грековъ подъ понятіемъ астральнаго тѣла — (юхема). Это астральное тѣло составляетъ неизбѣжное логическое слѣдствіе всякой попытки объяснить человѣка.

„Дальнѣйшія опредѣленія астральнаго тѣла, въ видѣ заключенія въ греческой философіи, мы находимъ въ библейской антропологіи, гдѣ дѣлается два различія.

„Первое представляетъ выраженіе чувственно-вещественной субстанціи тѣла, которая, подобно матеріи, преходяща (измѣнчива), составляетъ источникъ и естественное основаніе зла и заблужденій и уничтожается смертью. Ему противополагается пневматическое тѣло, которое, правда, тоже не совсѣмъ лишено субстанціальности, но состоитъ изъ небесной, свѣтовой субстанціи.

„Идеями Аристотеля опредѣлилось направленіе и дальнѣйшее развитіе философскихъ ученій. Одно только естествознаніе ничѣмъ не содѣйствовало разработкѣ идеи астральнаго тѣла.

„Еще на первыхъ вселенскихъ соборахъ астральное тѣло сдѣлалось предметомъ догматическихъ опредѣленій, но Церковь, желавшая, по всѣмъ понятнымъ причинамъ, удержать идею безсмертія и нерасположенная къ естественно научнымъ воззрѣніямъ, не видѣла необходимости особеннаго напиранія на организующую способность души и передвинула дѣйствительное соотношеніе особенностей души, склоняясь на сторону дуалистическаго ученія. На халкедонскомъ и четвертомъ лютеранскомъ соборахъ настоятельно предлагалась дихотомія; трихотомія же была отвергнута, какъ вредная ересь, почему позже отцы церкви, отнюдь не оказавшіеся отъ астральнаго тѣла, присоединяли его то къ духу, то къ физическому организму. Наконецъ, соборъ въ Віеннѣ, въ 1311 году, постановилъ въ духѣ ученія Аристотеля, „считать еретикомъ всякаго, кто позволитъ себѣ отрицать, что душа составляетъ форму тѣла". На этомъ соборѣ, постановленія котораго были направлены противъ лжеученія Ивана-Петра Оливы, было провозглашено, что духъ человѣка такъ тѣсно соединенъ съ его тѣломъ, что образуетъ не одно только внѣшнее, но и внутреннее единство и потому составляетъ существенный факторъ человѣка". (Реб. 1889 г., стр. 281, 282).

Въ силу данныхъ естествознанія мы должны приписать душѣ протяжимость по меньшей мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ эта протяжимость признается за растительнымъ зародышемъ, какъ потенціальная способность, какъ сила пластическая и созидательная, въ смыслѣ Аристотелевой формы. Скрытая въ зародышѣ способность обратиться въ растеніе только тогда и мыслима, если самъ зародышъ уже предварительно дифференцированъ морфологически и состоитъ изъ органически соединенныхъ частей. Подъ физическимъ вліяніемъ внѣшняго міра и чрезъ питаніе совершается ростъ зародыша. Невозможность непосредственнаго наблюденія такой микроскопической, атомистической систематики можетъ намъ столь же мало помѣшать признать ее, какъ мало невозможность непосредственнаго наблюденія атомовъ помѣшала физику признать ихъ существованіе. Форма, въ качествѣ образующаго принципа, должна быть приписана зародышу не идеально, а реально, и эта реальная образность должна разсматриваться дѣйствующей подъ вліяніемъ внѣшнихъ жизненныхъ условій причиной будущей реальной оформленности.

„Разнообразіе животнаго и растительнаго царствъ, — говоритъ дю Прель,—заставляетъ насъ допустить необходимость систематическаго расположенія самихъ атомическихъ составныхъ частей вещества (развивающихся впослѣдствіи въ организмъ), хотя микроскопическое изслѣдованіе и не обнаруживаетъ намъ ничего подобнаго. Замѣчательное разнообразіе растеній и животныхъ и ихъ видовое богатство должно обусловливаться уже этой атомистической систематизаціей".

9) **Лейбницъ** совершенно также глядѣлъ на этотъ вопросъ и, благодаря этому воззрѣнію, вѣроятно, и былъ принужденъ къ признанію существованія астральнаго тѣла.

„Наблюденія естествоиспытателей,—говоритъ онъ,—позволяютъ принять, что существованіе созданій не начинается, какъ-то обыкновенно полагаютъ, съ зарожденія ихъ, но что сѣменныя животныя, или оживленное сѣмя, уже существовали съ самаго начала вещей; порядокъ же и разсудокъ требуютъ, чтобы всегда существовавшее въ прошломъ никогда не переставало существовать и въ будущемъ. Слѣдовательно, зарожденіе составляетъ лишь увеличеніе въ объемѣ заранѣе сформировавшагося и развившагося существа, а потому и смерть только уменьшеніе переформированнаго и свернувшагося созданія, составляющаго неизмѣняющуюся основу всѣхъ этихъ метаморфозъ, подобно тому, какъ, напр., гусеница и бабочка состовляютъ одно и то же животное". (Betrachtungen über einen allgemeinen Geist).

10) **Парацельсъ** говоритъ: „Поймите же меня хорошенько: у человѣка два тѣла: одно состоящее, изъ элементовъ, другое,—изъ астральной матеріи, почему ихъ и слѣдуетъ различать.

Послѣ смерти человѣка его элементное тѣло, съ его духомъ (жизненной силой) зарываютъ въ могилу, астральное же тѣло сливается съ эфиромъ, и духъ изображенія возвращается къ тому, кѣмъ было сотворено изображеніе. Человѣкъ обладаетъ двумя тѣлами—элементнымъ и астральнымъ, но оба тѣла составляютъ одного, единаго человѣка. Смерть разъединяетъ совмѣстную жизнь этихъ тѣлесъ. (Philosophia sag. I. 3. T. II).

Парацельсъ считаетъ астральное тѣло свободнымъ отъ всѣхъ недостатковъ физическаго тѣла, а трансцендентальное сознаніе— отъ всѣхъ недостатковъ чувственнаго сознанія: „и если природа и ошибется, гдѣ-нибудь, то на душу и духъ эти ошибки не простираются,—онѣ отъ воплощенія не измѣнились. Напримѣръ: вотъ одинъ родился кривымъ и хромымъ, безъ ногъ, такъ что принужденъ ползать по землѣ; а вотъ другой здоровый, могущій бѣгать. Который же будетъ хромымъ на томъ свѣтѣ?—ни тотъ, ни другой. А который будетъ дуракомъ? Тоже, ни тотъ, ни другой. И вотъ потому то не слѣдуетъ никого считать или называть глупцомъ или дуракомъ, такъ какъ ошибка здѣсь лишь со стороны физической природы, которой мы подпали". (De generatione stultorum W. W. II, 180).

11) **Эттингеръ** тоже не можетъ себѣ представить духа не обладающимъ тѣлесностью: „Никакая душа, никакой духъ не могутъ существовать безъ тѣла (Vom der Verbindung d. Seele d. Körpers. 10), и никакая духовная вещь не можетъ быть совершенна, не обладая тѣлесностью. Все, что—духъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣло. (Эттингеръ видитъ въ тѣлесности созданіи не недостатокъ, а, наоборотъ, совершенство). Тѣлесность составляетъ реальность или совершенство, если только эта тѣлесность очищена отъ недостатковъ, свойственныхъ земной тѣлесности".

12) **Философовъ Боодеръ** говоритъ: „Если я, живя еще самъ земной жизнью, познаю всѣ земныя тѣла, лишь какъ предметы и сопротивленія, которые я принужденъ устранить, сломать или раздѣлить, чтобы имѣть возможность существовать въ тѣлесномъ образѣ, то внезапное превращеніе моего тѣла въ динамическое (астральное) имѣло-бы для меня то послѣдствіе, что всѣ эти земныя тѣла сдѣлались бы для меня призрачными тѣлами, и мое собственное тѣло перестало бы для нихъ существовать, какъ не могущее, по своей тонкости, ощущаться ими. Въ матеріализованной природѣ прикосновеніе обусловливается непроницаемостью, а видимость—непрозрачностью; прямая противоположность этому существуетъ въ матеріальной природѣ". (Тамъ же).

Какъ ни парадоксально для насъ понятіе объ астральномъ тѣлѣ, тѣмъ не менѣе оно подвергалось всесторонней обработкѣ, не только философами, медиками, теологами и мистиками, но и народнымъ сознаніемъ.

Отрицаніе дуализма силы и вещества и признаніе ихъ лишь разными сторонами одного и того же основанія (перваго начала) мы находимъ и въ средѣ матеріалистовъ, напр. у Бюхнера. Но такого рода монизмъ—лишь словесный монизмъ. Если бы утвержденіе Бюхнера было имъ сколько-нибудь логически продумано, онъ былъ бы вынужденъ перейти отъ него къ метафизическому индивидуализму или, по крайней мѣрѣ, къ пантеизму.

„Но нашъ просвѣщенный вѣкъ,—говоритъ баронъ Карлъ дю-Прель,—собравшись совсѣмъ похоронить всякую мистику, въ дѣйствительности не могъ даже вычеркнуть изъ задачъ философіи астральнаго тѣла. Разработкѣ его посвятилъ свои умственныя силы цѣлый рядъ философовъ и естествоиспытателей, какъ то видно изъ литературныхъ списковъ, приведенныхъ Генингсомъ, Даумеромъ и Фезнеромъ; при этомъ послѣдній самъ оказывается вынужденнымъ признать существованіе астральнаго тѣла. Въ новѣйшее время заслуживаютъ особеннаго вниманія труды Фихте младшаго и Форшлаге".

Германскій мыслитель Фихте младшій, въ своемъ психологическомъ ученіи, дошелъ философскимъ путемъ до понятія о душѣ, какъ о внутреннемъ тѣлѣ человѣка, т.-е. до тѣхъ же двойниковъ человѣческаго тѣла.

Приведемъ его взглядъ изъ книги „Современныя направленія въ наукѣ о душѣ (СПБ. 1886 г.) профессора Влаславскаго".— Фихте младшій, объясняетъ авторъ, желалъ примирить въ своей философіи односторонности двухъ направленій: идеальнаго и реальнаго; эту односторонность сознавали и заявляли раньше Фихте многіе другіе германскіе мыслители. Областью приложенія этой теоріи служитъ не одна психологія, но и вся философія. Фихте считаетъ душу реальнымъ существомъ, т.-е. признаетъ за нею качественное, опредѣленное, дѣйствительное бытіе, а никакое качество не мыслимо безъ того, чтобы оно не заключало въ себѣ количественной формы, опредѣленной извѣстными свойствами.

Душа, по его теоріи, сама создаетъ себѣ въ тѣлѣ свой пространственно-временный образъ и, конечно, созданіемъ души, въ этомъ случаѣ, нельзя считать обыкновенное тѣло— собраніе веществъ, управляющихъ извѣстными физическими и химическими законами.

Разбирая человѣка съ этой точки зрѣнія, Фихте естественно пришелъ къ понятію органической силы. Вполнѣ цѣлесообразность устройства нашего тѣла, до мельчайшихъ подробностей приспособленнаго къ дѣятельности души, подтверждаетъ, по убѣжденію Фихте, его идею о внутреннемъ тѣлѣ. Итакъ, внутреннее тѣло есть нѣчто среднее, посредствующее — между душой и физическими элементами, составляющими видимое тѣло. Психологія оставалась бы, по его мнѣнію, крайне неполною наукою, если бы она не пыталась раскрыть смыслъ душевной жизни и разгадать загадку бытія. „Мы живемъ въ этой жизни, — говоритъ Фихте, — только для будущей, даже уже отчасти будущею жизнію; ибо какъ же иначе понимать внутреннее неразрѣшимое разногласіе между истинными потребностями и желаніями человѣка, и тѣмъ, чего онъ вообще здѣсь можетъ достигнуть?... Короче, настоящая жизнь понятна лишь, какъ отрывокъ будущей. Поэтому психологія и антропологія должны заканчиваться въ теософіи и служитъ для нея основаніемъ. Человѣкъ долженъ знать вѣчное, но онъ можетъ найти его только въ Богѣ“.

Не логично ли заключить изъ всего вышесказаннаго, что понятіе объ астральномъ тѣлѣ, или о полуматеріальной оболочкѣ души, не можетъ идти въ разрѣзъ съ данными всякой логической науки, какихъ бы положительныхъ знаній не желалъ держаться человѣкъ; ибо всѣ выводы безспорно клонятся къ признанію его.

На этомъ основаніи мы считаемъ себя въ правѣ, въ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденіяхъ, говоря о душѣ, всегда воображать ее облеченной въ нѣкоторую эфирную оболочку, которая и есть орудіе передачи разума, воли, мысли и чувства, составляющихъ проявленія или принадлежность разумнаго и духовнаго начала, или насъ самихъ и нашего чувствующаго и сознающаго „я“.

Глава VIII.

Полуматеріальная оболочка.

На основаніи всего вышесказаннаго, мы принуждены принять, какъ болѣе вѣроятное и логичное, что существо человѣка составляютъ не три элемента, но четыре, а именно:

1) Матеріальное тѣло.

2) Жизненная сила, или начало.

3) Духовное и разумное начало, или наше сознательное „я“.

и въ 4) Полуматеріальная и эфирная оболочка нашего сознательнаго и отвлеченнаго „я“. Ее часто называютъ двойникомъ человѣческаго тѣла.

Первые два элемента нужны человѣку для возможности жизни на землѣ; безъ нихъ онъ не могъ бы быть человѣкомъ и не могъ бы проявлять своей земной дѣятельности. Эти два элемента имѣютъ чисто земной, временный характеръ и послѣ смерти человѣка уничтожаются безвозвратно. Послѣдніе два элемента остаются неприкосновенны для смерти, и существо духа, освободившись отъ тѣла, дѣлается свободнымъ и независимымъ отъ законовъ вещества.

Въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ принято называть *душей* совокупность послѣднихъ двухъ элементовъ въ то время когда они находятся въ тѣлѣ человѣка, живущаго на землѣ; и ту же совокупность называть *духомъ* послѣ смерти человѣка. Мы будемъ придерживаться этой номенклатуры и, говоря духъ, или душа, будемъ подразумѣвать субъективное наше „я“, всегда облеченное въ нѣкую эфирную оболочку. Живетъ ли человѣкъ на землѣ, или избавился уже онъ отъ аттрибутовъ земной жизни, это не мѣшаетъ душѣ во многихъ отношеніяхъ быть

совершенно тѣмъ же духомъ, но поставленнымъ временно въ нѣсколько другія, болѣе трудныя и стѣсняющія его условія.

Принимая эту номенклатуру, мы считаемъ, однако, долгомъ оговориться и предупредить читателя, что слова: душа и духъ разными ученіями и вѣрованіями понимаются иначе, и потому, чтобы не впасть въ крупныя недоразумѣнія въ семъ, и такъ уже весьма шаткомъ вопросѣ, слѣдуетъ всегда обращать особое вниманіе на понятіе, которое подразумѣвается авторами каждаго ученія подъ словами: душа и духъ.

Мы не имѣемъ никакой возможности представить себѣ духъ, или душу, иначе, какъ чисто отвлеченнымъ существомъ, но всегда облеченнымъ въ нѣкую полуматеріальную оболочку, которая болѣе или менѣе эфирна, тонка и разжижена, а потому болѣе или менѣе ограничиваетъ раіонъ жизненной дѣятельности духа въ извѣстной сферѣ, или въ какой нибудь одной опредѣленной области загробнаго міра. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы эта свобода не была бы ничѣмъ ровно ограничена для всѣхъ духовъ, даже для тѣхъ, уровень развитія которыхъ находится еще на низшей степени іерархіи духовнаго міра. Не можетъ быть представлена имъ одинаковая возможность пребыванія во всѣхъ отдаленнѣйшихъ уголкахъ вселенной и во всѣхъ безпредѣльныхъ областяхъ безконечнаго загробнаго міра. Одинъ Богъ Безпредѣленъ, Безконеченъ и Вездѣсущъ, духи и слуги Его неминуемо должны быть ограничены въ проявленіи своей жизненной дѣятельности своими собственными качествами и свойствами, выражающимися степенью эфирности ихъ полуматеріальныхъ оболочекъ, не дающихъ имъ возможности удаляться за предѣлы области, положенной для жизни каждаго изъ нихъ. Люди ограничены еще больше духовъ. Вѣдь въ сущности человѣкъ тотъ же духъ, но онъ временно прикованъ къ землѣ своимъ земнымъ тѣломъ, которое заставляетъ его жить и проявлять свою дѣятельность только на поверхности земли, влача всюду за собой грузъ своего тяжелаго и крайне неповоротливаго тѣла. Это тѣло при жизни духа на землѣ играетъ роль механическаго тормоза, связывающаго динамическую свободу духа; но, кромѣ того, оно въ состояніи, парализовать совсѣмъ, или только до извѣстной степени, нѣкоторыя духовныя чувствованія и пониманія, которыя имѣлъ духъ до входа въ это тѣло.

Духи, хотя бы и самаго низшаго духовнаго и нравственнаго развитія, несравненно болѣе свободны, чѣмъ люди, и чувства ихъ и пониманіе себя и окружающей ихъ природы не стѣснены такъ сильно ихъ эфирнымъ тѣломъ. Однако, эта

эфирная оболочка составляетъ и у духовъ (до нѣкоторой степени, конечно) такъ же, какъ и у людей, динамическія тормозъ ихъ передвиженіямъ по міровымъ пространствамъ и удерживаетъ ихъ въ тѣхъ предѣлахъ или раіонахъ зооблачнаго міра, которые предназначены каждому для проявленія ихъ жизненной дѣятельности.

Свойства, качества и степень эфирности этихъ полуматеріальныхъ оболочекъ во всемъ должны соотвѣтствовать степени духовнаго, нравственнаго и разумнаго развитія духа; иначе было бы невозможно ему проявлять своихъ способностей, удовлетворять своимъ желаніямъ и стремленіямъ и преслѣдовать свои жизненныя цѣли свободно и самостоятельно.

Чѣмъ духъ духовнѣе, чѣмъ чище и возвышеннѣе его желанія и стремленія, чѣмъ онъ болѣе способенъ проникать въ глубь тайнъ природы и предначертаній Божьихъ, тѣмъ болѣе онъ по составу существа своего долженъ приближаться къ идеѣ чистой отвлеченности и духовности, какимъ мы должны себѣ представлять Бога Безконечнаго и Вездѣсущаго, не имѣющаго ничего матеріальнаго и вещественнаго въ Своемъ Безконечно и Абсолютно - Чистомъ Существѣ. По мѣрѣ того, какъ интеллектуальное развитіе духа удаляется отъ Идеала Вездѣсущности, и полуматеріальныя оболочки ихъ, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ степени развитія, дѣлаются менѣе эфирны, менѣе разжижены и менѣе чисты, а слѣдовательно все болѣе и болѣе стѣсняютъ дѣятельность духа и ограничиваютъ раіонъ возможности пребыванія его въ міровыхъ пространствахъ.

Чѣмъ духъ менѣе интеллигентно развитъ, чѣмъ привязанности, привычки и особенности характера его болѣе сосредоточиваются на предметахъ вещественныхъ и земныхъ, чѣмъ вкусы его грубѣе, чѣмъ онъ самъ эгоистичнѣе, порочнѣе и носитъ на себѣ бо́льшій отпечатокъ земныхъ разнузданныхъ страстей,—тѣмъ и мысли его и цѣли жизни, и желанія, и стремленія болѣе вращаются вокругъ того, что могла бы ему дать одна земля, а слѣдовательно, для выполненія задачи его загробной жизни и не требуется большой эфирности полуматеріальной оболочки; она у подобнаго рода низшихъ духовъ, говоря относительно, плотна, тяжела и стѣсняетъ въ высшей степени раіонъ ихъ жизненныхъ отправленій.

Теософы называютъ эти полуматеріальныя оболочки духовъ и душъ—астральными тѣлами на томъ основаніи, что, будто бы, качества этихъ астральныхъ тѣлъ соотвѣтствуютъ способности духа имѣть временное пребываніе на разныхъ планетахъ. Они полагаютъ, что чѣмъ большій раіонъ дѣятельности охва-

тываетъ духъ въ безпредѣльныхъ міровыхъ пространствахъ, тѣмъ и оболочка эфирнѣе, легче и удобоподвижнѣе, дающая духу возможность пребыванія на большемъ числѣ планетъ и солнечныхъ системъ. У низшихъ же она до того груба, тяжела и мало подвижна, что не позволяетъ имъ удаляться изъ предѣловъ атмосферы одной какой либо планеты. Это ученіе объ астральныхъ тѣлахъ весьма правдоподобно и вполнѣ соотвѣтствуетъ логическому выводу, построенному на вышеприведенныхъ научныхъ данныхъ.

Говоря, что эфирная оболочка груба или легка, разжижена или тяжела, мы примѣняемся только къ человѣческому языку и земнымъ номенклатурамъ, которыя рѣшительно не примѣнимы къ небеснымъ сущностямъ и очерчиваютъ намъ ихъ весьма не точно и только отчасти. Точнаго понятія о нихъ человѣкъ не можетъ себѣ составить, у него нѣтъ для этого ни достаточно прозорливости, ни соотвѣтствующихъ чувствъ, ни понятія объ измѣреніи высшихъ степеней, ни, наконецъ, соотвѣтствующихъ въ его лексиконѣ словъ для выраженія своихъ понятій, дабы имѣть возможность передать другому то, что кому нибудь одному удастся иногда видѣть, ощущать или чувствовать,—но за то у человѣка есть разумъ и воображеніе, которые могутъ дать ему возможность приспособить свои пониманія природы аналогичными сравненіями; черезъ это онъ иногда можетъ составить себѣ кое-какое представленіе, приводящее его къ заключенію о возможности допущенія въ природѣ того, что выходитъ изъ предѣловъ познаваемости человѣка.

Разбирая же вопросъ о степени эфирности тѣлъ, мы, уже по самой строгой наукѣ, не удаляясь ни на іоту въ своихъ умозаключеніяхъ отъ давно извѣстныхъ научныхъ данныхъ и идя вполнѣ логическимъ путемъ мышленія, можемъ придти къ возможности допущенія не только эфирныхъ матерій, болѣе плотныхъ и болѣе легкихъ, но и къ допущенію такой среды, которая еще болѣе легка, чѣмъ эфиръ, еще болѣе тонка и играетъ въ природѣ для образованія эфира ту же роль, какую эфиръ играетъ при образованіи нашей вѣсомой матеріи.

Для указанія возможности допущенія существованія въ природѣ подобнаго рода въ высшей степени разжиженныхъ матерій высшихъ порядковъ или измѣреній, которыя были бы на столько рѣже эфира, насколько эфиръ рѣже нашей матеріальной среды, намъ придется вернуться опять къ вопросу о сущности вещества и разобрать его на основаніи тѣхъ данныхъ, до которыхъ доходитъ В. Татариновъ въ своемъ строго математическомъ трудѣ „О свойствахъ эфира“.

Если отъ принятыхъ В. Татариновымъ данныхъ, выведенныхъ на основаніи строгаго математическаго анализа, подвинуться логическимъ путемъ только на одинъ шагъ, то получаются уже вполнѣ ясныя подтвержденія возможности допущенія цѣлаго ряда тѣлъ, жидкостей, эфирныхъ сферъ и вообще такихъ состояній матеріи, одна другой разжиженнѣе и могущественнѣе (ибо одно состояніе матеріи служитъ причиной существованія другой), что по неволѣ придется заключить, что въ этихъ, до безконечности разжиженныхъ матеріяхъ и кроется самая суть нашей жизни и самый смыслъ бытія.

Сущность вещества.

Начнемъ обзоръ сущности матерій съ данныхъ, принятыхъ В. Татариновымъ. Онъ говоритъ:

„Въ настоящее время механикой признаются слѣдующіе факторы: матерія, движеніе и сила.

Изъ нихъ, какъ говорятъ, матерія не подвергается никакимъ измѣненіямъ, а сила можетъ перейти въ движеніе и обратно: движеніе можетъ перейти въ силу. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ также: *матерія и движеніе суть вѣчны.*

Силы раздѣляются на два класса: 1) силы, дѣйствующія, повидимому, на разстояніи (всемірное тяготѣніе, магнетизмъ, электричество) и 2) силы, дѣйствующія при соприкосновеніи матеріи (живая сила удара, частичное сцѣпленіе, химическое сродство). Кромѣ того существуетъ понятіе, касающееся свойства матеріи: это инерція матеріи, на основаніи которой объясняютъ явленіе центробѣжной силы. Мы хотимъ сказать, что понятіе о центробѣжной силѣ не есть понятіе о какой-либо новой силѣ, а есть просто представленіе о свойствѣ матеріи сохранять полученное движеніе.

Всѣ извѣстныя силы, дѣйствующія на конечномъ разстояніи, подчиняются одному закону: *ихъ напряженіе обратно пропорціонально квадрату разстоянія.*

Относительно одной изъ нихъ,—электричества, мы видѣли, что дѣйствіе ея распространяется собственно отъ частицы къ частицѣ, а не есть дѣйствіе на разстояніи.

Понятіе о магнетизмѣ неразрывно связано съ понятіемъ объ электричествѣ,—а потому и его дѣйствіе должно передаваться собственно отъ частицы къ частицѣ.

Остается одно всемірное тяготѣніе. Но въ виду того, что его дѣйствіе подчиняется тому же закону убыли съ увеличе-

ніемъ разстоянія,—является необходимое обобщеніе, что и оно передается отъ частицы къ частицѣ.

Такимъ образомъ, оба вида силъ сводятся къ одному, т.-е. всѣ силы дѣйствуютъ при соприкосновеніи матеріи. По этому за типъ силы можемъ принять силу удара, другими словами, само движеніе. Такой взглядъ тѣмъ удобенъ, что уменьшаетъ число факторовъ и, слѣдовательно, упрощаетъ всѣ задачи. Ударъ, какъ извѣстно, обладаетъ отталкивательными свойствами, и потому можетъ родиться вопросъ: *какъ же объяснить фактъ притяженія?* —Постараемся отвѣтить на него слѣдующимъ образомъ.

Для удара необходимо движеніе. При поступательномъ движеніи тѣло отталкиваетъ переднія тѣла, а сзади себя оставляетъ пустоту, въ которую попадутъ сосѣднія тѣла, отталкиваясь въ свою очередь другъ отъ друга. Наблюдателю же будетъ казаться, что движущееся тѣло притягиваетъ заднія тѣла.

Это во первыхъ. Во вторыхъ, есть еще видъ движенія безъ перемѣны общаго занятаго тѣломъ пространства, это—вращеніе около неподвижной оси. Этотъ видъ движенія обладаетъ свойствомъ отталкивать въ одномъ направленіи сильнѣе, а въ другомъ слабѣе. А именно: всѣ ударяющіяся о вращающееся тѣло частицы послѣ отраженія приближаются къ экватору. Слѣдовательно, вращающееся тѣло какъ бы уничтожаетъ тѣ частицы, которыя подходятъ къ его полюсу и выпускаетъ новыя въ направленіи ближе къ экватору. По этому къ полюсу будутъ подходить все новыя и новыя частицы для замѣщенія прежнихъ, а наблюдателю будетъ казаться, что полюсъ вращающагося тѣла притягиваетъ ихъ.

Всѣ эти явленія могутъ существовать только въ средѣ, частицы которой находятся въ движеніи. Но частицы всякой извѣстной намъ среды дѣйствительно находятся въ движеніи, и потому во всякой средѣ эти явленія будутъ замѣчаться.

Матерію, подобно силамъ, раздѣляютъ на два вида: вѣсомую и невѣсомую. Къ первому относятъ то, что называютъ тѣлами, ко второму — эфиръ. Прежде предполагали, что и эфиръ есть вѣсомая матерія. Такое предположеніе выводили изъ того умозаключенія, что если бы эфиръ былъ невѣсомъ, то и всѣ тѣла, составленныя по новѣйшимъ гипотезамъ изъ атомовъ эфира же, были бы тоже невѣсомы. Но теперь пришли къ заключенію о неправильности этого умозаключенія, показавъ возможность полученія вѣсомыхъ частицъ изъ частицъ невѣсомыхъ, и составить гипотезу о различіи между вѣсовыми и невѣсовыми атомами.

Къ главнымъ или первичнымъ свойствамъ матеріи относятъ: непроницаемость, дѣлимость и инерцію. Понятіе о непроницаемости и инерціи настолько сродны нашему уму, что относительно ихъ не было высказываемо сомнѣнія. Что же касается дѣлимости, то хотя и она присуща нашему уму, но относительно ея ученые расходятся. Одни говорятъ, что дѣлимость матеріи можетъ продолжаться безконечно до одной математической точки. Другіе говорятъ, что ее можно производить сначала до одной частицы, не измѣняя вида тѣла; затѣмъ, съ бо́льшимъ уже трудомъ при одновременномъ измѣненіи вида тѣла, можно частицу раздѣлить на атомы, которые дальше уже не дѣлятся. Можно бы было обѣ гипотезы согласить, допустивъ, что атомъ составляетъ математическую точку. Но такая гипотеза была бы черезъчуръ абстрактна и малопонятна. Поэтому мы примемъ слѣдующее математическое опредѣленіе: *атомъ есть безконечно малая величина очень большого порядка*.

Къ свойствамъ матеріи вѣсомой относятъ удѣльный спецефическій атомный вѣсъ.

Это ученіе выражаетъ два понятія: во первыхъ, оно предполагаетъ, что атомы различныхъ тѣлъ обладаютъ разной способностью притяженія; во вторыхъ, что масса ихъ, количество заключающейся въ нихъ матеріи можетъ быть разное. Но такъ какъ послѣднее допущеніе не согласуется: съ одной стороны, со свойствомъ дѣлимости матеріи, и съ другой—со свойствомъ непроницаемости ея,—то правильнѣе будетъ удѣльный атомный вѣсъ объяснять согласно другой существующей гипотезѣ тѣмъ, что дѣленіе матеріи, въ случаѣ полученія различнаго атомнаго вѣса, произведено до разныхъ предѣловъ. Мы будемъ придерживаться этой гипотезы, развивъ ее слѣдующимъ образомъ.

Атомы міровой матеріи, изъ которыхъ состоятъ всѣ тѣла, вѣсомые и невѣсомыя,—одинаковы между собой. Это суть первичные атомы. Атомы же вѣсомой матеріи или тѣлъ—состоятъ каждый изъ нѣсколькихъ первичныхъ атомовъ. Масса этихъ сложныхъ атомовъ зависитъ отъ числа входящихъ въ ихъ составъ первичныхъ атомовъ. Вся эта среда находится въ постоянномъ движеніи, различіе между атомами вѣсомыми и невѣсомыми заключается лишь въ видѣ движенія и разныхъ скоростяхъ. Атомы различныхъ тѣлъ могутъ обладать разною скоростью вращательнаго движенія, чѣмъ обусловится разная степень притяженія ихъ.

Разсуждая о вѣсомой матеріи, различаютъ тѣла болѣе или

менѣе плотныя. Понятіе о плотности не ясно, именно въ виду существованія гипотезы различнаго атомнаго вѣса. Дѣло вотъ въ чемъ. Если мы беремъ одно и тоже тѣло подъ разными давленіями, въ различныхъ состояніяхъ, то всѣ ученые сходятся въ опредѣленіи плотности и говорятъ, что при болѣе плотномъ состояніи одного и того же тѣла разстоянія между его частицами меньше, чѣмъ при менѣе плотномъ его состояніи. Но когда сравниваютъ тѣла разнородныя, то одни ученые продолжаютъ говорить то же, только относя свои разсужденія не къ частицамъ, а къ атомамъ матеріи; другіе же утверждаютъ, что измѣняются не разстоянія, а массы атомовъ.

Мы отклонили гипотезу о разномъ атомномъ вѣсѣ, какъ несогласную со свойствами дѣлимости и непроницаемости матеріи. Равнымъ образомъ въ понятіи о плотности мы будемъ придерживаться ученія объ измѣненіи ея только съ разстояніемъ между атомами. Но въ виду того, что частицы тѣлъ находятся постоянно въ движеніи, мы дадимъ другое болѣе научное опредѣленіе плотности, а именно скажемъ такъ: *мѣрою плотности среды въ данной точкѣ можетъ служить отношеніе времени, въ продолженіе котораго точка бываетъ занята матеріей, ко всему времени наблюденія.*

Кромѣ плотности въ тѣлахъ различаютъ упругость ихъ или давленіе, производимое ими на прикасающіяся къ нимъ другія тѣла.

По отношенію къ газомъ всѣ согласны, что упругость ихъ опредѣляется ихъ плотностію и количествомъ движенія, сообщеннаго ихъ частицамъ. Другими словами: всѣ признаютъ, что давленіе, производимое газомъ, пропорціонально нормальной слагающей количества движенія его частицъ, ударяющихся о тѣла, составляющія оболочку. Каждая точка этой оболочки получитъ число ударовъ, пропорціональное плотности, и сила каждаго удара будетъ пропорціональна скорости каждаго атома газа.

Тѣ же разсужденія распространяются и на случай сжатаго твердаго тѣла, представляющаго пружину.

Такъ какъ всякое измѣненіе формы твердаго тѣла сопровождается мѣстными, но подчиненными извѣстному порядку, расширеніями и сжатіями его, т.-е. увеличеніемъ и уменьшеніемъ его плотности, то, слѣдовательно, напряженное состояніе пружины есть не болѣе, какъ измѣненіе количества движенія въ различныхъ его мѣстахъ.

Представимъ себѣ двѣ упругія перегородки и бросимъ между ними шаръ съ извѣстной скоростью такъ, чтобы онъ послѣдовательно отражался то отъ одной, то отъ другой изъ нихъ. Положимъ, что онъ при этомъ совершаетъ въ секунду по 20 ударовъ о каждую. Уменьшимъ теперь разстояніе между перегородками вдвое. Тогда число ударовъ о каждую изъ нихъ увеличится до 40, т.-е. количество движенія, совершавшееся прежде на извѣстномъ пространствѣ, теперь производится на пространствѣ вдвое меньшемъ, и перегородки получаютъ вдвое большее давленіе. Таково значеніе измѣненія формы пружины, и вообще вида всякаго тѣла.

Задача состоитъ въ томъ, чтобы узнать, къ какимъ колебаніямъ способна данная среда и опредѣлить мѣста, въ которыхъ будутъ отброшены тѣ или другіе атомы, чѣмъ либо отличающіеся отъ атомовъ среды. Отсюда мы видимъ, кромѣ того, что для вѣсомости матеріи нужно только одно качество ея: ея атомы должны чѣмъ либо отличаться отъ атомовъ среды. Это то обстоятельство и заставило отказаться отъ предположенія, будто эфиръ долженъ быть вѣсомымъ. Достаточно, чтобы атомы матеріи состояли изъ нѣсколькихъ атомовъ эфира, и чтобы каждый изъ нихъ былъ бы вслѣдствіе этого больше атома эфира.

Представимъ себѣ слѣдующій случай, слѣдующее стеченіе обстоятельствъ.

1) Два атома движутся на встрѣчу другъ другу, но не по одной линіи, а по двумъ параллельнымъ линіямъ, съ равною скоростью. Массы атомовъ, конечно, равны между собою.

2) Грани, которыми они соприкоснутся при ударѣ, перпендикулярны къ направленію скоростей (это нужно, дабы послѣ удара атомы не сохранили тангенціальныхъ скоростей и не могли бы разойтись).

3) Точка приложенія давленія удара расположена такъ, что линія давленія касается элипсоидовъ инерціи обоихъ атомовъ.

4) Главныя оси инерціи одного атома соотвѣтственно параллельны осямъ другого, и въ каждомъ изъ нихъ одна ось перпендикулярна къ направленію скоростей.

Вслѣдствіе двухъ послѣднихъ условій эти оси инерціи могли бы обратиться послѣ удара въ свободныя оси вращенія для каждаго. Но, такъ какъ онѣ вращаться отдѣльно другъ отъ друга не могутъ, то и будутъ вращаться вмѣстѣ около оси, проходящей черезъ центръ удара, причемъ ось эта, въ силу 3-го условія, сдѣлается одною изъ главныхъ осей для всей системы, и будетъ, слѣдовательно, свободной осью вращенья.

Это, понятно, *не есть единственный случай. Можно вообразить и другіе;* но для насъ *пока* достаточно показать возмож-

ность такого факта, какъ соединеніе двухъ первичныхъ атомовъ въ одно цѣлое.

Разъ атомы соединились, нужно еще большее стеченіе обстоятельствъ, чтобы разъединить ихъ. Мало того: это разъединеніе перваго и второго атома можетъ произойти въ большинствѣ случаевъ только при одновременномъ соединеніи одного изъ нихъ съ третьимъ, и, притомъ, соединеніи болѣе тѣсномъ.

Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ велико должно быть стеченіе обстоятельствъ для обратнаго разъединенія атомовъ, обратимъ вниманіе на то, что угловая скорость вращенія атомовъ— безконечно велика. Въ самомъ дѣлѣ, она опредѣлится изъ условія равенства количества движенія до и послѣ удара, т.-е. изъ уравненія.

$$2\ M.\ r.\ w = 2\ M.\ v$$

или

$$r.\ w = v.$$

гдѣ скорость поступательнаго движенія до удара v = есть величина конечная (пропорціональная скорости свѣта), а радіусъ вращенія r, пропорціональный размѣрамъ атома — есть величина безконечно малая высокаго порядка. А потому, предположивъ даже, что r есть, величина безконечно малая перваго порядка, найдемъ, что угловая скорость w. есть величина безконечно большая.

Равнымъ образомъ мы можемъ представить себѣ случаи, въ которыхъ не два, а нѣсколько атомовъ образовали одно цѣлое. Тогда найдемъ точно также, что разложеніе, разъединеніе ихъ можетъ произойти или при одновременной замѣнѣ одного соединенія другимъ, болѣе прочнымъ, или безъ таковой замѣны, въ видѣ распаденія, но какъ исключительный случай.

Всякое подобное соединеніе первичныхъ атомовъ мы можемъ считать атомомъ матеріи вѣсомой и невѣсомой — безразлично.

Что же такое-частица матеріи? Но для насъ это уже деталь совершенно излишняя. Всѣ ученые, дававшіе свои объясненія относительно строенія матеріи, говорили, что каждая частица матеріи есть конгломератъ или одинъ или другой видъ движенія многихъ соединенныхъ между собой вѣсомыхъ атомовъ. В. Татариновъ того же мнѣнія, онъ только нѣсколько спеціализируетъ свое объясненіе и говоритъ: „Подраздѣляться на частицы можетъ только матерія, не составляющая среды, отличная отъ нея. Частица можетъ состоять изъ нѣсколькихъ

одинаковыхъ или различныхъ атомовъ расположенныхъ въ соотвѣтствующихъ узлахъ вибрирующей среды и заполняющихъ цѣлую серію этихъ узловъ. Другую серію узловъ будетъ заполнять другая частица“.

Сферы Высшихъ жизней.

Если мы для простоты пониманія обобщимъ сущность *строенія* всего видимаго и вещественнаго міра, то увидимъ: что вся основная сущность его заключается въ двухъ или трехъ спаренныхъ невѣсомыхъ атомахъ первичной матеріи, находящихся въ средѣ нѣсколькихъ сотенъ имъ вполнѣ подобныхъ подругъ атомовъ одиночекъ, состоящихъ изъ совершенно той же невѣсомой первичной матеріи. Вся эта масса кипитъ движеніемъ. Высшая Воля Создателя управляетъ невидимымъ образомъ движеніемъ каждой изъ нихъ и придаетъ каждому роду этихъ атомовъ особый видъ и силу движенія. Спаренные атомы ничѣмъ другимъ не отличаются отъ одиночекъ, какъ только большей массой и видомъ движенія и только это одно отличіе порождаетъ въ нихъ ту особенность, которая дѣлаетъ ихъ видимыми для нашего глаза и вообще ощущаемыми для нашихъ чувствъ.

Всѣ спаренные атомы расположены отдѣльно другъ отъ друга совершенно независимо, и каждое такое соединеніе получаетъ свое движеніе особо; эти спаренные атомы больше и сильнѣе своихъ подругъ одиночекъ, но одиночки гораздо многочисленнѣе. Спаренные толкаютъ, ударяютъ и стараются разбрасывать своихъ малыхъ сосѣдокъ, но и тѣ далеко не бездѣйствуютъ: они сопротивляются, тѣснятъ большихъ числомъ своимъ; мало того, они осиливаютъ ихъ, сжимаютъ, соединяютъ въ извѣстныя кучи и сдерживаютъ ихъ въ этомъ постоянномъ положеніи. Этотъ натискъ малыхъ атомовъ на спаренные и образуетъ, собственно говоря, самое вещество; онъ то и порождаетъ тѣ явленія, которыя мы называемъ вѣсомъ, тяжестью, притяженіемъ и тяготѣніемъ.

Мы приписываемъ всѣ эти явленія способностямъ и качествамъ самой матеріи и думаемъ, что сама матерія производитъ ихъ, что она сама сжалась въ извѣстныя кучи и образовала сама себя. Но думая такъ, мы никогда не обращали вниманія на то обстоятельство, что никогда никакой физикоматематическій анализъ еще не подтверждалъ подобнаго положенія или подобной теоріи; напротивъ, математическіе выводы всегда по-

казывали, что причины: 1) которыя должны обжимать частицы твердаго тѣла, 2) которыя должны производить изъ отдѣльныхъ частичекъ самостоятельное вещество и 3) которыя должны придавать каждой частичкѣ вещества свой особый динамизмъ — должны лежать внѣ самихъ частичекъ и внѣ самой матеріи. Не такъ ли мы въ настоящее время и видимъ? Вся активная роль въ актѣ образованія матеріи принадлежитъ всецѣло атомамъ одиночкамъ, ибо безъ ихъ участія и безъ ихъ совокупнаго дѣйствія всѣ частички матеріи разлетѣлись бы въ разныя стороны, и вещество распалось бы и исчезло. Вся видимая и вѣсомая часть вселенной видима и вѣсома только благодаря дѣятельности невидимой и невѣсомой матеріи, т.-е. того, что мы называемъ эфирной средой, окружающей каждую частичку твердаго тѣла. Все состояніе твердаго тѣла зависитъ всецѣло отъ состоянія эфирной среды: при возвышеніи температуры она уменьшаетъ натискъ, производимый ею на частицы, и тѣло расширяется; при уменьшеніи температуры она сжимаетъ тѣло; то же происходитъ при переходѣ тѣла изъ жидкаго состоянія въ твердое или газообразное; однимъ словомъ, нѣтъ ни одного явленія или факта изъ области какихъ либо манифестацій матеріи, чтобы всѣ причины не скрывались въ дѣйствіяхъ и въ состояніяхъ этой эфирной среды. А потому, если кто хочетъ правильно изучить матерію, не имѣетъ другой возможности, какъ сосредоточить все свое изученіе и наблюденіе исключительно на этой эфирной средѣ и необходимо долженъ начать съ нея и кончить ею; а тотъ, кто изучаетъ матерію, не принимая во вниманіе эфиръ, никогда до правильныхъ умозаключеній дойти не можетъ.

Вотъ правильное философское понятіе, которое долженъ себѣ составить каждый, желающій въ своихъ убѣжденіяхъ и взглядахъ быть ближе всего къ вѣроятному строю и составу матеріи.

Но что такое эфиръ? Атомами эфира или первичной космической матеріи мы назвали тѣ частички - одиночки, изъ которыхъ при соединеніи ихъ по нѣсколько штучекъ образовались частички видимой и вѣсомой матеріи. Въ настоящее время мы желали бы знать, какая природа и сущность этихъ атомовъ первичной космической матеріи? Составляютъ ли они простыя тѣла или тоже сложныя; если они сложныя тѣла, то изъ чего они состоятъ? На это мы отвѣтимъ: ничто не даетъ намъ права и возможности отрицать, что эти частички - одиночки первичной матеріи не были бы совершенно такой же продуктъ вторичной космической матеріи, еще гораздо болѣе тонкой и

болѣе эфирной, чѣмъ первая, которая разлита во всей вселенной между атомами первичной матеріи. Эта вторичная среда окружаетъ атомы первичной и образуетъ изъ своихъ атомовъ одиночекъ — спаренные атомы; сила Создателя даетъ каждой изъ нихъ свое особое движеніе. Однимъ словомъ, образованіе атомовъ первичной матеріи изъ вторичной совершается на подобіе того, какъ первая космическая матерія образуетъ нашу земную вѣсомую матерію.

Премудрость Божья безконечна въ полномъ смыслѣ этого слова. Мы не смѣемъ предположить, чтобы вся Премудрость Божья и всѣ тайны творенія ограничивались тѣмъ, что понимаетъ и чувствуетъ человѣкъ, или чтобы природа кончалась тамъ, гдѣ кончается разумъ и представленіе человѣка. Такое допущеніе должно было бы быть названо высшей степенью гордости и тщеславія, которыхъ не имѣетъ право позволить себѣ человѣкъ, занимающійся серьезно научнымъ изученіемъ природы и желающій извлечь изъ нея свои познанія. Тайны природы идутъ дальше познаваемаго человѣкомъ. Для существа Безконечнаго нѣтъ ничего ни малаго, ни большого, ни слишкомъ разжиженнаго и эфирнаго, ни твердаго и плотнаго, для Него сама мысль, сама идея также матеріальна и наглядна, какъ для насъ камни и металлы: Онъ одинаково свободно присутствіетъ какъ въ каждой мысли, такъ и во камнѣ; Онъ всюду, вездѣ и во всемъ.

Какъ въ самыхъ отдаленнѣйшихъ сферахъ вращаются солнца кругомъ невидимыхъ и непостигаемыхъ нами центровъ, какъ кругомъ этихъ солнцъ вращаются мирріады невидимыхъ намъ планетъ со своими невидимыми для насъ спутниками; какъ кругомъ каждаго солнца вращаются и пробѣгаютъ мирріадами видимыя и невидимыя намъ каметы, такъ точно и частички матеріи имѣютъ каждая свои особыя движенія и жизнь въ средѣ своихъ товарокъ; такъ, въ свою очередь, и эти послѣднія имѣютъ свою причину существованія въ еще отдаленнѣйшихъ тайникахъ природы. Мы, конечно, многого-чего не видимъ, не чувствуемъ, не сознаемъ, но вѣдь мы знаемъ, что причина нашей слѣпоты есть несовершенство наше и ограниченность: зная же это и находясь въ постоянной борьбѣ съ своимъ несовершенствомъ, мы обязаны для расширенія своего кругозора и для просвѣтлѣнія своего ума выяснять и дополнять умозаключеніями все, что намъ удается подмѣтить въ природѣ, все, что можетъ быть возведено на степень вѣроятнаго и возможнаго, проливающаго свѣтъ на Безконечную Премудрость окружающихъ насъ тайнъ природы. Если же мы до-

пустимъ, что каждый атомъ первичной космической матеріи произошелъ изъ атомовъ вторичной матеріи приблизительно такъ же, какъ атомы вѣсомой матеріи произошли изъ атомовъ первичной матеріи, то ничто не мѣшаетъ намъ представить себѣ:

1) Что первичная космическая матерія имѣетъ тоже свои вѣсъ и свое притяженіе, тяготѣющее къ неизвѣстнымъ намъ центрамъ. Это вѣсъ, конечно, не передается ни на наши вѣсы, ни на вторичную космическую матерію.

2) Что вторичная матерія своимъ внѣшнимъ и механическимъ давленіемъ среды соединяетъ спаренныя свои частички въ одну кучу и черезъ то образуетъ тѣла первичной матеріи, а родъ движенія каждой отдѣльной частички первой матеріи порождаетъ разнообразіе видовъ этихъ матерій совершенно такъ же, какъ родъ движенія вѣсомой матеріи порождаетъ на нашей землѣ различіе между гранитами, металлами, деревомъ, воздухомъ, водородомъ, водой, золотомъ и т. д.

3) При подобнаго рода допущеніи намъ выяснилась бы сущность строенія такъ называемыхъ нами въ настоящее время эфирныхъ тѣлъ. Мы могли бы себѣ представить: строеніе кометъ, полуматеріальныхъ оболочекъ нашихъ чувствующихъ и сознающихъ „я"; различіе между разнаго рода электрическими, гальваническими, динамо-электрическими жидкостями; различіе между статическимъ и динамическимъ электричествами и между магнетизмомъ. Однимъ словомъ, мы могли бы себѣ представить новый міръ или, лучше сказать, другую новую сферу жизни, раздѣленную тоже на природы органическую и неорганическую, ибо она состояла бы также изъ предметовъ и существъ. Эта новая сфера жизни могла бы служить причиной нашей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ проявляла бы себя совершенно самостоятельно на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ живемъ и мы, рѣшительно не стѣсняясь и не замѣчая нашего присутствія на немъ, совершенно также, какъ въ настоящее время и мы не замѣчаемъ ихъ присутствія и ихъ жизни, которая вся группируется кругомъ насъ и въ насъ самихъ.

Мы не хотимъ даже ограничиться только этимъ однимъ предположеніемъ. Мы идемъ дальше и утверждаемъ, что совершенно логично допустить, что атомы вторичной космической матеріи суть также продуктъ еще болѣе разжиженной и еще болѣе могущественной, третичной, космической матеріи, которая образуетъ вторую сферу жизни; сферу еще болѣе интелигентныхъ существъ и еще болѣе легкихъ матерій. Вторая сфера вызвана къ жизни третьей, третья сфера—четвертой и такъ далѣе, до безконечности. Кто положитъ предѣлъ Пре-

мудрости Божіей и тайнамъ бытія? Единъ Богъ знаетъ число блаженныхъ небесъ, которыми Онъ награждаетъ любящихъ Его. Всѣ силы въ этихъ высшихъ сферахъ иныя, чѣмъ въ нашемъ мірѣ; все значеніе ихъ архиэфирныхъ тѣлъ для нихъ иное, чѣмъ наше; однако для нихъ самихъ ихъ тѣла, какъ бы они ни были легки и эфирны, должны быть такъ же реальны и ощутимы, какъ и намъ реальны наши матеріальныя тѣла; и для нихъ они должны играть совершенно ту же въ сущности роль, какъ и наши, ибо это ихъ природа и ихъ сущность.

Существа каждой сферы должны относиться къ существамъ сферы, находящейся на одну ступень выше ихъ такъ же, какъ и мы относимся къ жителямъ загробнаго міра, т. е. они не должны имѣть возможности ни понимать ихъ, ни знать, ни постигать ни однимъ изъ своихъ чувствъ и должны считать ихъ фиктивными, сказочными и чудесными существами, ибо сами они не стоятъ еще на всей высотѣ того духовнаго и умственнаго развитія, при которой могли бы понимать и постигать всю премудрость жизни ихъ. Тѣмъ не менѣе та жизнь и то существованіе, которое было бы немыслимо однимъ слѣпымъ и мало развитымъ существамъ, возможно другимъ Существамъ, Которымъ сообразно высокаго развитія ихъ Богъ даетъ возможность приводить въ исполненіе ихъ Высшія способности, Высшія намѣренія и желанія съ меньши стѣсненіями и ограниченіями и налагаетъ меньшіе тормозы при проявленіи ихъ дѣятельности, позволяя имъ расширять раіонъ предѣловъ ихъ жизненной дѣятельности до отдаленнѣйшихъ и высочайшихъ областей Всѣзнанія, Всѣпредвидѣнія и Могущества, придавъ ихъ Высшимъ тѣламъ плотность мысли и воли.

Развивая только такой взглядъ на природу матеріи, можемъ мы удовлетворить понятію о безконечномъ Промыслѣ Божіемъ, управляющемъ и руководящемъ всѣмъ сущимъ во вселенной. Міры созданы для возможности проявленія каждымъ созданнымъ Богомъ существомъ своей жизненной дѣятельности. Несовершенныя существа, живя на одномъ или другомъ мѣстѣ вселенной, черезъ свои заблужденія и ошибки доходятъ до пониманія и до усвоиванія въ себѣ самихъ добрыхъ качествъ, черезъ что кругозоръ ихъ увеличивается, и они получаютъ возможность съ помощью Бога переходить къ лучшимъ жизнямъ.

Первоначально души, созданныя Богомъ какъ мало еще интеллектуально развитыя, принуждены жить на матеріальныхъ планетахъ въ своихъ вѣсомыхъ тѣлахъ. Черезъ проявленіе своей дѣятельности онѣ, съ одной стороны, улучшаютъ самую ту планету, на которой живутъ, подготовляя болѣе удобную

жизнь для послѣдующихъ ея обитателей, съ другой, онѣ улучшаютъ сами себя, свою душу и подготовляютъ возможность себѣ болѣе легкой жизни за гробомъ въ болѣе легкомъ и болѣе способномъ выполнять ихъ желанія эфирномъ тѣлѣ.

Въ загробную жизнь или въ первую сферу мировыхъ жизней сходитъ человѣкъ въ той полуматеріальной оболочкѣ, какую создалъ самъ себѣ черезъ свою болѣе или менѣе праведную жизнь на землѣ или черезъ свои пороки, дурныя качества, необузданныя страсти и злыя дѣла. Чѣмъ менѣе духовно развитъ человѣкъ, тѣмъ и его полуматеріальная оболочка менѣе эфирна и обладаетъ болѣе грубымъ сложеніемъ, дающимъ менѣе простора проявленію дѣятельности духа. Духи, болѣе развитые, пользуются эфирными тѣлами болѣе легкими и, наконецъ, духи, достигшіе высшихъ, возможныхъ для земли, совершенствъ, получаютъ оболочки эфирнѣйшія и легчайшія, какія только способна имъ дать эта первая сфера духовной жизни Слѣдуя строго логически научнымъ путемъ отъ вышевысказанныхъ данныхъ строенія эфирныхъ матерій, мы можемъ весьма легко представитъ себѣ разныя состоянія матерій, состоящихъ изъ атомовъ первичной космической матеріи; одни изъ нихъ могутъ быть весьма плотныя и мало чѣмъ отличающіяся по своей субстанціи отъ нашей вѣсомой матеріи; другія можемъ допустить разрѣженными до высшихъ предѣловъ; въ этомъ ничего невѣроятнаго нѣтъ, ибо, если наша грубая и вѣсомая матерія образуетъ тѣла разныхъ плотностей отъ водорода до золота, то, подавно, космическая матерія должна вмѣстѣ со степенью своего разрѣженія представлять и большіе предѣлы разнообразія свойствъ и качествъ полуматеріальнымъ оболочкамъ духовъ. Это ясно и логично.

Живя въ этой первой сферѣ духовной жизни, слѣдуя законамъ всеобщаго міроваго прогресса, духи должны улучшаться и совершенствоваться въ своемъ духовномъ и умственномъ развитіи черезъ свою жизненную дѣятельность и успѣшное выполненіе возлагаемыхъ на нихъ жизненныхъ задачъ. Улучшаясь постепенно и пріобрѣтая новыя познанія и совершенства, духи незамѣтно для самыхъ себя утоньшаютъ свою полуматеріальную оболочку, ибо она несомненно должна отвѣчать каждой вновь пріобрѣтенной духомъ, вслѣдствіе его усовершенствованія, способности. Пройдя всѣ степени развитія, существующія въ этой первой сферѣ, духъ несомнѣнно, чтобы перейти во вторую сферу духовной жизни, долженъ будетъ пройти черезъ таинство смерти.

Нѣтъ возможности предположить, чтобы духи не умирали

для своей сферы и не возрождались для слѣдующей. Ихъ смерть, конечно, не можетъ имѣть столь тяжелаго для нихъ значенія, какое она имѣетъ на землѣ; она не можетъ сопровождаться чрезвычайно невзрачнымъ актомъ разложенія ихъ трупа, такъ какъ вся субстанція ихъ эфирна; она, наконецъ, не можетъ быть болѣзненна, ибо для нихъ смерть есть награда за успѣшно выполненную задачу жизни, а слѣдовательно она должна быть въ высшей степени пріятна и отрадна для духа. Тѣмъ не менѣе это есть смерть для первой сферы духовной жизни. Это есть исчезновеніе его изъ этой сферы и возрожденіе въ слѣдующей. Духъ дѣлается уже существомъ болѣе высшаго порядка въ іерархіи духовныхъ существъ, онъ дѣлается болѣе блаженъ и болѣе чистъ, а слѣдовательно болѣе разуменъ, силенъ и свѣдущъ, и задачи жизни, возлагаемыя на него, становятся сложнѣе и премудрѣе.

Главная задача всѣхъ сферъ духовной жизни несомнѣнно одна и та же: степени ея выполненія лишь разныя. Жители всѣхъ сферъ должны работать надъ своимъ самоулучшеніемъ, состоящимъ въ болѣе успѣшномъ преуспѣяніи въ добрѣ, въ любви и въ милосердіи, и единственно черезъ это они научаются истинному познанію дѣлъ Божьихъ въ чемъ и состоитъ Высшее Блаженство и Высшій Покой существа ихъ, сливающіи ихъ съ источникомъ Добра и Любви. Успѣхи ихъ развитія приближаютъ ихъ къ Высшиму Совершенству и къ Богу, и позволяютъ имъ прогрессировать въ іерархіи духовныхъ существъ, переходить изъ сферы въ сферу, причемъ каждый подобный актъ перехода дѣлается все болѣе радостнымъ и отраднымъ и встрѣчается все съ большимъ благоговѣніемъ и безконечной благодарностью Богу за все, содѣланное Имъ для спасенія грѣшныхъ душъ.

Вникните, читатель, и вдумайтесь глубже въ эту величественнѣйшую, таинственнѣйшую и премудрѣйшую картину сущности природы, открывающуюся передъ Вами. Отрѣшитесь на время отъ Вашего педантично-черстваго и сухого позитивнаго взгляда на природу и дайте нѣкоторую свободу своему научному воображенію, или, говоря научнымъ языкомъ, примите индуктивный способъ мышленія, и тогда проницательности Вашего умственнаго взора станетъ открываться, если не самая премудрость бытія, то нѣкоторое весьма близкое подобіе ея, могущее составить положительное торжество возвышеннаго разума надъ ограниченностью и слѣпотой.

Какъ бы ни была велика вселенная, однако всѣ манифестаціи видимой и вѣсомой матеріи, существующей въ ней, мы

признаемъ возможнымъ свести въ своемъ представленіи къ одной матеріальной частичкѣ и говоримъ, что если изучимъ ее, то будемъ знать сущность всего безконечнаго числа подобныхъ ей частичекъ, образующихъ всю видимую вселенную. Черезъ всѣ предыдущіе научные доводы мы дошли до возможности признанія каждой частички матеріи особымъ міркомъ съ своимъ собственнымъ и самостоятельнымъ движеніемъ. Эти частички, соединяясь вмѣстѣ, образуютъ сложныя тѣла, тѣла существъ, живущихъ на землѣ, всѣ органическія и неорганическія земныя царства.

Причина существованія этого видимаго и вещественнаго міра и всѣхъ явленій и фактовъ природы таится не въ самой этой матеріи, но въ матеріи, окружающей каждую частичку вещества—въ области первично космической матеріи. Она образуетъ и руководитъ всѣмъ видимымъ міромъ, она, какъ всякая причина, должна быть мощнѣе, премудрѣе и разнообразнѣе своихъ слѣдствій, но, въ сущности, она опять новый міръ, находящійся внутри нашего міра — это сфера разумной жизни, служащая причиной существованія нашей матеріальной среды.

Она тоже, какъ и нашъ міръ, состоитъ изъ атомовъ и частичекъ, подчиняющихся такъ же, какъ и мы, законамъ Божіимъ; можетъ быть, законы эти другіе, чѣмъ законы матеріи, или, можетъ быть, они также, незначительно видоизмѣнены, это рѣшительно все равно, это не препятствуетъ тому міру, или этой первой сферѣ обиталища духовныхъ существъ, составлять одно стройное цѣлое, одинъ гармоническій міръ, со всѣми аттрибутами, удовлетворяющими требованіямъ какъ причины существованія всего вѣсомаго міра, такъ и возможности жизни въ ней существъ, живущихъ въ этой первой сферѣ.

Раіонъ этой сферы, конечно, не можетъ ограничиваться предѣлами одной какой нибудь планеты или послѣднимъ атомомъ окружающаго планету воздушнаго пространства, но долженъ идти неизмѣримо дальше. Обитатели этой сферы, конечно, заселяютъ всѣ ея уголки и имѣютъ одинаковую возможность жить и проявлять свою цѣлесообразную дѣятельность. Ихъ не можетъ стѣснять даже наша грубая матерія, они одинаково чувствуютъ себя свободно, какъ внутри нашей планеты, какъ на поверхности ея, какъ въ воздушномъ пространствѣ, такъ и за предѣлами нашей атмосферы. Вездѣ въ природѣ, гдѣ только разлита эта первичная космическая матерія, составляющая сущность это первой сферы, вездѣ могутъ жить и пребывать существа, принадлежащія этой сферѣ. Наша вѣсомая матерія должна производить на жителей первой сферы

впечатлѣніе, подобное тому, которое мы испытываемъ, прогуливаясь по туману: всѣ движенія наши свободны, всюду мы имѣемъ возможность проникать, но среда немного гуще, кругозоръ ограниченнѣе и мы чувствуемъ себя нѣсколько стѣсненными.

Причиной существованія атома первичной комической матеріи мы назвали вторую космическую матерію, которая должна окружать каждый атомъ первичной и образовывать изъ него тѣла и оболочки существъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить совершенно такой же причиной существованія первой заоблачной сферы жизни, какъ и первичная матерія была причиной существованія нашего матеріальнаго міра. Почему всѣ сочетанія атомовъ вторичной космической татеріи не были бы тоже новой второй сферой жизненной дѣятельности, которая давала бы возможность проявляться существамъ высшей іерархіи духовныхъ существъ? Почему не могли бы мы допустить еще нѣсколько такихъ жизненныхъ сферъ, служащихъ одна причиной другой? Каждая новая и болѣе возвышенная сфера могла бы обнимать все большія и большія міровыя и междупланетныя пространства, которыя своими жизненными условіями все болѣе и болѣе подходили бы для существованія и пребыванія въ нихъ существъ еще болѣе высшихъ іерархій духовныхъ веществъ, все болѣе и болѣе приближающихся къ идеѣ Абсолютной Чистоты, Совершенства, Всевѣдѣнія и Вездѣсущія.

Каждая изъ этихъ сферъ проникала бы своею жизнедѣятельностью всѣ предыдущія, низшія себя, жизненныя сферы; каждая жила бы въ нихъ, руководила бы ими, наполняла бы ихъ и сама простиралась бы далеко въ областяхъ междупланетнаго пространства, наполняя жизнью все безконечное междупланетное пространство, которое не можетъ быть не заполнено жизнью и жителями.

Вся вселенная населена, нѣтъ въ ней пустого пространства, все въ каждомъ уголку вселенной кишитъ жизнью, дѣятельностью и все живетъ другъ для друга и одно въ другомъ. Вся вселенная составляетъ одно цѣлое, и все стремится къ одной Высшей, Вездѣсущей Первосущности, объясняющей всѣ сферы, всѣ развитія, всѣ жизни и все сущее одновременно, такъ какъ для Него нѣтъ ни времени, ни пространства, и все въ Немъ, и Онъ во всемъ.

Мы не можемъ себѣ представить междупланетныя пространства пустыми и необитаемыми, иначе мы должны придти къ заключенію, что вселенная это абсолютная пустыня, что не согласно съ идеей Безконечной полноты твореній Божьихъ.

Возьмемъ, для примѣра, хотя бы нашу солнечную систему. Объемъ солнца, всѣхъ планетъ и ихъ спутниковъ едва достигаетъ 125.000.000.000.000.000 кубическихъ верстъ. Эта масса вѣсомой матеріи положительно теряется въ безпредѣльности пустого пространства, окружающаго ее. Чтобы сдѣлать себѣ хотя слабое представленіе, насколько этотъ объёмъ вѣсомой матеріи ничтоженъ по отношенію къ окружающей его средѣ, мы укажемъ на слѣдующее: 1) Если окружающимъ солнечную систему пространствомъ мы назовемъ призму, поперечный разрѣзъ которой былъ бы многогранникъ, углы граней котораго составляли бы точки равнаго притяженія солнца и ближайшихъ къ нему звѣздъ, а высотой этой призмы мы приняли бы весь путь, пройденный солнцемъ со времени его существованія, то отношеніе объема этой призмы къ количеству вѣсомой матеріи было бы въ полномъ смыслѣ слова безконечно.

2) Если же мы примемъ только, что пространство, окружающее солнечную систему есть шаръ, радіусъ котораго есть точка равнаго притяженія солнца къ ближайшей отъ солнца звѣзды а, въ созвѣздіи Центавра—то и тогда объемъ этого пространства будетъ неимовѣрно великъ въ сравненіи съ количествомъ вѣсомой матеріи, а именно: объемъ этого шара будетъ равенъ числу кубическихъ верстъ, которое должно быть выражено цифрой 55 съ приставленными къ нему семьюдесятью пятью нулями съ правой стороны.

Изъ этого простого соображенія вытекаетъ тотъ выводъ, что на каждую единицу объема вѣсомой матеріи приходится такое число единицъ пустого пространства, которое должно быть выражено цифрой 44 съ пятьюдесятью восьмью нулями, приставленными съ правой стороны. Это ничтожное количество вѣсомой матеріи, находящееся во вселенной, не должно ли заставлять насъ предполагать эти безпредѣльные пространства заселенными и наполненными той природой, тѣми существами, которыя выходятъ изъ предѣловъ познаваемаго человѣкомъ. Все въ этихъ безпредѣльныхъ областяхъ скрыто отъ человѣка, однѣ кометы служатъ для насъ безмолвными свидѣтелями того, что это пространство не пусто и этихъ кометъ на небѣ безчисленное множество, столько, сколько рыбъ въ океанѣ, какъ выразился астрономъ Кеплеръ. Если бы не было даже этой улики, то здравый смыслъ долженъ бы былъ подсказывать человѣку: ищите въ этихъ безднахъ жизнь и бытіе, ибо безъ полноты этихъ пространствъ мы не понимаемъ полноты твореній Божьихъ.

Связь души съ тѣломъ.

Отъ безпредѣльныхъ междупланетныхъ пространствъ вернемся къ жизни человѣка на землѣ и укажемъ нѣкоторыя детали функцій полуматеріальныхъ оболочекъ при жизни души въ матеріальномъ тѣлѣ.

Когда духъ долженъ водвориться въ какомъ нибудь человѣческомъ матеріальномъ тѣлѣ для жизни на землѣ, тогда съ первыхъ моментовъ зародышной жизни образуется роковая органическая связь между атомами зародыша и атомами полуматеріальной оболочки духа. Въ силу этой связи образуется единство ихъ взаимодѣйствій, могущее быть нарушеннымъ только смертью.

По мѣрѣ того, какъ зародышъ развивается черезъ посредство жизненной силы, духъ укореняется въ зародышѣ, проникаетъ его и охватываетъ все матеріальное тѣло. Эта связь настолько крѣпка, что каждый невѣсомый атомъ оболочки духа приростаетъ къ вѣсомому атому земного тѣла. Подобная связь не можетъ не отразиться на формированіи жизненной силой самого организма; качества и способности духа должны влiять на сложеніе матеріальнаго тѣла, какъ бы сильны ни были органическіе процессы и наслѣдственныя начала, и сложеніе тѣла. Духъ во многомъ измѣняетъ строеніе того тѣла, въ которомъ поселяется, и вноситъ въ него всѣ тѣ особенности, которыми самъ владѣетъ. Ко времени рожденія человѣка связь между тѣломъ и духомъ устанавливается окончательно, и образуется одно нераздѣльное, связное и гармоничное существо.

Во время жизни человѣка на землѣ, этотъ полуматеріальный двойникъ служитъ проводникомъ мысли духа; черезъ него духъ приводитъ въ движеніе всѣ части тѣла, силой своей воли и своего желанія; черезъ него передаются духу всѣ внѣшнія впечатлѣнія тѣла.

При смерти происходитъ совершенно обратное дѣйствіе, чѣмъ при рожденіи. Когда жизненныя силы мало по малу перестаютъ дѣйствовать, умершія частицы тѣла отпадаютъ и разъединяются съ частицами полуматеріальной оболочки и, какъ зрѣлый плодъ, отрываются отъ своего стебля. Смерть всегда происходитъ не отъ того, что духъ покидаетъ тѣло, но духъ необходимо долженъ покинуть тѣло, ибо оно стало негодно къ жизни.

Со времени смерти тѣла духъ въ своей оболочкѣ дѣлается независимымъ, единичнымъ и цѣльнымъ существомъ. Его спо-

собности, какъ ничѣмъ болѣе не стѣсненныя, проявляются независимѣе, полнѣе и отчетливѣе; только въ этомъ состояніи можетъ человѣкъ сказать, что онъ именно такой, для чего онъ жилъ и страдалъ, все ли онъ сдѣлалъ въ земной жизни, что ему надлежало сдѣлать, чтобы выполнить съ достоинствомъ свою жизненную функцію,—а пока онъ не достигъ этого предѣла, на его долю выпадаетъ возможность только догадываться и между сомнительнымъ искать вѣроятнаго.

Глава IX.

Жизнь человѣка.

„Скажу тебѣ: одно убѣжденіе вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ—жизнь не шутка и не забава, жизнь, даже не наслажденіе... жизнь тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное—вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка; не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы онѣ возвышенны ни были, исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку; не наложивъ цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща“.

(Фаустъ, Тургенева).

Человѣкъ образованный, до нѣкоторой степени развитой духовно, мыслящій свободно безъ предвзятыхъ принциповъ, могущій вникнуть, до какой степени велика вселенная и что такое вѣчность по отношенію ко времени—не можетъ допустить, чтобы наше существованіе на землѣ было бы окончательнымъ, и что жизнь человѣка не связана ни съ чѣмъ внѣ ея самой.

Съ одной стороны, жизнь человѣка на землѣ чрезвычайно кратковременна; средняя продолжительность жизни на землѣ, по новѣйшимъ исчисленіямъ, не превышаетъ 40 лѣтъ; одна четверть людей умираетъ, не достигнувъ 7-ми лѣтъ, и половина—не достигнувъ 27 лѣтъ. Что значатъ эти малые промежутки времени въ сравненіи съ общимъ временемъ и съ продолжительностію существованія нашей планеты, или всего свѣта? Это менѣе одной секунды для вѣчности. — Это ровно ничего.

Вспомнимъ только, что первоначальная температура земли опредѣляется приблизительно въ 55.000 градусовъ по Цельсію; періодъ охлажденія земли отъ 2.000 градусовъ до 200 продолжался не менѣе 350.000.000 лѣтъ. Сколько же времени дли-

лась борьба падавшей и испарявшейся воды, прежде чѣмъ могъ начаться хотя первобытный физіологическій процессъ? Милліоны лѣтъ прошли отъ появленія первой растительности на землѣ, на образованіе гигантскихъ лѣсовъ, на періоды пребыванія на ней гигантскихъ животныхъ, до появленія человѣка; появленіе человѣка на землѣ было приблизительно около 50.000 лѣтъ тому назадъ". (К. Фламмаріонъ „Les terrs du Ciel", стр. 297).

А. Р. Уоллесъ (въ своей книгѣ „Естественный подборъ", стр. 330) говоритъ, что человѣкъ еще гораздо древнѣе этого, что есть основанія предполагать, что прошло уже десятокъ тысячъ вѣковъ со времени появленія перваго человѣка на землѣ, а можетъ быть и больше.

Съ другой стоны, физическія условія нашей жизни въ самомъ дѣлѣ ненормально трудны. Человѣкъ подверженъ всевозможнымъ мученіямъ, зависящимъ частью отъ несовершенства его тѣла, частью отъ трудныхъ окружающихъ его условій. Мы страдаемъ отъ излишней жары на экваторѣ, отъ невыносимыхъ морозовъ на сѣверѣ, мы совершенно не можемъ достигнуть нашихъ полюсовъ, до того условія жизни на нихъ не соотвѣтствуютъ нашей природѣ. Мы слабы, жалки и безпомощны, рождаемся на свѣтъ голыми, беззащитными и совершенно не приспособленными выдерживать климатическія условія. Ни одно животное, ни одна тварь земли при своемъ рожденіи не находятся въ такомъ абсолютно неблагопріятномъ для своей жизни состояніи. Безъ посторонней помощи не выжилъ бы ни одинъ изъ насъ, безъ усиленныхъ мученій матерей надъ своими дѣтьми прекратился бы родъ людской.

Это постоянное попеченіе и надзоръ въ теченіе всего періода молодости, воспитанія и образованія длятся около половины нашей средней продолжительности жизни, т. е. двадцать лѣтъ. Слѣдующіе двадцать или тридцать лѣтъ работаетъ человѣкъ съ полной силой и энергіей; но затѣмъ начинается уже замѣтная кульминація его; онъ начинаетъ стариться, становиться хранилищемъ всевозможныхъ болѣзней и недуговъ, силы постепенно оставляютъ его, и онъ также какъ ребенокъ требуетъ попеченія ему близкихъ людей, заботъ и ухода, какъ за ребенкомъ. Въ среднемъ, на одного работника приходится шесть человѣкъ, не имѣющихъ возможности доставать свое пропитаніе. Если бы работники не захотѣли дѣлиться плодомъ своихъ трудовъ съ другими, то опять прекратился бы родъ людской. Изъ чего слѣдуетъ, что жизнь для другихъ есть одно изъ условій, необходимыхъ для поддержанія человѣче-

скаго рода на землѣ; ибо безъ этого условія человѣкъ исчезъ бы съ лица земли такъ же, какъ безъ воздуха и воды.

Человѣкъ на землѣ —это настоящій мученикъ. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашей планеты интелигентныя государства и съумѣли дать болѣе мягкую жизнь богатому классу своего населенія, обезпечить его болѣе легкимъ существованіемъ, облегчить ему его участь и даже сдѣлать ее во многихъ отношеніяхъ пріятной—то вѣдь того же далеко нельзя сказать о бѣдныхъ классахъ и о всѣхъ людяхъ вообще. Вглядимся въ жизнь Азіи, Африки Австраліи. Вспомнимъ жизнь человѣка въ первые періоды человѣчества; какая была ихъ жизнь? Это одинъ безконечный рядъ сплетеній разныхъ мученій, опасностей и лишеній, ни минуты отрады, ни минуты надежды на что-нибудь, могущее облегчить ихъ участь, ибо условія человѣческаго существованія такъ же скверны и невыносимы въ нравственномъ отношеніи, какъ и въ физическомъ.

Фактъ вполнѣ доказанный, что блаженство на землѣ невозможно. Человѣкъ живетъ на этомъ свѣтѣ для мученій. Онъ страдаетъ въ своихъ привязанностяхъ, въ своихъ неисполняемыхъ желаніяхъ, въ стремленіяхъ души ко всему хорошему и высокому, и всегда встрѣчаетъ безчисленныя препятствія во всемъ, что бы онъ ни предпринялъ; нѣсколько минутъ отрады и пріятныхъ ощущеній покупаются долгимъ горемъ и ожиданіями. Всякій честный, благородный поступокъ есть налогъ на его благосостояніе, купленное цѣною тяжелаго труда и усиленной физической работы. Одна надежда на лучшее будущее можетъ поддержать ослабѣвающую энергію человѣка отъ унынія и отчаянія.

Мы рѣшительно не имѣемъ права думать и предполагать, чтобы наше существованіе было окончательнымъ: порядокъ, гармонія и покой, царствующіе въ физической природѣ, безспорно убѣждаютъ насъ въ необходимости того-же порядка и послѣдовательности и въ нравственной природѣ. На этомъ основаніи, видя около себя вѣчныя мученія, постоянное господство несправедливости и произвола, грубую физическую силу торжествующею, слабыхъ и бѣдныхъ жертвъ умирающихъ подъ рукой притѣснителей, мы должны быть въ высшей степени не логичны и не послѣдовательны, если не признаемъ все наше земное существованіе — состояніемъ временнымъ и переходнымъ, посылаемымъ намъ Провидѣніемъ, какъ мѣра къ испытанію и къ исправленію насъ, ведущая насъ къ лучшей жизни и къ высшимъ цѣлямъ, для которыхъ и предназначается человѣкъ.

Вникнемъ болѣе подробно въ условія жизни человѣка на землѣ.

Земля наша есть планета солнечной системы, она помѣщается между Венерой и Марсомъ и находится совершенно въ той же зависимости отъ солнца и совершенно въ томъ же положеніи, какъ и всѣ другія планеты.

Если мы прослѣдимъ всю солнечную систему, начиная отъ солнца, то увидимъ, что первая планета будетъ Меркурій, вторая Венера, послѣ—Земля. Затѣмъ идутъ Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и послѣдняя изъ нихъ Нептунъ.

Всѣ эти планеты одинаково вращаются кругомъ солнца подъ вліяніемъ силы тяготѣнія, всѣ онѣ одинаково пользуются животворной теплотой солнца, всѣ онѣ имѣютъ свои дни и времена года.

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, приписать землѣ ни бòльшаго значенія, чѣмъ другимъ планетамъ, ни какой-либо особенности, могущей чѣмъ-либо отличить ее отъ другихъ ея сестеръ-планетъ. Одинокая въ безконечномъ пространствѣ, она вертится кругомъ солнца въ разстояніи отъ него 150 милліоновъ верстъ.

Какъ всѣ остальныя планеты, наша земля летитъ съ ужасной быстротой. Представьте себѣ шаръ въ пространствѣ безъ всякихъ поддержекъ, посреди пустоты, которая простирается отъ него во всѣ стороны на безконечное пространство.

Да!... на безконечное пространство... во всѣ направленія! Какъ понять такую безпредѣльность? — Предположимъ, что мы хотимъ смѣрить безконечность и вылетѣли для этого съ земли въ любое отъ нея направленіе со скоростью въ тысячу разъ большей, чѣмъ молнія. Мы могли бы летѣть года, столѣтія, тысячелѣтія и цѣлую вѣчность, и передъ нами открывались бы только одни новыя пустыя пространства.

Послушная солнцу земля вертится, проходя въ годъ 940.000.000 верстъ, или 108.000 верстъ въ одинъ часъ

Самые скорые поѣзды желѣзныхъ дорогъ рѣдко доходятъ до скорости 100 верстъ въ часъ. Поэтому мы видимъ, что земля летитъ въ 100 разъ скорѣй. Никакія скорости на поверхности земли не могутъ намъ дать понятія о быстротѣ, съ которой двигается земля; пушечное ядро летитъ въ 75 разъ тише земли.

Мы помѣщаемся на поверхности этого шара въ видѣ безконечно малыхъ инфузорій, приклеенныхъ къ нему силой притяженія; мы увлечены поверхностью земли и участвуемъ въ этомъ движеніи, а потому ни видѣть, ни познавать этого движенія мы не можемъ.

Этотъ шаръ имѣетъ діаметръ по экватору 12.000 верстъ и окружность 36.000 верстъ. Его поверхность равна 450.000.000 квадратнымъ верстамъ, считая въ томъ числѣ воду, сушу; послѣдняя одна занимаетъ 130.000.000 квадратныхъ верстъ, или 13.000.000.000 десятинъ. Объемъ этого шара около 864.000.000 000 кубическихъ верстъ, его плотность почти въ $5^1/_2$ разъ болѣе, чѣмъ вода и вѣситъ 367 сексталіоновъ пудовъ (367.000.000.000.000.000.000.000.000 пуд.).

Какъ бы ни казались великими эти цифры, но солнце еще тяжелѣй въ 324.000 разъ, а объемъ солнца еще въ 1.279.000 разъ больше, чѣмъ объемъ земли.

Атмосфера, окружающая землю, вѣситъ 391 квадраліоновъ пудовъ (391.000.000.000.000.000), т. е. почти въ одинъ милліонъ разъ легче, чѣмъ самый шаръ. Подъ этой тяжелой толщиной воздуха ползаемъ мы, какъ устрицы на днѣ моря, претерпѣвая давленіе воздуха на наше тѣло больше чѣмъ 1.000 пуд. Кромѣ движенія вокругъ солнца, земля имѣетъ массу другихъ движеній, а именно: 2) кругомъ своей оси; 3) качательное движеніе земли, вслѣдствіе уклоненія оси земли или эклиптики на 23—37_{00}; 4) измѣненіе земной орбиты; 5) перемѣщеніе перихеліи; 6) движеніе, устанавливающее процессію равноденствія; 7) нутація земной оси; 8) притяженіе вслѣдствіе приближенія земли къ Венерѣ или къ Юпитеру; 9) перемѣщеніе всей солнечной системы, вслѣдствіе неправильнаго движенія солнца; 10) поступательное движеніе всей. солнечной системы. Солнце не?неподвижно: оно летитъ по направленію своей оси вращенія, уклоняясь въ сторону подъ угломъ 38 градусовъ, со скоростію 800.000 верстъ въ сутки.

Законы движенія заставляютъ предполагать, что солнце двигается кругомъ какого то центра, котораго мы пока еще не знаемъ. Но очень легко можетъ быть, что солнце имѣетъ просто поступательное движеніе въ безконечность, увлекая за собой въ строгомъ порядкѣ всѣ планеты и кометы своей системы.

Предположивъ даже это движеніе прямолинейнымъ, оно все же могло бы продолжаться цѣлую вѣчность безъ того, чтобы достигнуть предѣла этого безграничнаго небеснаго пространства.

Выводы астрономіи служатъ главнымъ основаніемъ для наукъ; а они записали нашу землю въ разрядъ планетъ солнечной системы, не смотря на протестъ чувствъ нашихъ, несмотря на заблужденія прежнихъ лѣтъ во взглядахъ на положеніе земли въ природѣ, не смотря на главный протестъ со стороны людскаго тщеславія.

И такъ, земля, подверженная всѣмъ этимъ силамъ, вертится въ пространствѣ, качается, кланяется своимъ сестрамъ-планетамъ и летитъ съ громадной быстротой къ неизвѣстной намъ цѣли.

Съ тѣхъ поръ, какъ земля существуетъ, она еще не разу не прошла по одному и тому же мѣсту, такъ какъ въ суммѣ поступательное движеніе солнечной системы по направленію оси солнца съ нѣкоторымъ уклоненіемъ въ бокъ и вращательное кругомъ солнца даютъ нѣкую винтовую линію, удаляющую землю постоянно отъ того мѣста, гдѣ она уже разъ была.

Какую бы ни чувствовалъ человѣкъ привязанность къ жизни на землѣ, однако, всѣ, вдумавшись немного въ условія ея, признаютъ ихъ далеко не лучшими, какими могъ бы себѣ представить человѣкъ. Какъ много недостатковъ, абсурдовъ и несообразностей представляются каждому наблюдательному глазу, который вздумалъ бы анализировать нѣсколько съ философской точки зрѣнія жизненныя условія нашей планеты.

Земля обитаема не потому, что это ее исключительное преимущество, а потому, что обитаемость есть свойство всякой планеты.

Очень возможно, что астрономы Сатурна и Юпитера признали нашу землю необитаемой; это болѣе чѣмъ вѣроятно, если вспомнить, какое впечатлѣніе производитъ наша земля, наблюдаемая съ Сатурна.

Сатурнъ есть превосходный шаръ въ 864 раза больше земли. Прекрасныя кольца, возвышающіяся надъ головами жителей Сатурна одно за другимъ, далеко прорѣзаютъ его небеса. Солнце кажется имъ гораздо меньшимъ, чѣмъ намъ, и сила его свѣта въ 9 разъ меньше; но за то восемь громадныхъ спутниковъ вертятся по тому же направленію, какъ и онъ, давая разные оттѣнки свѣта. Звѣздное небо почти такое же, какъ и наше, но чрезъ него проходятъ три великолѣпныя планеты, которыя мы видимъ совершенно иначе,—это Юпитеръ, Уранъ и Нептунъ. Годъ у нихъ въ 30 разъ длиннѣе нашего и состоитъ изъ 25.069 дней.

Земля почти не видна жителямъ Сатурна; она видна имъ менѣе, чѣмъ намъ видны спутники Юпитера. Это маленькая блѣдная точка, отстоящая отъ нихъ въ разстояніи 1.200.000.000 верстъ и можетъ быть имъ видна лишь при томъ условіи, если мы предположимъ у жителей Сатурна очень хорошіе и, во всякомъ случаѣ, болѣе сильные телескопы, чѣмъ у насъ.

Эта точка блуждаетъ вправо и влѣво, отъ солнца никогда не удаляясь болѣе чѣмъ на 6 градусовъ, а слѣдовательно, находясь всегда въ сферѣ яркаго освѣщенія солнца. Земля можетъ быть видна жителямъ Сатурна только тогда, когда она проходитъ черезъ дискъ солнца, тогда они могутъ видѣть землю въ видѣ чернаго пятнышка на дискѣ солнца, — не болѣе какъ уколъ булавки и то, собственно говоря, не жители Сатурна, а только ихъ астрономы, черезъ хорошіе телескопы.

Вотъ впечатлѣніе, производимое нашей землей на жителей Сатурна. Что же можемъ мы сказать о томъ, что думаютъ о ней жители Урана или Нептуна?

Мы не можемъ себѣ представить такихъ инструментовъ, которые могли бы отыскать или видѣть ее. И жители этой маленькой ничтожной точки столько времени думали, что творчество Всемогущаго Бога ограничивалось ею одною.

Какъ размѣромъ своимъ, такъ и вѣсомъ, плотностью, растояніемъ отъ солнца, величиною года, временами года, положеніемъ своимъ, — земля не имѣетъ никакихъ преимуществъ, отличающихъ ее отъ другихъ планетъ. Напротивъ, мы видимъ въ другихъ планетахъ несравненно лучшія условія, которыхъ у земли нѣтъ. Условія жизни на каждой планетѣ должны вполнѣ зависѣть отъ тѣхъ условій жизни, которыя даетъ сама планета; иначе и быть не можетъ, такъ какъ эти-то самыя условія и породили именно такую жизнь на этой самой планетѣ. Эта жизнь не можетъ быть перенесена на другую какую либо планету, ибо она при всѣхъ другихъ условіяхъ непремѣнно погибнетъ.

Очевидно, что невозможно было бы перенести какое-нибудь существо съ земли на Уранъ; перемѣны условія жизни не мыслимы ни для одной твари, ни для одного растенія. Даже у насъ на землѣ мы не можемъ перенести рыбу на воздухъ; слѣдовательно, ни о какомъ частномъ случаѣ мы говорить не будемъ, а разберемъ этотъ вопросъ съ общей физіологической точки зрѣнія.

Всякія новыя физіологическія условія порождаютъ и жизнь иную, которая, опять-таки, можетъ существовать только при этихъ, а не при другихъ условіяхъ. Съ этой точки зрѣнія мы будемъ разбирать и землю, ибо для тѣхъ животныхъ и людей, которые живутъ на землѣ въ настоящее время, необходимы именно эти условія, а не какія-либо другія. Для сравненія же условій жизни на землѣ и на другихъ планетахъ нужно разобрать общія физіологическія условія. Если бы на землѣ могли бы быть другія условія жизни, явились бы, конечно, другія существа—лучше старыхъ или хуже, смотря по тому, лучше или хуже были бы эти новыя условія жизни.

Разберемъ сперва вліяніе временъ года. Безспорно, что зима на землѣ нужна для нѣкоторыхъ растеній, напримѣръ: для винограда, для хлѣбныхъ и нѣкоторыхъ другихъ проростающихъ, цвѣтущихъ и созрѣвающихъ растеній. Но было бы ошибочно заключить, что Юпитеръ не обитаемъ именно потому, что на немъ нѣтъ зимы.

Вліяніе временъ года, конечно, помогаетъ нѣкоторой земной растительности, но большія измѣненія температуры, большіе морозы, въ общемъ ихъ результатѣ, пагубно дѣйствуютъ какъ на животныхъ, такъ и на растенія, ясное доказательство чему мы видимъ въ томъ, что на землѣ наибольшее развитіе флоры и фауны достигаетъ тамъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ морозовъ.

Предположимъ, что ось нашей эклиптики была бы не такъ уклонена, какъ теперь, тогда царство растительное и царство животныхъ были бы болѣе чувствительными. Не подвергаясь такимъ большимъ измѣненіямъ температуръ, все живущее было бы менѣе грубо, было бы менѣе случайностей и, конечно, все шло бы лучше.

Три четверти земного шара покрыты водой и только одна четверть его обитаема. Изъ этой одной четверти сколько пространства совсѣмъ недоступно для жизни: на полюсахъ—по причинѣ невозможныхъ морозовъ, и на экваторѣ—отъ непомѣрной жары! Конечная же цѣль планеты быть обитаемой; если же теперь, въ нашъ цивилизованный вѣкъ, условія жизни нашей планеты такъ ограничены, что же можемъ мы себѣ представить о первыхъ временахъ существованія человѣчества, когда жизнь начинала зарождаться и развиваться?

Нѣтъ, наша мать земля очень скудно кормитъ своихъ дѣтей. Надо усиленнымъ трудомъ вырывать у ней пищу. Въ этомъ странномъ свѣтѣ надо, чтобы существа поѣдали другъ друга, чтобы быть сытыми.

Изъ 90.000 людей, умирающихъ ежедневно, большинство умираетъ отъ чрезмѣрнаго труда, отъ дурныхъ условій жизни, или, въ концѣ концовъ, можно сказать, что они умираютъ отъ истощенія, или, выражаясь короче — просто отъ голода. Причину тому надо, конечно, искать въ томъ фактѣ, что нашъ шаръ былъ всегда безплоднымъ и самъ по себѣ не можетъ давать столько питательныхъ веществъ, сколько того нужно для жизни. Насколько упростился бы вопросъ жизни, если бы атмосфера могла сама питать насъ.

Кислородъ, смѣшанный съ азотомъ, даютъ намъ три четверти всѣхъ питательныхъ веществъ, необходимыхъ нашему организму. Неустаннымъ дѣйствіемъ непроизвольнаго акта ды-

ханія наша кровь возстановляетъ свою жизненную способность и совершенно даромъ поддерживаетъ самыя основанія нашего существованія. Но дыханіе не можетъ удовлетворить всей питательности организма, наша природа требуетъ хлѣба, которымъ мы должны наполнять желудокъ, что могло бы считаться при другихъ условіяхъ совершенно излишнимъ.

Голода тогда, конечно, не существовало бы, и животныя, развиваясь подъ этими новыми условіями, имѣли бы совершенно другую форму. Челюсти, желудокъ и его принадлежности, занимающія половину нашего туловища, были бы совершенно лишними. Всѣ существа не походили бы на свое настоящее положеніе и, конечно, новое ихъ состояніе было бы несравненно лучше и совершеннѣе.

Утопія! Бредъ! Химера! воскликнутъ многіе читатели, прочтя эти слова. Нѣтъ! совсѣмъ нѣтъ, въ астрономической физіологіи нѣтъ ни бреда, ни химеръ, ни утопій. Если кто, не видавъ ничего кромѣ своей деревни, желалъ бы, чтобы весь свѣтъ походилъ на нее; если кому нибудь случалось тонуть въ морѣ и на этомъ только основаніи онъ хотѣлъ бы объявить, что жизнь въ морѣ не возможна,—это все еще не основанія! Разберемъ вопросъ подробнѣе. Всякій согласится, что гдѣ живутъ одни твари,—умираютъ другія. Вы не можете жить тамъ, гдѣ живутъ рыбы, а рыбы не живутъ тамъ, гдѣ вы. Даже у насъ на землѣ, на которой всѣ питаются желудкомъ, есть существа, которыя живутъ безъ ѣды, питаясь окружающей средой, таковы многія червеобразныя животныя изъ семейства солитеровъ (tenis, gregorina).

Физіологія позволяетъ намъ пояснить нѣсколько этотъ вопросъ. Въ настоящее время питаніе производится чрезъ прохожденіе пищи по трубамъ, заключающимся внутри нашего тѣла; переваренныя желудкомъ частицы грубой пищи, проходя по нимъ, всасываются чрезъ стѣнки трубъ въ организмъ. Не то же ли самое было бы, если бы всасываніе могло производиться черезъ поры поверхности нашего тѣла снаружи во внутрь?—Обмѣнъ матеріи и всѣ прочія отправленія могли бы быть совершенно такъ же, какъ и теперь. Этотъ способъ былъ бы менѣе грубъ и безспорно болѣе совершененъ.

Съ другой стороны: наши легкія сами могли бы, непроизводительнымъ актомъ вдыханія, черпать изъ воздуха и передавать организму остальную четверть нужныхъ намъ питательныхъ веществъ; совершенно такъ же, какъ мы теперь получаемъ необходимый намъ азотъ и кислородъ. Разберемъ этотъ вопросъ: сколько нужно дѣйствительно человѣку питательныхъ

веществъ для замѣны имъ расходуемой матеріи? Собственно для поддержанія нашихъ силъ и возобновленія расходуемаго нами запаса матеріи нужно очень мало вещества; все же остальное, принятое человѣкомъ, можетъ считаться излишнимъ и совершенно непроизводительно утяжеляющимъ его организмъ.

Трудно положить норму въ этомъ случаѣ и назначить границу между необходимымъ и излишнимъ, ибо это много зависитъ отъ климата, образа жизни и количества работы, производимой человѣкомъ. Но, во всякомъ случаѣ, человѣкъ можетъ обойтись несравненно меньшимъ количествомъ пищи, чѣмъ онъ въ дѣйствительности теперь потребляетъ.

Человѣкъ возвелъ принятіе своей пищи на степень удовольствія, а потому онъ ѣстъ не столько, сколько нужно для возобновленія его силъ, а сколько позволяетъ ему исправность его желудка. Когда желудокъ отказывается переваривать то что съѣдено, человѣкъ принимаетъ разныя средства, искусственно усиливающія пищевареніе. И это ненормальное развитіе способности желудка переваривать съѣденное доходитъ у нѣкоторыхъ людей до колоссальныхъ размѣровъ.

Наоборотъ, мы видимъ людей, которые очень мало ѣдятъ. Мы видимъ аскетовъ и цѣлыя аскcетическія касты, или сословія, которыя, изъ поколѣнія въ поколѣніе, долгимъ упражненіемъ доводятъ свои потребности до очень ограниченныхъ размѣровъ. Какъ примѣръ въ этомъ случаѣ, приведемъ факировъ и браминовъ. Законъ не позволяетъ имъ ѣсть болѣе чѣмъ одну горсть риса въ день послѣ заката солнца; кромѣ этого риса, они могутъ пить извѣстное количество воды, а затѣмъ всякая другая пища или принятіе пищи въ бо́льшемъ количествѣ имъ положительно запрещено. Есть изъ нихъ люди, достигшіе высшихъ степеней священства—Гуру и Гіерофанты,— которые до того довели отправленія своего тѣла долгими упражненіями въ воздержаніи, что этой порціи имъ достаточно на цѣлую недѣлю,

Такое воздержаніе не разстраиваетъ ихъ здоровья или организма. Это доказывается тѣмъ, что, пробывъ до 80-ти лѣтъ на подобной діетѣ, они покидаютъ священство, и срокъ всѣхъ ихъ прежнихъ обѣтовъ для нихъ кончается; они освобождаются отъ всякихъ духовныхъ обязательствъ и начинаютъ обыкновенную свѣтскую жизнь въ полномъ удовольствіи за счетъ па́годы, или церкви ихъ. Па́года, послѣ 80-ти лѣтняго ихъ возраста, окружаетъ ихъ всею роскошью, которую можетъ доставить только Индія; и нерѣдко такіе старцы живутъ еще не

одинъ десятокъ лѣтъ со здоровьемъ и желудкомъ, которымъ позавидовалъ бы всякій изъ насъ. Результатомъ этой жизни являются даже многочисленныя семейства, такъ какъ вся па́года, не исключая и сотенъ баядерокъ, всегда къ услугамъ заслуженнаго Гуру.

Горсть риса,—это не болѣе 8-ми лотъ или 24 золотника. Человѣкъ, дѣлая 20 вдыханій въ минуту, дѣлаетъ ихъ 3.000 въ сутки. Если бы разложить эти 24 золотника равномѣрно на 3.000 вдыханій, то каждый разъ человѣкъ долженъ бы былъ вдохнуть $^1/_{190}$ часть одного золотника. Это въ 20 разъ меньше одного грана, т.-е. самой малой аптекарской единицы вѣса—это величина совершенно для насъ неуловимая, она гораздо больше того количества пыли, разныхъ бактерій и микроорганизмовъ, которые вдыхаетъ человѣкъ при каждомъ вдыханіи и которые онъ выдыхаетъ обратно, какъ нѣчто лишнее, ему не нужное—и эта незначительная только часть питательныхъ веществъ должна заключаться въ томъ объемѣ воздуха, который вдыхаетъ человѣкъ каждый разъ.

На это намъ могутъ возразить, что аскеты ведутъ малодѣятельную жизнь; многіе изъ нихъ днемъ совсѣмъ не выходятъ изъ своихъ жилищъ, тѣло ихъ отъ долгаго воздержанія истощено и приспособлено къ этому. Это совершенно вѣрно,— организмъ ихъ, дѣйствительно, изъ поколѣнія въ поколѣніе выработался въ этомъ направленіи; но, вѣдь, это же самое могъ бы сдѣлать и всякій другой организмъ, если бы въ этомъ была необходимость. Что же касается до малодѣятельной жизни ихъ, то если бы для людей дѣятельныхъ удесятерить и даже удвадцатерить эту порцію, то всетаки она была бы очень мала, такъ какъ не превышала бы одного грана.

При нормальномъ дыханіи своемъ человѣкъ пропускаетъ черезъ свои легкія около 9 кб. футовъ воздуха въ часъ. Что составляетъ въ сутки 216 кб. фут. или 500 ведеръ воздуха. Обыкновенный воздухъ заключаетъ въ себѣ около 65% водяныхъ паровъ, или въ этихъ 500 ведрахъ воздуха проходитъ черезъ наши легкія ежедневно 30 фунтовъ воды.

Слѣдовательно, наши легкія, пропуская черезъ себя каждыя сутки 30 фунтовъ, или около ведра воды, все же не въ состояніи даже утолить жажду человѣка. Это количество въ 80 разъ больше по вѣсу, чѣмъ горсть риса, которой удовлетворяется факиръ. Изъ этого надо заключить, что существуетъ полная возможность питаться безъ участія желудка, но что мы не имѣемъ возможности вслѣдствіе недостатка собственной организаціи и состава нашего воздуха. Легко предположить,

что во вселенной могутъ быть такія существа, которыя по всѣмъ своимъ остальнымъ способностямъ, подходя очень близко къ намъ, питаются не такъ, какъ мы.

Мы ѣдимъ, а потому желаемъ, чтобы все живущее въ природѣ ѣлю; чтобы всѣ дѣлали такъ, какъ въ нашемъ муравейникѣ. Нѣтъ, на землѣ ѣдятъ, *ибо она несовершенна*, только въ этомъ и можно видѣть главную причину нашего столь грубаго и тягостнаго питанія.

Мы можемъ представить себѣ условія еще хуже. Мы сказали, что дыханіе даетъ намъ три четверти изъ всего того количества питательныхъ веществъ, которыя необходимы для нашего существованія, переобразовывая и возстановляя нашу кровь. Этотъ актъ непроизвольный и данъ намъ природой безвозмездно. На какомъ же это основаніи мы дышемъ даромъ? Мы могли бы быть еще болѣе несчастны, чѣмъ теперь; мы могли бы быть осуждены пріобрѣтать себѣ и эти элементы жизни. И кто увѣритъ насъ, что нѣтъ и такихъ планетъ, гдѣ жители ихъ принуждены сами доставать всѣ четыре четверти необходимаго имъ для питанія вещества, совершенно на томъ же основаніи, какъ мы теперь пріобрѣтаемъ свою одну четверть. Очень возможно, что они получаютъ тотъ же кислородъ и азотъ, но не въ видѣ воздуха, а въ какомъ-нибудь другомъ видѣ. Поэтому и строеніе ихъ тѣла измѣнено сообразно. Совершенно такъ же, какъ строеніе нашего тѣла зависитъ отъ способа питанія и другихъ условій жизни на нашей планетѣ, мы должны заключить, что люди, живущіе на другихъ планетахъ, при другихъ условіяхъ, не имѣютъ строенія нашего тѣла.

Коснемся полноты чувствъ человѣка:—мы видимъ, что у многихъ животныхъ ихъ два, у другихъ—три, у болѣе высшихъ пять, у человѣка—тоже пять. Мы ограничиваемся этимъ и удовлетворяемся. Мы думаемъ, что на этомъ кончается все творчество Божіе, и что будто уже нѣтъ нигдѣ никого въ мірѣ, кто обладалъ бы шестью чувствами. Да, совершенно то же думаютъ и животныя, которыя обладаетъ двумя чувствами: они увѣрены, если только можно такъ выразиться о нихъ, что не можетъ быть третьяго, ибо понять то чувство, котораго мы не имѣемъ, абсолютно невозможно.

Но наука и разумъ говорятъ иначе, и открываютъ громадные пробѣлы въ нашихъ чувствахъ. Не будемъ говорить о философскихъ и метафизическихъ доказательствъ,—ихъ слишкомъ много; укажемъ только на одно, которое очень наглядно и опытнымъ путемъ откроетъ намъ глаза на наши способности.

Что такое звукъ?—Это чрезвычайно быстрое движеніе. Если заставимъ какой-нибудь предметъ двигаться такъ, чтобы онъ давалъ намъ 32 колебанія въ секунду, мы получимъ первую басовую ноту въ нашемъ ухѣ, какъ результатъ этого колебанія. Усиливая движеніе, мы будемъ постепенно получать и ноты сообразно выше и выше. При 36.000 колебаній мы получимъ рѣзкій звукъ, или дискантовую ноту, и затѣмъ какъ бы мы быстро ни заставляли колебаться этотъ предметъ, мы никакого больше звука не услышимъ; 37.000—38.000 колебаній человѣку недоступны.

Что такое свѣтъ и теплота?—Свѣтъ и теплота это совершенно то же, что и звукъ—это движеніе, но движеніе еще болѣе быстрое. Не свѣтъ и не теплота распространяется въ пространствѣ: мы видимъ, что свѣтъ и теплота, проходя по междупланетному пространству не освѣщаютъ его и не грѣютъ; оно имѣетъ ледяную температуру и остается темнымъ, въ чемъ мы можемъ убѣдиться, смотря на небо ночью. Свѣтъ и теплота—это свойство, это быстрое движеніе или колебаніе эфира, которое можетъ, сокрыто отъ насъ, распространяться до безконечности, пока не встрѣтитъ какое-либо препятствіе, которое заставитъ ихъ проявиться и сдѣлаться доступными нашимъ чувствамъ въ видѣ свѣта или теплоты.

Колебанія эфира дѣлаются намъ опять видимы, когда они достигаютъ 450 трилліоновъ колебаній въ одну секунду и тогда они познаются нами уже не ухомъ, а глазомъ, и мы называемъ ихъ: свѣтовыми явленіями. Возьмемъ кусокъ желѣза и будемъ его нагрѣвать; когда онъ достаточно нагрѣется, онъ приводитъ въ движеніе эфиръ, его окружающій, колебанія котораго необыкновенно скоры. Длина свѣтовой волны такова, что на одномъ сантиметрѣ ихъ помѣщается 15.000, если онѣ раскалятся до ярко-краснаго цвѣта. Принимая во вниманіе, что свѣтъ двигается со скоростью 300.000 верстъ въ секунду, мы должны заключить, что въ одну секунду мы получаемъ 450.000.000.000.000 свѣтовыхъ волнъ въ нашъ глазъ.

Увеличивая число колебаній до 700 трилліоновъ, мы будемъ получать постепенно впечатлѣніе 7-ми цвѣтовъ спектра, какъ говорили во время Ньютона; нынѣ же, послѣ примѣненія спектральнаго анализа Кирхгофа и Бунзена, въ спектрѣ стали насчитывать несмѣтное количество цвѣтовъ.

Если мы будемъ производить колебаніе больше 700 трилліоновъ,—нашъ глазъ не будетъ видѣть ничего ровно.

Но насъ спросятъ: чѣмъ же можно доказать, что существуютъ въ природѣ колебанія еще болѣе скорыя 700 трил-

ліоновъ въ секунду, — это такая быстрота, что трудно себѣ представить бо́льшую?

Фотографія подтверждаетъ это. Лучъ свѣта, пропущенный черезъ спектроскопъ, разлагается по количеству колебаній имъ производимыхъ; глазъ человѣка видитъ только тѣ лучи, которые имѣютъ 450 до 700 трилліоновъ колебаній; но фотографія, или разложеніе химическихъ реагентовъ, идетъ дальше безъ всякаго перерыва, — и гораздо дальше; мы получаемъ отпечатки и должны убѣдиться, что колебаніе существуетъ.

Конечно, чтобы ихъ видѣть, намъ можетъ быть нужно было бы получить шестое чувство, или сообразное развитіе одного изъ старыхъ чувствъ.

Совершенно то же мы можемъ сказать относительно разложенія тепловыхъ лучей. Теплота луча, проходя черезъ призму спектроскопа, разлагается тоже и даетъ своего рода спектръ, невидимый глазу, но ощущаемый головкой термометра. Максимумъ и минимумъ его напряженія, его начало и конецъ, можно очень ясно изслѣдовать термометромъ и нарисовать на бумагѣ совершенно такъ же, какъ и химическій спектръ. Всѣ эти три спектра, нарисованные на бумагѣ, показываютъ свою полную независимость одинъ отъ другого и имѣютъ разные углы преломленія. Изъ чего мы должны заключить, что и для познанія тепловыхъ явленій необходимо имѣть еще седьмое чувство, котораго у насъ нѣтъ.

Рождается еще невольный вопросъ: два совершенно тождественныхъ явленія познаются двумя отдѣльными нашими чувствами. Колебанія эфира отъ 32 до 36.000 познаются ухомъ, а колебанія отъ 450 до 700 трилліоновъ — зрѣніемъ: развѣ нѣтъ въ природѣ промежуточныхъ колебаній, т.-е. отъ предѣловъ 36.000 въ 1 секунду до 450 трилліоновъ? — Въ природѣ перерыва нѣтъ, природа сохраняетъ всегда во всемъ постепенность, — колебанія существуютъ всякія, болѣе рѣзкія, чѣмъ 36.000, что доказываютъ намъ опыты Лиссажу надъ дрожаніемъ пластинокъ для полученія геометрическихъ линій, обозначающихъ разныя звуковыя волны при изученіи гармоніи. То же самое доказываютъ намъ опыты итальянскаго ученаго Меллоли надъ искусственнымъ дрожаніемъ пластинокъ. Всякое движеніе на землѣ должно сопровождаться звукомъ или свѣтомъ. Отчего мы слышимъ движеніе пули или ядра, но не слышимъ движенія луны кругомъ земли, движенія земли кругомъ солнца, которыя еще гораздо стремительнѣе и навѣрное производятъ впечатлѣніе на болѣе совершенныхъ существъ. Еще Пиѳагоръ сказалъ, что эту музыку сферъ физическія уши

не могутъ слышать, но понимаютъ ихъ только интелектуальныя уши. Всѣ постепенные переходы колебаній отъ 36.000 до 450 трилліоновъ въ природѣ существуютъ — это несомнѣнно, но познавать ихъ могутъ болѣе совершенныя существа, чѣмъ мы.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ предположеніе, что существуютъ въ мірѣ такіе звуки, которые могутъ быть не слышны человѣку. Неужели есть звуки, которыхъ ухо не слышитъ? — Непремѣнно есть. Чтобы выяснить этотъ вопросъ, разберемъ строеніе уха у человѣка. Въ книгѣ профессора Сѣченова „Психическіе Этюды", стр. 53-я, мы находимъ: „Въ части уха, называемой улиткой, слуховой нервъ разсыпается на отдѣльныя нервныя волокна, и каждое изъ послѣднихъ находится въ связи съ эластическимъ тѣломъ клавишей. Принимаютъ, что клавиши эти, подобно струнамъ въ музыкальныхъ инструментахъ, настроены въ правильномъ музыкальномъ порядкѣ, и что колебанію каждой клавиши соотвѣтствуетъ опредѣленный музыкальный тонъ. Клавишей этихъ у человѣка считаютъ до 3.000".

Далѣе, въ томъ же сочиненіи, на стр. 54, сказано: „Какъ бы это ни было, а все дѣло слухового анализа сводится на различіе нервныхъ волоконъ, служащихъ для воспринятія частей звуковыхъ впечатлѣній. Въ сущности механизмъ тотъ же, что и въ глазу".

Слѣдовательно, всякое существо способно воспринимать и познавать только тѣ отдѣльные звуки, для которыхъ оно имѣетъ соотвѣтствующіе клавиши въ слуховомъ своемъ органѣ; остальные звуки остаются непонятны. Человѣкъ можетъ познать своимъ ухомъ изъ 36.000 только до 3-хъ тысячъ, слѣдовательно только $^1/_{12}$ часть даже изъ тѣхъ звуковъ, которые считаются ему доступными. Мы видимъ, что у многихъ животныхъ слухъ развитъ менѣе, чѣмъ у человѣка, и что предѣлъ распознаваемыхъ имъ звуковъ еще болѣе сжатъ. Они не слышатъ многихъ звуковъ, которые слышитъ человѣкъ; это можетъ быть очень просто объяснено тѣмъ, что у нихъ отсутствуютъ ушныя клавиши для принятія извѣстныхъ звуковъ или колебаній эфира.

Наоборотъ, мы видимъ филина, сову, кошку и многихъ другихъ животныхъ, у которыхъ зрительные органы способнѣе нашихъ, — они принимаютъ и познаютъ такія свѣтовыя колебанія, которыхъ человѣкъ не видитъ. Эти животныя видятъ ночью въ то время, когда человѣкъ не можетъ видѣть. Это доказываетъ: во-первыхъ то, что тѣ предметы, которые намъ не видны, въ сущности имѣютъ цвѣтъ, ибо только при этомъ условіи они могутъ сообщить колебаніе окружающему ихъ эфиру, факти-

чески дѣйствующее на глазъ кошки или филина; если бы они не обладали способностью вызывать колебанія эфира, то, конечно, были бы для всѣхъ одинаково невидимы и неуловимы; а во-вторыхъ, что человѣкъ познаетъ только тѣ цвѣта или колебанія эфира, которые соотвѣтствуютъ способности его глаза, — а не всѣ существующіе въ мірѣ. Способности зрѣнія летучей мыши начинаются именно тамъ, гдѣ способности человѣка кончаются, — она видитъ только тѣ колебанія эфира, которыхъ человѣкъ не видитъ.

Мы очень легко можемъ предположить совершенно то же относительно звука, — что животныя, не слыша нѣкоторыхъ звуковъ, которые мы слышимъ, могутъ слышать тѣ, которыхъ мы не слышимъ, т.-е. звуки, производимые колебаніемъ эфира 38,000—39.000 и т. д. разъ въ одну секунду, и даже тѣ звуки, которые находятся въ предѣлахъ человѣческой способности, но которые остаются ему не слышны, т.-е. отъ 36 до 36.000. Этимъ многое объяснилось бы въ жизни животныхъ. Мы часто задаемъ себѣ вопросъ: „Неужели животныя не говорятъ? Какіе, невидимые намъ, знаки употребляютъ они, чтобы понимать другъ друга? Эти вопросы не разъ уже занимали человѣчество и не находили, однако, никакого объясненія.

Кому изъ охотниковъ на драхвъ не удавалось видѣть цѣлое спящее стадо, при чемъ всѣ онѣ держатъ головы спрятанными подъ крылья и кажутся вполнѣ погруженными въ свой сонъ, одна лишь сторожевая драхва бдительно расхаживаетъ кругомъ и зорко осматривается. Вотъ подползаетъ охотникъ, или тихо подходитъ, спрятавшись за искуственнымъ переноснымъ кустомъ: одно неосторожное движеніе, и — сторожевая драхва уже почуяла опасность, она вытянула шею, повернула голову по направленію охотника, не издавъ ни малѣйшаго звука, и все стадо моментально поднялось и полетѣло. Какимъ образомъ передала она стаду впечатлѣніе своего испуга? Такихъ примѣровъ безмолвной передачи мыслей между животными можно привести множество, которые получаютъ свое объясненіе только тогда, когда мы предположимъ, что они объясняются, но при тѣхъ колебаніяхъ эфира, которыя остаются человѣку недоступны.

Относительно способности нѣкоторыхъ животныхъ видѣть ночью, намъ могутъ возразить, что темные лучи свѣта сами по себѣ не производятъ непосредственнаго впечатлѣнія на глазъ кошки и филина, что у всѣхъ животныхъ, которыя видятъ ночью, есть лишняя пленка въ глазу, называемая „глазнымъ коврикомъ", которой нѣтъ въ глазу другихъ существъ. Это совершенно вѣрно, но это служитъ только подтвержденіемъ нашего положенія, а не опроверженіемъ его.

Существованіе этого коврика было открыто давно, но не находили связи между нимъ и возможностью видѣть темные лучи; только въ послѣдніе годы въ Германіи замѣтили, что, напримѣръ, ультра-фіолевые лучи, пропущенные въ абсолютной темнотѣ черезъ растворъ хинина, даютъ, даже въ глазу человѣка, впечатлѣніе голубого цвѣта. Совершенно такъ же нѣкоторые растворы другихъ металоидовъ преобразовываютъ и другіе цвѣта спектра, находящіеся въ абсолютной темнотѣ, а слѣдовательно намъ невидимые, въ цвѣта свѣтлые, уловимые нашему взору. Химическій анализъ показалъ, что какъ разъ всѣ эти металоиды находятся въ химическомъ составѣ этого коврика, а слѣдовательно можно предположить, что невидимые темные лучи, проходя чрезъ него, преобразовываются въ глазѣ филина и кошки въ видимые, — это доказываетъ, во-первыхъ, что они существуютъ, если могутъ преобразовываться въ другіе; въ настоящее же время мы только и хотимъ доказать существованіе такихъ лучей, которые человѣку не видны, ибо мы не занимаемся анатомическимъ строеніемъ глаза; а во-вторыхъ, — то, что, въ концѣ концовъ, способности филина и совы идутъ дальше въ распознаваніи колебанія эфира, чѣмъ способности человѣка.

Мы совершенно свободно можемъ предположить, что у болѣе совершенныхъ существъ, чѣмъ человѣкъ, и предѣлы познаваній этихъ колебаній больше, какъ и при распознаваніи звука, такъ и при распознаваніи свѣта, и, наконецъ, — вполнѣ совершенныя существа должны познавать всѣ колебанія; именно такъ: они и видятъ, и слышатъ всѣ колебанія, т.-е, у нихъ для слуха и для зрѣнія одинъ и тотъ же, но вполнѣ совершенный органъ, познающій всѣ явленія одного и того же разряда, но проявляющійся лишь съ разными напряженіями.

Неразвитость и неполнота чувствъ нашихъ доказываются еще тѣмъ, что даже грубыя тѣла могутъ пропасть у насъ изъ глазъ. Возьмите пластинку и заставьте ее колебаться болѣе 15 разъ въ секунду, — вы ее болѣе не увидите; струна, колеблющаяся и издающая звуки, намъ тоже не видна; даже спицы большаго колеса при скоромъ ихъ вращеніи исчезаютъ у насъ изъ глазъ. Мы не будемъ разбирать, почему эти колеса и пластинки исчезаютъ, отъ того-ли, что виды ихъ сливаются въ одинъ отъ скорости движенія, отъ того ли, что скорость сама по себѣ велика и не доступна нашимъ глазамъ, — это положительно безразлично, ибо одинаково доказываетъ недостатокъ нашихъ

чувствъ, несовершенство ихъ. Не все ли равно, отчего я не вижу этого громаднаго сто-пудоваго колеса, которое въ двухъ шагахъ отъ меня вертится со скоростью совершенно ничтожной въ сравненіи, напримѣръ, со скоростью вращенія земли и другихъ скоростей, существующихъ въ природѣ. Если для нашихъ чувствъ могутъ быть невидимы цѣлыя колеса, то мы уже не знаемъ, какъ еще болѣе можетъ надъ нами, бѣдными жителями земли, издѣваться природа. Мы можемъ, слѣдовательно, не замѣчать проходящей мимо насъ цѣлой толпы существъ, лишь бы всѣ они были одѣты въ тѣ цвѣта, которыя недоступны нашимъ чувствамъ, лишь бы они двигались со скоростью, не доступною нашему глазу и говорили громко, но при тѣхъ дрожаніяхъ воздуха, которыхъ мы не ощущаемъ и т. д., и т. д.

Изъ всего вышесказаннаго можно вывести цѣлый рядъ заключеній не въ пользу большаго развитія чувствъ человѣка. Не будемъ касаться существъ, стоящихъ выше человѣка въ своемъ развитіи, но упомянемъ о существахъ, стоящихъ ниже человѣка, т.-е. возьмемъ опять въ примѣръ животныхъ.

Есть чувства у животныхъ, или, скорѣе, степень развитія нашихъ чувствъ, которыя намъ положительно непостижимы; напримѣръ, обоняніе развито у охотничьихъ собакъ до такой степени, что наше воображеніе ничего большаго себѣ представить не можетъ. Какъ понять этотъ, хотя и заурядный, фактъ: собака чувствуетъ запахъ зайца или птицы, которая нѣсколько часовъ тому назадъ прошла по этому мѣсту и теперь находится уже за нѣсколько верстъ. Собака знаетъ даже: въ какую сторону бѣжало животное, или улетѣла птица. Зрѣніе, напримѣръ, у орла и у другихъ хищныхъ птицъ должно насъ удивлять не менѣе. Птица царитъ подъ облаками и видитъ свою небольшую добычу на землѣ, въ одно мгновеніе ока она бросается по совершенно отвѣсному направленію, нисколько не оклонившись отъ первоначальнаго принятаго направленія. Осязаніе летучихъ мышей доходитъ до удивительнаго развитія. Лишенная зрѣнія днемъ, летучая мышь такъ же хорошо летаетъ, обходя всѣ встрѣчающіяся ей на пути препятствія, какъ будто это ночью, когда она хорошо видитъ, ибо она осязаетъ своими крыльями издали приближеніе къ предметамъ и такъ же хорошо отыскиваетъ обратный путь къ своему жилищу, какъ будто она пользуется зрѣніемъ.

Ничего подобнаго въ человѣкѣ мы не видимъ, а слѣдовательно, онъ имѣетъ полное право позавидовать животнымъ въ развитіи нѣкоторыхъ чувствъ, превосходящихъ въ значительной

степени силу тѣхъ, которыми онъ владѣетъ. Но этого мало,— онъ долженъ бы былъ считать себя вполнѣ счастливымъ, если бы превосходство животныхъ ограничивалось бы только однимъ сложеніемъ организаціи. Мы хотимъ указать на то, что многія — почти нравственныя или общежитейскія – способности животныхъ должны претерпѣть ту же участь, ибо они весьма отчетливо превосходятъ все то, на что способенъ человѣкъ.

Обратите вниманіе на порядокъ, господствующій въ каждой муравейной кучѣ или въ каждомъ ульѣ пчелъ, и вы должны будете признаться, что какъ ни просты отношенія между муравьями или между пчелами, однако намъ, людямъ, личностямъ разумно-нравственнымъ, обладающимъ всѣми высшими средствами и способностями, никакъ нельзя не только стать выше ихъ, но хотя отчасти поровняться съ ними.

Что можетъ быть проще: всѣ послушны своей царицѣ, всѣ подчиняются безпрекословно, всѣ работаютъ, всѣ трудятся, всѣ самымъ добросовѣстнымъ образомъ складываютъ свои заработки въ одно общее мѣсто, изъ котораго пополняются потребности какъ каждой отдѣльной личности, такъ и всего общества. Всякій правильно распредѣленный и совмѣстный трудъ, въ особенности при содѣйствіи, оказываемомъ другими и общемъ согласіи, гораздо благодарнѣе, легче и спорѣй, чѣмъ тотъ же трудъ, но производимый отдѣльно каждой личностью, въ особенности, если окружающіе относятся къ нему со злобой и завистью.

Муравьи и пчелы хорошо это поняли, а потому относятся честно и добросовѣстно къ своему дѣлу, приносятъ домой все, что собрали и наработали, все поступаетъ въ общее пользованіе, никто изъ нихъ и не думаетъ украдкой утягивать часть изъ этого въ свое собственное распоряженіе, какъ гарантію на черный день, никто не желаетъ возвышаться надъ другими, никто изъ нихъ не предъявляетъ своихъ правъ на господство и не находитъ причины, по которой онъ могъ бы считаться выше другихъ,—этотъ вѣчный поводъ ко всѣмъ междоусобіямъ, существующимъ у людей, еще не извѣстенъ пчеламъ. У нихъ сильный поддерживаетъ слабаго своей бо̀льшей работой и бо̀льшими трудами, общее попеченіе и симпатіи направлены на дѣтенышей, и никто изъ нихъ не разбираетъ—это мой, а потому онъ лучше другихъ и достоинъ большей порціи, у нихъ всѣ получаютъ одинъ и тотъ же кусокъ.

Сколько было людскихъ общежитій и большихъ, и малыхъ въ исторіи человѣчества? Какой былъ имъ конецъ? Не всегда

ли они кончались общимъ раздоромъ и полнымъ разореніемъ общественной кассы въ пользу наживы отдѣльныхъ лицъ?— Это понятно, скажутъ намъ, человѣкъ умнѣе пчелы и потому соблюдаетъ свой собственный интересъ, чего не можетъ дѣлать пчела.—Но! Неужели умъ можетъ мѣшать человѣку облегчать свой трудъ, обезпечивать себя, жить ровно и спокойно, а слѣдовательно гораздо болѣе счастливо, чѣмъ теперь. Кромѣ того, тогда не было бы нуждающихся, всѣ были бы довольны судьбой своей, не было бы зависти, ибо всякій довольствовался бы тѣмъ, что имѣетъ общество, былъ бы порядокъ, ибо не было бы злоупотребленій.

Дѣйствительно, не мѣшало бы людямъ хотя отчасти воспользоваться тѣмъ примѣромъ, который даютъ имъ пчелы; надо думать, что этотъ порядокъ вещей установилъ бы хотя отчасти нравственный принципъ между людьми, при которомъ всѣ члены общества выработывали бы, кромѣ своего экономическаго благосостоянія, теплыя чувства участія и самыя благородныя стремленія взаимной дружественной помощи по отношенію другъ друга; сильный черезъ свою силу избавлялъ бы слабаго отъ непосильнаго труда, слабый, недужный и старый, оберегая общее имущество, способствовалъ бы, сбереженіямъ того, что нажито другими; умный руководилъ бы, направлялъ бы всѣмъ; сироты не чувствовали бы своего печальнаго положенія, и не было бы бѣдности на землѣ. Между людьми все это могло бы быть много лучше и совершеннѣе, чѣмъ это у пчелъ и муравьевъ, а между прочимъ пчелы довели свою жизнь до совершенства, а люди еще и не подумали осуществить это на дѣлѣ, несмотря на то, что такой способъ жизни можетъ быть приложенъ и къ цѣлому государству, и къ обществу и даже отдѣльнымъ семействамъ и кружкамъ, такъ какъ онъ несомнѣнно принесъ бы матеріальное благосостояніе и способствовалъ бы нравственному развитію людей.

Но люди думаютъ иначе. Нравственный порядокъ никогда не составлялъ для нихъ приманки; освободить страну отъ нищеты и отъ нищей братьи никогда не возводилось ими на степень идеальной цѣли ихъ стремленій, которую взялось бы преслѣдовать все общество. Въ совершенную противоположность тому, мы у людей встрѣчаемъ лѣнь, гордость, тщеславіе, эгоизмъ, злость, зависть, укрывательство чужой собственности, лицепріятіе, общее несогласіе, упорство въ своихъ, часто совершенно глупыхъ, мнѣніяхъ и полное нежеланіе подчиниться чужимъ, иногда, очень умнымъ, требованіямъ, вражду и, наконецъ, месть со всѣми ужасными отъ нея послѣдствіями. Всѣ

эти качества составляютъ прямые тормазы человѣческаго благосостоянія, которые мы ни у муравьевъ, ни у пчелъ не встрѣчаемъ, почему мы фактически ничего подобнаго между людьми устроить не можемъ и зачастую покрываемся или оправдываемся тѣмъ, что муравьи и пчелы ведутъ слишкомъ простую жизнь, и подобное поведеніе у людей было бы не достойно высокаго ума ихъ.

Нѣтъ, человѣкъ—не послѣднее звено творенія, онъ не можетъ назваться вѣнцомъ живыхъ и разумныхъ существъ, онъ не идеалъ совершенства. Всмотритесь въ его жизнь, какъ въ частную, такъ и общественную, развѣ это не цѣлый и безконечный рядъ курьезовъ, ни съ чѣмъ не сообразныхъ: вѣдь всякій себя медленно убиваетъ; всѣ народы мало-по-малу себя разоряютъ; всѣ общества погрязли въ непроходимыхъ абсурдахъ и связали себя по рукамъ и ногамъ совершенно ненужными предразсудками, принципами, тенденціями и обычаями; причуды, въ которыхъ они запутались, заставляютъ страдать каждаго изъ нихъ и милліоны народовъ, стоящихъ въ зависимости отъ нихъ.

Не будемъ вдаваться въ первыя времена существованія человѣка на землѣ, въ какія-нибудь эпохи пещерныхъ медвѣдей или въ каменный періодъ, въ которомъ были бы понятны разнаго рода неровности человѣческаго характера и даже дикость нрава, ибо можно было бы сослаться на грубыя условія жизни; но вспомнимъ нѣсколько послѣднихъ страничекъ нашей новѣйшей исторіи, о томъ, напримѣръ, какъ какихъ-нибудь лѣтъ двѣсти тому назадъ инквизиція истязала и умерщвляла ежегодно десятками тысячъ ничѣмъ неповинныхъ людей; какія выдумывала она сложныя и вполнѣ замысловатыя орудія пытки и казни для того, чтобы больше заставить страдать и мучиться этихъ бѣдныхъ жертвъ во Имя Всемилостиваго и Всеблагаго Бога,—идеала добра, кротости и любви! Вспомнимъ дѣйствія англичанъ въ Индіи, исторію коммуны во Франціи, которую закончила послѣдняя франко-прусская война; вспомнимъ всѣ наши войны съ ихъ губительными послѣдствіями; вспомнимъ тысячи примѣровъ самаго варварскаго обращенія съ ничѣмъ неповиннымъ человѣкомъ, хотя бы недавно закономъ отмѣненное рабовладѣльчество, но которое фактически существуетъ и въ настоящее время въ видѣ господства сильнаго надъ слабымъ, въ видѣ самыхъ разнообразныхъ видовъ эксплоатаціи бѣдности, нищеты, недуга, порока, страсти, привычки и нужды; вспомнимъ процентъ убійствъ, самоубійствъ и другихъ преступленій и сравнимъ ихъ съ количествомъ обществен-

ной благотворительности;—всѣ страны, всѣ общества, всѣ семейства и, за малымъ исключеніемъ, можно сказать, что всѣ повально люди загрязнены въ такихъ исторіяхъ, что ясно и наглядно показываютъ насколько, несмотря на современное образованіе, на эпоху господства ума и анализа, на глубокое значеніе науки, прошедшей даже до нашей ежедневной и обыденной жизни, на количество ученыхъ коллегій, университетовъ, высшихъ и низшихъ школъ, — человѣкъ рѣшительно не умѣетъ распоряжаться собой и своимъ ближнимъ. Все это показываетъ полное отсутствіе тѣхъ знаній, которыя могли бы хотя сколько-нибудь облегчить его жизнь, сдѣлавъ ее нѣсколько лучше, мягче, ровнѣе и обезпеченнѣе, дать правильную цѣль его жизни, стараясь достигнуть которую путемъ опыта и навыка, человѣкъ могъ бы самъ дѣлаться лучше, добрѣе покорнѣе своей судьбѣ, снисходительнѣе къ ближнему и строже къ себѣ.

Для образованія себя въ этомъ направленіи надо было бы человѣку укорениться въ началахъ нравственности и пріобрѣсть нѣкоторое развитіе силъ душевныхъ, безъ которыхъ никто отчетливо сознавать не будетъ тѣ высшія понятія о правильныхъ отношеніяхъ своихъ къ другимъ, единственно черезъ которыя человѣкъ можетъ пріобрѣсти задатки мира на землѣ. Только подобное развитіе могло бы точно указать ему, что никогда общество не можетъ быть дружно, если есть еще въ немъ личности гордыя, самолюбивыя, тщеславныя, завистливыя, и если всякій членъ его не будетъ жертвовать хотя частью своего личнаго разсчета, своимъ покоемъ и своими трудами въ пользу другихъ.

У личностей, нравственно слабыхъ, потребности организаціи преобладаютъ надъ стремленіями души; онѣ легче понимаютъ все, что охватывается разумомъ, или поддается анализу ума, чѣмъ то, что составляетъ влеченіе сердца ихъ. Разсчетъ и практическая логика заглушаютъ въ нихъ то, что изрѣдка, какъ лучъ свѣта, осѣняетъ ихъ, проявившись совершенно для нихъ непонятнымъ образомъ откуда-то, изъ какой-то непонятной и не признаваемой ими глубины ихъ существа, какъ нѣчто совершенно неподходящее, противорѣчащее всѣмъ ихъ воззрѣніямъ, идущее прямо въ разрѣзъ съ ихъ страстями, съ ихъ эгоизмомъ, съ ихъ обыкновеннымъ хладнокровіемъ, съ которымъ они привыкли смотрѣть на страданія ближняго, находя ихъ въ порядкѣ вещей.

Какъ все это жалко и ошибочно!... Вѣдь въ настоящее время можно признать вполнѣ доказаннымъ, что счастье людей

не пріобрѣтается однимъ умомъ и разсчетомъ, что развитіе одного ума не приводитъ къ познанію истины и правильныхъ отношеній человѣка къ природѣ. Наука, вѣдь, вырабатываетъ единственно законы матеріи, вся дѣятельность ея только тѣмъ и ограничивается и нисколько не затрогиваетъ ни одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые способствуютъ человѣку достигать довольства собой и чистую совѣсть. Въ этомъ случаѣ можно сослаться на вполнѣ компетентный авторитетъ великаго русскаго сердцевѣда и профессора **К. Д. Кавелина**, который въ своихъ „Задачахъ этики“ очень опредѣленно выясняетъ этотъ вопросъ; онъ говоритъ: „Что дало наукѣ такое первенствующее положеніе, создало ей роль верховнаго трибунала истины?

„Ея орудіе есть умъ, мышленіе. Сначала онъ считался единственнымъ источникомъ знанія. Его выводы и заключенія признавались за единственное и безусловное мѣрило истины. Логика заняла между науками первое мѣсто.

„Это было высшимъ торжествомъ мыслящей способности человѣка; но и съ нею произошло потомъ то же, что съ развѣнчанной ею непосредственно данной истиной.

„Сперва противъ безусловнаго авторитета разума и мышленія возстало опытное знаніе, которое доказало, что мышленіе, само по себѣ, безсильно и впадаетъ въ ошибки, что оно есть дѣйствительная сила и даетъ въ результатѣ истину только тогда, когда оперируетъ надъ данными—явленіями и фактами. Отсюда пришли къ заключенію, что для полученія истины надо повѣрять выводы и заключенія ума, — наблюденіями и опытомъ.

„Это былъ сильный ударъ, нанесенный авторитету ума. Онъ, привлекавшій все къ своему суду, самъ былъ призванъ къ суду фактовъ и опытныхъ наблюденій.

„Съ этого времени всемогущество ума было поколеблено. Съ разныхъ сторонъ онъ началъ терпѣть пораженіе за пораженіемъ. Прежде всего отъ него отложились естественныя науки, потомъ психологія, право и науки соціальныя. Наступаетъ пора критической переработки и логики по началамъ опытной психологіи.

„Въ наше время всемогущество разума и мышленія обратилось уже въ преданіе, которое скоро совсѣмъ забудется. Циклъ полнаго его развитія совершился, и ему подводятся итоги. Выяснилось, что мышленіе—не все для человѣка; что умъ есть одна изъ способностей психической человѣческой природы: мышленіе—одна изъ ея функцій; что рядомъ съ нею есть и другія, которыхъ она замѣнить не можетъ; что въ об-

щей экономіи человѣческаго существованія она занимаетъ особое мѣсто, имѣетъ свое особое назначеніе, свой кругъ дѣйствія, свои сильныя и слабыя стороны.

„Пока опытное знаніе доканчивало дѣло съ безусловной властью мышленія и вытѣсняло ея слѣды изъ всѣхъ отраслей науки, казалось, будто возникаетъ новая сила, которая овладѣетъ умами и такъ же будетъ руководить ими, какъ прежде вѣра, потомъ чистый разумъ. Но скоро пришлось въ этомъ разубѣдиться. Опытное знаніе есть, по принципу, то же знаніе, какъ и прежнее, чисто логическое, метафизическое, выдававшее себя за обладателя безусловной истины,—но знаніе приближенное къ людямъ, менѣе отвлеченное, болѣе для нихъ полезное и практическое. И логическое, и опытное знаніе одинаково объясняютъ общія условія и общіе законы бытія вещественнаго міра. Противники знанія поняли это ихъ сродство, но не поняли того, что борьба опытнаго, индуктивнаго знанія съ логическимъ и метафизическимъ была междоусобіемъ и громаднымъ шагомъ впередъ къ развѣнчанію злѣйшаго ихъ врага—разума и мышленія, къ обращенію его изъ безапелляціоннаго судьи, безусловнаго распорядителя и устроителя человѣческихъ судебъ въ одно изъ прирожденныхъ свойствъ человѣческой природы. Новаго руководящаго принципа опытное знаніе съ собою не несло и не поставило, но, приблизивъ отвлеченное мышленіе къ дѣйствительному живому человѣку, стало служить ему, удовлетворять его разнообразнымъ нуждамъ и потребностямъ и открыло широкую дверь резвитію прикладныхъ наукъ, техники и техническаго искусства по всѣмъ отраслямъ, въ которыхъ прежде о раціональномъ примѣненіи знанія никто не думалъ и даже не смѣлъ мечтать.

„Въ такихъ условіяхъ стоитъ человѣкъ у порога двадцатаго столѣтія. Они обрисовываютъ его положеніе и ближайшія задачи будущаго" (стр. 140—142). Онъ говоритъ далѣе: „А если это такъ, то не въ одныхъ вещественныхъ условіяхъ существованія, а вмѣстѣ съ ними и въ жизни индивидуальнаго, единичнаго лица, слѣдуетъ искать причины золъ, удручающихъ человѣческій родъ, слѣдовательно не одинъ вещественный міръ долженъ быть улучшенъ и исправленъ, а вмѣстѣ съ нимъ, въ то же время, и единичный, дѣйствительный человѣкъ. Понявъ настоящее значеніе вещественнаго міра и то, въ чемъ заключается тѣсная его связь съ единичнымъ, живымъ человѣкомъ, мы должны рано или поздно убѣдиться, что самъ по себѣ, отдѣльно взятый, оторванный отъ почвы, на которой выросъ, т.-е. отъ психической жизни индивидуальнаго лица, для ко-

торой онъ существуетъ, вещественный міръ не имѣетъ смысла и не можетъ самостоятельно существовать въ понятіяхъ человѣка, какъ собственная его тѣнь, или какъ облака и тучи, съ дождями, грозами и градами, образуемыя испареніями суши и водъ.

„Но специфическое то, что отличаетъ человѣка отъ природы и отъ него самого, какъ животнаго организма — это его сознательная психическая жизнь и дѣятельность, рождаемая способностью перерабатывать внѣшнія впечатлѣнія и внутреннія ощущенія въ новыя формы и приводить ихъ въ новыя сочетанія. Условія, вносимыя этою способностью, неизвѣстны остальному міру; только человѣку доступны формы и комбинаціи, рождаемыя сознательностью. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ продуктами сознательности, какъ съ вещественными явленіями; наступаетъ пора обратить вниманіе на роль этой способности въ жизни и дѣятельности индивидуальнаго лица и въ устроеніи его личной судьбы посреди внѣшней природы и другихъ людей, въ организованномъ сожительствѣ.

„Такимъ образомъ, развитіе самаго знанія приводитъ насъ снова къ религіи и научной нравственности. Обѣ, сначала отвергнутыя, оказываются двумя различными путями къ устроенію личной судьбы, жизни и дѣятельности единичнаго, дѣйствительнаго человѣка, какъ выработка такъ называемаго вещественнаго міра есть лишь путь для устроенія судьбы, жизни и дѣятельности, мы не можемъ остановиться ни на религіи, какъ на догматическомъ ученіи, ни на этикѣ, какъ на научной системѣ, а должны спуститься еще ниже, сдѣлать еще одинъ послѣдній шагъ,—осуществить въ жизни, на самомъ дѣлѣ, то, чему учатъ религія и нравственность. Только воспитаніемъ и безпрестаннымъ упражненіемъ мысль обращается въ дѣйствительность и ихъ различіе исчезаетъ совсѣмъ: идеалъ становится дѣйствительностію, дѣйствительность—идеаломъ.

„Обратимся назадъ. Длиненъ и тяжекъ былъ путь знанія, которымъ шли новые европейскіе народы; но они совершили великое дѣло и великій подвигъ. Они окончательно, безповоротно и блистательно разрѣшили вопросъ о мышленіи, его условіяхъ, законахъ его дѣятельности и участіи въ жизни человѣка и людей. Въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано по этому вопросу христіанской Европой, всѣ усилія и попытки древняго міра и востока кажутся ребяческими начинаніями, младенческимъ лепетомъ. Соблазнившись древомъ познанія добра и зла и повторивъ исторію грѣхопаденія, христіанскіе народы Европы разгадали загадку мышленія, разсѣяли его миражи, выяснили

механику, которая ихъ производитъ. Въ этомъ великая заслуга европейцевъ. Благодаря результатамъ, достигнутымъ ихъ неимовѣрными усиліями и тяжкими жертвами, дальнѣйшій путь указанъ и облегченъ. Будущіе дѣятели и двигатели развитія рода человѣческаго, кто бы они ни были, могутъ, зная то, что уже сдѣлано и выяснено, идти далѣе, не смущаясь тѣмъ, что такъ долго и такъ мучительно сбивало ихъ съ толку на пути къ возможному улучшенію быта и дѣятельности человѣка—посреди природы и другихъ людей“ (стр. 145—147).

Чтобы познакомиться съ мнѣніемъ философа Канта, мы приведемъ сокращенный смыслъ его подробныхъ разсужденій изъ книги „Kritik der practischen Vernunft“.

По Канту, нравственность есть сама по себѣ цѣль. Исполнять этотъ законъ должно не для того, чтобы получить счастіе (все равно въ этой или будущей жизни), но только потому, что этотъ законъ самъ по себѣ хорошъ, разуменъ и соотвѣтствуетъ истинной природѣ человѣка. Вопросъ о томъ, для чего надо быть нравственнымъ, безсмысленъ; это высочайшій долгъ человѣка и никакого другаго смысла онъ не имѣетъ. Искать какой-нибудь иной цѣли, значило бы подчинять его чему-нибудь иному, и тѣмъ отрицать безусловную высоту нравственнаго начала, видѣть въ немъ лишь средство.

Но здѣсь возникаетъ передъ нами наиболѣе трудный вопросъ. Счастье не можетъ быть цѣлью нравственной дѣятельности; это установлено окончательно. Но, съ другой стороны, если долгъ и есть самъ по себѣ высшее благо, то полная и окончательная справедливость требуетъ, чтобы добрый человѣкъ не былъ несчастнымъ. И это не есть эгоистическое желаніе человѣка, но требованіе самого разума, который ищетъ полной справедливости (стр. 133). Затрудненіе это состоитъ не столько въ томъ, что мы видимъ теперь въ мірѣ несправедливое распредѣленія счастія, но дѣйствительная, и повидимому, неустранимая трудность вопроса состоитъ въ томъ, что мы вообще не можемъ представить никакой связи между исполненіемъ долга и счастіемъ.

Счастье и нравственность вообще могутъ быть связаны только трояко: или счастіе и нравственность есть одно и то же, или нравственность порождаетъ счастіе, или, наконецъ, счастіе порождаетъ нравственность. Что счастіе и нравственность не одно и то же, что правила для достиженія втораго иныя, чѣмъ правила для достиженія перваго — это уже доказано: долгъ состоитъ именно въ томъ, чтобы отрѣшиться отъ всѣхъ предметовъ желаній и слѣдовать одному формальному,

нравственному закону. Еще невозможнѣе второе предположеніе, именно, что счастіе есть причина нравственности. Это утвержденіе прямо ложно, ибо нравственность состоитъ не въ какой-нибудь цѣли, но въ самомъ нравственномъ дѣйствіи. Что касается до третьяго возможнаго предположенія, именно, что нравственность есть причина счастія, то оно повидимому тоже невозможно, ибо счастіе обусловленно неизмѣнными законами природы; для достиженія его должно знать эти законы, умѣть ими воспользоваться, однимъ словомъ, — имѣть совершенно иное правило поведенія, чѣмъ безусловное и формальное предписаніе нравственнаго долга (стр. 140—143).

Таково коренное противорѣчіе дѣятельнаго разума. Онъ требуетъ, съ одной стороны, чтобы полное благо, т. е. соединеніе нравственности со счастіемъ, было возможно, съ другой — не находитъ никакихъ основаній для этого совпаденія.

Изъ этого противорѣчія, — говоритъ Кантъ, — есть только одинъ исходъ, именно признанія бытія такого Верховнаго Существа, которое, стоя выше какъ природы съ ея законами, такъ и конечныхъ существъ, привело бы въ правильную связь добродѣтель съ счастіемъ. Человѣкъ, какъ разумно дѣйствующее въ мірѣ существо, не есть творецъ міра и природы, поэтому и въ исполняемомъ имъ нравственномъ законѣ нѣтъ еще никакого основанія для необходимаго совпаденія между добромъ и счастьемъ. Но такъ какъ это совпаденіе есть требованіе (постулатъ) его разума, безъ котораго сама нравственность, какъ возможность полнаго блага, недостигаема, то мы необходимо приходимъ къ утвержденію бытія Разумнаго Творца и Промыслителя, востановляющаго міровую справедливость, т. е. Бога. Бытіе Бога, признанное возможнымъ, но непостижимымъ для теоретическаго разума, открывается теперь какъ дѣйствительное и необходимое нравственному сознанію. Нравственный долгъ открываетъ новый міръ, міръ сверхчувственный съ его Главою и Промыслителемъ—Богомъ (стр. 150).

Фихте старался установить тождество бытія и мысли, существованія и сознанія, объекта и субъекта. Въ виду такой цѣли онъ разсматриваетъ „я“, какъ дѣятельность по преимуществу.

Согласно съ этимъ, въ практической части своей философіи, онъ приходитъ къ заключенію, что истинное назначеніе человѣка не мысль, но дѣйствіе, которое есть осуществленная мысль. „Я свободенъ“, говоритъ онъ.

„Это откровеніе моего сознанія. Я свободенъ; все мое достоинство опредѣляется не только моими дѣйствіями, но и сво-

бодным рѣшеніемъ моей воли повиноваться голосу совѣсти. Вѣчный міръ для меня теперь свѣтлѣе, и основные законы его устройства яснѣе раскрываются предъ моимъ умственнымъ взоромъ. Моя воля, сокрытая въ глубокомъ тайникѣ души моей, есть первое звено въ цѣпи слѣдствій, охватывающей невидимое царство духа, точно такъ какъ въ этомъ земномъ мірѣ дѣйствіе, —движеніе, сообщенное матеріи, — есть первое звено въ матеріальной цѣпи причинъ и слѣдствій, охватывающей этотъ міръ. Воля есть дѣйствующая причина, живой принципъ духовнаго міра, движеніе же есть принципъ чувственнаго міра. Я стою между этихъ двухъ міровъ: съ одной стороны — міра видимаго, въ которомъ существенно только одно дѣйствіе, тогда такъ намѣреніе не имѣетъ никакого значенія, съ другой—міра невидимаго и непостижимаго, на который воздѣйствуетъ воля. Въ обоихъ этихъ мірахъ „я"—дѣйствующая сила. Божественная жизнь, какъ ее можетъ представить себѣ конечный умъ, самообразующаяся, самопредставляющаяся воля. Взору смертныхъ она является облеченной въ безчисленное множество чувственныхъ формъ, она проникаетъ меня и всю неизмѣримую вселенную, пробѣгая по моимъ жиламъ и мышцамъ и сообщая жизнь деревьямъ, цвѣтамъ, травѣ. Мертвая, тяжелая масса инертной матеріи, наполнявшей природу, исчезла и вмѣсто нея течетъ изъ своего безконечнаго источника свѣтлый, вѣчный потокъ жизни и силы.

„Вѣчная воля есть Творецъ конечнаго разума. Кто полагаетъ, что міръ созданъ изъ инертной матеріи, которая всегда должна оставаться безжизненной подобно сосуду, сдѣланному человѣческими руками, тотъ не знаетъ ни міра, ни его Творца. Только воля или безконечный разумъ существуютъ въ самомъ себѣ, конечный же въ немъ; въ нашей душѣ воля эта создала міръ, или покрайней мѣрѣ то, при посредствѣ чего онъ раскрывается предъ нами. Великая, животворящая воля, невыразимая словомъ и необъемлемая никакимъ понятіемъ, къ тебѣ я возношусь мыслію, потому что только въ тебѣ я могу разумно мыслить! Въ тебѣ, непостижимая воля, разгадка моего собственнаго существованія и бытія міра; въ тебѣ я нахожу рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и обрѣтаю царство полной гармоніи. Я закрываю предъ тобою лицо и налагаю перста на свои уста". (Ист. филос. Льюисъ, т. II, стр. 290, 291).

Человѣкъ, потерявши вѣру въ непогрѣшимость своихъ чувствъ, въ абсолютное значеніе своей науки, въ неограниченную силу своего разума и своихъ способностей, неминуемо долженъ сойти съ своего высокомѣрнаго пьедестала тщеславнаго всевѣдѣнія и

признаться, что былъ на ложномъ пути. Онъ долженъ понять, наконецъ, что есть нѣчто Высшее, передъ чѣмъ уничтожаются, стушевываются и теряютъ всю свою привлекательную прелесть всѣ тѣ идеалы, которые съ такимъ увлеченіемъ онъ преслѣдовалъ раньше; онъ долженъ признать себя совершенно несчастнымъ и даже презрѣннымъ существомъ, если, не откинувъ всю свою гордость, все тщеславіе, всю самоувѣренность, не будетъ смотрѣть на себя, какъ на *ребенка*, изъ котораго долженъ современемъ только выйти другой, болѣе совершенный, человѣкъ; если онъ не будетъ желать своего полнаго образованія, т. е. умственнаго и нравственнаго одновременно, и если онъ не будетъ увѣренъ, что рано или поздно достигнетъ того, что составляло уже для него цѣль, и чего онъ здѣсь на землѣ достигнуть не могъ.

Глава X.

Смерть человѣка.

Если смерть еще не конецъ нашего существованія, а только метаморфоза, если могила не болѣе какъ колыбель новой лучшей и безконечной жизни, то, умирая, не вполнѣ ли мы походимъ на бабочку, которая только что выходитъ изъ своей куколки, или изъ своей временной могилы: — она еще не оправилась отъ тѣхъ физическихъ усилій, которыя ей пришлось испытать; она скоро отдохнетъ и сейчасъ же подымется на воздухъ, станетъ летать и парить подъ облаками, чего она никакъ не могла сдѣлать, бывши червячкомъ. Это весьма наглядное изображеніе этой метаморфозы, которая неминуемо должна постигнуть всѣхъ насъ.

Но вотъ вопросъ, — постигнетъ ли эта метаморфоза всѣхъ насъ одинаково? Будутъ ли слѣдствія ея для всѣхъ насъ однообразны? Что по преимуществу должно влiять на результаты ея?

Несомнѣнно, что наше матеріальное тѣло со всѣми его физическими свойствами и потребностями, наша красота и элегантность или, наоборотъ, наша грубость и всякаго рода тѣлесныя уродства — не будутъ влiять на результаты роковой метаморфозы; все это останется на землѣ и будетъ похоронено въ могилѣ, какъ принадлежности никуда уже болѣе не годнаго и отслужившаго свою службу тяжелаго чехла или временной оболочки души.

Что же можетъ остаться при душѣ, потерявшей свое земное тѣло и сохранившей лишь свою индивидуальность или свое земное „я". Что же останется при душѣ такое, что больше всего будетъ влiять на результаты, или лучше сказать на ощущенія, сопровождающія какъ самый переходъ человѣка въ но-

вую жизнь, такъ и на самое загробное его состояніе? Отъ чего главнымъ образомъ будетъ зависѣть состояніе души въ этомъ царствѣ безконечнаго добра и милосердія? Нѣтъ сомнѣнія, что все состояніе души, какъ во время перехода, такъ и въ теченіе всей загробной жизни будетъ зависѣть всецѣло отъ тѣхъ нравственныхъ качествъ души, которыя выработала она въ себѣ въ теченіе земной жизни, ибо только одни качества остались при ней, все же остальное — матеріальное и вещественное погребено въ могилу; — а потому весь вопросъ сводится къ слѣдующему: человѣкъ обладаетъ двумя главными силами и способностями своей души, это умомъ и нравственностью; влiять могутъ только результаты дѣятельности этихъ силъ, присущихъ его существу, а потому постараемся разобрать результаты дѣятельности каждой изъ нихъ и вывести возможность влiянія каждой изъ нихъ на состояніе души за гробомъ.

Начнемъ съ *нравственности*: разбирая свои нравственныя качества, человѣкъ дѣлаетъ имъ огромное число подраздѣленій: есть люди добрые, злые, честные, преступные и т. д. Очень много подраздѣленій происходитъ отъ разнообразія занятія, мѣста жительства, отъ образованія и культуры; есть люди дикіе и грубые, — вспомните первобытныхъ людей или современныхъ камчадаловъ и самоѣдовъ; есть, наоборотъ, и чрезвычайно образованные, чувствительные и развитые люди; есть, люди обращающіе вниманіе и вникающіе во всѣ требованія своихъ внутреннихъ стремленій и потребностей; есть такіе, которые отвергаютъ и стараются заглушать, если бы что-либо подобное и проявилось въ нихъ. Несмотря на то, мы, однако, видимъ, что понятіе о нравственности не относительно, а, напротивъ, нравственность имѣетъ свой абсолютный смыслъ и законъ. Вездѣ считается безнравственнымъ убивать ближняго, пользоваться чужимъ добромъ, бить слабаго, быть неблагодарнымъ, лгать, посягать на свою жизнь и т. д., изъ чего дѣйствительно должно заключить, что нравственность не относительна, а пониманіе ея до нѣкоторой степени опредѣленно и абсолютно въ самой природѣ нашей души, а слѣдовательно весьма естественно, что наша душа, преступая законы нравственности во время своей жизни, послѣ смерти должна быть болѣе или менѣе грѣшна, а можетъ быть и совсѣмъ преступна. Только лица совершенно нравственныя могутъ имѣть чистую душу. Мы всѣ должны перейти черезъ смерть; — встрѣтимъ ли мы всѣ одно и то же въ будущей нашей жизни? — Наше сознаніе и совѣсть намъ говорятъ, что этого быть не можетъ.

Если каждый изъ насъ еще при жизни на землѣ чувствуетъ всегда, когда преступаетъ законы нравственности и законы любви, то въ правѣ ли мы предполагать, что за гробомъ голосъ совѣсти будетъ меньше преслѣдовать насъ и настаивать на своихъ требованіяхъ?

Это немыслимо, — нельзя въ этомъ случаѣ не принять во вниманіе, что въ теченіе всей земной жизни всѣ чувства нашей души притуплены познаніемъ ощущенія нашего грубаго и вещественнаго тѣла, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ философовъ, которые признавали душу въ человѣкѣ, всѣ выражались въ этомъ направленіи, никто изъ нихъ не могъ допустить, чтобы тѣло человѣка хотя сколько-нибудь способствовало свободнымъ отправленіямъ души. Давъ человѣку тѣло, природа совсѣмъ отняла у него многія способности качества души, а тѣ, которыя и остались, стѣснены отправленіями его тѣла. Вотъ эти-то только парализованныя чувства души и ощущаетъ человѣкъ, пока не умретъ, они то и производятъ въ немъ: мученіе совѣсти, сознаніе пороковъ или вообще сознаніе нашей грѣховности. Эти мученія, конечно, не велики, ибо не могутъ проявиться со всей ихъ силой; они не причиняютъ намъ на землѣ физическихъ безпокойствъ, или чего-либо изъ того, что мы называемъ „болью" въ полномъ смыслѣ этого слова; эти мученія никакъ не похожи ни на прижиганія раскаленнымъ желѣзомъ, ни на то ощущеніе, которое получается при вытягиваніи жилъ изъ тѣла, или на что-либо подобное. За гробомъ это должно быть совершенно иначе: отправленія души будутъ свободны, всѣ ощущенія ея будутъ предоставлены самимъ себѣ, полному и свободному дѣйствію ихъ, и ничто уже больше не будетъ стѣснять ихъ развитія и ихъ стремленій.

Въ природѣ мы видимъ, что чѣмъ грубѣй организмъ, тѣмъ менѣе впечатлѣнія производятъ на него нравственныя страданія. Животныя почти совсѣмъ не имѣютъ ихъ, ибо тѣ слабые признаки совѣсти и сознанія своей вины, которые изрѣдка мы замѣчаемъ у высшихъ и притомъ только у домашнихъ животныхъ, могутъ быть всегда сведены къ страху наказанія. У животныхъ въ дикомъ, или въ неприрученномъ состояніи, мы ихъ совершенно не видимъ; лишнее было бы говорить о птицахъ и рыбахъ. Чувствительность души существуетъ только у людей и она растетъ по мѣрѣ образованія и развитія человѣка. Камчадалы и самоѣды имѣютъ чувственность низшую, чѣмъ люди образованные.

Люди развитые, нервные, совершившіе преступленія мучаются укорами совѣсти. Она причиняетъ имъ нравственныя

страданія. Эти страданія усиливаются отъ одиночества и во снѣ, когда отправленія души свободнѣе, когда укоры совѣсти не развлекаются жизнью. Преступники въ ужасѣ вскакиваютъ, вспоминая ужаснѣйшія страданія, которымъ они подвергались во снѣ, сонъ для нихъ не утѣшеніе, онъ не облегчаетъ ихъ общаго состоянія, и ихъ нравственный недугъ дошелъ бы можетъ быть до сильныхъ мученій, если бы этому не препятствовала бы слабость организаціи, тѣло изнуряется, слабѣетъ и отказывается передавать то, что чувствуетъ душа. Наконецъ, организмъ свыкается и приспособляется къ этому положенію, и скоро человѣкъ, безъ всякихъ рѣзкихъ ощущеній, вспоминаетъ о своемъ поступкѣ и находитъ возможность заглушить и тѣ слабыя проявленія сознанія, которыя изрѣдка тревожатъ его.

Сильныя ощущенія душевныхъ страданій мы видимъ только при моментальныхъ ихъ проявленіяхъ: человѣкъ, вспомнивъ вдругъ свое злодѣяніе, впадаетъ въ ужасное состояніе, которое часто самъ опредѣлить не можетъ; но онъ положительно утверждаетъ, что это что-то ужасное и непостижимое. Преступники въ тюрьмахъ, для того чтобы заглушить приступы укоровъ совѣсти, прибѣгали не разъ къ самымъ звѣрскимъ самоистязаніямъ, на которыя не можетъ рѣшиться человѣкъ добровольно, и эти истязанія не способны были удовлетворить ихъ,— они искали и желали всегда еще большихъ и большихъ тѣлесныхъ мученій.

Иногда душа вызываетъ въ мозгу на столько ясное представленіе лица пострадавшаго или мѣста преступленія, что человѣкъ видитъ образы своихъ жертвъ, признавая ихъ здѣсь присутствующими. Но подобное состояніе тоже не можетъ долго длиться, организація беретъ перевѣсъ, силы слабѣютъ, все сглаживается и проходитъ.

Душа наша, освобожденная отъ тѣла, будетъ предоставлена всей силѣ чувствъ, и чѣмъ она сама совершеннѣе, развитѣй и чувствительнѣе, тѣмъ и ощущенія ея будутъ сильнѣе и рѣзче. Нѣтъ причины имъ ослабѣвать или прекращаться, такъ какъ усталость не можетъ быть свойствомъ духа; за гробомъ нѣтъ притупленія чувствительности; поэтому сильныя причины должны вызывать у души рѣзкія ощущенія. Рѣзкія же ощущенія, вызванныя во всемъ существѣ души, состоящей изъ одной чувствительности, должны безспорно вызывать страданія дѣйствительно ужасныя, такія, какихъ мы своимъ грубымъ тѣломъ и представить не можемъ, хотя бы мы вспомнили самыя ужаснѣйшія боли, которыя только можетъ испытать наше тѣло.

Итакъ, если человѣкъ въ продолженіе своего земнаго стран-

ствованія вмѣсто того, чтобы совершенствоваться, очищаться отъ страстей и недостатковъ, отяжелялъ свою совѣсть грѣховными поступками, вырабатывалъ въ себѣ ненормальныя привычки, а слѣдовательно и неестественную природу души, т.-е. не соотвѣтствующую условіямъ загробной жизни,—то, конечно, онъ долженъ будетъ страдать въ загробной жизни.

Необходимость этихъ страданій выводится весьма логично и естественно. Всякое существо—можетъ жить удобно только въ средѣ соотвѣтствующей ея организаціи и чѣмъ болѣе оно гармонируетъ или отвѣчаетъ условіямъ среды, тѣмъ и удобнѣе его жизнь и тѣмъ устойчивѣе его существованіе въ ней. На землѣ всѣ твари вымираютъ, если измѣнить среду ихъ существованія и окружить ихъ другой не свойственной ихъ организаціи. Напримѣръ: рыба, лишенная воды, или животное, погруженное въ воду—погибаютъ немедленно; при менѣе рѣзкихъ переходахъ, какъ всѣ твари, такъ и человѣкъ чувствуютъ свое не нормальное состояніе, они страдаютъ; отчасти ихъ организмъ имѣетъ возможность приспособляться къ этому состоянію; происходитъ борьба органическихъ силъ съ внѣшними условіями, всегда очень тягостная и томительная, которая кончается или акклиматизаціей, или смертью субъекта. Загробное царство мы не можемъ представить себѣ иначе, какъ царствомъ добра милосердія и любви. Все дышетъ въ немъ этими качествами все проникнуто ими, или лучше сказать все состоитъ изъ нихъ и все что не соотвѣтствуетъ идеѣ добра и любви, все, что не носитъ въ себѣ соотвѣтствующихъ оттѣнковъ и характера, не можетъ отвѣчать условіямъ удобной и нормальной въ немъ жизни, ибо не можетъ гармонировать съ условіями загробной среды. Злая, преступная, завистливая душа не найдетъ подходящихъ условій для жизни за гробомъ, не найдетъ никакихъ условій, которыя отвѣчали бы ея природѣ. Она всегда будетъ чувствовать себя, какъ рыба, вынутая изъ воды и предназначенная жить въ воздухѣ; съ тою только разницей, что смерти, (понимая ее въ земномъ смыслѣ), за гробомъ уже нѣтъ, а потому ей предстоитъ весьма тягостная акклиматизація, или лучше сказать весьма болѣзненное перерожденіе и измѣненіе всѣхъ своихъ качествъ и всей своей природы на другую, окончательно не похожую на ту, которая въ настоящее время у нея. Какъ произойдетъ все это перерожденіе, конечно, мы знать не можемъ — но логика должна подсказывать, что состояніе ощущеній этой души должно быть весьма болѣзненно и тѣмъ болѣе болѣзненно, чѣмъ менѣе душа эта соотвѣтствовала условіямъ добра и любви.

Однако, не одно количество отступленій отъ нормальныхъ условій загробной жизни будетъ причиной страданія души; это было бы немыслимо. Мы можемъ сожалѣть только о томъ, что мы понимаемъ, охватываемъ и произвольно отвергаемъ. Наша грѣховность можетъ составлять для насъ причину наказанія только тогда, когда мы знаемъ ее и осмысленно допускаемъ ее. При этомъ только условіи пороки и страсти могутъ быть связаны непосредственно съ существомъ души и составлять ея болѣзни и язвы.

Возьмемъ, для примѣра, первобытнаго человѣка, камчадала или самоѣда;—уровень нравственнаго развитія у нихъ стоитъ очень низко, способности души не развиты, она груба и маловоспріимчива, — какъ можетъ такая дикая душа понимать оттѣнки нравственности, какъ можемъ мы требовать, чтобы совѣсть ея заговорила отъ тѣхъ поступковъ, которые у нравственно развитаго человѣка считаются цѣлыми преступленіями. Убивать врага считается по мнѣнію дикихъ народовъ доблестью; хоронить заживо жену при похоронахъ мужа—это обязанность; убивать на могилѣ друга раба, чтобы онъ отнесъ на тотъ свѣтъ привѣтствіе другу—есть обыкновеніе, сохранившееся и до сихъ поръ въ Дагомеи и т. д. Какъ можно осуждать ихъ за подобные поступки, если совѣсть ихъ не преслѣдуетъ, не подсказываетъ имъ всю худую сторону ихъ поведенія, а слѣдовательно они не преступны, они только несовершенны, чувства ихъ грубы, они не въ состояніи понять, охватить то, что вызвало бы у образованнаго человѣка вѣчные укоры совѣсти. Предположимъ, что они оба умираютъ; могутъ ли одинаковые поступки въ одинаковой степени произвести впечатлѣніе, а слѣдовательно и одинаковое болѣзненное ощущеніе въ этихъ двухъ душахъ, имѣющихъ совершенно разную степень развитія и совершенства? Душа одного чувствительна, нѣжна, развита, разумъ свободенъ, мысли возвышенны, пониманія полны и отчетливы, онъ можетъ вполнѣ свободно отличать худое отъ хорошаго. Душа другого жестка и нечувствительна, развитіе ея только немногимъ превосходитъ развитіе животныхъ, разумъ не получилъ никакого образованія и не имѣетъ никакой мыслительной способности. Ясно, что подобная душа по существу своему не можетъ еще охватывать и понимать въ достаточной степени всю порочность своего поведенія. Ясно, что имѣя пороки, обѣ души послѣ смерти не могутъ блаженствовать, ибо обѣ еще не очистились отъ грѣховъ; но душа одного болѣе совершенна и должна быть чувствительнѣе второго, а потому одинъ и тотъ же грѣхъ

производитъ въ загробномъ состояніи первой души болѣе сильныя ощущенія, чѣмъ въ душѣ второго. Разница между этими обѣими душами та, что первой душѣ нужно только исправиться и очиститься отъ грѣховъ, загладить свою душевную порочность и отдѣлаться отъ всего, что мучаетъ ее, тогда какъ другой нужно еще пріобрѣтать свое нравственное развитие и пониманіе истины.

Но какимъ же образомъ природа своими собственными средствами можетъ отдѣлить хорошее зерно отъ плевелъ?—Человѣкъ, конечно, не въ состояніи отвѣтчать на всѣ подобные вопросы, ибо на нихъ не можетъ быть законовъ природы. По смерти своей всякій представляется на судъ Пресвятой Воли Всесильнаго Творца. Онъ сотворилъ человѣка, Онъ Одинъ можетъ оцѣнить его поступки и опредѣлить каждому изъ нихъ особое состояніе, которое каждый заслужилъ; человѣку же остается только съ покорностью принять Ее, ибо Она Святая, Непогрѣшимая и Правосудная.

Таково роковое вліяніе нравственной жизни на загробное существованіе человѣка. Какъ оно, такъ все внутреннее духовное развитіе души отразятся всецѣло на родѣ и степени ощущеній, которыя будутъ сопровождать душу втеченіе всей безконечной ея загробной жизни, иначе человѣкъ, слѣдуя логическимъ путемъ мышленія отъ извѣстныхъ ему данныхъ, не можетъ себѣ составить представленія о загробномъ своемъ существованіи.

Разберемъ результаты дѣятельности *ума:*

Предметъ дѣятельности ума человѣческаго состоитъ въ познаніяхъ вообще. Онъ главнымъ образомъ занятъ изученіемъ природы и отношеній между людьми. Всѣ остальныя дѣятельности ума, какъ второстепенныя, могутъ всегда быть подведены подъ одну изъ этихъ рубрикъ.

Но всю ли природу изслѣдуетъ умъ и всѣ ли отношенія между людьми?—Если вникнуть въ область дѣятельности ума, мы увидимъ, что онъ главнымъ образомъ касается того, что находится въ предѣлахъ его силъ и способностей, то, что для него наглядно и неоспоримо, что онъ можетъ охватить и понять и ясно себѣ представить; на этомъ основаніи изученіе природы ограничивается почти исключительно изученіемъ одной матеріи, а опредѣленіе отношеній между людьми исчерпывается опредѣленіемъ законныхъ и общественныхъ правъ, ограничивающихъ произволъ личностей, преступающихъ изъ своихъ личныхъ разсчетовъ естественныя права другихъ.

Подобная дѣятельность ума, ограниченная одними знаніями

матеріи и установленіемъ или распредѣленіемъ правильныхъ отношеній между людьми, не вліяетъ на загробное состояніе души. Постараемся это выяснить, указавъ на естественныя способности каждаго духа.

Духи обладаютъ такими способностями видѣть и знать природу, до которыхъ никогда наука и донынѣ не можетъ въ своей компетентности. Опредѣленіе правильныхъ отношеній между людьми на землѣ подавно не можетъ распространяться въ другія сферы жизни и должно считаться необходимымъ на одной землѣ. Начнемъ съ разбора чувствъ духовъ:

1) Духи должны обладать всѣми чувствами, которыя имѣемъ мы; это весьма естественно и иначе быть не можетъ, ибо всѣ способности человѣка составляютъ способности его души, а не тѣла. Но кромѣ того у духовъ онѣ должны быть несравненно больше развиты, чѣмъ у насъ, ибо вещественное тѣло человѣка значительно парализуетъ ихъ.

2) Духи должны имѣть кромѣ этихъ чувствъ еще другія, которыхъ у насъ нѣтъ.

Какія же это чувства у нихъ, которыхъ у насъ нѣтъ? Это вопросъ, на который, конечно, отвѣта получить нельзя. Попробуйте слѣпорожденному описать яркокрасный цвѣтъ — онъ вамъ скажетъ: „Да, я понялъ, —это такъ же блеститъ, какъ звукъ трубы". Если вы будете описывать глухорожденному звукъ арфы, —онъ вамъ скажетъ: „Я понялъ, — это также нѣжно и пріятно, какъ зелень луговъ". Итакъ скажемъ, что понять мы ихъ не въ состояніи, а слѣдовательно и настаивать на этомъ излишне. Хотя можно съ увѣренностью сказать, что духи относятся къ нашимъ матеріальнымъ предметамъ совершенно не такъ, какъ мы, —у нихъ свои, особые взгляды на вещи, они имѣютъ дѣло съ такими силами, съ такими матеріями, такими и разными другими факторами и законами природы, которые намъ не могутъ быть знакомы. Царство междупланетнаго эфира, конечно, имѣетъ свою географію, свои государства, свои законы, но все это отъ насъ такъ скрыто, что мы не можемъ составить себѣ никакого ровно представленія, а потому обратимся къ тѣмъ пяти чувствамъ, которыя намъ знакомы, а именно: зрѣніе, обоняніе, осязаніе, вкусъ и слухъ.

Выше мы отчасти коснулись недостаточности чувствъ человѣка; мы сказали, что даже многія животныя имѣютъ такое развитіе чувствъ, которому мы можемъ только удивляться; мы укажемъ здѣсь, на нѣкоторыхъ людей, обладающихъ чувствами, значительно превышающими способности ихъ собратій; напримѣръ: развитіе слуха у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ до-

ходитъ до неимовѣрныхъ предѣловъ,—они, приложивъ ухо къ землѣ, слышатъ за 2 версты идущаго человѣка, и кромѣ того, по звуку шаговъ и по походкѣ угадываютъ врагъ ли это, или свои. Необыкновенное развитіе слуха мы также видимъ у нѣкоторыхъ капельмейстеровъ,—они могутъ слышать фальшивую ноту въ оркестрѣ въ то время, когда сотня музыкантовъ играетъ полною силою своихъ инструментовъ, и различить, какой именно инструментъ взялъ эту ноту.

Если бы мы приписали духамъ только подобное развитіе чувствъ,—мы никакого понятія о нихъ еще не составимъ. Надо предположить въ дѣйствительности ихъ способности много выше.

Мы можемъ составить себѣ понятіе о развитіи чувствъ у духовъ, только разобравъ успѣхи нашей науки, которая искусственнымъ путемъ съумѣла улучшить наши естественныя чувства. Разберемъ, напримѣръ, зрѣніе. Конечно, до изобрѣтенія микроскопа мы не имѣли даже и понятія о существованіи безконечно малыхъ существъ, напримѣръ, въ каплѣ воды; но видимъ ли мы ихъ всѣхъ? Нѣтъ,—мы должны сознаться, что наши микроскопы слишкомъ несовершенны, ибо есть еще множество меньшихъ тварей, которыя намъ не видны; не говоря уже о нихъ, мы скажемъ, что микроскопическія животныя, которыхъ еле-еле улавливаютъ наши самые сильные микроскопы, о которыхъ мы можемъ сказать только, что они существуютъ, не вникая въ подробности и въ детали ихъ строенія, которыя слишкомъ мелочны для этого,—составляютъ свой особый міръ, свою лабораторію жизни, совершенно такую же, какъ и наша организація. Духи, управляя всѣми явленіями міра и самою организаціею существъ, должны видѣть не только одно то, что живетъ, но и всѣ причины жизни, начиная отъ самаго атома и идя дальше до причинъ образованія атома; ибо субстанція, изъ которой состоятъ сами духи, много тоньше и чище, чѣмъ всѣ эфиры и все носящее на себѣ характеръ матеріальный и временный.

Совершенно то же должно сказать и о дальнихъ разстояніяхъ; только изобрѣтеніе телескопа открыло намъ—глаза на ограниченность нашего зрѣнія въ распознаваніи небесныхъ тѣлъ. Тамъ, гдѣ Гиппократъ, Птоломей ничего не видѣли,—Галилей, Гюгенсъ, Кепплеръ въ нѣсколько ночей съ телескопомъ, увеличивающимъ только въ 28 разъ, обогатили науку массой самыхъ существенныхъ открытій; съ улучшеніемъ телескопа мы быстро подвигали свои знанія; но до чего мы дошли? Не должны ли Высшіе Духи, по крайней мѣрѣ, ви-

дѣть въ милліонъ разъ больше этого?—Конечно, должны. Если мы и видимъ звѣзды на небѣ въ наши телескопы, то мы не видимъ ни одной планеты, сопровождающей эти звѣзды, или солнца своихъ системъ. Даже самыя ближайшія отъ насъ остаются намъ совершенно неизвѣстными; мы въ наши телескопы почти совсѣмъ не видимъ Нептуна и Урана—планетъ нашей же системы; мы путемъ вычисленій только отыскали астероиды, отстоящіе отъ земли не далѣе чѣмъ солнце.

Высшіе Духи безспорно должны имѣть зрѣніе много выше нашихъ телескоповъ,—иначе нельзя и предположить, чтобы среда ихъ жизни могло бы быть междупланетное пространство.

Высшіе Духи, имѣя тѣло изъ безконечно тонкой субстанціи, должны видѣть всѣ эфирные токи, всѣ состоянія эфира и всѣ колебанія его несравненно лучше, чѣмъ мы видимъ теченіе нашихъ рѣкъ, движеніе нашихъ водопадовъ и вообще состояніе всѣхъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ на землѣ; было бы невозможно предположить, чтобы Высшіе Духи, управляя явленіями природы, не были бы полновластными распорядителями всѣхъ электрическихъ и магнетическихъ токовъ, звуковъ, свѣтовыхъ, тепловыхъ, колебанія эфира,—они всѣ должны быть имъ вполнѣ ясны и доступны.

Нечего и говорить насколько возвысились бы наши понятія, если бы мы обладали такою способностью зрѣнія,—какой ужасный скачекъ сдѣлала бы наша земная наука! Насколько упростились бы методы нашихъ изслѣдованій!

Какое громадное упрощеніе въ химіи, если бы простой глазъ могъ проникать во внутренность тѣлъ, могъ прямо видѣть самые молекулы и судить относительно ихъ вѣса, относительно ихъ кристаллизаціи, ихъ формы, и прямо видѣть движеніе атомовъ. Достаточно было бы одного взгляда, чтобы узнать весь внутренній составъ тѣла; можно было бы однимъ взглядомъ дѣлать всѣ химическіе анализы и самыя запутанныя комбинаціи.

Физика также не имѣла бы отъ насъ секретовъ,—мы могли бы простымъ глазомъ видѣть то, о чемъ мы теперь догадываемся, надъ чѣмъ трудимся и стараемся разрѣшить. Мы простымъ глазомъ видѣли бы, какъ нагрѣваются тѣла и какъ они наэлектризовываются. Мы видѣли бы, что такое теплородъ, и что такое свѣтъ; мы видѣли бы объясненіе всѣхъ законовъ математики, объясненіе всѣхъ физическихъ силъ, свѣта, магнитизма. Такой глазъ былъ бы совершенно достаточенъ для разрѣшенія физическихъ, механическихъ задачъ, надъ которыми остановились геніальные умы Ньютона, Ампера и Ге-Люссака.

Мы могли бы повторить подобное разсужденіе и для остальныхъ четырехъ чувствъ, но намъ кажется достаточнымъ дать понятіе о томъ совершенствѣ, до котораго доведены у Высшихъ Духовъ тѣ чувства, которыя находятся у насъ, можно сказать, въ зачаточномъ состояніи.

Но человѣкъ лишенъ этого; такія способности и качества будутъ ему даны только тогда, когда онъ нравственно чистымъ переселится на тотъ свѣтъ, пріобрѣтя на землѣ достаточныя умственныя развитія; если же онъ не пріобрѣтетъ ихъ, то тѣ ничтожныя знанія законовъ матеріи, которыми онъ владѣлъ на землѣ, не улучшатъ его загробнаго состоянія.

Говоря, что знанія законовъ матеріи не могутъ улучшить загробнаго состоянія души, мы рѣшительно не хотимъ оспаривать значеніе наукъ и знаній вообще. Наука можетъ не играть прямой роли въ нашемъ загробномъ состояніи, тѣмъ не менѣе она можетъ быть полезна въ другихъ отношеніяхъ. Не надо забывать, что черезъ успѣхъ наукъ улучшаются условія жизни на землѣ. Облегчая жизнь людей, подготовляется возможность болѣе чуткаго, тонкаго и отчетливаго развитія нравственности; слѣдовательно, если наука и не прямо способствуетъ улучшенію нашей загробной жизни, то, по крайней мѣрѣ, косвенно, черезъ свое вліяніе, она содѣйствуетъ общему ходу міроваго прогресса, который съ своей стороны непосредственно способствуетъ улучшенію условій жизни, а потому смягчаетъ нравы, укореняетъ добродѣтели и дѣлаетъ человѣка лучше.

И такъ, если знанія не могутъ принести пользы человѣку въ загробномъ его существованіи, долженъ ли онъ возводить пріобрѣтеніе ихъ на степень главной цѣли своей жизни? можетъ ли онъ думать, что онъ дѣйствуетъ здраво и благоразумно, занимаясь всю жизнь единственно обогащеніемъ своихъ познаній и извлекая изъ земной жизни максимумъ той пользы, которая ему нужна для его личнаго счастья и блаженства?— Конечно, нѣтъ. Земныя знанія во всякомъ случаѣ не могутъ быть цѣлью жизни человѣка, хотя они безспорно служатъ лучшимъ средствомъ, черезъ которое человѣкъ можетъ достигнуть своего высшаго назначенія.

Никто не можетъ такъ разумно и сознательно дѣлать добро и способствовать благу своихъ ближнихъ, какъ умственно развитой и всесторонне образованный человѣкъ.

Мы видимъ, что многіе глупые и совершенно неразвитые люди дѣлаютъ тоже добро, что, конечно, похвально и заслуживаетъ поощренія, ибо ихъ добро всегда останется добромъ, въ какой бы формѣ оно не проявлялось и какіе бы мотивы не

заставляли человѣка такъ поступать, но, вѣдь, добро это, дѣлаемое ими по влеченію ихъ сердца безотчетно и, какъ бы невольно, совершается ими безъ работы надъ собой и надъ своими противоположными качествами и стремленіями, безъ всякихъ принужденій себя къ своему внутреннему улучшенію, а потому мало способствуетъ нравственному возвышенію человѣка въ его развитіи. Добро, дѣлаемое по влеченію сердца, можетъ быть разсматриваемо, какъ естественное проявленіе или потребность по природѣ своей доброй души человѣка; во всякомъ случаѣ фактъ подобнаго безсознательнаго добра не можетъ заключать въ себѣ понятіе о преуспѣяніи въ добрѣ или прогрессѣ на почвѣ добродѣтелей, составляя лишь слѣдствіе добрыхъ качествъ, которыми владѣла душа человѣка раньше, можетъ быть, еще отъ самаго рожденія его.

Несравненно большую заслугу имѣетъ добро, дѣлаемое разумно, здраво и обдуманно, при которомъ человѣкъ взвѣшиваетъ ту пользу, которую онъ дѣлаетъ и отчетливо знаетъ тѣ лишенія, которымъ она себя подвергаетъ, дѣлая его, принуждая себя внутренне, душой своей, участвовать въ немъ и видѣть въ самомъ дѣлаемомъ имъ добрѣ и заслугу. Однимъ словомъ,—никто не можетъ такъ цѣлесообразно прогрессировать на пути нравственнаго развитія, какъ умственно развитой человѣкъ; но въ этомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что знанія и умственное развитіе составляютъ не цѣль, къ которой долженъ стремиться человѣкъ, но лишь средства къ нравственному его развитію, которое одно въ состояніи дать ему высшее счастье и блаженство на томъ свѣтѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно облегчить его труды по пріобрѣтенію знаній на этомъ свѣтѣ.

Трудно себѣ представить, до какой степени въ каждомъ, даже самомъ мелочномъ, нашемъ поступкѣ нравственные и духовные принципы облегчаютъ и упрощаютъ задачу жизни даже у насъ на землѣ. То, надъ чѣмъ человѣкъ можетъ умомъ работать цѣлыя тысячелѣтія, составлять тысячи системъ и теорій, можетъ написать милліоны томовъ, все это оказалось бы сущимъ вздоромъ передъ тѣмъ, что можетъ дать человѣку нравственное міровоззрѣніе, установившееся въ немъ, какъ основа его знаній жизни и поступковъ.

Приведемъ, для примѣра, всѣ соціальныя науки, имѣющія цѣлью улучшить положеніе человѣка на землѣ и выработать наилучшій строй его жизни. Литература этихъ наукъ громадна, она по объему своему можетъ поспорить съ литературой любой другой отрасли знаній, ибо не о чемъ такъ не хлопочетъ человѣкъ, какъ о томъ, чтобы облегчить свою жизнь, создать

себѣ счастье на землѣ и обезпечить какъ свое положенiе, такъ и положенiе своего потомства. Но кого имѣла въ виду вся эта громадная литература? Не одно ли порочное деморализованное человѣчество, не имѣющее понятiе о своей нравственной и духовной силѣ. Чему можетъ она научить и что можетъ она дать человѣку съ дѣйствительно развитой душей, съ возвышенными чувствами, проникнутому Евангельскими добродѣтелями, преисполненному любовью къ ближнему и отдающему все свое на пользу человѣчества? Передъ его поступками блѣднѣли бы всѣ соцiальныя системы и теорiи, ибо ни одна изъ нихъ не требуетъ и сотой доли того, что добровольно самъ отдавалъ бы этотъ человѣкъ, и для него всѣ миллiоны томовъ наполненныхъ соцiальными выводами превращаются въ жалкiй и безцѣльный лепетъ.

Если какое-либо общество приняло бы принципомъ своей жизни любить другъ друга, положить весь свой трудъ и всю свою дѣятельность на пользу человѣчества, при чемъ каждый былъ бы слугой своего ближняго, — кому изъ нихъ нужны были бы всѣ науки, устанавливающiя правильныя отношенiя между людьми, науки, выработывающiя имущественныя и личныя права, т. е. всѣ юридическiя и полицейскiя науки, всѣ уложенiя о наказанiяхъ, когда нѣкого было бы наказывать; всѣ римскiя, гражданскiя и уголовныя права, когда все имущество состовляло бы собственность того, кто въ немъ дѣйствительно нуждается, и никто себѣ лишняго не оставлялъ бы; всѣ полицейскiя права, когда порядокъ могъ бы возстановить каждый, напомнивъ лишь о Христѣ и Его Святомъ ученiи? Для такого общества одна притча Христова о блудномъ сынѣ замѣнила бы миллiоны ученыхъ книгъ, написанныхъ во всѣ времена существованiя человѣчества.

Однимъ словомъ, — надо признать, что порочному и нравственно-неразвитому человѣку нужно внушать науку о жизни и о необходимыхъ отношенiяхъ между людьми; нравственно же развитый безъ всякой науки сдѣлаетъ во сто разъ больше и лучше, чѣмъ могутъ ему указать всѣ научныя теорiи, основанныя на доводахъ ума и на какой то фиктивной человѣческой справедливости.

Конечно, пока на землѣ такъ много порочныхъ, неразвитыхъ и безнравственныхъ, нужна грубая физическая сила, могущая сдерживать всякаго преступающаго чужiя права, неисполняющаго свои обязанности, нужна наука жизни, силой удерживающая каждаго въ своихъ границахъ, чтобы сначала, хотя одними наружными прiемами, прiучить человѣка къ порядочности и развить въ немъ хотя отчасти желанiе добра. Поэтому всѣ науки жизни, всѣ работы и труды человѣка на этомъ пути умственнаго вразумленiя будутъ признаны крайне полезными и цѣлесообразными, пока есть порочные люди на землѣ.

Но нельзя оспаривать, что болѣе цѣлесообразенъ и радикаленъ трудъ того, кто тѣмъ или другимъ путемъ стремится развить въ человѣкѣ нравственность, непосредственно дѣйствуетъ на причину неправильныхъ отношенiй между людьми, а слѣдовательно и стремится уничтожить зло въ корнѣ и зачаткѣ его.

Высокое нравственное развитiе заставляетъ человѣка забывать свои личныя потребности, свой личный интересъ, требованiя и капризы своей грубой матерiальной природы въ пользу другихъ; онъ не только охотно уступаетъ свое благосостоянiе, свой покой, свои выгоды, но не ищетъ даже своего счастья и блаженства за гробомъ, ибо въ этомъ есть доля эгоизма. Онъ всѣмъ существомъ своимъ отдается на служенiе личности, человѣчеству, обществу и государству, и вотъ, именно, когда должна высказаться вся сила и мощь его знанiй и его учености, ибо онъ будетъ умѣть разумно ставить людей въ такiя обстоятельства, при которыхъ они увидятъ для себя пользу отвыкать отъ грѣха и работать надъ своимъ нравственнымъ улучшенiемъ. Только подобная задача и можетъ составить цѣль жизни и идеалъ счастья нравственно развитаго человѣка, который, отдавшись вполнѣ этой великой идеѣ, будетъ работать надъ укорененiемъ между людьми чистой нравственности и добиваться, чтобы она привилась до такой степени, чтобы составляла потребность человѣка, и только въ этомъ можетъ онъ видѣть вѣнецъ своихъ желанiй, стремленiй и ту *„pia desideria“*, которую можно только мечтать достигнуть человѣку, но которую въ сущности человѣкъ никогда не достигаетъ, ибо постепенно увеличивающiйся кругозоръ будетъ открывать ему все новыя, болѣе свѣтлыя области, увлекающiя его въ безконечность. Идея чистой нравственности не можетъ имѣть предѣла; она также безконечна, какъ Самъ Богъ, а потому это одно увлеченiе чистой нравственной идеей именно и должно составлять высшее познанiе человѣка, ибо одно это знанiе реально, чисто и свято.

Нѣкоторыя условiя жизни духовъ.

Чтобы составить себѣ хотя отчасти картину загробной жизни, постараемся вникнуть въ условiя жизни духовъ и спросимъ себя:

Чѣмъ поддерживаютъ духи питаніе своего тѣла? Нужна-ли имъ пища для поддержанія расхода жизненной силы? — На это надо отвѣтить: что мучительная обязанность, возложенная на человѣка и на животныхъ, и тѣмъ болѣе въ такой грубой формѣ, какъ она у насъ, конечно, не существуетъ. Ихъ тѣло, какое бы оно ни было, эфирное или еще гораздо рѣже и тоньше, какъ всякое тѣло можетъ быть и должно поддерживаться чѣмъ-нибудь, какимъ-нибудь возобновленіемъ; но это возобновленіе должно ограничиваться однимъ непроизвольнымъ актомъ вдыханіемъ того же эфира, который ихъ окружаетъ.

Вопросъ о питаніи существъ на землѣ занимаетъ большую часть жизни ихъ. Многія животныя, въ особенности рыбы, должны питаться постоянно, цѣлый день, иначе они умрутъ отъ истощенія. Съ повышеніемъ въ іерархіи земныхъ существъ уменьшается и необходимость такого частаго принятія пищи, и актъ питанія много облегчается дыханіемъ.

Для высшихъ Духовъ достаточно одного дыханія для поддержанія ихъ эфирнаго тѣла, и актъ этотъ, непроизвольный для нихъ, и совершается безъ особаго для того приспособленнаго, органа, эфирнымъ тѣломъ; это, такъ сказать, свойство ихъ тѣла. Мы видимъ въ природѣ такой способъ въ примѣненіи къ тѣламъ матеріальнымъ; у нѣкоторыхъ лягушкообразныхъ гадовъ и устрицъ, и у другихъ простѣйшихъ животныхъ, дыханіе производится черезъ посредство кожи, которая съ виду имѣетъ совершенно гладкій видъ.

Отсутствіе всякой заботы о насущномъ хлѣбѣ, занимающей насъ такъ упорно въ теченіе всей жизни, есть огромное ихъ преимущество. Всѣ земныя существа обязаны всю жизнь и постоянно для поддержанія своего общественнаго существованія подстерегать другихъ существъ, ловить ихъ, бороться съ ними; изъ этой борьбы за существованіе, изъ соревнованія въ добываніи себѣ пропитанія и другихъ потребностей жизни являются страсти, ссоры, физическія боли, насилія всякаго рода и, какъ слѣдствіе всего этого — ненависть другъ къ другу, страхъ и опасенія за безопасность своего собственнаго существованія. Положеніе человѣка въ этомъ отношеніи рѣшительно не лучше всѣхъ другихъ существъ земли, а во многихъ отношеніяхъ гораздо хуже, потребности его значительно больше, чѣмъ животныхъ, организмъ его хуже приспособленъ къ борьбѣ съ условіями жизни, вкусы избалованы, онъ предпочитаетъ общество себѣ подобныхъ, несмотря на то, что это еще болѣе усложняетъ и утяжеляетъ вопросъ его довольства.

Въ самомъ дѣлѣ, вообразите себѣ родъ людской, если бы

ему не надо было съ такимъ трудомъ доставать свое пропитаніе, и если бы всѣ потребности его сводились бы къ непроизвольному акту дыханія? Это одно произвело бы уже большой переворотъ. Тогда не было бы войнъ, сословій, народовъ, государствъ, не было бы соревнованія, ненависти и страстей. Это былъ бы настоящій рай, воспѣтый поэтами, это были бы послѣдствія счастливо созданнаго организма. Это благодѣяніе природы достигается только высшими нравственными качествами человѣка послѣ перехода его въ загробное состояніе.

Отсюда надо заключить, что дурныя наклонности, не имѣя причины возродиться, не могутъ быть извѣстны духамъ; избавленный отъ хлопотъ отыскивать себѣ пропитаніе, возобновляя свои силы единственно непроизвольнымъ актомъ вдыханія, — житель эфира долженъ предаваться исключительно впечатлѣніямъ своего счастья и спокойствію безъ конца.

Поработавъ немного, — мы устаемъ, наши силы истощаются. Что бы передвинуться съ одного мѣста на другое, мы должны тащить свое тяжелое тѣло, мы подымаемся въ гору, мы спускаемся, — при чемъ расходуемъ большой запасъ нашихъ жизненныхъ силъ и скоро совсѣмъ останавливаемся отъ усталости, мы должны отдохнуть и возобновить весь запасъ израсходованной жизненной энергіи.

Наша мысль также слаба; она уничтожаетъ также запасы, собираемые нашимъ тѣломъ. Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени, вниманіе наше разсѣевается, разсудокъ ослабѣваетъ, и мы принуждены бросать или перемѣнить нашу работу. Все наше тѣло не прочно, вяло, часто разстраивается, и мы хвораемъ. Болѣзни наши есть ужаснѣйшій бичъ человѣчества: всякое нездоровье растетъ и накопляется, современемъ, подъ старость, человѣкъ дѣлается положительно складомъ разныхъ болѣзненныхъ ощущеній.

Жители эфира не знаютъ ни усталости, ни болѣзней. Не зная усталости, они не требуютъ отдохновенія, какъ мы, послѣ тр[illegible]

Духи должны имѣть необыкновенную быстроту въ своихъ перемѣщеніяхъ. Въ очень короткое время они должны облетать необыкновенныя пространства. Если наша мысль уничтожаетъ разстояніе и переходитъ въ одно мгновеніе съ одного конца свѣта на другой, — можно утверждать, что если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, Высшіе Духи съ такою же скоростію сами переносятся по междупланетному эфиру, иначе они не могли бы управлять Вселенной. Быстрота электричества и свѣта не могутъ дать намъ даже и слабаго понятія о подоб-

ныхъ скоростяхъ. Высшіе Духи должны перемѣщаться гораздо скорѣй. Мы, жители земли, имѣемъ мало понятія о скоростяхъ вообще, существующихъ въ междупланетномъ пространствѣ; эти скорости не имѣютъ себѣ подобныхъ на землѣ. Самое скорое передвиженіе, которому можетъ подвергнуться человѣкъ, — это на поѣздѣ желѣзной дороги; наши экстренные поѣзда рѣдко двигаются скорѣе 100 верстъ въ часъ; были рѣдкіе примѣры передвиженія однимъ паровозомъ въ 200 и однажды даже въ 250 верстъ въ часъ, и въ этомъ уже случаѣ человѣкъ долженъ былъ защищать и приспособлять свое тѣло, такъ какъ быстрота движенія воздуха захватывала его дыханіе; это наглядно доказываетъ, что эта быстрота не свойственна его организму. Самое быстрое передвиженіе твердыхъ тѣлъ по поверхности земли мы находимъ при движеніи артиллерійскихъ снарядовъ; они достигаютъ скорости 2.000 верстъ въ часъ; наши чувства уже отстаютъ отъ этой быстроты, и мы не можемъ сдѣлать себѣ яснаго представленія о такихъ быстротахъ; глазъ совершенно не видитъ ядра, а потому даже сравнить нашими чувствами относительности полета двухъ снарядовъ мы не въ состояніи. Но что значатъ всѣ эти скорости въ сравненіи со скоростями движенія планетъ: вспомнимъ, что каждая точка, находящаяся на поверхности земли, пробѣгаетъ до 150.000 верстъ въ часъ; но есть планеты, которыя двигаются еще скорѣй, напримѣръ Марсъ имѣетъ скорость на поверхности своей болѣе 200.000 верстъ въ часъ; вся солнечная система, съ тѣхъ поръ, какъ она существуетъ, не прошла ни разу по одному и тому же мѣсту. Есть скорости еще гораздо большія, такъ: конецъ хвоста кометы 1864 года, огибая солнце, дѣлалъ въ часъ 500.000.000 верстъ; жители эфира должны неминуемо имѣть неимовѣрныя быстроты своихъ передвиженій, чтобы сообщаться съ землей и съ другими планетами. Это ясно; скорость электричества и свѣта 300.000 верстъ въ секунду; состоя изъ эфира и командуя эфиромъ не должны ли загробные жители двигаться скорѣе его?

Сонъ у человѣка отнимаетъ одну треть жизни, у животныхъ еще болѣе. Мы нуждаемся въ снѣ, чтобы запастись истощающимися силами нашего слабаго организма. — Духи совершенно не нуждаются въ немъ; силы ихъ не могутъ ослабѣвать; впрочемъ, и ночи для нихъ нѣтъ. Ночь и день происходятъ у насъ поперемѣнно, вслѣдствіе поворота земли кругомъ своей оси; слѣдовательно, дальше предѣловъ нашей атмосферы и вообще въ междупланетномъ эфирѣ дня и ночи не можетъ существовать.

У духовъ нѣтъ полового различія. Взаимныя привязанности и уваженіе, царствующія у счастливыхъ обитателей эфира, — не могутъ допускать ничего грубаго и исключительнаго по отношенію себѣ подобныхъ существъ; любовь къ одному существу есть такое несовершенство, какъ многія другія, которыя мы встрѣчаемъ въ человѣкѣ и которыхъ у Высшихъ духовъ быть не можетъ.

Взаимныя привязанности и уваженіе другъ къ другу возрастаютъ и замѣняютъ мѣсто любви у всѣхъ существъ земли, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они занимаютъ высшее мѣсто въ іерархіи земныхъ существъ. Животнымъ почти незнакомо чувсто дружбы. Чувство привязанности, которое иногда проявляется у животныхъ, сводится всегда лишь къ материнскому чувству. Материнское чувство у нихъ иногда проявляется очень ясно и искренно, но никогда не длится долго. Мать ласкаетъ своего ребенка и очень внимательно ухаживаетъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока маленькій нуждается въ этихъ ласкахъ вслѣдствіе своей слабости, но какъ только дѣтенышъ подростетъ и можетъ самъ себя прокормить, — мать бросаетъ его и не узнаетъ при всѣхъ съ нимъ встрѣчахъ до самаго конца своей жизни. Постоянство замѣчается лишь въ любви, которая истекаетъ изъ разницы половъ.

У человѣка есть уже чувства уваженія и привязанности и они часто бываютъ совершенно чисты. Мы любимъ нашихъ сыновей, матерей и родственниковъ одинаково въ продолженіи всей своей жизни, и въ этой любви иногда нельзя уловить оттѣнка чего-либо фальшиваго; эта любовь имѣетъ корни во всемъ существѣ нашемъ. Часто безкорыстная любовь существуетъ между людьми совершенно посторонними. Въ этомъ отношеніи человѣкъ стоитъ несравненно выше животныхъ. Если мы сдѣлаемъ одинъ шагъ дальше и перейдемъ къ соотвѣтствующему чувству у духовъ, то мы необходимо должны будемъ приписать имъ высшую степень нашихъ качествъ, а именно: дружбу, освобожденную отъ всякихъ нечистыхъ побужденій. Въ счастливой жизни ихъ совершенно не нужно половое различіе для того, чтобы любить другъ друга; привязанность ихъ есть результатъ ясныхъ отношеній, безконечвой доброты и симпатіи, происходящей отъ обоюднаго совершенства.

Тамъ будетъ царство любви и дружбы; ни человѣческія страсти, ни чувственность и ничто нечистое не будетъ заглушать этой безпредѣльной любви, дружбы, чувства полнаго участія и живѣйшаго желанія добра всему окружающему. Это идеальное чувство полнаго счастія и полнаго довольства

собой будетъ все увеличиваться и займетъ всецѣло его существо, которое вдохновлено и увлечено высокими стремленіями и самой искренней симпатіей ко всему, сотворенному Богомъ. Полное милосердіе ихъ будетъ увѣнчано постояннымъ высокимъ почитаніемъ и восхваленіемъ Творца Вселенной.

Но если это такъ, то какимъ образомъ производится размноженіе? Какимъ образомъ поддерживается и увеличивается ихъ расса? Нѣтъ никакой необходимости въ непосредственномъ размноженіи и поддержаніи рассы самими духами. Это производится низшими мірами, т.-е. землей и другими планетами. Таковъ удѣлъ положенный природой. Размноженіе безполезно и неизвѣстно счастливымъ обитателямъ эфира; они получаютъ съ земли и другихъ планетъ цѣлыя массы новыхъ вполнѣ достойныхъ существъ для пополненія выбывающихъ въ высшія степени той же безконечной іерархіи.

Изъ всего вышеизложеннаго мы должны заключить, что вся матеріальная забота, возложенная на насъ, людей, занимающая всю нашу жизнь, всегда наполняющая насъ заботами и попеченіями о себѣ, не существуетъ у духовъ; они должны быть всецѣло поглощены ощущеніями своихъ чувствъ, своихъ нравственныхъ вкусовъ и своей духовной природы.

Пуше́, директоръ Руанскаго музея естественной исторіи, въ своемъ сочиненіи „Природа", приводитъ слова нѣмецкаго натуралиста **Бремзена**, который доказываетъ, что у человѣка физіологическихъ отправленій столько же, сколько и духовныхъ, т.-е. что человѣка можно назвать состоящимъ по матеріи и по духу изъ двухъ равныхъ частей. Онъ основываетъ это положеніе на томъ, что у человѣка, временами, духъ господствуетъ и распоряжается надъ тѣломъ, а иногда тѣло надъ духомъ". Мы не можемъ, говоритъ онъ, разсматривать человѣка, какъ чистаго духа, но какъ духа, ограниченнаго матеріей. Однимъ словомъ, — человѣкъ не духъ, но въ его тѣлѣ есть духъ, который, несмотря на всю прочную связь съ тѣломъ, довольно свободенъ, и часто можно видѣть, что имъ управляетъ существо выше, чѣмъ самъ человѣкъ. Надо думать, что будутъ когда-нибудь существа много совершеннѣе человѣка. Духовная сторона въ человѣкѣ, къ его матеріальной сторонѣ относится какъ 50 къ 50 съ маленькими колебаніями, ибо иногда духъ господствуетъ, иногда тѣло. Въ послѣдующихъ твореніяхъ, если человѣкъ не составляетъ вѣнца природы, — были бы существа, которыхъ духъ могъ бы быть свободнѣе и достигать, можетъ быть, пропорціи, какъ 75 къ 25. Надо заключить, что человѣкъ былъ сотворенъ въ первыя времена существованія земли и не составляетъ даже средней пропорціональной величины между животнымъ и Ангеломъ. Онъ силится узнавать все возвышенное, но не можетъ, хотя многіе современные философы и утверждаютъ противоположное. Человѣкъ хочетъ познать причину всѣхъ вещей, всего живущаго, чего онъ достигнуть не можетъ. Съ меньшими духовными способностями онъ не желалъ бы этого достигнуть; при большихъ же, онѣ не были бы ему нужны, ибо онѣ были бы ему ясны". (L'Univers p. 750, 3-e ed. Paris 1872).

Пуше́ желаетъ видѣть на землѣ то, что Богомъ опредѣлено для человѣка на небѣ; онъ логическимъ путемъ дошелъ до возможности лучшаго состоянія, при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы духъ его преобладалъ и господствовалъ бы надъ его матеріей; онъ вполнѣ правъ въ основномъ выводѣ своей мысли, но ошибся только мѣстомъ и временемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какія несомнѣнныя преимущества имѣли бы мы, если бы нравственныя силы наши могли бы выказываться и проявляться съ большей отчетливостью и съ большей силой, — какая должна быть мощная сила во всѣхъ стремленіяхъ, во всѣхъ проявленіяхъ ихъ воли.

Одна изъ главныхъ причинъ малаго развитія чувствъ человѣка и вообще всѣхъ способностей его, — есть кратковременность его жизни. Вспомнимъ, какъ коротка жизнь наша въ сравненіи съ существованіемъ всего мірозданія или нашей земли, а въ такое ограниченное время и развитіе способностей души не можетъ дойти до высокихъ степеней. Если бы мысль наша развилась въ это время, мы рѣшительно не имѣли бы времени для соотвѣтствующаго ея употребленія. Въ высшемъ свѣтѣ все имѣетъ время развиться и усовершенствоваться, ибо все подготовлено нашею земной жизнію, и кромѣ того развитіе имѣетъ всѣ необходимыя къ тому условія.

Вниманіе, мысль, разумъ, воля, разсудительность должны достигать у Высшихъ Духовъ необыкновенныхъ размѣровъ. **Ла-Брюіеръ** сказалъ, что онъ не знаетъ ничего болѣе рѣдкаго на этомъ свѣтѣ, какъ здравый смыслъ. Не надо быть большимъ мизантропомъ, чтобы вполнѣ согласиться съ нимъ и сказать, что на 100 человѣкъ мы едва найдемъ одного съ здравымъ смысломъ. У большинства предразсудки, страсти и привычки берутъ верхъ надъ разумомъ. У Высшихъ Духовъ — здравый смыслъ, логика и догадливость должны доходить до размѣровъ, конечно, намъ непонятныхъ.

Усиливая ту логичность, которой иногда обладаетъ человѣкъ, предполагая ее гораздо могущественнѣе и цѣлесообраз-

нѣе, мы можемъ себѣ вообразить, что должны быть существа, у которыхъ логика можетъ дойти до такихъ степеней развитія, что мы будемъ принуждены измѣнить ея названіе и признать ее за чистое пророчество, какъ болѣе подходящее къ нашимъ пониманіямъ.

Одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ и высокихъ качествъ, отъ котораго зависитъ вся возможность установить свои понятія или сравненіе—это память. Она чрезвычайно несовершенна у человѣка, не говоря уже о томъ, что мы ничего не помнимъ о первыхъ годахъ нашей жизни, о періодѣ утробной жизни, о рожденіи и т. д. Память развивается только около перваго года нашей жизни, даже въ моментъ ея полнаго развитія, она подвергается тысячѣ случайностей какъ отъ болѣзней, такъ и отъ неправильнаго ея употребленія. Это качество находится въ насъ въ очень малой степени развитія. У Высшихъ же Духовъ она должна быть развита неимовѣрно.

Оставляя жизнь, Высшій Духъ долженъ немедленно получить новый запасъ знаній и впечатлѣній, благодаря новому зрѣлищу, открывающемуся передъ нимъ, и новымъ познаніямъ, являющимся ему отъ совершенства чувствъ. Онъ долженъ будетъ удержать въ памяти всю новую географію съ необыкновеннымъ количествомъ новыхъ мѣстъ, онъ долженъ будетъ знать и видѣть всѣ обращенія планетъ, всѣ народы, живущіе на нихъ, всѣ условія жизни во всѣхъ этихъ планетахъ и во всѣхъ ихъ странахъ. Онъ будетъ знать все, что заключается въ планетахъ и въ ихъ спутникахъ, когда онъ самъ ихъ посѣщаетъ. Совершенно такъ же, какъ ѣздимъ мы въ Америку, Азію, Австралію для своего развитія, такъ и Высшіе Духи будутъ на Марсѣ, на Венерѣ, и ихъ память должна будетъ удержать весь громадный запасъ ими почерпнутыхъ новыхъ свѣдѣній. Какое могущество можетъ дать уму такая память, которая можетъ всегда во время вызвать всѣ подробности всего видѣннаго, хотя бы за тысячу лѣтъ тому назадъ.

Языкъ— это только выраженіе нашихъ идей. Кондорсе сказалъ, что наука и образованность — въ прямомъ отношеніи къ языку. Языкъ Высшихъ Духовъ долженъ быть совершененъ, ибо понятія ихъ совершенны и обширны. Чѣмъ умъ выше, тѣмъ и языкъ его опредѣленнѣе, а слѣдовательно языкъ ихъ долженъ быть очень выразителенъ и кратокъ.

Алгебру можетъ читать одновременно и французъ, и нѣмецъ такъ же, какъ и китаецъ и австраліецъ, ибо знаки употребленія просты и опредѣленны. Языкъ математиковъ, который дѣйствительно совершененъ и можетъ войти во всеобщее

пониманіе, долженъ намъ дать нѣкоторое слабое понятіе о способѣ выраженія или передачи мыслей между обитателями междупланетнаго эфира, ибо онъ можетъ служить всѣмъ безъ различія народностей и нарѣчій.

Благодаря своимъ громаднымъ способностямъ и совершенству языка, Высшіе Духи обладаютъ невообразимой логикой, силой рѣчи и увѣренностью въ своихъ сужденіяхъ, что вмѣстѣ съ запасомъ знаній и фактовъ, дающихся памятью, дѣлаютъ ихъ соучастниками всемірной науки.

Вопросы, которые останавливаютъ безсильнаго человѣка, и которые сводятъ его съума, если онъ думаетъ осиливать ихъ, должны быть совершенно просты и доступны Высшимъ Духамъ.

Всѣ, кого человѣчество почитаетъ за геніальные умы: Гомера, Аристотеля, Гиппократа, Кеплера, Ньютона и другихъ,— всѣ были бы ничто въ сравненіи съ Высшими Духами. Нѣтъ въ природѣ науки, которая не была бы имъ понятна. Они постигли это великое „зачѣмъ“ природы: они знаютъ зачѣмъ живетъ человѣтъ и зачѣмъ они сами живутъ; они знаютъ откуда они идутъ и куда. Тамъ, гдѣ мы видимъ одинъ безпорядокъ, они видятъ гармонію, ибо имъ видна цѣль и они понимаютъ способы къ достиженію этой цѣли. То, что намъ, подъ-часъ, кажется несправедливымъ, дурнымъ и жестокимъ со стороны Провидѣнія,—они, понимая глубже, видятъ въ томъ одну только пользу, справедливость и тотъ глубокій смыслъ, который долженъ бы былъ вызвать у насъ однѣ горячія слезы благодарности. Имъ извѣстны Святыя предначертанія Божьи, судьбы народовъ и существъ; чѣмъ болѣе они познаютъ всю Премудрость Божью, тѣмъ болѣе они убѣждаются въ безконечныхъ Его качествахъ и утверждаются въ увѣренности своей, что никакому конечному существу никогда не дано будетъ постигнуть Безконечнаго; восторгъ ихъ при видѣ дѣлъ Божіихъ возрастаетъ по мѣрѣ ихъ познанія, и они, проникнутые высшимъ чувствомъ покорности и восторга, не могутъ вѣчно не преклоняться, не славословить, не восхвалять всю Премудрость дѣлъ Его, сознавая свое собственное ничтожество и безсиліе.

Время не должно существовать у Высшаго Духа; они одинаково, безъ нетерпѣнія и безъ всякихъ тревожныхъ ожиданій, наслаждаются настоящимъ счастьемъ, не заботясь о будущемъ и всегда пребывая неизмѣнно, спокойно и величественно предъ лицезрѣніемъ Бога и всего Его Творенія.

Все въ мірѣ прогрессируетъ, все стремится къ своему высшему назначенію, къ своему блаженству чрезъ борьбу, стрем-

ленія, старанія и труды. Всѣ достигнутъ рано или поздно, того, что уже удалось достигнуть другимъ; ибо эти другіе видятъ свое дальнѣйшее возвышеніе въ добрѣ и благѣ тѣхъ, которыхъ труды и старанія еще не увѣнчались такимъ блестящимъ успѣхомъ. Эта общая цѣль безконечной связи всего блаженнаго въ мірѣ прекрасно очерчивается швейцарскимъ натурфилософомъ Шарлемъ Бонне, въ его „Polingenesie philosophique Geneve. (стр. 427)". Онъ говоритъ: „Если Высшій Разумъ такъ разнообразитъ свое Твореніе, если Онъ не создалъ ничего тождественнаго въ природѣ; если такая прогрессивная гармонія царствуетъ между всѣми существами на землѣ, заключая въ одну непрерывную цѣпь все живущее, то какъ вѣроятно, что эта непрерывная цѣпь твореній не ограничивается одной нашей землей, а захватываетъ всѣ міры и всѣ планеты. Въ настоящее время изъ этой общей цѣпи твореній мы не можемъ уловить нѣсколькихъ звенъ; мы даже не знаемъ объ ихъ существованіи; но пробѣлы эти меньше той части общей цѣпи, которая намъ извѣстна.

„Когда намъ будетъ доступна эта цѣпь такъ же, какъ и Высшему Разуму, для котораго именно и созданъ міръ, когда мы будемъ въ состояніи видѣть продолженіе этой цѣпи въ мірѣ невидимомъ,—тогда только мы узнаемъ всю зависимость, отношенія и ближайшую причину между каждымъ звеномъ ея, и сами мы, повышаясь въ нашемъ совершенствѣ, дойдемъ до самыхъ поразительныхъ истинъ.

„Какими чувствами будетъ тогда переполнена наша душа, когда мы, основательно изучивъ экономическое значеніе одного свѣта, перелетимъ на другой, и будемъ въ состояніи сравнить оба, хотя бы въ томъ же экономическомъ отношеніи! Какое будетъ тогда совершенство нашихъ рѣчей и выраженій; какое обобщеніе и плодородность нашихъ пониманій; какая связь, обиліе и правильность нашихъ выводовъ и заключеній; какой новый свѣтъ познаній проявится на сколько новыхъ отраслей всемірной науки, и на наши: физику, геометрію, астрономію, философскія науки и въ особенности на Божественную нашу науку.

„Всѣ правды между собой связаны и, несмотря на ихъ видимую отдѣльность, присоединены къ общимъ узламъ, которые отъ насъ скрыты; сущность и заключается въ пониманіи и въ улавливаніи этихъ узловъ. Ньютонъ самъ собою восхищался, отыскавъ связь между паденіемъ яблока и движеніемъ планетъ; перерожденный теперь, онъ, навѣрное, смѣясь, смотритъ на эту дѣтскую забаву, ибо прежнія его, будто бы,

большія знанія геометріи кажутся ему теперь первыми шагами въ другой безконечной наукѣ.

„Но умъ человѣческій идетъ дальше — за область пониманія планетъ, — онъ стремится къ небу, въ Божественную обитель. Умъ человѣческій, возвышаясь, любуется Престоломъ Всевышняго и видитъ, какъ міры двигаются у Его ногъ и послушны мановенію руки Его; умъ человѣческій слышитъ восхищеніе и славословіе Высшаго Разума, окружающаго Престолъ Его и присоединяется къ поклоненію и восхваленію Его въ величественномъ и грандіозномъ хорѣ существъ этой іерархіи; онъ взываетъ, глубоко чувствуя все свое ничтожество: Святъ, Святъ, Святъ, Господь Богъ Саваоѳъ! и проситъ милосердія для людей. О, обиліе неисчерпаемой доброты! которая высказалась такимъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ и самыхъ благотворныхъ проявленій; она еще доведетъ насъ до блаженныхъ обителей и до блаженства. Обителей много въ домѣ Отца Нашего, это такъ, въ этомъ мы не сомнѣваемся, ибо это было намъ сказано Сыномъ Его; Онъ намъ сказалъ, что идетъ приготовить намъ мѣсто... что придетъ за нами и возьметъ насъ туда... гдѣ Онъ Самъ; не въ преддверье рая, не въ небеса, не въ святилище и не въ храмъ всемірныхъ существъ, но въ Святую Святыхъ, туда, гдѣ Онъ Самъ будетъ; гдѣ обитаетъ Царь Ангеловъ и человѣка, — Посредникъ новаго единенія, Причина всѣхъ вѣръ, Тотъ, Кто стяжалъ намъ смертію путь къ новой жизни... Только въ этомъ жилищѣ вѣчномъ, въ царствѣ міра, свѣта, совершенства и блаженства, мы прочтемъ общую міровую исторію и частную исторію Самого Провидѣнія, какъ причастники Его управленія мірами, Его закона и Его предназначенія; мы увидимъ и съ восторгомъ и съ полнымъ благоговѣніемъ поймемъ, секретную пока для насъ, причину столькихъ частныхъ и общихъ событій, которыя теперь насъ такъ удивляютъ, путаютъ и заставляютъ сомнѣваться, на которыя ни наука, ни философія никакого отвѣта дать не можетъ, и отчасти лишь помогаетъ одна вѣра.

„Мы будемъ думать и размышлять надъ большой книгой судьбы міровъ. Мы будемъ останавливаться на той страницѣ ея, которая говоритъ объ одной изъ самыхъ малыхъ планетъ мірозданія, но для насъ самой дорогой, которая служила колыбелью нашего дѣтства и первымъ доказательствомъ безграничной любви Создателя и Его отеческихъ попеченій о человѣкѣ. Мы съ величайшимъ удивленіемъ откроемъ въ ней исторію разныхъ переворотовъ земли, происшедшихъ съ ней до того времени, какъ она пріобрѣла настоящій свой видъ,—и будемъ глазомъ

слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что будетъ съ ней происходить въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ. Предѣломъ нашей благодарности и благоговѣнія будутъ тайны нашего искупленія, которыя заключаютъ еще много чудесъ выше ограниченнаго пониманія не только насъ, но и пророковъ нашихъ. Одно слово этой страницы откроетъ намъ исторію всего человѣчества и разовьетъ взглядъ великаго значенія: „зачѣмъ“ и „почему“, всѣхъ бѣдствій, испытаній, мукъ, лишеній, посылаемыхъ терпѣливому праведнику для очищенія души, — лишеній, возвышающихъ добродѣтель, потрясающихъ и раздирающихъ слабыхъ.

„Достигнувъ такого высокаго пониманія, мы не будемъ затрудняться происхожденіемъ добра и зла, мы увидимъ какъ ихъ источникъ, такъ и самыя отдаленныя слѣдствія ихъ, и мы будемъ вполнѣ сознавать, что все, что сотворилъ Богъ — безупречно.

„Теперь мы видимъ одни слѣдствія, и видимъ ихъ съ одной поверхностной стороны; всѣ причины скрыты отъ насъ. Потомъ мы увидимъ дѣйствія въ ихъ причинѣ, слѣдствія въ ихъ зачаткѣ, исторію существа въ его рассѣ, исторію рассы въ исторіи планеты, исторію планеты — въ исторіи всего міра и т. д.

„И какъ эта высшая наука самая обширная, самая важная изъ всѣхъ, или, скорѣе сказать, единственная всемірная наука будетъ совершенна, полна, отъ близкаго отношенія съ Вѣчнымъ Источникомъ Идеальнаго Совершенства“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.
